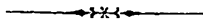

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

0

РЕГАЛІЯХЪ И ЗНАКАХЪ ОТЛИЧІЯ

РУССКОЙ АРМІИ

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЙ и ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЫ

По порученію Главнаго Интенданта

СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Полковникъ Николаевъ.

.....
Печатано по распоряженію Главнаго Интенданта
.....

Личный состав каждой войсковой части, в минуту необходимости, должен всецело отказаться от чувства „самосохранения“ и во имя „долга и принятой присяги“ жертвовать собою. Но, кроме этих начал, важным импульсом для каждого военно-служащего является еще привязанность к своей части и, это главное,—забота о сохранении ее боевой чести.

Приобретается же боевая честь во время военных операций: тут отдельные эпизоды кровавых столкновений, мало-помалу, получают в действиях своего личного состава один и тот-же отклик, а при удачном стечении обстоятельств получается то, что даже недавно сформированная часть быстро вырабатывает в себя боевую честь и приобретает свои традиции.

Последняя сохраняется, при чем войсковая часть им руководится, как каждый народ своим обычным правом

Но как обыкновенное право требует времени для своей выработки, так и каждая войсковая часть для приобретения своих боевых традиций нуждается в известном периоде военных действий.

Конечно прежде, при частых войнах, войсковая часть после своего формирования получила почти сейчас же свое „боевое крещение“; военные действия прекращались лишь на незначительные промежутки времени; наступал же продолжительный период мира лишь тогда, когда в части имелась

уже своя военная исторія и окончательно сложились, указанные выше, боевыя традиціи.

Начало образования нашей регулярной арміи является тому нагляднымъ доказательствомъ. Полки, сформированные волею Петра въ 1700 году, въ теченіе всего остальнаго періода царствованія этого Великаго Преобразователя Россіи находились въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ, впервые вырабатывая въ себя начала той нравственно сильной арміи, которая затѣмъ подъ Кунерсдорфомъ обращаетъ въ бѣгство Фридриха Великаго, подъ Кагуломъ и Рыльникомъ наноситъ первые удары турецкому могуществу въ Европѣ, подъ Требвией и Нови даетъ отпоръ революціи, подъ Бородинымъ и Тарутиннымъ колеблетъ славу Наполеона, а подъ Лейпцигомъ и Вульмомъ одерживаетъ победы надъ этимъ величайшимъ полководцемъ новаго міра, въ горахъ Кавказа и равнинахъ средней Азіи преодолеваетъ силу природы и, наконецъ, двадцать лѣтъ тому назадъ подступаетъ, подобно дружинѣ Олега, къ стѣнамъ Царьграда.

Но и въ послѣдующія царствованія, даже въ концѣ минушаго столѣтія, каждая вновь сформированная часть почти непосредственно и на продолжительное время вступила въ составъ боевыхъ арміи и дѣйствовала на театрѣ войны. Вотъ тому доказательства:

11 грен. Фанагорійскій полкъ сформированъ въ 1790 году; первое дѣло черезъ семь мѣсяцевъ—штурмъ Измаила (11 декабря), затѣмъ—участіе въ дѣлѣ при Дубенкѣ (въ 1792 году), при взятіи Праги (въ 1794 году), въ бою при Аустерлицѣ (въ 1805 году), въ Турецкой войнѣ 1810 года, въ бою подъ Бородинымъ, въ кампаніяхъ 1813 и 1814 г. г. и, наконецъ, въ сраженіи подъ Остроленкой (въ 1831 году). Только послѣ этого цѣлаго ряда боевыхъ дѣлъ, начавшихся, такъ сказать, съ первой минуты существованія полка, наступилъ продолжительный періодъ мира.

8 грен. Московскій полкъ также сформированъ въ 1790 году, первая дѣла въ 1794 году (битва съ поляками близъ м. Свѣцьяны и штурмъ Вильны), затѣмъ—участіе въ знаменитомъ Итальянскомъ походѣ Суворова (дѣло у г. Лекко, на р. Тидоне,

при р. р. Требги и Нурь, при взятии Тортоны и др.); в Наполеоновских кампаниях 1805 и 1807 гг., в Турецкой войне 1810 года, в Отечественной войне, в кампаниях 1813—1814 гг. и в подавлении польского восстания 1830 года. Лишь после всех этих походов наступил для полка продолжительный период мирной жизни.

Павловский гренадерский полк (ныне лейб-гвардии) был сформирован в 1796 году; первое дело—11 декабря 1806 года (ночной бой при Черновь, когда 7 бат. удерживали в течение полусуток 40 тысячную французскую армию), второе—14 декабря того же года (полк смелым ударом в тык вырвал передовые войска), потом—27 января 1807 года (отбитие нескольких атак при Прейсиш-Эйлау). Участие полка было в атаке неприятельских линий при Линденау (24 мая 1807 года), в прикрытии отступления армии при Фридланде (в том же году), в Отечественной войне, в кампаниях 1813 и 1814 гг., в Турецкой кампании 1828 года, в усмирении польского восстания 1830 года и только после всего этого наступил тридцатилетний период „казарменной“ жизни (до мятежа 1863 года).

Приведенные примеры сами по себе довольно рельефны. Истории же некоторых кавказских частей являются собою еще больше наглядные доказательства, какою црною „боевых столкновений“ полки приобрели славу и выработывали свои традиции. Стоит лишь вспомнить службу на Кавказе полков Нижегородского, Эриванского, Ашшеронского, Кабардинского и других.

Наглядным результатом боевых дел каждой строевой части, кроме наград, получаемых ея личным составом, постепенно зреть и исчезающим,—являются регалии и знаки отличий.

Они остаются постоянною принадлежностью части и последующия поколения ея личного состава в них должны видеть то црное, заработанное на полях кровавых столкновений, наследие, которым они должны дорожить, а своими делами, если это потребуетя, обязаны еще больше под-

крупить честь той части, къ составу которой они принадлежатъ.

Однако, взгляды на эти регалии и знаки отличій, какъ на дорогое и неотъемлемое достояніе части, установился не сразу. Оно и понятно. При прежнемъ продолжительномъ, почти пожизненномъ, срокъ службы и при частыхъ войнахъ, самъ личный составъ являлся живымъ доказательствомъ того, что было сделано частью въ области своей боевой исторіи.

Каждый вновь поступающій самъ непосредственно входилъ въ соприкосновеніе со старыми и заслуженными ветеранами и подъ влияніемъ послѣднихъ быстро усваивалъ то, что воодушевляло его старыхъ товарищей.

Часть войны приводили къ тому, что одинъ подвигъ славы смѣнялся другимъ, зачастую еще больше выдающимся. Очевидно, что при такомъ условіи „знакъ отличія“, полученный частью за предшествующій подвигъ, въ глазахъ современниковъ не могъ приобрести особаго значенія. Такой же взглядъ усваивало иногда и высшее строевое начальство. Такъ, напримѣръ, генералъ Ермоловъ, въ 1819 году, будучи на Кавказѣ, не затруднился перетасовать наименованія полковъ, имѣвшихъ уже свои боевыя исторіи, лишивъ, благодаря этому, некоторыхъ изъ нихъ заслуженныхъ георгіевскихъ знаменъ, а именно: Кабардинскій полкъ, состоявшій въ 20 пѣх. дивизіи, получилъ наименованіе Ширванскаго, а Казанскій полкъ, долженствовавшій войти въ составъ 19 пѣх. дивизіи, былъ названъ Кабардинскимъ; поэтому „настоящему“ Ширванскому полку было присвоено оставшееся вакантнымъ названіе Казанскаго полка. Въ виду этого упомянутый Ширванскій полкъ (переименованный въ Казанскій) лишился не задолго до того полученнаго георгіевскаго знаменъ за Краонъ и Лаонъ, передавъ ихъ старому Кабардинскому полку (названному Ширванскимъ), получивъ взаменъ простыя знамена этого послѣдняго полка *).

*) Указанными перемѣнами въ названіи полковъ, надо замѣтить, генералъ Ермоловъ нарушилъ отданное въ то время начальникомъ главнаго штаба Е. И. В. предписаніе, въ которомъ говорилось: „воспрещается переименовывать полки, такъ какъ никакой надобности въ этомъ нѣтъ“. „Истор. 64 пѣх. Казанск. пол.“, стр. 272.

дилось такимъ образомъ вторично заслуживать георгіевскія знамена, которыя и были полкомъ получены лишь черезъ 35 лѣтъ за подвиги мужества и храбрости подъ Севастополемъ.

Иногда зато при бывшихъ реорганизаціяхъ упускались изъ вида вполне заслуженная передача отличій изъ одной части въ другую. *). Бывали также случаи, что пожалованное отличіе „забывалось“ и вновь возстановлялось уже лишь по особому ходатайству **).

Не было также твердо установленныхъ понятій, что именно надлежитъ въ каждой части считать войсковыми регалиями и знаками отличій. Къ послѣднимъ иногда, напримѣръ, не относились жалуемая серебряныя трубы и бывали случаи, что онѣ обращались въ сплавъ для изготовленія затѣмъ церковныхъ сосудовъ.

Даже знамена не всегда считались неотъемлемымъ достояніемъ той части, которой онѣ принадлежали. Поэтому, напримѣръ, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, сформированный въ 1812 году, но получившій свое знамя лишь въ 1824 году, до послѣдняго года, при заступленіи въ караулъ на главную мушкетарскую Зимняго Дворца, каждый разъ заимствовался „свободнымъ“ знаменемъ, принадлежащимъ одному изъ полковъ гвардейской пѣхоты ***).

Конечно, съ теченіемъ времени сталъ постепенно выработываться болѣе правильный взглядъ на войсковыя регалии и знаки отличій.

Но важное значеніе ихъ для каждой войсковой части было окончательно установлено лишь за послѣднее время, когда при

*) Такъ, въ 19 день Іюля 1897 года состоялось Высочайшее соизволеніе: присвоить 131 пѣх. Тираспольскому полку „походъ за военныя отличія“, пожалованный въ 1830 году бывшему Пермскому полку.

**) Въ 1827 году Владимірскому уланскому (нынѣ 38 драгунскій) полку „за его 35-лѣтнюю боевую службу“ на Сѣверномъ Кавказѣ, были пожалованы петлицы „по образцу л.-гв. Уланскаго полка“, но только серебряныя. Въ послѣдующихъ приказахъ о перемѣнѣ формъ обмундированія это пожалованіе обходилось молчаніемъ, а въ приказѣ по воен. вѣд. 1897 года № 47 было уже окончательно пропущено. Поэтому для возстановленія въ полку разсматриваемаго отличія потребовалось испросить особое Высочайшее соизволеніе, которое затѣмъ и было объявлено въ приказѣ по воен. вѣд. 1897 г. № 154.

***) „Ист. Л.-гв. Сапер. бат.“, Волькенштейнъ, стр. 12.

продолжительномъ промежуткѣ мира и краткосрочности пребыванія въ рядахъ арміи, войсковыя регалии и знаки отличій явились единственными памятниками пережитой боевой эпохи, выработавшей традиціи части.

Нынѣ одной изъ главныхъ заботъ высшаго строеваго начальства и является сохраненіе этихъ традицій, и среди мѣръ, предпринимаемыхъ для этого, справедливо отводится первое мѣсто увеличенію значенія, въ глазахъ строевыхъ чиновъ арміи, пожалованнымъ регалиямъ и знакамъ отличій.

Уже одно это въ настоящее время дѣлаетъ важнымъ знакомство съ историческимъ развитіемъ этихъ пожалованій, начиная съ первыхъ дней образованія государства.

Наличность такого „Историческаго очерка“ имѣетъ значеніе и потому, что онъ даетъ матеріалъ изъ прошлаго нашихъ вооруженныхъ силъ для выработки новыхъ знаковъ отличій, такъ какъ уже въ настоящее время въ составъ арміи имѣются части, обладающія всеми родами знаковъ отличій, установленныхъ для поощренія подвиговъ мужества и храбрости *).

Въ заключеніе остается еще упомянуть, что это изданіе въ цѣломъ своемъ объемѣ, будетъ весьма полезнымъ пособіемъ и для составителей войсковыхъ исторій.

*) Такими частями къ началу послѣдней Турецкой кампаніи были драгунскіе полки Нижегородскій и Сѣверскій, которымъ, поѣтому, за отличія въ теченіе упомянутой кампаніи были пожалованы, до того не установленныя, широкія георгіевскія ленты, при чемъ Императоръ Александръ II, 26 ноября 1878 года, на обѣдѣ георгіевскихъ кавалеровъ относительно упомянутыхъ лентъ сказалъ присутствовавшимъ офицерамъ-нижегородцамъ: „сегодня подписалъ грамоту полку на награду, какой еще не бывало въ Россіи“. „Ист. 44 др. Нижегород. пол.“. Потто, томъ VIII, стр. 19.

Г Л А В А I.

Знамена. — Почитаніе ихъ славянами въ языческій періодъ. — Стяги, ихъ происхожденіе и постепенное развитіе. — Появленіе на стягахъ знаменія креста. — Значеніе стяговъ и ихъ числительность. — Великокняжескіе стяги. — Стягъ Димитрія Донскаго. — На стягахъ священныя изображенія и гербы.

СЕРВОЮ по времени войсковою регалиею является знамя.

Происхожденіе знамени и связаннаго съ нимъ понятія теряется въ глубокой древности, такъ какъ знамена всегда были и есть у всѣхъ народовъ, не исключая даже и такихъ, которые находятся еще на самой низкой степени своего политическаго и гражданскаго развитія.

Древніе славяне, еще въ періодъ своего язычества, имѣли къ знаменамъ большое уваженіе, а въ военное время считали ихъ даже выше своихъ идоловъ. По окончаніи походовъ знамена, для храненія, вносились въ главные храмы, гдѣ имъ воздавались божескія почести. Такъ, знамя балтійскихъ вендовъ обыкновенно находилось въ Святовидовомъ храмѣ и считалось „сильною богинею,“ дающею право своимъ воинамъ не только на-

рушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ *). Это знамя было сожжено датскимъ королемъ Вольдемаромъ, взявшимъ городъ Аркону, въ которомъ оно сохранялось.

Храмъ въ Ретрѣ, между прочимъ, славился изображеніемъ боговъ и богинь, вырѣзанныхъ на внѣшнихъ его стѣнахъ; внутри стояли кумиры въ шеломахъ и латахъ. Сдѣлано это было, видимо, въ виду того, что въ указанномъ храмѣ обыкновенно хранились знамена **). Случаи почитанія знаменъ наравнѣ съ идолами у древнихъ славянъ не были единичны. Такъ, еще въ Дитмаровой лѣтописи упоминается о двухъ славянскихъ знаменахъ, которыя считались богинями. Хитрость полководцевъ, безъ сомнѣнія, какъ говоритъ Карамзинъ, „ввела эту вѣру, чтобы воспламенить духъ храбрости въ воинахъ или обуздывать ихъ неповиновеніе святостью знаменъ своихъ“.

Въ языческой Руси знамена назывались стягами ***). Первоначально они состояли изъ длинныхъ шестовъ, на верхушкахъ которыхъ укрѣплялись пучки травы, вѣтви, конскіе хвосты и тому подобные предметы, названные въ лѣтописи Нестора „чолки стяговой“. „И бысть сѣча зла, и потяша стяговника и чолку стяговую соторгоша со стяги“ ****). Со временемъ на стягахъ стали укрѣпляться большіе куски различныхъ тканей яркаго цвѣта, при чемъ этимъ кускамъ обыкновенно придавался видъ клина, а на верхній конецъ стяга (древка) сталъ прикрѣпляться металлическій „острожникъ“. Затѣмъ размѣръ полотнищъ сталъ увеличиваться до огромной величины, а вмѣстѣ съ тѣмъ появились на нихъ изображенія боговъ

*) „Ист. Гос. Рос.“ Карамзинъ, т. 1, стр. 93.

***) Въ числѣ ретрскихъ памятниковъ было найдено слѣдующее священное изображеніе: мѣдный драконъ, украшенный женскими головами и вооруженными руками.

****) Слово „стягъ“ означаетъ шесть, жердь, древко. По „Акад. Слов.“—рычагъ.

*****) Стр. 243.

НАМЪ ВЪДРЪСТЪ РЪ

Образцы стяговъ въ первые вѣка принятія христіанства.

и чудовищъ. О размѣрахъ тогдашнихъ стяговъ можно судить по слѣдующимъ словамъ: „И стязи ревутъ наволоченіе, простирающесе яко облацы“ *).

Стяги являлись сборнымъ мѣстомъ для войскъ; вокругъ ихъ обыкновенно и сражались древніе русскіе воины **). Поэтому выраженія у лѣтописцевъ „поставить стягъ“, „наволочить стягъ“, — означаютъ приготовленіе дружинъ къ бою ***), такъ какъ во время похода стяги обыкновенно возились въ обозѣ вмѣстѣ съ оружіемъ и доспѣхами.

Постановка стяговъ требовала довольно много времени. Поэтому въ виду непріятели и особенно при внезапности нападенія поставить ихъ было довольно затруднительно, а иногда совершенно невозможно. Поэтому выраженія лѣтописца „не возмогоша стяги поставити“ и „не поставиша стяги“ показываютъ, что застигнутое въ расплохъ войско не успѣло устроиться и не могло вступить въ бой ****). При осадѣ Луцка, въ 1149 году, братья Андрея Боголюбскаго „стягъ его видяхуть не възволоченъ, не величаву бо ему сущу на ратный чинъ“ *****).

Пробиться же въ бою къ непріятельскому стягу считалось выдающимся подвигомъ, а „подрубить стягъ“ у противника и вмѣсто его выставить свой, — обыкновенно

*) „Повѣс. и сказ. о побонщѣ на Куликовомъ полѣ“, стр. 28.

**) „Изяславъ (Мстиславичъ) постави стяги Галичскія и поидоша Галичане подъ свои стяги“ („Лѣтоп. по Лаврент. списку“, стр. 322).

***) Въ русской лѣтописи (по Воскресенскому списку), стр. 172, говорится: „слышавше Святославъ о же Болгары собравшесе ждуть его на Исадахъ, повелѣть воемъ своимъ оболочитесе во броня и стяги наволочити“. Въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку (стр. 231) говорится: „Завдъ Кунуй пѣшьць (1096 г.) напя стягъ Володимерь“. Тамъ же (стр. 357): „Выступи полкъ (Суздальскій) изъ загорья, вси во броняхъ яко во всякомъ леду, и подъяша стягъ“.

*****) „Лѣтоп. Нест.“, на стр. 173, упоминаетъ: Князья русскіе скрытно подошли къ стану половцевъ и „кликнуша на нихъ, Половцы же ужасошася и не возмогоша ни стяги поставити, но побѣгоша“. „Брянцы же выдаша князя Святослава Глѣбовича Брянскаго (1310 г.), крамольницы суще, и стяги пометаша, и сами побѣгоша“. („Древн. Лѣтописца“, ч. I, стр. 90).

*****) „Лѣтоп. по Лавр. списку“, стр. 307.

уже означало рѣшительную побѣду *). Это происходило отъ того, что стяги обыкновенно ставили въ срединѣ расположенія войскъ и ими слѣдовательно занимался ключъ позиціи. Кривавыя сѣчи поэтому всегда происходили подъ стягами тѣмъ болѣе, что охрана стяга являлась обязанностью княжеской дружины—лучшаго отборнаго войска. Надо еще замѣтить, что въ „стяговники“ (знаменщики) преимущественно выбирались богатыри. Значеніе стяга было настолько велико, что древніе лѣтописцы нерѣдко подъ именемъ стяга подразумѣвали часть рати. Съ другой стороны, лѣтописцы, описывая бой, постоянно слѣдятъ за стягомъ, при чемъ положеніемъ его опредѣляется ходъ сраженія; бывало, что даже отмѣчалась потеря части стяга и смерть стяговника.

Съ принятіемъ христіанства въ Руси стяги сохранили свое прежнее значеніе и безъ нихъ княжескія дружины не отправлялись въ походы и не вступали въ бой. Такъ, напримѣръ, о Новгородѣ-Сѣверскомъ князѣ Игорѣ Святославичѣ, ходившемъ въ 1185 году противъ половцевъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ сказано **): „се вѣтри... вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя пѣлки Игоревы! Земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ; по росѣ поля прикрываютъ, стяги глаголютъ“.

Въ томъ же „Словѣ“ о составныхъ частяхъ стяговъ

*) „Билися день, билися другой, третьяго же къ полуднію падоша стязи Игоревы“. („Слово о полку Игоревѣ“, стр. 49). „Татарове же начаша одолѣвати, и великій стягъ великаго князя подѣшоша и наперстника его любимаго Михаила Андреевича Бренка убиша“ („Древняго лѣтописца“, ч. II, изд. 1775 г., стр. 45).

Имѣется въ „Лѣтописи по Лаврентьевскому списку“ подъ 1093 годомъ (стр. 212) слѣдующая записка о стягахъ: „Святополкъ же и Володимерь и Ростиславъ, исполчнвши дружину, поидоша; а идяще на десной сторонѣ Святополкъ, на шюе Володимерь, посредѣ же бе Ростиславъ; минуше Треполь, проидоша валъ. И се Половцы идяху противу, и стрѣлци предъ ними; нашимъ же ставшимъ межъ валами, поставиши стяги свои, и поидоша стрѣлци изъ валу; и Половцы пришедше къ валови поставиша стяги свои и налегоса первое на Святополка и взлоша полкъ его“.

**) Стр. 45.

говорится слѣдующее: „чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе *).

Древняя Русь, принявъ христіанство отъ грековъ, усвоила и ихъ образцы знаменъ, на которыхъ со времени Костантина Великаго изображалось всегда знаменіе Креста Господня. Поэтому и русскія знамена стали состоять изъ длиннаго древка, собственно стяга, къ которому прикрѣплялось полотно съ нашитымъ на немъ изображеніемъ упомянутаго знаменія Креста Господня. Острожекъ же, имѣвшій до того самую разнообразную форму, также былъ замѣненъ крестомъ, подъ который, однако, по старому обычаю, продолжали подвязывать „чолку“, окрашенную въ яркія цвѣта. Вскорѣ полотнища стали дѣлать съ двумя и даже съ тремя концами, названными откосами, клинцами и яловцами.

Конечно, стяги эпохи принятія христіанства не дошли до насъ, но въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ сохранились ихъ рисунки. Такъ, въ сочиненіи „Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ въ 967—971 гг.“ **) имѣются два рисунка со стягами: на обоихъ они изображены клиномъ, краснаго цвѣта; наверхъе неправильное и напоминаетъ собою копье съ перекладиной. На рѣзной деревянной иконѣ со святыми Борисомъ и Глѣбомъ стягъ показанъ клиномъ, на него нанесенъ восьмиконечный крестъ, при чемъ основаніе послѣдняго обращено къ древку ***).

Въ разсматриваемую эпоху, какъ можно предположить, каждая отдѣльная дружина имѣла одно большое (главное) знамя и нѣсколько меньшихъ. Подтверждается это извѣстіемъ, что въ Липецкомъ сраженіи 1216 года у

*) „Руск. Достопр.“ ч. III, стр. 52.

**) Рукопись хранится въ Ватиканской бібліотекѣ, относится къ XIV вѣку. Отпечатана была въ Москвѣ (1843 г.) Чертковымъ.

***). Икона относится къ XVI вѣку (прил. 57 къ допол. III-го отдѣл. „Древн. Рос. Госуд.“), но достовѣрно можно признать, что она является повтореніемъ иконы, гораздо ранѣе вырѣзанной.

князя Георгія Суздальскаго было, на примѣръ, 17 стяговъ, а у Ярослава съ его новгородцами—13 *).

Начиная съ XIII столѣтія величина стяговъ уменьшается, что даетъ возможность не только мѣнять ихъ положеніе соотвѣтственно движенію полковъ, но и возить во время брани за князьями и воеводами (1); при этомъ можно было уже узнать, даже издали, какому князю или полку принадлежитъ стягъ. Надо замѣтить, что въ указанное время подъ стягомъ отправлялась церковная служба и заключались договоры.

Великокняжескіе стяги впервые упоминаются въ XIV столѣтіи, а именно: въ повѣствованіи Русской лѣтописи (по Никонову списку) о Куликовской битвѣ говорится **), что „татарове же начаша одолѣвати и великій стягъ Великаго Князя подсѣкоша“. Также въ Уставной грамотѣ Великаго Князя Василя Дмитріевича и митрополита Кипріана***), между прочимъ, упоминается: „А про войну, коли азъ самъ Князь великій сяду на конь, тогда и Митрополчимъ Бояромъ и слугомъ, а подъ Митрополчимъ Воеводою, а подъ стягомъ моимъ Великаго Князя“.

Въ упомянутой выше битвѣ на Куликовомъ полѣ (въ 1380 году) стягъ великаго князя Дмитрія Іоанновича былъ чернаго цвѣта съ ликомъ Спасителя: „Князь же Великій сшедъ съ коня доловъ и падъ на колѣни прямо великому полку черному знамени, на немъ же бѣ образъ Владыки І. Христа“ ****).

*) „Быше бо у князя Юрія стяговъ 17, а трубъ 40, толико же и бубновъ, а у Ярослава стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60“. „Ист. Гос. Рос.“ Карамзинъ, т. III, прим. 164.

**) Стр. 114.

***) „Акты Археогр. Комис., т. I.

****) „Ист. Гос. Рос.“ Карамзинъ, т. V, прим. 76.

Савваитовъ въ книгѣ „Описаніе старин. русск. утвари, одеждъ“, на стр. 134, утверждаетъ, что знамя Дмитрія Донскаго было „червленое“, переведя на этотъ цвѣтъ слово „чермное“, помѣщенное въ „Синописи“ Кіевск. изд. 1823 года): „утвердивши полки; прииде подъ свое чермное знамя и ссѣдъ съ коня, совлече съ себе приволоку царскую и въ оную

Въ книгѣ „Московская оружейная палата“, составленной А. Вельтманомъ (изд. 1844 г.), имѣется указаніе, впрочемъ едва ли справедливое, еще на знамя, бывшее на Куликовомъ полѣ, которому дано слѣдующее описаніе *): „Вѣтхо, на желтой тафтѣ; по обѣ стороны золотомъ и красками изображены: образъ Нерукотвореннаго Спаса, а передъ нимъ Св. Георгій, Св. Михаилъ и Св. Сергій“.

Великокняжескіе стяги находились подъ охраной особыхъ „дворянъ“ изъ состава дружины, какъ это было установлено и въ первые годы образованія Руси **), при чемъ знаменщику, вмѣсто стариннаго наименованія „стяговника“, стало иногда присваиваться званіе „рындаля“ ***).

Позже въ XV и XVI столѣтіяхъ говорится о великокняжескихъ знаменахъ съ изображеніями Иисуса Навина, останавливающаго солнце, и св. Георгія Побѣдоносца, герба Московскаго великаго княжества. Сдѣланное указаніе, между прочимъ, подтверждается книгой ****) Павла Ювія Новакомскаго о посольствѣ, отправленномъ Василиемъ Иоанновичемъ, Великимъ Княземъ Московскимъ, къ папѣ Клименту VII, гдѣ говорится: „На знамени царскаго полка изображенъ Иисусъ Навинъ, испросившій у Бога, какъ повѣтствуетъ святое писаніе, власть продлить день и остановить теченіе солнца“ (2). Относительно же изображенія на стягахъ Св. Георгія Побѣдоносца говоритъ Флетчеръ: „Their Ensign is the image of S. George“.

Со времени же женитьбы Великаго Князя Іоанна III Васильевича на Зоѣ (Софій) Палеологъ, послѣдней пред-

облечеса, и на иного коня всяде“ и „Князь же Владиміръ ста подъ чернымъ знаменіемъ, и не обрѣте въ полку брата своего, великаго Димитрія“ (стр. 122). Но въ изданіи 1775 года „Древняго лѣтописца“, часть вторая, (стр. 41) напечатано прямо „знамя черное“: „Утвердивъ же ихъ Князь Великій, и приде подъ свое знамя черное, и съѣде съ коня своего“ и „То свое великое знамя черное повелѣ Рындѣ своему надъ Михаиломъ Андреевичемъ Бренко возити“.

*) Стр. 75

**) „Ист. Гос. Рос.“, т. I, стр. 325.

***) „Синописисъ“, Кіев. 2-ое изд., стр. 115. Въ изданіи же 1775 г. „Древняго лѣтописца“, часть вторая (стр. 41), прямо сказано „Рында“.

****) „Библіотека иностран. писат. о Россіи“, изд. 1836 г., стр. 53.

ставительницѣ рода византійскаго императора Константина XII, на знаменахъ сталъ встрѣчаться и двуглавый орелъ, который изображался съ опущенными распластанными крыльями и съ короной на каждой головѣ *). При Иоаннѣ IV Грозномъ указанное изображеніе орла было измѣнено въ такомъ смыслѣ, что на груди его сталъ изображаться и гербъ Московскаго великаго княжества.

1.

*) Изъ сохранившихся историческихъ документовъ, такое изображеніе герба впервые встрѣчается на печати къ мѣнковой грамотѣ Великаго Князя Иоанна III съ племянниками его князьями Волоцкими; грамота помѣчена „на Москвѣ лѣта семь тысячъ пятого“, т. е. 1497 годомъ.

Относительно перевода исчисления отъ сотворенія міра на нынѣ принятое надлежитъ руководствоваться слѣдующимъ: изъ первой цифры вычестъ 5508, если годъ обозначенъ до 1 Сентября, если же—послѣ этого числа, то надо вычестъ 5509.

Г Л А В А II.

Замѣна слова «стягъ» словомъ «знамя». — Знамена Іоанна Грознаго 1552 и 1560 годовъ; ихъ описаніе. — Порядокъ изготовленія знаменъ. — Знамена періода царствованія Бориса Годунова и Василя Шуйскаго. — Знамя князя Пожарскаго.

ВЪ КОНЦѢ XV^о или, правильнѣе, въ началѣ XVI столѣтія древне-русское слово „стягъ“ было почти окончательно вытѣснено словомъ „знамя“, впервые упомянутымъ въ концѣ XIV столѣтія въ „Повѣданіи и сказаніи о побоищѣ на Куликовомъ полѣ“ (1). Однако, надо замѣтить, слово „знамя“ долгое время обозначало и вообще каждое изображеніе. Такъ, въ лѣтописи Софійскаго Временника подъ 1536 годомъ значится: „При Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ бысть знамя на деньгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ, а Князь Великій Иванъ учини знамя на деньгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ и оттоль прозваша деньги копейныя“ *). Впрочемъ, то же значеніе разсматриваемому слову придавалось

*) Иногда слово „знамя“ соответствовало и понятію „доказательство“. Поэтому потомки Едигея, послѣ взятія Казани удалившись къ ногаямъ, обыкновенно писали „бѣлому князю Московскому“: „я твой казакъ и твоихъ воротъ человекъ; братству моему знамя то: захотятъ младшіе мои братья и дѣти въ вашу сторону войною идти, то я, если смогу ихъ унять, уйму; если же не

и раньше: „И во всемъ твоёмъ княженіи на твоихъ деньгахъ Литовскихъ моему Орденскому знамени быти“, что относится къ отвѣту Едигея въ 1399 году Витовту на р. Ворсклѣ (2).

Съ образованіемъ въ 1550 году стрѣлецкихъ полковъ изготовленіе знаменъ увеличилось, при чемъ они вышивались золотомъ, серебромъ и шелками, священныя же изображенія наносились красками иконымъ письмомъ. Въ каждомъ стрѣлцкомъ полку было одно большое Царское знамя и для каждой сотни по одному меньшему.

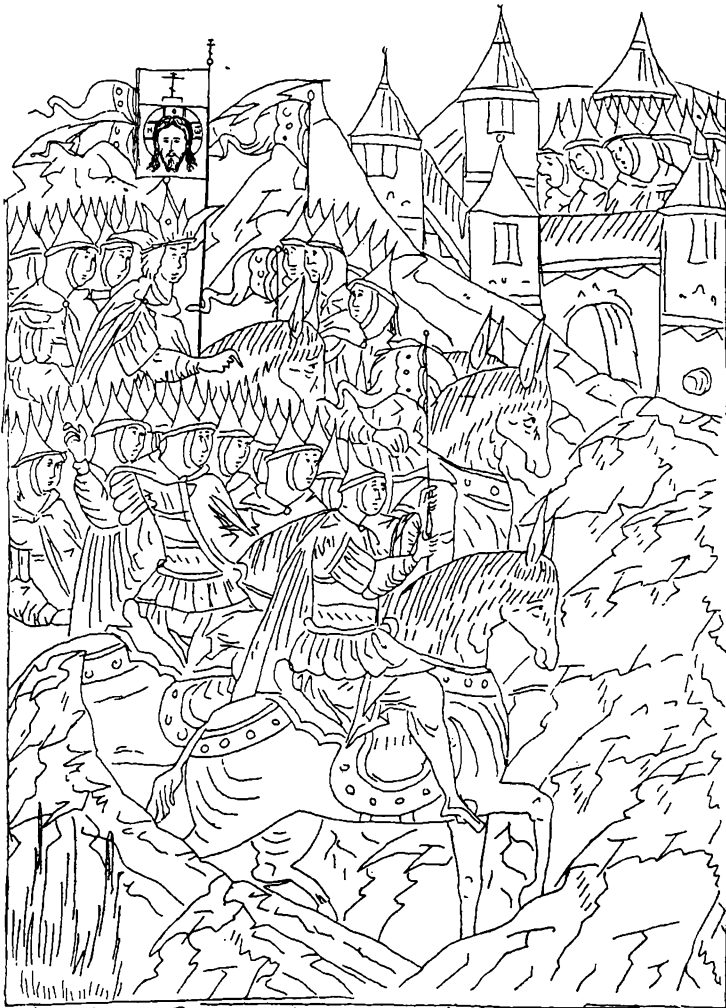
Знамя царя Іоанна Васильевича, находившееся въ 1552 году подъ Казанью, было съ ликомъ Всемилостиваго Спаса. Оно было изъ червчатой камки, продолговатое съ откосомъ; по древку—2 арш. 2 вер., по верхней каймѣ—4 арш. 2 вер., по нижней каймѣ—1 арш. 9 вер., по откоосу—3 арш. 8 вер. Упомянутый образъ находился въ серединѣ, при чемъ онъ вышитъ былъ золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками по алой тафтѣ. Вокругъ образа подпись:

«Тро. гл. в. Пречистому ти Образу покланяемся Благіи просяще прощенія прегрешеніемъ нашимъ Христе Боже волею бо благоизволилъ еси взыти на крестъ, да избавиши яже создалъ отъ работы вражия тѣмъ благодареніе вопіемъ ти: радости вся исполнявый Спасе нашъ пришедый спасти миръ».

Приведенная подпись была вышита золотомъ, серебромъ и голубымъ шелкомъ. Въ откосъ же изъ желтой

смогу ихъ унять, такъ тебѣ вѣсть пощлю». („Ист. Россіи съ др. врем.“, Соловьевъ, т. 6-й, стр. 91).

Знамя обозначало и печати: „Попы вѣнчаютъ въ своихъ приходѣхъ хрестьянъ безъ нашего знаменника знамянъ, а знамяна смють въ Кирилловѣ монастырѣ у казначея, а отъ знаменъ платятъ казначею“ („Акты собр. въ биб. и арх.“, изд. 1836 г., т. I, 1542 г., № 195). „Знаменоваться“ въ древней Руси обозначало себѣ крестомъ: „ударилъ челомъ Пречистой Богородицѣ, и знаменася у святаго образа ея“ („Древняго Мѣстоиспа“, ч. I, стр. 9). Иногда знаменіе обозначало явленіе: „Бысть знаменіе въ солнцѣ: огородися солнце яко круги, а по среди круговъ кресты“ (тамъ же, стр. 34). „Бысть знаменія на небеси страшна: стояху убо въ ноци на воздухѣ яко полкъ воинскій на полудни, такожь и на полунощіе“ (тамъ же, стр. 67).

Ісакъ гдѣрь вышелъ на мѹгъ протнѹ
 города . Ісакъ гдѣрь херуга хртіа
 сїе розвертннн рѣзнама . на нн
 ѡбръга нашого ісха нероукопорннн
 нна сѣрхъ подроуженгъ жнопорѣ
 щннкртѣ , нже сѣоупрароднтелѣ
 єго гдѣрнашого достоудалнаго селн
 каго н сѣ адмнтрїа
 на доноу .

Изображеніе царскаго знамени подъ Казанью.

камки вшиты два четырехугольных креста и пять звѣздъ. Кромки знамени обшиты бахромой изъ золота съ малиновымъ шелкомъ.

Когда собственно построено было это знамя - неизвѣстно, но во время второго Казанскаго похода оно служило, какъ полковое знамя, въ Государевомъ полку,—о чемъ говоритъ составитель сказанія объ упомянутомъ походѣ *). Въ томъ же сказаніи упоминается, что у знамени „на верхъ водруженъ животворящій крестъ Господень еже бѣ у прародителя его Государя Нашего достохвальнаго Великаго Князя Димитрія на Дону“ **).

Надо замѣтить, что при осадѣ въ 1552 году Казани войсковыя знамена играли уже выдающуюся роль. Такъ, приближеніе по луку войскъ къ стѣнамъ города было сдѣлано по повелѣнію Царя при развернутой „хоругви христіанскіе сирѣчь знамя на немъ же Образъ Спасовъ“ ***). При постановкѣ затѣмъ стана молебствіе было совершено подъ тѣмъ же знаменемъ. Во время же осады „Царь благочестивый по вся ноци, призывая Бога въ помощь, ѣздилъ по полкамъ и ходилъ по своимъ походнымъ церквамъ молить Господа о побѣдѣ на враги“, при чемъ знамя Государева полка всегда слѣдовало за нимъ. Послѣ взятія города это же знамя находилось впереди и торжественной процессіи, обходившей городскія стѣны. По возвращеніи изъ указаннаго похода оно было оставлено

*) „Царская книга“, рукопись Синодальной бібліотеки № 179, листъ 529—532.

**) „Истор. Россіи съ древ. врем.“, Соловьевъ, т. 6-й, стр. 76.

***) „Царс. книга“, изд. 1769 г., стр. 264. Въ этой книгѣ имѣются, между прочимъ, начерченные перомъ и мѣстамъ раскрашенные рисунки. Одинъ изъ нихъ изображаетъ Царя съ войскомъ, подступающимъ къ Казани (помѣщена на второмъ планѣ). Іоаннъ Васильевичъ въ вѣнцѣ; надъ нимъ развѣвается большой стягъ съ двумя клинцами. На стягѣ, въ нижней части изображенъ Нерукотворенный образъ Спасителя, а въ верхней части—восьмиконечный крестъ съ подножіемъ. Кромѣ того, надъ ратниками въ доспѣхахъ и шеломахъ развѣвается два меньшихъ стяга, сотенныя знамена. Постѣднія имѣютъ по одному клинцу; рисунковъ на этихъ знаменахъ нѣтъ, лишь нанесены кружечки и линія, отдѣляющіе середину, въ каждомъ знамени, отъ клинца.

царемъ при себѣ и хранилось въ государевыхъ хороммахъ, на верху (3).

Имѣется слѣдующее, гораздо впрочемъ позднѣйшее, описаніе принадлежностей къ этому знамени: „крестъ и вѣнокъ серебряные крестъ золочень ко втоку тесма шолковая, пряжка и наконечникъ серебряный, древко золочено сплошь, чехоль сукна алаго аглицкаго“ *).

Болѣе подробное описаніе имѣется по отношенію къ стягу, построенному для Іоанна Грознаго, его повелѣніемъ, въ 1560 году, т. е. черезъ восемь лѣтъ по взятіи Казани.

Этотъ стягъ китайской тафты, съ откосомъ **), имѣя по древку—3 арш. 2 вер., по верхней каймѣ—8 арш. 8 вер., по откосу—5 арш. 12 вер: и по нижнему краю—2 арш. 10 вер. Часть полотнища между древкомъ и откосомъ была лазореваго (голубаго) цвѣта, откосъ—сахарнаго (блужеваго), кайма вокругъ всего стяга—бруеничнаго, а по верхнему и нижнему краямъ откоса—маковаго цвѣта. По срединѣ стяга вшитъ кругъ темно-голубой тафты, обведенный золотомъ и почти сплошь окруженный херувимами и серафимами. Въ кругу изображенъ Спаситель въ бѣлой одеждѣ и на бѣломъ же конѣ; по сторонамъ этого изображенія разсыпаны золотыя звѣзды и кресты, составленные изъ золотыхъ кружечковъ.

Ниже круга представлено небесное воинство, также въ бѣлой одеждѣ и на серебряныхъ коняхъ, а еще ниже, въ каймѣ, подлѣ древка, изображенъ Іоаннъ Богословъ, съ надписью:

«Видѣніе Іоанна Богослова».

Въ откосѣ вшитъ другой кругъ, бѣлый, съ такими же

*) Сукно подраздѣлялось еще на много категорій: амбургское, багрець, брабанское, гранатъ, греческое, еренга, колтырь и т. п. Въ 1584 году поставъ (мѣра въ 40 арш.) аглицкаго (лувдышъ) червчатаго сукна цѣнили въ 15 руб.: половинки сукна рогловскаго 2 руб.; а аршинъ и по гривнѣ и полтретей алтына.

**) Благодаря этому полотнище получило видъ геометрической фигуры трапеціи.

звѣздами, крестами и ободомъ, какъ и на первомъ. Въ кругу написанъ Архистратигъ Михаилъ на золотомъ крылатомъ конѣ, держащій въ одной рукѣ мечъ, въ другой—крестъ. Въ углу откоса—желѣзный мечъ съ золотою рукояткою, а на внутренней, маковой, каймѣ золотомъ изображены летящія птицы и точно такіе же кресты и звѣзды, какъ въ кругу, около Спасителя. Такими же кружками и звѣздами усеяно все пространство около обоихъ круговъ и внутри меньшаго изъ нихъ; по сторонамъ отъ Архистратига имѣются еще, писанныя золотомъ, надписи: на правомъ бедрѣ Спасителя:

«Царь Царемъ и Господь Господемъ»;

по сторонамъ Спасителя и коня:

«И оболченъ вризѣ бѣлы очервлены кровию и нарицается имя его слово Божіе имѣеть на ризѣ и на стегнѣ своемъ имя написано Царь Царемъ и Господь Господемъ»;

надъ херувимами и серафимами:

«И воинство небесное идяку вѣдѣ его на конехъ серебряныхъ оболченъ ввисонѣ бѣлѣ и чистѣ» и «Изо усть его изыде оружие остро, да тѣмъ избѣетъ языки»;

на средней каймѣ, надъ малымъ кругомъ,—

«Арх. Мих»;

на крайней каймѣ, начиная отъ верхняго конца древка,—

«видѣние Иоанна Богослова и видѣхъ небо отверето, і ее конь сѣрентъ и сѣдяй на немъ нарицаемъ вѣрентъ нетинентъ і вправду судитъ и брани сотворитъ, очижъ ему еста яко пламень огнентъ, и на главѣ его вѣнцы мнози и мы имать написано еже никто же. токмо Онъ Самъ»;

на той же каймѣ, начиная отъ изображенія Иоанна Богослова,—

«Иже оруженемъ избѣени сѣдящаго на кони и изшедшемъ изо усть его: видѣхъ Ангела стояща на солнце и возопи гласомъ ве-

лиимъ ко вѣмъ птицамъ наряцимъ посреди небной приидете вен на вечерю Божию да свѣтъ плоти царей и плоти крѣпкихъ и плоти коней и сѣдящихъ на нихъ и плоти вѣхъ свободныхъ, и рабовъ и малыхъ и великихъ»;

наконецъ, надъ нижнею каймою, подъ небеснымъ воинствомъ, обозначенъ церковными буквами годъ „7068“.

На другой сторонѣ стяга имѣются тѣ же изображенія; только въ большемъ кругу надписи замѣнены звѣздами, а на нижней каймѣ имѣется надпись:

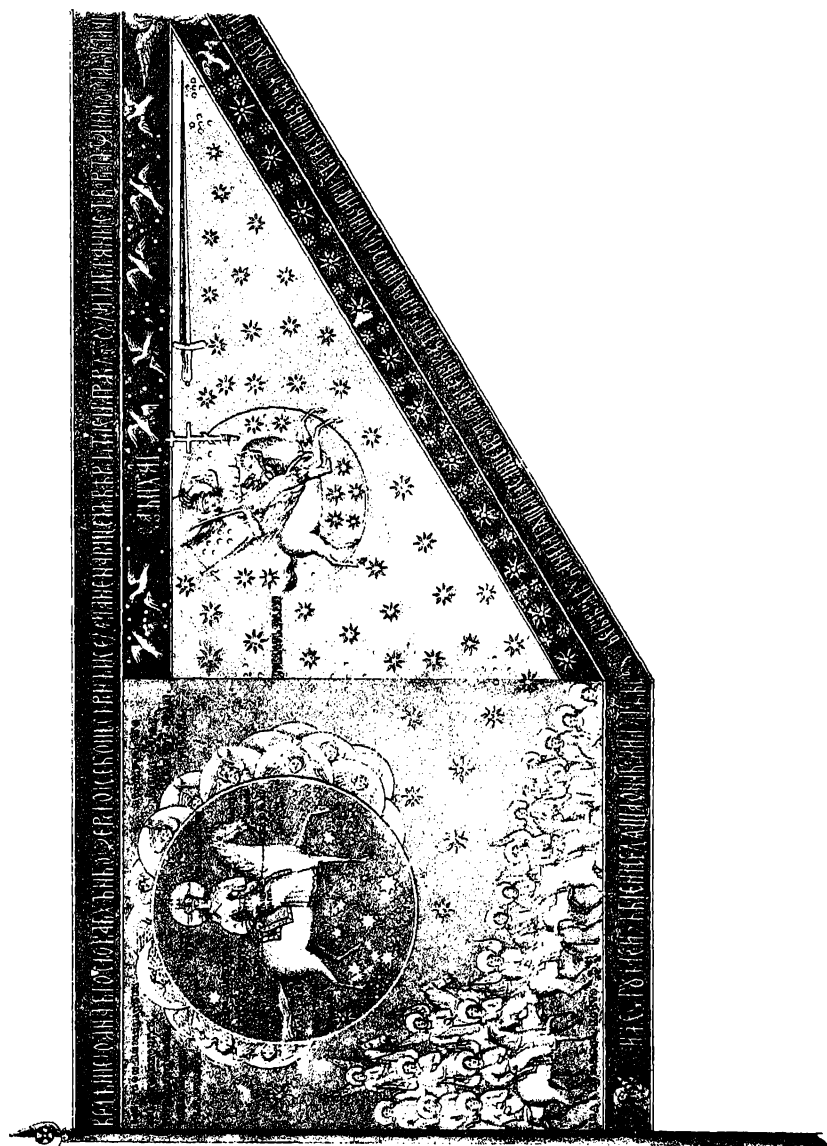
«повелѣниемъ благочестиваго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, Государя всеа Русіи сдѣлано быеть сие знамя великіи стягъ 7068» *).

Надо замѣтить, что постройка описаннаго „Великаго Стяга“ относится къ тому времени Ливонской войны, когда Іоаннъ Грозный, желая нанести рѣшительный ударъ ордену, послалъ въ Ливонію новую рать подъ предводительствомъ „бояръ и воеводъ“ князей И. Ѳ. Метиславскаго и П. И. Шуйскаго „съ ними же воинства вѣще тридцать тысящъ и казаковъ и пѣшихъ десять тысящъ стрѣльцовъ и казаковъ и дѣлъ великихъ аки сорокъ такожь и другихъ дѣлъ, аки пятьдесятъ“. Пунктомъ для первой операціи былъ выбранъ Феллинъ, который послѣ трехъ недѣль осады и принужденъ былъ сдаться.

Остается сказать, что приведенное описаніе стяга наглядно показываетъ, по какому сложному рисунку и съ какими многочисленными надписями уже въ XVI столѣтіи стали изготовляться знамена, особенно царскія.

*) Это знамя, поврежденное временемъ и въ настоящее время лишенное верхняго угла откоса, хранится въ Московской Оружейной Палатѣ; подробности объ этомъ знамени сохранились въ старинныхъ описяхъ.

Еще въ описи 1643 года сдѣлана была отмѣтка: „узнамя койма писана золотомъ и серебромъ, и вкойме жъ высподе писано повелѣниемъ Блаженныя памяти Царя і великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и то знамя ветхо и во многихъ мѣстехъ пробито“.

Знамя Царя Иоанна Грозного 1560 года.

Войска въ разсматриваемую эпоху преимущественно получали знамена отъ государей, хотя иногда строили ихъ собственнымъ или воеводъ издѣвеніемъ.

Каждый воевода также имѣлъ свое собственное знамя, получавшее названіе отъ полка, въ которомъ находилось, какъ-то: знамя большого полка, правой руки, лѣвой, сторожеваго, ертоульнаго, наряда и т. п. (4).

Точныхъ свѣдѣній о видѣ и устройствѣ знаменъ при преемникѣ Грознаго, царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ не имѣется существуетъ лишь одно извѣстіе, что при войскахъ, выставленныхъ 4-го іюля 1591 года противъ крымскаго хана, въ обозѣ между Даниловскимъ монастыремъ и Воробьевыми горами было древнее Великокняжеское знамя *).

Въ періодъ царствованія Бориса Годунова окончательно установилось, что каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ какого-либо святаго. Знамена эти обыкновенно „благословлялись“ патріархами, по чину освященія святыхъ иконъ, носили же ихъ два или три чловѣка **).

Изъ сохранившихся же до настоящаго времени знаменъ къ періоду царствованія Годунова можно, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, отнести лишь одно знамя. Оно тафтяное, алое, съ вышитыми золотомъ и шелками изображеніями Святаго Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра и чадъ его благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба.

По внѣшнему виду знамена въ указанное царствованіе представляли собою „косыню“, т. е. четырехугольникъ, къ одной изъ сторонъ котораго пришивался, какъ это и прежде дѣлалось, одинъ или нѣсколько длинныхъ треугольныхъ „клинцовъ“.

Таковаго же вида, по всей вѣроятности, были и знамена, служившія въ войскахъ при царѣ Василіи Ивано-

*) „Истор. Рос. Рос.“, т. X, стр. 149.

**) „Истор. Россіи съ древ. врем.“, Соловьевъ, т. 8-й, стр. 718 и „Etat de l'Empire de Russie par capitaine Margeret“, 1669 года, стр. 74.

вичѣ Шуйскомѣ, а также и во время наступившаго, послѣ низложенія Шуйскаго, междуцарствія.

Отъ этого періода сохранилось лишь одно знамя, принадлежавшее избавителю Русскаго царства отъ неурядиць смутнаго времени—князю Пожарскому*). Это знамя сдѣлано изъ малиновой камки, прямое безъ откоса; ширина по древку—1 арш. 14 вер., длина—2 арш. 9½ вер. На одной сторонѣ полотнища, золотомъ и серебромъ, изображены: городъ Іерихонъ, Архистратигъ Михаилъ и преклоняющій предъ нимъ колѣна Іисусъ Навинъ; на углахъ—золотыя украшенія, а между ними, вдоль краевъ, серебряными буквами—надпись изъ книги Іисуса Навина (гл V, ст. 13—15):

«Бысть егда бяше Іисусу у ерихана и возрѣвъ очима своими, видѣ челоуѣка стояща передъ нимъ и мечъ его обнаженъ вруцѣ его, и приступивъ къ нему и рече: наипли еси или отъ сопостать нашихъ? Онъ же рече ему: азъ Архистратигъ силы Господни, нынѣ придохъ съмо. И падъ Іисусъ поклонися лицемъ своимъ на землю и рече ему владыко, что-ли новелѣваши твоему рабу; і рече Архистратигъ Господень ко Іисусу: изуй сапогъ твой сногу твою, мѣсто бо на немъ же стоиши ты свято есть. И сотвори Іисусъ тако».

На другой сторонѣ знамени написано золотомъ поясное изображеніе Спасителя, правою рукою благословляющаго, а въ лѣвой держащаго раскрытое Евангеліе, съ начертанными словами, изъ апостола Матѳея **).

«Придѣте благословеніи отца моего, наследуйте уготованное вамъ Царство отъ сложенія міра.—Взлѣкаея и дасти ми ясти; возжадаея, и напоети мя; страненъ бехъ и ведосте меня; нагъ і одѣяте мя».

*) Въ Оружейной Палатѣ оно хранится подъ № 4074; очень ветхо и для сохранности подклеено на марип. Въ той же Палатѣ имѣется еще и точная копія (№ 9628) съ подлиннаго знамени князя Пожарскаго. Время изготовленія копіи опредѣлить трудно, но, судя по нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ, ее можно отнести къ первой половинѣ XVII столѣтія. До поступленія въ Палату эта копія хранилась въ церкви подмосковнаго сета Воронцова.

**) Гл. XXV, ст. 34—35.

По угламъ серебряныя репы *) и между ними, серебряными же буквами, сдѣланы надписи: по верхнему и краю—тропарь

«Съ вышнихъ презирая, убогия приемля»;

по лѣвому и нижнему краямъ—кондакъ Всемилостиваго Спаса:

«Всякия сиверы всемилостиве Спаса, азъ быхъ дѣлателъ».

Очевидно, что указанныя на знамени изображенія и, особенно, приведенныя надписи, вполне соответствовали тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ стольникъ и воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, по предложенію Нижегородскаго земскаго старосты Козьмы Миннина-Сухорукова, сталъ во главѣ народнаго ополченія, столь успешно выполнившаго трудную задачу возстановленія законности и порядка **).

*) Собственно „репы“ маленькая металлическая зубчатая чашечка, въ которую вставляли драгоценный камень или жемчужное зерно. Затѣмъ уже это названіе было присвоено узору въ видѣ зубчатыхъ листиковъ или цвѣточковъ.

**) Въ настоящее время знамя кн. Пожарскаго придѣлано къ древцу; у постыднаго имѣется серебряный крестъ (№ 4222), четырехконечный съ изображеніемъ въ травахъ животворящаго креста съ тростію и копьемъ: яблоко и трубка тоже серебряныя; всего вѣсу 86 золотниковъ.

Знамя, снятое съ древка, до 1827 года хранилось вмѣстѣ съ іконою Владимірскія Божія Матери, сопровождавшей воеводу въ походахъ, въ церкви села Пурегъ, бывшей вотчиной князя Пожарскаго, пожалованнаго ему въ числѣ прочихъ помѣстій за освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

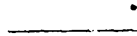
Въ 1812 году со знамени была сдѣлана точная копія, съ которымъ Нижегородское ополченіе сдѣлало весь свой походъ. По возвращеніи же ополченцевъ на родину, эта копія была поставлена въ Нижегородскомъ кафедральномъ соборѣ при гробницѣ Козьмы Миннина, гдѣ находится и теперь.

Въ 1826 году Императоръ Николай Павловичъ приказалъ ген. Бахметьеву снести съ тогдашней владѣлицей Пурегъ графиней М. А. Дмитріевой-Мамоновой и предложить ей передать знамя въ Московскую Оружейную Палату. Согласіе послѣдовало и въ 1827 г. знамя, при огромномъ стеченіи народа, приходскаго провожать свою святыню, было вывезено изъ села.

Со знамени тогда же, по высочайшему повелѣнію, было сдѣлано нѣсколько снимковъ. Одинъ, работы московскаго иконописца Николая Питенкова, былъ помѣщенъ въ Арсеналѣ Царскосельскаго дворца. Остальные же три были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: два отправлены въ село Пурегъ, для помѣ-

Въ заключеніе остается сказать, что въ смутный періодъ, охватившій все Московское царство со дня скоропостижной смерти Бориса Годунова (3 апрѣля 1605 года), по день провозглашенія царемъ Михаила Феодоровича Романова (21 февраля 1613 года), при отсутствіи должнаго порядка въ организаціи вооруженныхъ силъ государства, трудно, конечно, ожидать, чтобы произошли какія либо новыя распоряженія по снабженію войскъ знаменами.

щенія тамъ на сѣверной и южной стѣнахъ мѣстнаго храма, а третій—въ Нижній-Новгородъ.

Надо замѣтить, что въ 1813 году по красной китайской тафтѣ было отиснуто, въ $\frac{1}{4}$ натуральной величины знаменц, нѣсколько десятковъ отисковъ. Въ настоящее время, конечно, они составляютъ археологическую рѣдкость.

Въ Оружейной Палатѣ еще хранится сѣдло князя Пажарскаго (№ 8497), поступившее въ 1870 году изъ Троицкой Лавры. У сѣдла поволока бархатная малиновая, обшита по краямъ шелковою желтою тесьмою и подложена синею крашеною; по лукамъ отби серебряныя, гладкія, позолоченныя; отъ передней луки прикрѣплена внизу двумя репейчатыми серебряными гвоздями. При сѣдлѣ имѣется пара прорѣзныхъ желѣзныхъ стремянъ.

Знамя князя Пожарскаго.

Г Л А В А ІІІ.

Знамена при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ. — Постройка новыхъ царскихъ знаменъ; ихъ подробное описаніе. — Воеводскія и сотенныя знамена. — Знамена у иноземцевъ и въ полкахъ иноземнаго строя. — Случаи выдачи знаменъ. — Отсутствіе руководящихъ началъ при постройкѣ знаменъ разныхъ категорій. — Появленіе знаменъ съ одними крестами. — Матеріалъ для знаменъ и принадлежностей къ нимъ. — Высылка знаменъ въ сотни дворянъ, дѣтей боярскихъ и въ другія категоріи ратныхъ людей. — Установившійся взглядъ на званіе знаменщика.

СЪ ВОЦАРЕНІЕМЪ на Московскомъ престолѣ молодого Михаила Ѳеодоровича Романова прекратилось смутное время на Руси. Общій голосъ призвалъ новаго царя, а поэтому ни самозванцы, ни притязанія чужеземныхъ принцевъ не могли уже поколебать народнаго сознанія. Убѣдившись въ послѣднемъ, новое правительство, послѣ возстановленія внутренняго и вѣдншняго спокойствія, обратило затѣмъ свое вниманіе на организацію вооруженныхъ силъ, въ конецъ разстроенныхъ предшествующею эпохою. Однако, по своему характеру, всѣ распоряженія были направлены къ возстановленію старины и къ водворенію прежняго порядка въ отпавленіи службы. Въ этомъ отношеніи цар-

ствование Михаила Феодоровича можетъ считаться полнымъ продолженіемъ прежнихъ царствованій, предшествовавшихъ смутному времени. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что новшества почти не допускались. Сказалось это и на знаменахъ, которыя при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ были точными снимками со знаменъ старинныхъ.

За минувшій смутный періодъ, надо думать, „многія Великаго Государя“ большія полковныя знамена безслѣдно исчезли. Это то по всей вѣроятности и заставило сейчасъ же по прибытіи вновь избраннаго царя „на Москву“ приступить къ постройкѣ, по установившемуся въ предшествующія царствованія образцу, новыхъ царскихъ знаменъ. Для полотнищъ ихъ былъ сохраненъ клинъ, состоящій изъ середины и откоса. Середина кроилась въ видѣ четырехугольника, къ которому и пришивали короткую сторону откоса, при чемъ тетива *) послѣдняго обращалась книзу.

Въ 1614 году было готово три царскихъ знамени и приведенное ниже подробное описаніе ихъ показываетъ, что на эти знамена были нанесены тѣ же священные изображенія, которыя съ XIV вѣка въ большинствѣ случаевъ присвоивались великокняжескимъ стягамъ:

1) Знамя изъ червчатой тафты, шириною по древку— 2 арш. 4 вер., по верхнему краю—4 арш. 2 вер., по откосу— 3 арш. 4 вер., по нижнему краю—1 арш. 10 вер.

Въ серединѣ изображенъ Нерукотворенный Ликъ Спасителя, а въ откосѣ—херувимы и серафимы, съ полнымъ тропаремъ

«Пречистому ти Образу поклоняемся Владій»

и кондакомъ

«Неизреченнаго и Божественнаго ти чловѣкомъ смотрѣніе».

*) Длинная сторона.

Около образа, со стороны откоса, помѣщены слова:

«Посланъ ко Авгарю царю въ градъ Едесъ Святый Нерукотворенный образъ съ здравіемъ, даруя ему симъ образомъ и сущимъ въемъ градомъ и странамъ приходящимъ къ нему вѣрою и приемятъ исцѣленіе и много же чудеса Господу нашему Іисусу Христу содѣвающе и исцѣленіе многое болѣзни въ людѣхъ; прочежесе о нихъ слово во вѣхъ языцѣхъ и многіе вѣроваша въ него и крестися. Повелѣнемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаѣла Ѳеодоровича всеа Росіи Самодержца во второе лѣто Государства сво лѣта 7120 Іюли въ 30 день».

2) Знамя изъ червчатой тафты, съ серебряными каймами, по верхнему краю длина — 4 арш., по откосу — 3 арш. 2 вер., по нижнему краю — 1 арш. 10 вер.

На этомъ знамени написано изображеніе Архистратига Михаила на конѣ и Іисуса Навина, изувающаго сапогъ. Въ верхнемъ же углу, подлѣ дровка, — Іисусъ Христосъ въ облакѣ; на каймахъ же имѣются слѣдующія двѣ надписи:

«Небеснаго Царя крѣпкій и страшный грозный воевода Архангелъ Михаѣлъ, скоро плѣня, не медля нпколиж, всюду готов и храбръ на супостаты, яко на облаце леще, поднебесную всю просвѣщая сияниемъ» и «Сего убо Грознаго воеводу видѣ Іисусъ Навинъ и убоися и падъ на колѣну свою и рече ему Архистратигъ: азъ есмь Архангелъ Михаѣлъ небесныхъ силъ воевода; приидохъ на помощь къ тебѣ, изуй сапогъ ногу твою, мѣсто на немъ же стояши, земля свята есть».

На другой сторонѣ знамени имѣются такія же изображенія и надписи, какъ и на первой, съ прибавленіемъ лишь слѣдующей:

«Божією милостією Великій Государь Царь і Великій Князь Михаѣло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, Владимірескіи, Московскіи, Новгородскіи, Царь Казанскіи, Царь Астраханскіи, Царь Сибирскіи, Государь Псковскіи, Великій князь Смоленскіи, Тверскіи, Югорскіи, и иныхъ многихъ государствъ Государь и Обладатель».

Затѣмъ помѣщена подпись

«Повелѣніемъ Великаго Государя.....»

вполнѣ тождественная съ такой же подписью на первомъ знамени *).

3) Знамя изъ желтой тафты, каймы—алыя изъ той же матеріи, ширина—2 арш. 5 вер., длина—2 арш. 9 вер.

Имѣются на знамени слѣдующія изображенія: на одной сторонѣ—Вселенскіе учителя Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоанъ Златоустъ, а на другой—Московскіе Чудотворцы Петръ, Алексій и Іона. На первой сторонѣ имѣются три надписи. Первая:

«Яко Апостолъ единокровніи и вселепніи учителя Владычцѣ въсѣхъ молитесе миръ вселенной даровати и душамъ нашимъ велию милость».

Вторая:

«Священные и Боговъщанные проповѣдателя верхъ ученикъ твоихъ, Господи, пріяты въ наслажденіе благихъ Твоихъ, покая труны бо и болѣзни, пріяты паче всякаго приношенія едише прославляй Святыхъ Твоихъ».

Третья надпись заключаетъ ту же дату о времени постройки знамени, какъ это было сдѣлано и на первыхъ двухъ.

На другой сторонѣ имѣется лишь одна надпись:

«Первопрестольницы Русіи петинніе хранители апостольскихъ проповѣданіемъ столпи непоколебиміи, православія наставницы, Петръ и Алексій и Іона, Владыку въсѣхъ молитсе миръ вселеннѣи даровати и душамъ нашимъ велию милость. Во святителѣхъ благочесно поживе и люди благоразумію наставите, сего ради отъ него нетлѣніемъ и чудеса прославитеся, яко ученицы Божіе благодати».

*) Въ описи 1808 года сказано: „всяма ветхо, тафта полиняла и во многихъ мѣстахъ разорвалось, отъ древка осталась небольшая токмо часть“.

Надо замѣтить, что въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича существовали еще воеводскія знамена (1), выдаваемые боярамъ и ближнимъ людямъ, отправляемымъ въ города на полковыя и осадныя службы, а также—на посольскіе съѣзды и т. п. Эти знамена отъ Великаго Государя большихъ знаменъ отличались меньшимъ размѣромъ и большею простотою въ отдѣлкѣ.

Воеводскія знамена строились всегда изъ шелка, при чемъ на нихъ писались и вышивались золотомъ, серебромъ и шелками тѣ же лики, какіе и на царскихъ знаменахъ, по каймѣ писались тропари и кондаки, а также „государево титуло“; древки дѣлались такіе же, какъ и въ царскихъ знаменахъ большого полка. Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича воеводскія знамена перестали строиться и ихъ замѣнили простыя полковыя.

Государевъ полкъ, какъ и другіе полки, дѣлился на сотни, и знамена у нихъ большія камчатныя и тафтяныя, на которыхъ писалось или вышивались: знаменіе животворящаго Креста Господня, лики ангеловъ и св. угодниковъ. Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича размѣры ихъ были очень разнообразны, но затѣмъ, съ приведеніемъ Дворцоваго правленія въ порядокъ, всѣ сотенныя знамена Государева полка стали дѣлаться приблизительно одинаковыми, при чемъ размѣры ихъ установились: длина—2 арш. 4 вер. и ширина—2 арш. Середина знамени изъ тафты или камки одного цвѣта, кайма же, въ 3—4 верш. ширины,—изъ тѣхъ же матерій, но другого цвѣта. Съ одной стороны знамени сталъ писаться восьмиконечный животворящій Крестъ Господень о пяти степеняхъ, съ тростью и копіемъ, при чемъ надъ крестомъ дѣлалась надпись:

«Царь Славы, Іс. Хс.»

и у креста—«Ника.—Г. Г.—М. Л.—Р. Б.». Съ другой стороны—лики святыхъ. Изображенія и надписи дѣлались золотомъ и серебромъ, а затѣмъ отмѣчались

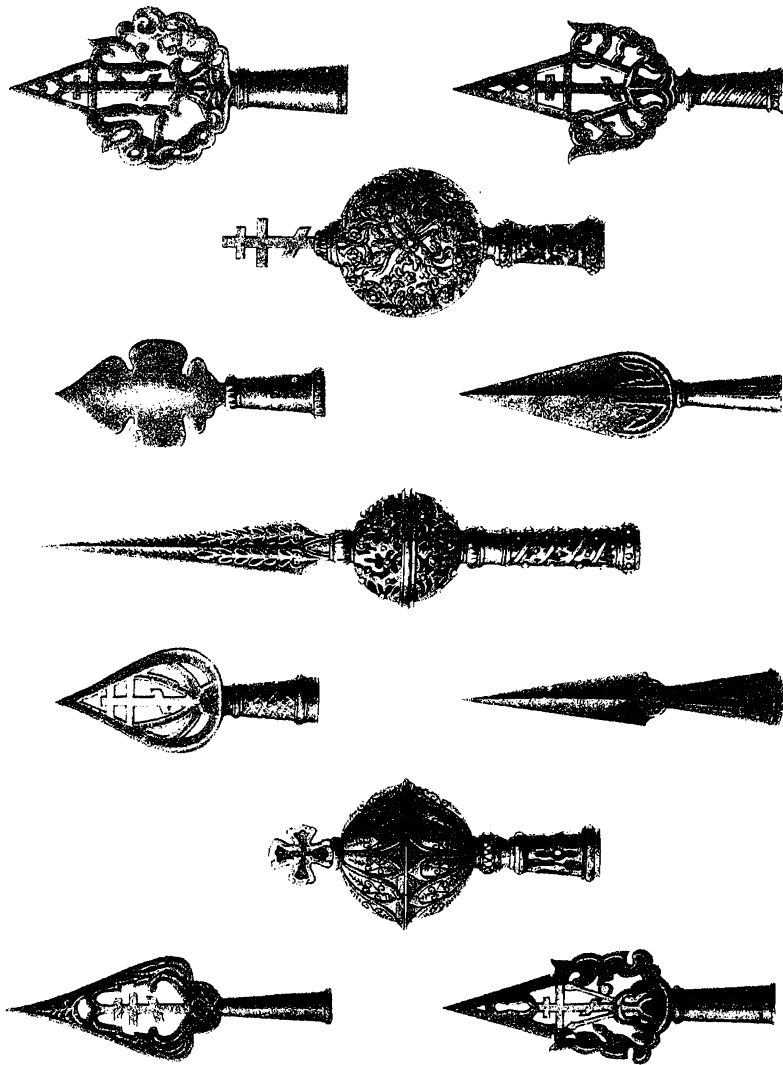

чернилами и киноварью, при чемъ они соответствовали тому святому, ликъ котораго написанъ (2). Древки строились по тому же образцу, какъ и для полковыхъ знаменъ, были лишь меньшихъ размѣровъ въ виду меньшей величины и самихъ знаменъ. Навершья же имѣли обычный видъ надзнаменныхъ крестовъ, гладкія или прорѣзные, серебряныя или луженыя, рѣдко золоченыя; втоки—серебряныя.

Конечно, сотенныя знамена въ полкахъ бояръ и воеводъ были значительно проще, хотя и съ каймою, и въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича строились „разнымъ обычаемъ“: прямоугольными, клиномъ, съ двумя хвостами и т. п. Размѣры давались тоже весьма разнообразныя, при чемъ на постройку ихъ не шли шелковыя матеріи, а обыкновенно—холстъ, полотно, крашенина, киндякъ, миткаль, кумачъ, рѣдко зеандень, зарбитъ или объярь и т. п. **). На серединѣ знамени обыкновенно нашивали крестъ, въ остальныхъ частяхъ, такъ называемые, „признаки“, состоявшіе изъ репьевъ, звѣздъ, косицъ и кружковъ. По своему цвѣту „признаки“ всегда отличались отъ середины. Цѣна такого знамени опредѣлялась „по двадцати по шести алтынъ по четыре деньги“ †). Иногда признаки въ сотняхъ городовыхъ дворянъ и дѣтейбоярскихъ писались золотомъ, серебромъ и киноварью; тогда уже само знамя дѣлалось изъ шелковой матеріи. Мѣшечки

*) *Киндякъ*—бумажная набойчатая ткань; въ началѣ XVII вѣка цѣна „по 40 алтынъ киндякъ“. *Крашенина*—крашеный холстъ; былъ разныхъ цвѣтовъ; „за 6 арш. крашенины лазоревой по 5 деньги за аршинъ, и того 5 алтынъ“. *Кумачъ*—арабское кумашъ; бухарская ткань, преимущественно краснаго цвѣта, рѣже—синяго и другихъ цвѣтовъ; въ царской грамотѣ 8 марта 1678 года значится „сто восемь кумачей, по рублю по пяти алтынъ кумачъ“. *Зеандень*—ткань шелковая; въ описяхъ упоминается зеандень лазоревая, гвоздичная, и т. п.; по описи 1640 года цѣна опредѣлена по 20 алтынъ за аршинъ. *Зарбитъ*—персидская шелковая матерія; судя по описямъ, эта ткань была золотная, травки мелкія или по нимъ деревцы шатку разнаго. *Объярь*—тонкая шелковая ткань травчатая или струйчатая; встрѣчается и такое указаніе „розно цвѣтной землѣ травы золотныя полосатыя“.

***) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, кн. 909.

Навершья и гротики.

обыкновенно изъ той же матеріи, изъ какой само знамя. Древки тутъ употреблялись простыя и гладкія, при чемъ надъ верхнимъ и подъ нижнимъ краями мѣшечка обыкновенно дѣлались „яблоки“. Наверхья обыкновенно желѣзныя въ видѣ гротиковъ „на копейное дѣло“, но иногда рѣзались „на проемъ“; тогда дѣлалось изображеніе четырехъ или восьми-конечнаго креста, иногда съ тростію, копьемъ или просто съ какимъ нибудь украшеніемъ.

Сотенныя знамена этой категоріи заготовлялись не только въ Казенномъ приказѣ, но иногда строились и самими воеводами. Такъ, въ 1618 году „бояринъ и воевода князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій“, по случаю предстоящей войны, построилъ въ Ярославлѣ, передъ выступленіемъ, въ Москву, „двадцать три знамени таежныхъ да знамя киндачное“ *).

Къ концу царствованія Михаила Феодоровича и эти сотенныя знамена стали строиться болѣе разнообразно, при чемъ подраздѣлились на знамена для пѣхотныхъ и конныхъ частей. Первые—прямоугольныя въ длину $2\frac{1}{4}$ арш. и въ ширину—2 арш.; вторыя—съ откосомъ, длина по верхней каймѣ $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{4}$ арш. и ширина—2 арш. вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно установился восьмиконечный крестъ о пяти степеняхъ, а признаки — стали преимущественно писаться, а не нашиваться.

Какъ извѣстно при Михаилѣ Феодоровичѣ былъ произведенъ опытъ найма цѣлыхъ иноземныхъ „режиментовъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ“. Очевидно, что такіе полки, являясь на московскую службу въ полномъ своемъ составѣ, приносили и свои знамена. Не соотвѣтствовали этимъ полкамъ обычныя русскія знамена со своими свя-

*) Среди этихъ знаменъ были: „Клинчато два клинца бѣлыхъ да два черныхъ опушка лазорева“, „Знамя пестро всередкахъ два клина бѣлыхъ, да два лазоревыхъ два черныхъ, одно желто да другое алое, опушка таета алая-жь“.

щенными изображеніями; также и ротамъ иноземцевъ „старого выѣзда“ *), которымъ поэтому, при Михаилѣ Теодоровичѣ, предоставлено было право дѣлать знамена своимъ обычаемъ, „какъ ротмистръ укажетъ самъ“ (3). На этихъ знаменахъ обыкновенно писались орлы, гриффы, львы, змѣи, химеры, войсковые атрибуты и т. п.; надписи же дѣлались на латинскомъ языкѣ. (4)

Въ полки же иноземнаго строя**), состоявшіе изъ русскихъ подъ начальствомъ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ „охочихъ“ офицеровъ, давалось отъ Государя лишь полковое знамя, на которомъ изображался вмѣсто образа орелъ; послѣднему иностранцы стали придавать значеніе русскаго государственнаго герба. Такимъ образомъ нанесеніе на знамени орла являлось признакомъ того, что полковникъ начальствуетъ войсками, состоящими на службѣ русскаго Царя. Въ клеймѣ (серединѣ) орла обыкновенно писался „Государевъ образъ на конѣ“.

Знамена этой категории постоянно оставались въ полкахъ, и за ними иногда устанавливалось названіе „нѣмецкія“ ***). Бывали, однако, случаи, когда „изъ государевой казны“ дѣлались знамена на весь полкъ. Такой указъ, напримѣръ, послѣдовалъ въ 1634 году, и полковнику Александру Краверту было построено „восемь знаменъ

*) Въ 1618 году въ самой Москвѣ изъ 137 челов. „Нѣмецъ и Литвы“ была составлена рота, которой изъ казны на знамя было выдано дороговъ лазоревыхъ да червчатыхъ, по пяти аршинъ, да мигкало аршинъ („Арх. Мос. Ор. Пал.“ стол. 126 года, 20 февр. № 35). Впоследствии набралось „Нѣмецъ, Литва, Гречанъ, Сербянъ и Волошанъ“ старого выѣзда 10 ротъ, и каждая имѣла свое знамя.

**) Полки рейтаровъ и копейщиковъ, раздѣляясь на 10 ротъ, имѣли по 10 знаменъ, по 10 трубъ и по 3 пары литавровъ. Солдатскіе полки первоначально также дѣлились на 10 ротъ. („Рус. войс. до Петра Вели.“ Устрялова стр. 17—20).

***) Въ книгѣ А. Викторова „Описаніе запис. кн. и бум. старин. дворц. прик.“ (вып. 1-й), на стр. 127, приведена слѣдующая, между прочимъ, относящаяся къ 7123 (1614—1615) году интересная записка: „Сдѣлано знамя нѣмецкое таѣты бургскія, розными цвѣты, цѣна два руб.“.

таѣтяныхъ, широкія таѣты, мѣрою длина три аршина, въ ширину полтретья аршина, опрѣчь того, что около древка обогнуть четверть аршина; а цвѣтомъ одно знамя полковнику Александру бѣлыя таѣты, а подполковнику и маору и квартирместеру и капитанамъ семь знаменъ— всѣ красныя таѣты; а съ угла на уголъ вшитъ крыжъ бѣлыя таѣты, по образцу, каковъ образецъ прислалъ полковникъ въ иноземный приказъ; признаки на семи знаменахъ изъ таѣты гвоздичной, да рудожелтой, да лазоревой, да желтой, да алой“ *).

Не то было съ христіанскими знаменіями **), которыя, по царскому указу, выдавались воеводамъ лишь на время похода и для службы по исполненію разнаго рода порученій, при этомъ какъ бы долго они ни находились при полкахъ, за ними все-таки оставалось наименованіе знаменъ Великаго Государя.

Выдача же знаменъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какъ и въ предшествующія царствованія до смутнаго періода, сопровождалась всегда церковнымъ торжествомъ, такъ какъ передъ ними, будь то на станѣ или обозѣ, до передачи въ полки отправлялась Божественная служба и совершалось молебное пѣніе. Очевидно, что это уже одно исключало, принимая во вниманіе взгляды современниковъ, для знаменъ въ наносимыхъ изображеніяхъ всякій допускъ житейскихъ изображеній.

Въ рассматриваемое царствованіе для постройки знаменъ видимо не было еще установлено никакихъ руководящихъ началъ. Бѣдность же Государевой казны, расхищенной въ тяжелый періодъ междуцарствія, а также отсутствіе искусныхъ рабочихъ, особенно въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, были причиною того, что впервые появились полковыя знамена съ одними нашитыми на серединѣ крестами, изъ ткани особаго цвѣта;

*) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, кн. № 952.

**) Названіе, установившееся за знаменами со времени Дмитрія Донскаго.

такія знамена уже не имѣли шитыхъ или писанныхъ какихъ либо другихъ изображеній.

Впрочемъ, бывали случаи, что знамена указаннаго образца давались и въ концѣ царствованія Михаила Теодоровича, преимущественно въ менѣе важныхъ случаяхъ. Такъ, въ 1634 году, два такихъ знамени были выданы: „камка червчатая; крестъ, и около клинца камка бѣлая“ по именному указу—окольничему „Князю Григорью князь Константиновичу сыну Волконскому для Валуйскія размѣны“ и „таѣтяное бѣлое, крестъ черный, опушка лазоревая“—въ Торопецъ воеводѣ Теодору Бутурлину *).

Можно указать еще на одно отступленіе отъ прежнихъ образцовъ: на каймахъ нѣкоторыхъ знаменъ стало прописываться „Государево наименованіе“, т. е. титулъ Государя, а также обозначаться годъ, мѣсяць и день, въ который знамя было Государемъ „подписано“ (одобрено).

Материаломъ для знаменъ (полотнищъ) стала служить главнымъ образомъ „таѣта“ **) разныхъ цвѣтовъ: лазоревая, желтая, зеленая, червчатая, алая и т. п. Камки уже стали употребляться гораздо рѣже. На большинствѣ знаменъ лики святыхъ не вышиваются, какъ это обыкновенно дѣлалось прежде, а шшутся. (5)

По прежнему принадлежности къ знамени не обращали на себя вниманіе, и поэтому при описяхъ объ нихъ обыкновенно умалчиваютъ; лишь разъ встрѣчается указаніе, что „словчикъ знамени мѣденой золочепъ“. (6)

Конечно, сохранялся обычай выдавать воеводамъ знамена, разъ они, въ виду предстоящихъ военныхъ дѣйствій, назначались командовать полками. Первый разъ такая выдача состоялась въ 1618 году, когда Царь Михаилъ Теодоровичъ противъ „Литовскаго короля Жигимонта сына королевича Владислава“, рѣшившись „на

*) Дополнен. къ III отдѣл. „Древ. Рос. Госуд.“, стр. 41.

**) Шелковая ткань; испорченное персидское слово „тафта“. Названій присвоивалось много: бухарская, вавилонская, вѣнцейская, китайская и т. п.

Москвѣ въ осадѣ сидѣти“, назначилъ по полкамъ воеводъ (7) и для этой службы указалъ „выдать во всѣ четыре полки воеводамъ знамена: середина таѣта веницейка, розныхъ цвѣтовъ; опушка изъ таѣты червчатой кармазину“ *). Такія же знамена были выданы еще боярамъ, назначеннымъ „въ осадные воеводы въ Кремль“.

Бывали случаи, что Государю подносились знамена. Между прочимъ, „ударилъ челомъ“ Михаилу Θεодоровичу Крутицкій митрополитъ знаменемъ, на которомъ по камкѣ былъ шить „Спасовъ Образъ Еммануиль“.

При Михаилѣ Θεодоровичѣ по числу знаменъ стали печисляться составъ отрядовъ; особенно это часто встрѣчается въ „разспросныхъ рѣчахъ“, заключающихъ въ себѣ показанія взятыхъ „языковъ“. (8)

Надо замѣтить, что къ концу разсматриваемаго царствованія „казенный дворъ“ былъ приведенъ въ порядокъ, запасы пополнены, а въ мастерскихъ палатахъ дворцовое управленіе уже имѣло большое количество рабочихъ. Это же позволяло „отъ Царя и Великаго Князя Михаила Θεодоровича всеа Русіи“ посылать воеводамъ значительное количество знаменъ, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось распредѣлять ихъ „въ полку по сотнямъ“. Такія высылки, между прочимъ, были сдѣланы въ 1634 году воеводѣ Ильѣ Наумову, которому въ государственной грамотѣ указывалось „знамя дорогильное **), да десять княжичныхъ раздать дѣтямъ боярскимъ и казакамъ“. (9)

Въ томъ же 1634 году состоялась еще посылка „семи знаменъ таѣтяныхъ да десяти знаменъ княжичныхъ розными цвѣты“ въ Калугу „стольнику нашему и воеводамъ, князю Ѡ. С. Куракниу да князю Ѡ. Ѡ. Волкопекскому“, при чемъ, надо замѣтить, въ этомъ послѣднемъ случаѣ,

*) „Арх. Мос. Оруж. Пал.“, кн. № 909, 127 годъ, сентябрь.

**) Родъ ткани, получившейся по большей части изъ Персіи. Вѣроятно ей соответствуетъ англійское названіе druggat и французское—droguet. Въ старинныхъ описяхъ упоминаются дороги гиланскія, катанскія, яскія, ряжскія, турецкія, чердовильскія и т. п.

получить знамена просили через упомянутых воеводъ сами ратные люди. (10)

Хотя знамена по прежнему считались святынею и пользовались большимъ уваженіемъ всего войска, но люди „хорошихъ родовъ“ неохотно несли службу непосредственно „у знамени“, считая для себя званіе знаменщика унизительнымъ. Бывали случаи прямого отказа *), при чемъ законность этого настолько была въ сознаниі ратныхъ людей Московскаго государства, что на воеводъ за указанное назначеніе иногда подавались Государю даже челобитныя, основаніемъ которыхъ было то, что родители и братья „знамени не важивали“. Михаилъ Феодоровичъ такую ссылку признавалъ уважительною и приказывалъ воеводамъ, какъ это, на примѣръ, было въ отношеніи „рязанцевъ“, трехъ братьевъ Колеминыхъ, такихъ лицъ „къ знамени не писати“. (11)

Такой взглядъ на положеніе знаменщика, кажется, можно объяснить лишь тѣмъ, что тѣ лица, которыя назначались къ знамени, уже не могли непосредственно принимать участіе въ боевой сѣчѣ, а это для дворянъ и дѣтей боярскихъ „хорошихъ родовъ“, имѣвшихъ право со временемъ быть воеводами со званіемъ стольниковъ, окольничихъ и даже боярѣ, было уже позоромъ.

*) „Передъ своею братьею въ позорѣ не быть“ („Акт. Моск. Госуд.“ т. I, стр. 269).

ГЛАВА IV.

Знамена въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича. — Оружейная Палата и ея мастера. — Болѣе точное подраздѣленіе знаменъ на категоріи. — Большія полковыя знамена 1654 года; ихъ подробное описаніе.

ВЪ ПЕРВЫЕ годы царствованія Алексѣя Михайловича знамена продолжали строиться по прежнимъ образцамъ, но только техника ихъ изготовленія была значительно улучшена и въ смыслѣ художественномъ многія знамена этого періода достигли высокой степени совершенства, являясь лучшими образцами искусства до-Петровской Руси.

Знамена и всё къ нимъ принадлежности изготовлялись при Оружейной Палатѣ искусными русскими мастерами, изъ которыхъ нѣкоторые обучались даже въ Царьградѣ и Персіи. Были, конечно, и иноземцы, но они быстро подчинялись условіямъ жизни Московскаго государства, способствуя лишь выработкѣ того сочетанія восточнаго вкуса и западнаго искусства, которому теперь присвоено названіе „русскаго стиля“.

При Алексѣѣ Михайловичѣ впервые было установлено точное подраздѣленіе знаменъ и введены нѣкоторыя руководящія начала въ ихъ постройкѣ.

Прежде всего это было сдѣлано по отношенію Великаго Государя „большихъ полковыхъ знаменъ“, указанныхъ въ концѣ 1653 года Оружейной Палаты къ постройкѣ въ числѣ десяти экземпляровъ, долженствовавшихъ служить „для Государева похода“ во время предположенной войны съ польскимъ королемъ Япомъ-Казиміромъ.

Всѣ эти знамена были построены по общему образцу. Откосъ имѣлся одинъ, другого цвѣта, чѣмъ середина знамени; кругомъ послѣднія были опушены каймою.

Средина знаменъ отведена главному священному изображенію, которое дополнялось и развивалось въ своей идеѣ изображеніями на откосахъ; кайма же и оставшіяся свободныя мѣста заполнялись соответствующими надписями. Но самое существенное отличіе отъ прежнихъ знаменъ той-же категоріи заключалось въ томъ, что размѣръ знамени былъ опредѣленъ по старшинству, въ общей росписи войскъ, полка, для котораго оно было построено. Такъ, знамя Государева полка имѣло длину — 8 арш. 2 вер. и ширину—3 арш. 5 вер. Затѣмъ шли полки „большіе“ и большой нарядъ; ихъ знаменамъ были даны слѣдующіе размѣры: длина—7 арш. 4 вер. и ширина — 3 арш. Знамена же полковъ сторожеваго и ертоульнаго были еще меньше; имѣя по длинѣ — 6 арш. и по ширинѣ—2 арш. 8 вер. Наконецъ, для полковъ сходныхъ и посыльныхъ воеводъ заготовленныя знамена имѣли всего: въ длину 3—4 арш. и въ ширину 2—2¹/₂ арш.

Всѣ эти знамена были изготовлены въ 1654 году, причѣмъ явились, для своего времени, вполне художественными произведеніями, такъ какъ написанныя на нихъ изображенія отличаются отчетливостью своихъ контуръ, плавностью письма и яркостью красокъ; отдѣльныя части каждаго, самаго сложнаго рисунка строго согласованы и, наконецъ, въ каждой мелочи видна необыкновенная тщательность отдѣлки.

Ниже приводимое подробное описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ знаменъ еще рельефнѣе подтверждаетъ указанную

ихъ художественность, а имѣющіяся на нихъ надписи достаточно иллюстрируютъ тогдашнія политическія событія, побудившія царя, какъ было высказано на соборѣ 1 октября 1653 года, „идти на недруга своего, на Польскаго и Литовскаго короля Яна Казимира за его многія неправды и крестопреступленья, и за истинную христіанскую вѣру греческаго языка и за святыхъ Божіа церкви стоять и единовѣрныхъ православныхъ христіанъ, которые отъ латынниковъ въ гоненіи и въ конечномъ разореніи, принять подъ свою Государеву великую руку“.

Изъ указанныхъ десяти знаменъ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія четыре:

1) Знамя Большаго полка. *) изъ червчатой тафты, откосъ—изъ бѣлой и кайма—изъ зеленой.

На срединѣ и въ четырехъ кругахъ одной стороны изображены: Св. Троица; два креста на трехъ степеняхъ съ Херувимами и Серафимами; по сторонамъ—Архистратигъ Михаилъ, на конѣ, крестъ на трехъ степеняхъ, съ копіемъ и тростью, и Ангелъ, стоящій на облакѣ. Въ углу откоса—солнце.

На срединѣ и въ четырехъ кругахъ другой стороны: Покровъ Богородицы; крестъ на трехъ степеняхъ съ Херувимами и Серафимами; Св. Димитрій Солунскій, на конѣ; крестъ на трехъ степеняхъ, съ копіемъ и тростью, и Ангелъ, стоящій на облакѣ. Въ углу откоса—луна.

На первой сторонѣ знамени, по верхней каймѣ, выписанъ тропарь:

«Благословенъ еси, Христе Боже нашъ»,

на нижней—кондакъ:

«Егда сошедъ языки»

*) Знамя хранится въ Оружейной Палатѣ и въ виду ветхости наклеено на тюль. Объ этомъ знамени въ описи 1746 года было сказано: „есть весьма ветхое і попорченное і погнилое принято, по подлиннымъ значитъ, что строено при державе благовѣрнаго Государя Царя і великаго Князя Алексѣя Михайловича“.

и на откосѣ:

«Божією милостию Мы великіи Государь Царь и великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи и многихъ Государствъ Государь и обладатель, сповѣднія нашего Царскаго величества подписано сіе знамя въ лѣто 7162 мѣсяца ноября въ 10 день, въ девятое лѣто Государства нашего и въ первые лѣта рожденія сына нашего Государя Царевича и великаго Князя Алексѣя Алексѣевича всеа Русіи».

По каймѣ откоса:

«А быти сему знамени въ большомъ полку у бояръ и у воеводъ, какъ мы Великіи Государи сами бываемъ въ походѣхъ противъ Вожіихъ и своихъ недруговъ, и сіе знамя тогда вести передъ бояры и воеводы, которые будутъ по нашему указу въ большомъ полку, а развѣ сего большаго полку, ни гдѣне въ которомъ полку не бытъ, для того что сіе знамя пристойне бытъ въ большомъ полку».

Въ кругахъ, около крестовъ на трехъ степеняхъ:

«Се веліе во бранехъ оружіе и защищеніе и стена непобѣдимая благочестивымъ Царемъ и всемъ православнымъ Христіаномъ, на враги же веліа побѣда и разореніе».

Въ кругу около Архистратига Михаила:

«Небеснаго Царя крѣпкій и сильный и страшный и грозный воевода и предстатель престола величества славы вѣчнаго Бога; творитель воли Господней и совершитель заповѣдей ево; вселенную прославляя враги скоро пленяя немедля никомже, всегда готовъ храбруя супостатъ небоися, мудръ смѣл и свѣтелъ ликъ просвѣщая душамъ своимъ свѣтлымъ и скороществіемъ своимъ Бога намъ повѣдая благоухание».

На другой сторонѣ знамени въ срединѣ,—тропарь и кондакъ Покрову Богородицы; по верхней каймѣ:

«О Владычица, Пресвятая Богородице приими молитву рабъ и сверными ти людьми празднующихъ ті духовне честне праздникъ Покрова Твоего во псалмехъ и цѣннихъ славословія ти приносящихъ.

да приобщницы будемъ къ Церкви первородныхъ, написанныхъ на небесехъ гласу празднующихъ, идежъ всѣхъ веселящихся жилище, на тя бо упование по Воле возложихомъ; тебѣ ся молимъ п у тебя просимъ»;

по нижней каймѣ:

«Спаси Царя Нашего и народы и люди въ цѣломудріи устрои, і веяко угрождение, еже отъ земли благихъ плодовъ даруй и воинство ево на вся языки борителныя укрѣпи и насъ побѣждающихъ побѣди державною, весильною десницею сына Твоего, и ниже въ скорбѣхъ предетани не оправдався заступи отъ грѣхъ разрѣши возмогающе дѣйствовать, елико хочещи на небесі и на земли».

Въ кругахъ, около крестовъ на трехъ степеняхъ,—та же надпись, какъ и на первой сторонѣ. — Въ кругу, около Св. Дмитрія Солунскаго:

«Придоша Ангели къ Святому Дмитрію, рече: владыко посла ны къ твоей святыни, се нарѣковавъ тебѣ скоро ишедъ прииди ко мнѣ, градъ бѣ преданъ бываетъ врагомъ в расхищение, рече къ нему Св. Дмитрій: вонетину ли се нарѣкова ми Господь тако сі державѣ его да Селунъ градъ, елико градовъ трудовъ его кровію чесныхъ ребръ его созданъ, ныне сыроутцы сими зверми расхищенъ быеть селі челоувѣколюбіе его годе быеть. Отвѣчаста Ангели: аще не бы ему годе было, не бы знаю кѣвятѣи твоей души, тогда паче умилнся помышляя Дмитрій съ печалію великою отвѣтъ даетъ много печальный бо его Ангелъ и умиленный гласъ его являще по отечествѣ своемъ суще пособіе. Отвѣща же: рцете моему владыце: сице глаголетъ рабъ твой Дмитрій: ты Владыко Господи, влады мною и градомъ симъ и всѣмъ миромъ, повелѣвы ми здѣ жити срабы твоими, како убо могу оставити въ велицей бѣдѣ или кацемъ возрю погубу града моего, какоже ли мой животъ да будетъ гражданомъ моимъ погибающимъ, но паче веселящимся имъ духовно, се азъ свими, тако и погибающимъ неоступмо отнѣхъ іли спасаемымъ имъ, свими спасенъ буду, но и той бо Самъ Господь душу свою положи, яко пастырь за овца вѣрюю бо яко во истинно не могу..... грѣхи наши твоему милосердію яко милость твоя велика на насъ, і ярость твоя пра-

ведна, обращеніе наше требуетъ, а непогуби ты ўбо Владыко добр...
ныи область на всехъ, еже хощеши творити на насъ. азъбо рехъ: или
спасаемымъ спасецъ буду или погибающимъ сними умру».

2) Знамя Большого Наряда изъ зеленой тафты, откосъ —
изъ сахарной, кайма — изъ черной и круги — изъ червчатой.

На срединѣ и пяти кругахъ одной стороны изображе-
ны: Божія Матерь; Спасъ, стоящій на облакѣ и благосло-
вляющій Преподобныхъ: Антонія Великаго, Авраамія Ро-
стовскаго и Антонія Римлянина; Спасъ на облакѣ же, и
передъ нимъ преподобные Евфимій Суздальскій, Давидъ Се-
лунскій и Никита Переяславскій; крестъ на пяти степеняхъ,
поддерживаемый Преподобнымъ Макаріемъ Египтяниномъ
и Маркою Фряченскимъ и крестъ на пяти же степеняхъ
съ копіемъ и тростію. Въ углу откоса — солнце.

На срединѣ же и пяти кругахъ другой стороны изо-
бражены: образъ сошествія Св. Духа; Спасъ, стоящій на
облакѣ и передъ нимъ Преподобные Максимъ и Василій
Московскіе и Андрей Христа ради Юродивый; Спасъ на
облакѣ же и передъ нимъ Преподобные Прокофій и Іоаннъ
Устюжскій и Исидоръ Юродивый Ростовскій; крестъ на
пяти степеняхъ, поддерживаемый Петромъ и Онофеемъ
пустынниками, и крестъ на пяти же степеняхъ съ
копіемъ и тростію. Въ углу откоса — луна, а на нижней
каймѣ его изображены три пушки на станкахъ съ пуш-
карями.

На первой сторонѣ, по верхней каймѣ, написано:

Стѣна необходимая намъ христіаномъ еси Богородице Дѣво къ
тебѣ бо прибѣгающе невредимы пребываемъ и пакы согрѣшающе
имамы тя молитвенницу; тѣмъ благодаряще вопіемъ ти: радуйся о-
радованная Господь съ тобою»,

а по нижней каймѣ:

«О надежда и заступница и прибѣжище Христіаномъ, необо-
римая, стѣна изнемогающимъ и труждающимся вчужинѣ пристани-
ще тихое ты еси, Пречистая Богородице, но яко мѣръ избавляюще
непрестанною си молитвою, помини насъ Дѣво всенетая».

По верху откоса:

«Божією милостию мы великій Государь Царь; великій Князь Алексѣй Михаиловичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи и многихъ Государствъ Государь и обладатель, повелѣнимъ нашего Царскаго Величества»,

а по низу откоса:

«Подписано сіе знамя лѣта 7162-мѣсяца Февраля въ 22 день въ девятое лѣто Государства нашего, впервые лѣто рождения сына нашего Государя Царевича Алексѣя Алексѣевича всеа Русѣ».

Въ двухъ кругахъ, около Спаса, стоящаго на облакѣхъ:

«Преподобные отцы молятъ милостиваго Бога Царю нашему Алексію и всемъ его православнымъ воемъ о побѣдѣ на враги видимыя и невидимыя».

Въ кругу около перваго креста на пяти степеняхъ:

«Крестомъ твоимъ, Христе, хвалимся, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ, ты бо еси Богъ нашъ, развѣ тебѣ иного незнаемъ»; «О добліе стражне Макарій и Марко сему кресту Господню будете молитвенники, да будетъ намъ сей крестъ Господень въ радость и защищеніе, врагомъ нашимъ вшобѣду и вразореніе».

Въ кругу около втораго креста:

«Се веліе во бранехъ оружіе и защищеніе, стена непобедимая. благочестивымъ Царемъ и всемъ Православныхъ христіанамъ, на враги же велія победа и разореніе».

На второй сторонѣ, по верхней каймѣ, выписанъ тропарь:

«Благословенъ еси, Христе Боже нашъ».

а по нижней каймѣ—полный кондакъ:

«Егда сошедъ, языки разумѣси».

По верху же откоса:

«а быть сему знамени съ нами Великими Государями у нашего большаго наряду, у бояръ и у воеводъ, какъ мы великій Государь

сами бываемъ въ походѣхъ противъ Воинъхъ и своихъ недруговъ и
снѣ знамя тогда вести передъ бояры и воеводы, которые будутъ по
нашему указу у наряду; а развѣ сего наряду никогда нивѣоторомъ
полку не быть, для того, что снѣ знамя пристойне быть у наряду».

Въ двухъ кругахъ около Спаса, стоящаго на облакѣ:

«Блаженный и Христа-ради юродивый молятъ милостиваго Бога
Царю нашему Алексѣю и веѣхъ его православнымъ воиамъ о побѣдѣ
на враги видимыя и не видимыя».

Въ кругу около обоихъ крестовъ на пяти степеняхъ—
тѣ же надписи, какъ и на первой сторонѣ знамени *).

3) Знамя Сторожевого полка—изъ черной тафты, от-
косъ и кайма—изъ алой, а круги—изъ бѣлой.

На срединѣ одной стороны изображенъ Спасъ, стоящій
на камнѣ и благословляющій обѣими руками Святителей
Игнатія, Исаія, Леонтія и Иакова Ростовскихъ; Иону, Иоан-
на, Евфимія, Никиту и Серапіона Новгородскихъ; Преподобнаго
Павла Обнорскаго; Корнилія Комельскаго; Макарія Унженскаго;
Иосифа Вологодскаго; Пафнутія, Димитрія Прилуцкаго и Макарія
Калязинскаго. На четырехъ кругахъ: Царевичъ Димитрій Углицкій,
на конѣ, съ крестомъ; князь Димитрій Донской, на конѣ, съ
мечемъ и крестъ на пяти степеняхъ съ копіемъ и тростію.
Въ углу откоса—солнце.

На срединѣ и четырехъ кругахъ другой стороны:
образъ Знаменія Богородицы, окруженный Херувимами и
Серафимами; князь Романъ Углицкій, на конѣ, съ крестомъ;
князь Мстиславъ, на конѣ, съ мечемъ; князь Георгій
Владимірскій, на конѣ, съ мечемъ и крестъ на пяти степеняхъ
съ копіемъ и тростію. Въ углу откоса—луна.

*) О принадлежностяхъ къ этому знамени можно судить по стѣдующей
записи о Государевомъ смотрѣ 3 февраля 1664 года, въ которой, между прочимъ,
значится: „Да къ тому знамени крестъ серебряный бѣлый большой: древко
писано позолоту разными красками, втокъ серебряный съ тесьмою красною,
на немъ девять мѣстъ серебряныхъ; на знамени чехолъ краснаго сукна длиною во
все древко, на втоке сукно красное небольшое“.

На срединѣ первой стороны знамени выписано:

«Пастыри и учителя молятъ милостивого Бога о устроеніи всего мира и о благостояніи Святыхъ Божіихъ Церквахъ и о соединеніи вѣхъ православныхъ христіанъ, і о побѣдѣ благочестивому Гоеударю Царю і великому Князю Алексею Михаиловичу всеа Русіи, всемъ бояромъ и всемъ его на видимыя и не видимыя враги»; «Крестомъ твоимъ, Христе хвалимся і воскресеніе твое поемъ и славимъ ты бо еси Богъ нашъ, развѣ тебѣ иного не знаемъ», и «Преподобные и Праведные отцы молятъ милостивого Бога о устроеніи всего мира и о благостояніи Святыхъ Божіихъ Церквахъ и о соединеніи вѣхъ Православныхъ христіанъ и о побѣдѣ Благочестивому Гоеударю Царю і великому Князю Алексею Михаиловичу всеа Русіи и всемъ бояромъ і всемъ его на видимыя и невидимыя враги».

По верхней каймѣ:

«Побѣду имѣя Христе, юже нададомъ и на крестѣ възде, да сядища вотмѣ и сѣни смертней воскресши собою; свободъ сый смертнымъ источая животъ отъ своего свѣта всецѣльне Спасе помилуй нас».

По нижней каймѣ:

«днес Христосъ смерть поправъ, якоже рече, і воскресе, і радованіе всему миру дарова, да вся зывающе пѣснми тако рцемъ: Источниче жизни, не прикосновенный Свѣте, всецѣльне Спасе помилуй нас».

По каймѣ откоса:

«А бытъ сему знамени знами великими Гоеудари всторожевомъ полку у бояръ и у воеводъ, какъ мы великіи Гоеудари сами бываемъ впоходѣхъ противъ Божіихъ и своихъ недруговъ и сие знамя тогда вести передъ бояры и воеводы, которые будутъ понашему указу всторожевомъ полку, а развѣ сего сторожеваго полку нигдѣ, ни вкаторомъ полку не бытъ для того что се знамя пристойно бытъ всторожевомъ полку».

Въ кругахъ написано обращеніе къ соответствующему святому. Напримѣръ, въ откосѣ въ первомъ верхнемъ

кругу изображенъ благовѣрный князь Романъ Углицкій,
а кругомъ надпись:

«О благовѣрный Княже Романе способствуй во брани благоче-
стивому Царю Алексею, побѣдiti враги Божія и своя і совокупити
всѣхъ православныхъ Христіанъ во едино стадо».

На другой сторонѣ по верхней каймѣ:

«Непобѣдная воевода и заступница и крѣпкая еси поборница
по христіанехъ, Пречистая Владычица Богородица наша; егда при-
доша единовѣрніи врази наши, хотяще разорити достояние великїи
Новъградъ, скорая же помощница и заступница наша отврати об-
разъ свой отвраговъ нашихъ единовѣрныхъ, і обрати образъ на градъ
свой, і велие милосердіе людемъ своимъ показа Пречистая, і абіе по-
бѣждени быеть врази наши слепотою, і сила ихъ погибе; вѣрнымъ же
рабамъ дерзновение побѣду дарова, и бѣ вѣдiti чудныя храброства
владычицы наше Богородицы: яко единому гонити тысящу, а двема
тму; і только мужество воев избиша яко довольно насытшиися пти-
цамъ и зверемъ земнымъ труше ихъ, о чудного ти посещение вла-
дычица, о неизреченныя помощи твоея. Архіепискупъ же и вси гра-
да того народи руки на небо воздеша *)».

По нижней каймѣ:

«рѣчу со слезами по ихъ глаголюще: десница твоя Господи, крѣ-
постію прославися, и десная рука твоя Господи сокруши враги и
множествомъ славы твоея стерлъ еси супостаты, и нынѣ мы братія
возлюбленніи, таковыхъ дарованій сподобшеся возопиемъ сице: О
всемилостивая владычица, наша Богородице не оставила еси засту-
пающе градъ нашъ, но якоже мати христіанскому роду чадолюбиво
купно и милостиво, и помощницу ты благотворишу имамы, и милосер-
дие твое славимъ, и заступленіе воспеваемъ, помышленіе величаемъ,
помощь прославляемъ, поемъ велегласно твоя чудеса, не тонмъ бла-
годѣяннїя, проповѣдаемъ благодать».

*) Эта и послѣдующая надпись вышисаны мелкимъ уставомъ въ пять
строкъ. Остальныя надписи во всѣхъ этихъ знаменахъ сдѣланы крупною вязью.

Ниже откоса:

«О всемилостивая, пречистая, и пренепорочная Владычице наша Богородице, прииди и выиѣ на помощь рабу твоему, Царю Алексѣю, и способствуй ему і всем христіаномъ во брани за имя твое святое навидимые и невидимые враги; да и мы сердцемъ своимъ благочестивымъ возоимъ сице: радуйся ковчеже, освѣщенія, всюду ковanzъ златомъ і сияюще духомъ чистоты; радуйся лѣтвице няковля, и горо несекомая, радуйся ручко христова, небесную манну носяще, радуйся тяже ради впознание прозвашеся языцы вѣровавши, радуйся начало нашего создания, радуйся ноевъ корабль, спасшая, градъ отпротивные потопления, радуйся вѣтхаго и новаго завѣта знамение, радуйся вѣнче доброты и побѣдное дарование граду твоему, радуйся солнце, умная луна помрачая супротивные, радуйся воистину обрадованная Господь стобою, ты бо намъ радости ходатайца бысть, радуйся граду твоему спасение и варваромъ потребление, радуйся мати истиннаго живота, радуйся всемирныхъ пророкъ преславное проповѣдание, радуйся преподобныхъ похвало и праведныхъ истинное наслаждение, радуйся яко безоружные оружные побѣдивше, радуйся многорадостное намъ хваление, радуйся многообразный сугубый свѣте, вѣрные озаря невѣрные же омрачая, радуйся надѣвающимся на тя извѣстная надеждо, радуйся плавающимъ оскормление, радуйся обуреваемымъ благоутишное пристанище, радуйся недугующимъ врачеваніе і ладшимъ исправленіе».

Въ кругахъ—тѣ же надписи, какъ и на первой сторонѣ знамени, только упомянуты другіе князья *).

4) Знамя Ертоульнаго полка—изъ желтой тафты, откосъ—изъ черной, кайма—изъ червчатой **).

*) Это знамя находилось въ Смоленскомъ походѣ 1654 года и въ Виленскомъ 1655 года. Но во время похода Государя подъ Ригу сторожевого полка не было, и знамя хранилось въ Оружейной Палатѣ. Въ описи 1746 года помѣчено: „ветхое і погнилое принято, а позолочение осыпалось. А на другой сторонѣ писано знамение Пресвятыя Богородицы, по подписи значить, строено при державе благоверного Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича въ лѣто 7162 Марта 18 дня“.

***) Это знамя находилось также въ Смоленскомъ походѣ, при чемъ сначала Ертоульный полкъ состоялъ изъ 5 сотенъ жигецкихъ, 3 сотенъ городскихъ выборныхъ дворянъ и 1 сотни донскихъ казаковъ. Затѣмъ онъ былъ усиленъ 5 сотнями изъ Государева полка, „да рейтарскимъ ротмистромъ“. Но большую часть похода этотъ полкъ былъ „въ сходнѣ“ съ Большимъ полкомъ.

На серединѣ одной стороны изображенія: Спасъ, стоящій на камнѣ; Пречистая Богородица, Іоаннъ Предтеча, Петръ, Іона, Алексѣй и Филиппъ митрополиты. На самомъ откосѣ: св. Петръ и Павелъ, несущіе по кресту; въ кругахъ откоса: Меркурій Смоленскій, на конѣ, съ мечемъ и крестъ на пяти степеняхъ съ копіемъ и тростію.

На первой сторонѣ знамени по верхней каймѣ выписано:

«Суди Господі обидящія мя и возбрани борящія мя, прими оружие и щить і востани впомощь мою».

По нижней каймѣ:

«Яко бысть помощникъ столпъ крѣпости отъ лица вражия, званенася на насъ свѣтъ лица твоего Господи, яко оруженемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ».

По каймѣ откоса:

«Божиею милостию мы великіи Государь Царь и великіи Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великіи и малыи и бѣлыи Росіи и многихъ государствъ Царь и обладатель, повелѣниемъ нашего Царского величества подписано сие знамя вдевятое лѣто государства нашего и при сынѣ нашемъ Государѣ Царевичѣ Князе Алексѣе Алексѣевиче, впервое лѣто рожденія его лѣта 7162 мѣсяца Апрѣля въ 30 день» и «А бысть сему знамени въ ертоульномъ полку у бояръ і воеводъ, какъ мы Великіи Государи сами бываемъ въ походахъ противъ Божіихъ и своихъ недруговъ, а сие знамя тогда везти передъ бояры і воеводы, которые будутъ по нашему указу вболшомъ полку, а развѣ сего болшаго полку нигде ни вкоторомъ полку не быт, для того что се знамя пристойно быт вболшомъ полку».

Въ откосѣ же надъ св. Петромъ и Павломъ:

«о блаженная двоице, вверена бывше всего міра душа; будите способности Царю нашему Князю Алексѣю и вѣмъ воемъ ево побѣдити супостаты своя и совокуните православныя христіаны во единство»;

въ первомъ кругу—

«О страстотерпче христовъ, Егоргій, прииди на помощь благочестивому Царю нашему и великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Росіи, способствуй побѣдите враги сво видимыя і невидимыя»

и во второмъ—та же надпись, какъ въ четвертомъ кругѣ знамени Сторожевого полка.

На другой сторонѣ по верхней каймѣ:

«Милосерднаяж наша заступница Госпоже Богородице, крѣпкая держава і нератная помощнице, непобѣдимы воевода нашего граду и ту имущіи угодника своего святого Меркурия, иже есть во граде Смоленску, зри тожъ людие скорое млостивое граду поможение, явися бо втую ночь во святей Божіи церкви сама Госпоже Богородице отъ святыя своя иконы, глаголюще пономарю церковному стражу, рече: иди к рабу моему Меркурию искоре непо дому, на оно мѣсто, и двор сказа ему, бѣ бо въ граде: рцы же ему, яко Госпоже зоветя тамож шед непросто ко двору приходи, и не толцы во врата, но егожъ обрящещи нареди двора, рцы тому тихо, тако того зовущіи: Меркуріи изыди отсюду скоро Госпожа зоветя во веѣмъ своимъ войскомъ подобні. Пономар же скоро изыде на посланное мѣсто и прииде ко двору оному, иже ему сказа сама Пречистая».

По нижней каймѣ:

«И обрете тако, яко рече ему прежде, святого обрѣте среди двора стояща и рудѣ на небо воздѣвша, Меркуріиж отверзъ врата и за оба идяше на гору спономаремъ, и иде вцерков богородичну обрѣте свѣщу горящу передъ самою тою святою иконою, отнеяж глас изыде, пономарю ж пад Меркуріи всебѣ моляшесе Богородицѣ великимъ заклянаниемъ слезно, и паки сама вторицею святая богородичная икона: угодниче мой Меркуріи, аз возсылаю тя оборонити домъ мой, аз бо ты на сие призвахъ раба моего глаголющи бо ему о сихъ сама Пречистая Богородица: все идетъ безбажныи мучител тотнѣ, убо сию ночь хочет напасти на град мой ратию со исполином хотят опустошити, аз же не призруѣх

града моего і вознесавиде летива того мучителя, иже возносяе суетно охуждает правые, аз умолих сына и Бога моего о граду моему, да не предаст в плен врагомъ зане варвари повелѣваютъ изытти встрѣтенье злато того варвара, ты же изшедши на мѣсто оное тако реченное долгни мостъ, ту бо ради уготовая бу естню злыи боготорецъ на град мой возвѣщаю бо ти о сих яже хотятъ быти тебѣ: ту бо помощию и самого Христа Бога побѣднши исполна, аз бо сама сущи тамо етобою помогаючи тебѣ рабу моему да і в сих явити раба моего самага вспят возвращу».

По откоосу:

«Приндоша безбожнїи вой ко граду Смоленску. начаша совѣщати о разоренїи града того, Святїи Меркурїи видѣвши нашествїе иноплемненныхъ, нача молитися Пресвятей Богородице, иже зоветца Смоленская, глаголя вmolитвѣ своей еице».

По первому кругу:

«Царице і Владычце всеї твари, Госпоже и Богородице присно Дѣво Марїа милостїю своею покры град и Церковь свою на вѣки неврежденну отъ вѣхъ ратныхъ безбѣдну сотвори о мнѣ самомъ рабѣ своемъ, умоли сына своего Христа Бога нашего, да покоитъ мя мирно отъ временныхъ силъ и учинитъ мя елики святыхъ мученикъ: аз бо хочу пострадати за Христа и излїти кров свою за святую твою церковь, рекъ аминь. И абие по молитвѣ гласъ бысть ему: рабе мой дерзай, и будетъ ти егоже еси просилъ, и градъ свой соблюду невредимъ до конца вѣку. Тажъ святїи Меркурїи, поклонився до земли предъ образомъ святые іконы Богородичны и изыде, і приде на оно мѣсто, идѣже сказа ему сама Госпоже Богородице; пройде же врата граду яко стражу градцкому неслышавшу, пришедшу же на долгни мостъ, и знаменавъ себе святымъ знаменемъ честнаго креста, вmolитвѣ призывающе Матерь Христа Бога нашего: Пречистая Госпоже Богородице помози на сопротивника сего, і вземъ свой мечъ подконецъ і вшедъ вполкъ злбожныхъ варваръ и уби исполна того силного немощїю обложена и иныхъ отъ полку того много множество множество посѣче мечемъ, тебе же самого раба моего положатъ мошми вцеркви моей во граде. И пакы сваршася, і

пришедь единъ варваръ лють и убивъ святого Меркурія мечемъ, ту же блаженный приять кончину о граде» и «Злобжый царю Батые, яко виде исполна убита множество многа иныхъ песѣченыхъ, тако ко граду несмѣя приближитися и побѣж, егда отѣкше главу Святому Меркурию, Святыиъ восприявъ главу свою к граду принесе предвѣми і проглагола своею главою отѣченою повѣдающе побѣду и заступление Госпоже своея Богородицы».

Наконецъ, по второму кругу—обычная при крестѣ на пяти степеняхъ надпись:

«Се веліе во бранѣхъ» и т. д.

Такимъ образомъ, приведенныя надписи этихъ знаменъ даютъ возможность судить о томъ, какъ тѣсно въ разсматриваемую эпоху „на Москвѣ“ связывали ратное дѣло съ религіозными возрѣніями *).

) Въ 1654 году было выстроено еще знамя для Особаго Большого полка князя А. Н. Трубецкаго. Это знамя въ описи 1667 года значится: „Знамя на немъ написано содну сторону Рождество Христово аздругую сторону Богоявление Господне съредина таета червчатая откосъ таета оснoвая опушка таета желтая“ ().

Это знамя было лишь еще выдано въ полкъ боярина и воеводы князя Ромодановскаго, вмѣсто стараго знамени Бѣлгородскаго полка, которое онъ, за ветхостью, прислалъ въ Розрядъ.

ГЛАВА V.

Западное вліяніе при Алексѣѣ Михайловичѣ при изготовленіи знаменъ.—Причины этому.—Боляринъ и оружейничій Хитрово.—Приливъ иноземцевъ и значеніе ихъ въ мастерскихъ Оружейнаго и Серебрянаго приказовъ.—Принадлежности къ Государевымъ знаменамъ.—Воеводскія знамена; случаи ихъ выдачи.—Сотенныя знамена Государева полка; случаи ихъ выдачи.

ОСУДАРЕВЫ знамена, постройки 1654 года, являются послѣдними строго выдержанными образцами древнемосковского искусства въ отношеніи письма и деталей ихъ изготовленія.

Съ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія уже значительно стало сказываться и въ этой отрасли западное вліяніе. Усиленію его, съ одной стороны, въ значительной степени способствовало развитіе вооруженныхъ силъ „иноземнаго строя“ *), а съ другой стороны, война со Швеціей, походъ на Ригу, а также пребываніе, за время Польскихъ войнъ, въ Литвѣ и на Украинѣ,—внесли въ жизнь Московскаго государства много новшествъ.

*) Въ перечневой росписи 1681 года изъ 85 тыс. конницы,—около 30 тыс. было уже иноземнаго строя, а на 20 тыс. стрѣльцовъ—около 61 полка „солдатскаго строя“ („Рус. Воен. Сила“, т. I, стр. 397).

Приливъ иноземцевъ значительно увеличился; къ нимъ стали причислять даже выходцевъ изъ шляхты областей Смоленской и Витебской, при чемъ ихъ работы въ Оружейной Палатѣ записывались подъ именемъ „польскихъ“.

Въ частности же, много способствовало и то, что бояринъ и оружейничій Б. М. Хитрово, назначенный управлять Оружейнымъ и Серебрянымъ приказами, а также всѣми ихъ мастерскими палатами, былъ убѣжденный поклонникъ всего европейскаго, а поэтому очень покровительствовалъ иноземцамъ и охотно бралъ ихъ къ себѣ на службу. Однако, иноземцы не могли выдѣлиться въ области оружейнаго и серебрянаго производствъ, стоявшихъ въ то время, пожалуй, даже выше западнаго искусства. Поэтому по прежнему относительно изготовленія оружія писалось: „Никита Давыдовъ съ товарыщы“ и относительно издѣльнаго серебра—„Иванъ Мягковъ съ товарыщы“. Но не то было въ области иконописи, на которую вновь прибывшіе иноземцы, „преспективнаго дѣла мастера“, сразу оказали сильное вліяніе. Скоро и русскіе мастера „переняли живописать образа на манеръ франковъ и поляковъ“, а при указанномъ выше взглядѣ оружейничаго Хитрово эта новая „манера“ въ писаніи изображеній на знаменахъ встрѣтила, конечно, одно поощреніе *). На вновь изготовляемыхъ знаменахъ лики святыхъ все чаще и чаще стали различаться отъ древнихъ византійско-московскихъ подлинниковъ; стали даже появляться и латинскія подписи. Остатки знаменъ, относимые къ разсматриваемому времени и найденные **) въ тайникѣ Новгородскаго Софійскаго собора, являются изложенному нагляднымъ доказательствомъ (1). Не удерживало отъ новшества и то, что въ указахъ Оружейной Палатѣ о по-

*) Въ отношеніи же церковныхъ иконъ новое вліяніе такъ не сказывалось: тутъ духовенство продолжало еще сильно сдерживать дѣятельность художниковъ, желавшихъ дѣлать серьезныя отступленія отъ установленныхъ издревле образцовъ.

**) Въ 1857 году.

стройкѣ новыхъ знаменъ, вмѣсто пришедшихъ въ негодность, неизмѣнно повторялось „противъ прежняго ветхаго того полку знамени слово въ слово“ *).

Касаясь теперь отдѣльныхъ частей полковыхъ знаменъ Государева большого полка, необходимо упомянуть, что древки для этихъ знаменъ дѣлались изъ липоваго дерева, круглыми и тонкими; обыкновенно они были „поволочены“ **), а затѣмъ по левкасу вызолочены сплошь и расписаны разноцвѣтными красками. На древко надѣвалось „государево знамя“ при помощи особаго, обыкновенно суконнаго, мѣшечка, пришитаго къ каймѣ знамени; мѣшечекъ же укрѣплялся „горошатыми“, золотыми или серебряными, гвоздиками, при чемъ, кромѣ того, подъ нижнимъ концомъ его находилось „рѣпчатое“ яблоко. Кресты надзнаменные съ яблокомъ и трубкой были верхнимъ украшеніемъ древка и обыкновенно дѣлались серебряными, а затѣмъ золотились ***), при чемъ самый крестъ дѣлался чеканнымъ, рѣзнымъ. Втоки дѣлались тоже серебряными, золочеными, къ нимъ прикрѣплялись изъ шелку тканья помочи, разныхъ цвѣтовъ; пряжки, запряжники и наконечники тоже были серебряными золочеными. Чехлы для знаменъ, называвшіеся чемоданами, сорочками и нагалищами, дѣлались изъ сукна.

Надо замѣтить, что изъ построенныхъ въ 1654 году десяти знаменъ съ началомъ первой Польской войны было

*) Должно было быть измѣнено въ новомъ знамени лишь именованіе царствующаго Государя, если ветхое знамя было построено при предшественникѣ.

**) Оклеены холстомъ. Встрѣчались особаго устройства древки, представлявшія значительное отступленіе отъ обыкновенныхъ. На это, между прочимъ, указываетъ слѣдующая записъ въ описи Оружейной Палаты за 1687 г., произведенной думнымъ дворяниномъ Полибинымъ: „Древко (№ 2) сверху оболочено отласомъ цвѣтнымъ, яблоко обилось. Древко (№ 3) потѣшное: яблоко прорѣзное золочено; змѣйка золочена въ чешую“. Одно же древко описано такъ: „Скѣпнице троснитеное обь осьми коленахъ“ („Опис. зап. кн. и ум. стар. дворц. прик.“, Викторовъ, вып. 2-й, стр. 385).

***) Въ описи Оружейной Палаты за 1795 годъ, составленной по прежнимъ описямъ, на листѣ 208, гл. 29, имѣется: „Крестъ Государева знамени Успенія Пречистыя Богородицы, серебряной литой, сквозной, золоченъ, вѣсу 56 золот. съ полузол. Трубка у древка, ковчегъ оболоченъ отласомъ червчатымъ, петли, два пробойца, два крючка серебряныя, гайтанъ шолкъ червчатъ съ золотомъ“.

выдано лишь шесть въ полки: Государя, большой, передовой, сторожевой, ертоульный и особо большой. Кромѣ того, одно знамя, вышеописанное, было предназначено для большого наряда. По окончаніи же похода государева перечисленныя выше знамена были сданы въ Оружейную Палату, гдѣ и являлись образцами во всю вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича.

Вторыми, по степени своего назначенія, въ это царствованіе были знамена, выдаваемые воеводамъ, которые обыкновенно дѣлились на „большихъ“ и „сходныхъ“, поэтому разница была и въ знаменахъ. Первымъ выдавались знамена большей величины, длина—6—8 арш. и ширина—2—2¹/₂ арш., въ откосахъ же, на кругахъ особаго цвѣта, обыкновенно изображался Господь съ предстоящими Архангелы, Ангелы и Угодники Божіи, на каймахъ же выписывали, кромѣ молитвословій, полный Государевъ титулъ. Знамена сходныхъ воеводъ были значительно меньше: длина—3—4 арш. и ширина—около 2 арш.; на откосѣ круги не нашивались и священныя изображенія замѣнялись золотыми и серебряными звѣздами; по каймѣ же писались только молитвословія, которыя иногда замѣнялись „травками“, выводимыми золотомъ, серебромъ и разными красками. Древки были проще и дѣлались иногда изъ осиноваго или еловаго дерева, а левкасились и золотились чаще всего безъ предварительной оклейки холстомъ *). Мѣшечки же вмѣсто сукна иногда дѣлались изъ той же матеріи, какъ и знамя; въ наверхьяхъ были надзнаменные кресты, которые дѣлались проще, большею частью—мѣдные высеребренные или вызолоченные, но были и луженые; то же самое можно сказать и относительно втоковъ; помочи—ременныя, лосиныя или тесмяныя, металлическія же принадлежности ихъ соотвѣтствовали втоку; чемоданы—преимущественно изъ сукна.

*) Иногда древки обшивались шелковой тканью, а древко, выданное князю В. В. Голицыну въ 1687 г. передъ Крымскимъ походомъ, было обтянуто бархатомъ. Тутъ, конечно, сказалось особое вниманіе Царевны.

Знамена воеводамъ назначались по именному указу Государя, затѣмъ пересылались на мѣсто сбора рати или же вручались въ Москвѣ при отправленіи въ походъ, что дѣлалось иногда весьма торжественно, въ зависимости отъ важности предпринимаемыхъ дѣйствій, а также отъ близости ко двору лица, назначеннаго воеводой. Обыкновенно наканунѣ выступленія, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, патріархъ, въ присутствіи Царя, служилъ молебень о побѣдѣ надъ врагомъ и освящалъ знамя. Затѣмъ уже Государь выдавалъ знамя, при чемъ тутъ же бояръ „жаловалъ къ рукѣ“, а иногда „звалъ къ себѣ хлѣба ѣсть“. Если же въ войну съ полками посылались „образа древняго писанія“, то совершался, при участіи всего двора, до мѣста проводовъ *) въ рати крестный ходъ, при чемъ впереди его несли полковыя знамена, а за ними предназначенныя въ походъ иконы. По выходѣ за городскія ворота совершалось напутственное молебствіе и цѣлованіе образовъ; затѣмъ процессія возвращалась въ городъ, воеводы же со знаменами и образами присоединялись къ своему войску.

Выдача воеводскихъ знаменъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ происходила довольно часто. Такъ, 30 октября 1658 г. стольникъ и воевода П. И. Годуновъ, посланный въ Брянскъ „полковымъ и осаднымъ воеводою“, былъ пожалованъ четырехугольнымъ знаменемъ „написано по рудожелтой камкѣ образъ Архистратига Божія Михаила на конѣ“ **). Въ слѣдующемъ году, 17 марта, боярину и воеводѣ князю Г. С. Куракину въ Великій Новгородъ было отвезено „Государево знамя Архангела Михаила, шито золотомъ и серебромъ по червчатой камкѣ, въ началѣ Господь Саваоѣ“. Въ этомъ же 1659 году

*) Они совпадали съ мѣстами встрѣчи „чужеземныхъ пословъ“ („О Россіи въ царст. Алек. Мих.“, стр. 43).

***) Въ описи 1664 года подъ № 86 сказано: „Знамя Камчатое розныхъ цвѣтовъ было у стольника у Петра Годунова въ Брянске впрошломъ во 167 году Октября 30 день“ (прилож. 4 къ допол. III отдѣленія „Древн. Россійс. Госуд.“).

6 августа стольнику и воеводѣ Н. О. Нащокину, посланному „въ понизовые города, собираться съ ратными людьми“ *) было дано „для той службы“ знамя „камка желтая, кайма камка червчатая, звѣзды бѣлыя“. Между прочимъ, еще можно указать на выдачу въ 1661 году 5 августа знамени, „а на немъ написанъ Царевичъ Дмитрій порудожелтой таѣтъ опушка таѣта лазорева“, стольнику и воеводѣ В. Н. Панину, которому было указано „съ бояриномъ и воеводою, со князь Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ въ сходныхъ воеводахъ съ татары“ **). Надо замѣтить, что воеводскими знаменами иногда назывались и знамена, состоявшія въ сотняхъ у головъ, отряженныхъ для отдѣльныхъ дѣйствій, такъ какъ въ разсматриваемое время было принято каждый отдѣльный отрядъ называть полкомъ, а его начальника—воеводою.

Слѣдующую степень по своему значенію занимали упомянутыя сотенныя знамена, которыя были двухъ категорій: государева полка и полковъ воеводъ.

Знамена первой категоріи въ началѣ царствованія Алексея Михайловича дѣлались по тѣмъ же образцамъ, какъ при Михаилѣ Феодоровичѣ. Это видно, напримѣръ, по тѣмъ тридцати пяти знаменамъ, которыя были построены изъ тафты разныхъ цвѣтовъ передъ первымъ Смоленскимъ походомъ. На одной сторонѣ каждого знамени былъ изображенъ животворящій крестъ Господень, а на другой—лики св. угодниковъ или ангеловъ; на нѣкоторыхъ же—лики св. благовѣрныхъ князей русскихъ, при чемъ дѣлалась слѣдующая надпись:

«О благовѣрный Княже, прииди на помощь и способствуй во брани сроднику своему благочестивому Государю нашему Царю Алексею Михайловичу всеа Русіи, побѣдiti враги Божія и своя, и совокупити всѣхъ православныхъ христіанъ во едино стадо».

*) Дворц. разр. т. III. Дополн., стр. 194.

***) Idem., стр. 282. У этого знамени крестъ и трубка были серебряныя, что, видимо, не было зауряднымъ явленіемъ, такъ какъ оно особо оговорено въ описяхъ.

Но знамена сотенъ городовыхъ дворянъ, вошедшихъ въ составъ Государева полка и, видимо, пришедшихъ уже со своими знаменами, нѣсколько отличались отъ описанныхъ выше: они были сдѣланы изъ камки или дорогиль, причемъ на нѣкоторыхъ были, кромѣ креста, нашиты звѣзды изъ тканей особыхъ цвѣтовъ; въ нѣкоторыхъ же сотняхъ росписаны красками. Сотенныя же знамена иновѣрцевъ *) крестовъ не имѣли, ихъ замѣняли звѣзды и репыи.

Тотъ же характеръ сотенныхъ знаменъ сохранился и въ походѣ подъ Ригу (2). По возвращеніи изъ этого похода знамена были сданы въ Оружейную Палату, тамъ исправлены и продолжали служить до 1672 года, время отъ времени выдаваясь тѣмъ головамъ Государева полка, которые посылались „въ полки съ бояры на Государевыхъ недруговъ“ или сопровождать пословъ на съѣзды „и быть при послахъ для береженья“ **).

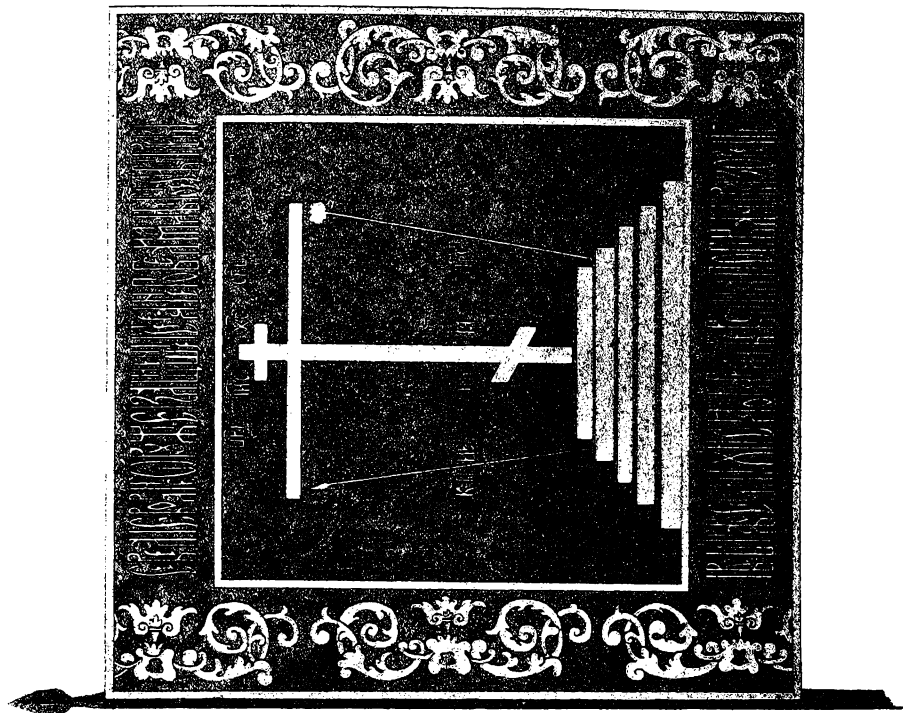
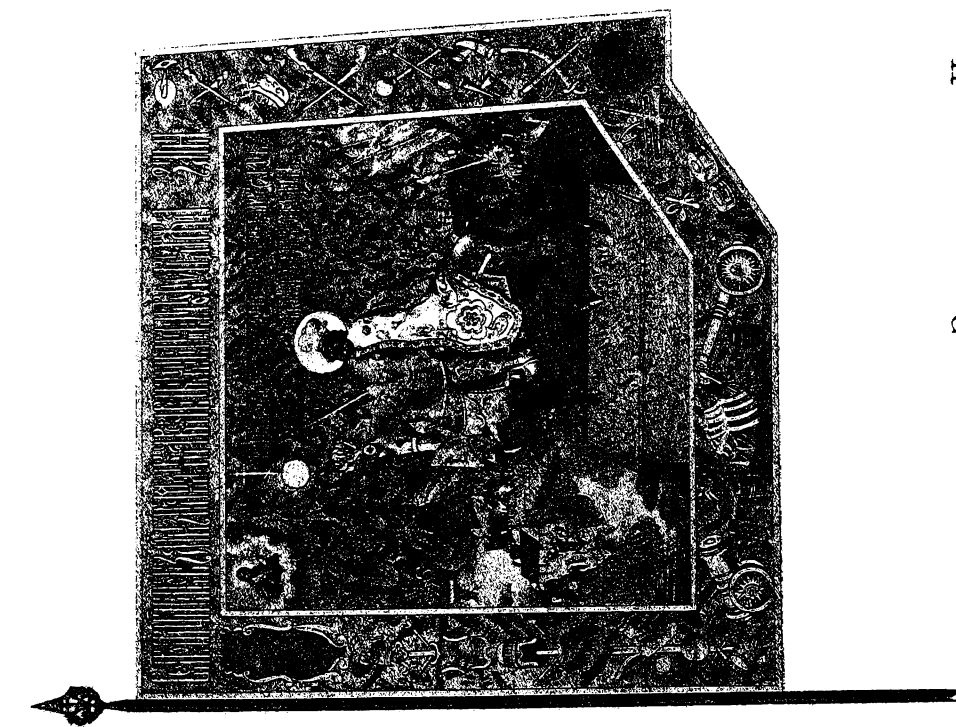
Выдавались знамена этой категоріи и тогда, когда чины Государева полка призывались въ Москву для царскихъ смотровъ (3), производившихся обыкновенно на полѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ или у какого-нибудь подмосковнаго села ***).

Въ день смотра знамена, подъ наблюденіемъ окольных и стольниковъ, выдавались въ сотни дьяками и подъячими Оружейнаго приказа. Получивъ знамена, а также доспѣхи, оружіе и лошадей — кому полагалось, сотни строились по росписямъ, составленнымъ думными дьяками. Передъ своими сотнями становились воеводы, которымъ также выдавались знамена. Къ опредѣленному часу все было готово, и Алексѣй Михайловичъ, въ сопро-

*) Между прочимъ, при первомъ Смоленскомъ походѣ изъ Москвы 18 мая 1654 года въ составѣ Государева полка находились сотни: „Астраханскихъ мурзъ и татаръ двѣ и Арзамазкой мордвы одна“. („Повседневн. дворцов. запись“, часть II, стр. 220—229). Во второмъ же походѣ была лишь „одна сотня Казанскихъ мурзъ“ (idem, стр. 270).

**) „Дворц. разр., ч. III. Дополн., стр. 131, 137—152 и 287.

***) 25 октября 1671 года Государь дѣлалъ смотръ ратнымъ людямъ своего полка въ селѣ Семеновскомъ.

Знамя времени Царя Алексѣя Михайловича.

вожденіи царевичей, ближнихъ бояръ, иностранныхъ пословъ и гонцовъ, выходилъ изъ дворца и шелъ въ поле къ выстроеннымъ сотнямъ. Кромѣ рындъ съ оружіемъ въ этихъ случаяхъ за Государемъ, какъ, напримѣръ, было въ 1664 году на смотру передъ встрѣчей англійскаго посла Чарлза Говарда *), слѣдовали знамена: большое знамя, знамя—что возилось передъ нимъ во все дни бывшихъ походовъ, а третье—шитое. (4)

По прибытіи Государя, сотни, имѣя впереди своихъ головъ, а за послѣдними—свои знамена, проходили мимо подъ звуки музыки, составленной изъ сурначей, трубачей, литаврищиковъ, накрачеевъ и набатчиковъ. Послѣ этого происходилъ роспускъ. Если же смотръ дѣлался передъ встрѣчей иноземныхъ пословъ, то въ назначенный день чины Государева полка опять собирались на указанномъ мѣстѣ, затѣмъ строились по обѣимъ сторонамъ пути посла, обыкновенно отъ землянаго вала до посольскаго двора, при чемъ для большихъ встрѣчъ къ выборной сотнѣ приводилось большое Великаго Государя полковое знамя, подъ охраной двухъ стольниковъ *). Иногда Алексѣй Михайловичъ смотрѣлъ посольскую встрѣчу съ городскихъ воротъ, чрезъ которыя должны были идти послы. (5)

Надо замѣтить, что передъ каждой выдачей въ сотни знаменъ въ Оружейной Палатѣ происходили спѣшныя работы. Знамена осматривались, исправлялись, при чемъ ветхія части, если имъ „на службѣ быть не мочно“, замѣнялись новыми, затѣмъ прибирались дровки, наверхья и т. п.

*) Надо замѣтить, что сотни Государева полка выѣзжали „для принятия и чести“ только тогда, когда „бываютъ на Москвѣ Цесаря Римскаго послы, также Польскаго и Свейскаго, и Англинскаго и Датскаго королей, и Турскіе и Персикіе“, но когда пріѣзжали „Крымскаго хана, и ногайскіе и калмыцкіе послы, и имъ встрѣчи не бываетъ“. („О Россіи въ царст. Алекс. Михайл.“ стр. 42 и 202).

*) „Дворц. разр.“, ч. III, стр. 493—494.

ГЛАВА VI.

Изготовленіе 50 знаменъ для сѣти Государева полка.— Особое сотенное знамя.— Сотенныя знамена въ полкахъ бояръ и воеводъ; посылка ихъ въ полки.— Передача знаменъ и возвращеніе.

ЖЕ было указано, что при началѣ своего вступленія на престолъ, передъ первымъ Смоленскимъ походомъ, Алексѣй Михайловичъ приказалъ сдѣлать тридцать пять сотенныхъ знаменъ для своего Государева полка. Эти знамена, видимо, къ 1671 году, несмотря на исправленія, находясь почти постоянно на службѣ, пришли въ полную ветхость, что и побудило Царя въ упомянутый выше годъ указать Казенному приказу сдѣлать, для передачи затѣмъ въ Оружейную Палату, пятьдесятъ новыхъ сотенныхъ знаменъ, изъ которыхъ половина камчатныхъ и половина тафтяныхъ; допускались разные цвѣта; изъ тѣхъ же матерій должны были быть и каймы, но другого цвѣта чѣмъ середины. Въ началѣ 1672 года двадцать пять камчатныхъ знаменъ уже было сдѣлано и передано въ Оружейную Палату, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что въ Казенномъ приказѣ тафты нѣтъ. Тогда, 19 ноября, вслѣдствіе

этой отписки, было указано дѣлать и остальные двадцать пять знаменъ также изъ камки „розныхъ цвѣтовъ“. Постройка этихъ знаменъ все-таки затянулась и они были переданы въ Оружейный приказъ лишь въ маѣ 1673 года. Тогда на всѣхъ сдѣланныхъ сотенныхъ знаменахъ особымъ указомъ предписывалось написать Святыхъ, „которые писаны на старыхъ сотенныхъ знаменахъ, слово въ слово, для того, что старыя сотенныя знамена, будучи на его великаго Государя службахъ, въ полкѣхъ подѣ Смоленскомъ, подѣ Вильнею и подѣ Ригею и на иныхъ его великаго Государя службахъ, отъ вѣтру избились, и впредь на его великаго Государя службахъ въ полкѣхъ, за тою ветхостію имъ быть немочно“ *).

Исполненіе этой работы продолжалось до 1675 года, при чемъ, однако, не во всѣхъ знаменахъ было соблюдено требованіе „слово въ слово противъ прежнихъ знаменъ“, такъ какъ на нѣкоторыхъ, около знаменія животворящаго креста, въ особыхъ клеймахъ, по золоту и по серебру, написаны были тропарь

«Спаси Господи люди твоя»

и кондакъ:

«Вознесійся на крестъ волею»;

кромѣ того, къ государеву титулу прибавлено:

«всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ».

Эти знамена въ сотни Государева полка выдавались за смертью Государя уже при преемникахъ Алексѣя Михайловича, являясь въ то же время самой крупной постройкой въ разсматриваемой области Казеннаго и Оружейнаго приказовъ конца царствованія упомянутаго Государя.

Въ Оружейной Палатѣ хранится одно знамя (№ 4077) разсмотрѣннаго выше типа, при чемъ время постройки его

*) Прилож. № 29 къ дополн. III Отдѣл. „Древн. Рос. Госуд.“.

можно отнести къ 1671—1675 гг. Это знамя четырехугольное, длина — 2 арш. 4 верш., ширина — 2 арш. 3¹/₂ верш., середина изъ красной камки, а каймы изъ бѣлой; на одной сторонѣ изображенъ животворящій крестъ Господень, воздвигнутый на подножіи на пяти степеняхъ, и розсыпаны золотыя звѣзды, надъ крестомъ надпись:

«Царь славы»,

пониже «п.хс.», по бокамъ креста «ни...ка», пониже—«мя», у первыхъ степеней—«рб.», пониже «гг». По верхней и по нижней каймѣ надпись золотою вязью:

«Всемъ христіаномъ во бранехъ оружіе и защищеніе, стена непобѣдимая благочестивымъ Царемъ и всемъ правоправящимъ христіаномъ, на враги же велія побѣда и разореніе».

На другой сторонѣ изображенъ Ангелъ на конѣ съ крестомъ; вокругъ изображенія написаны золотыя звѣзды, около главы Ангела надпись

«Агіосъ Агль Гдень».

По верхней и нижней каймамъ написано:

«О Агль Хрстовъ стый приди на помощь благочестивому Гдрю ишему Црю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи способствуя побѣдити враги ево видимыя и невидимыя *).

Древко—бѣлое, крашеное; наверхъ желѣзное прорѣзное копье, на немъ вырѣзанъ на проемъ крестъ съ тростию и копьемъ.

Сотенныя же знамена въ полкахъ бояръ и воеводъ при началѣ царствованія Алексѣя Михайловича строились, какъ при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, „рознымъ обычаемъ“, преимущественно изъ простыхъ мате-

*) Это знамя до 1634 года хранилось въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ при знамени была прикрѣплена бумажка такого содержания: „сіе знамя 181 года писалъ Иванъ Солтановъ; новоприбылое знамя“.

рій: холстины, полотна, крашенины, зенденя и т. п. Но затѣмъ постепенно бумажныя матеріи стали выходить изъ употребленія и 6 августа 1659 года въ послѣдній разъ было сдѣлано въ Казенномъ приказѣ сто знаменъ киндячныхъ, разныхъ цвѣтовъ, по $1\frac{1}{2}$ арш. въ сторонѣ, съ крестомъ и опушками *). Съ указаннаго же выше года и сотенныя знамена для воеводскихъ полковъ стали строиться „изъ камки и изъ таѣты розныхъ цвѣтовъ, и въ дорогахъ гилянскихъ и кармазинныхъ“ **), кресты и признаки или вышивать изъ тѣхъ же матерій „рознаго цвѣта“, или же писать золотомъ, серебромъ и красками.

Но надо замѣтить, что при Алексѣѣ Михайловичѣ разнообразіе въ этой категоріи знаменъ было значительное. Такъ, подѣ Вильною въ 1659 году въ большомъ полку боярина и воеводы князя Ю. А. Долгорукова съ товарищи было пятнадцать „знаменъ дорогильныхъ, въ дорогахъ кармазинныхъ“ и пятнадцать тафтяныхъ, съ серединой изъ красной тафты же, опушка изъ тафты же двоеличной; во всѣ эти 30 знаменъ были вшиты изъ бѣлой тафты кресты и имѣли, при скосѣ, ширину $1\frac{1}{4}$ арш., длину $1\frac{3}{4}$ при ширинѣ каймы въ $\frac{1}{4}$ арш. Между тѣмъ какъ въ томъ же году, подѣ Смоленскомъ, въ полку окольникового и воеводы князя П. А. Долгорукова всѣ тридцать знаменъ были изъ камки и всѣ признаки писаны ***).

Иногда въ одинъ и тотъ же полкъ высылались разныя знамена. Такъ, въ 1661 году упомянутому уже выше боярину и воеводѣ князю Ю. А. Долгорукову съ товарищи было послано двадцать знаменъ, изъ которыхъ десять—камчатныхъ съ писаными золотомъ крестами и звѣздами и десять—тафтяныхъ, у которыхъ тѣ же признаки

*) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, „Книга Кроильная“, № 1172.

**) *Камка* называлась иногда адамашка, что первоначально этотъ сортъ камки привозился изъ Дамаска. Слово камка, съ персидскаго яз., означало шелкъ. Дороги—тоже шелковая матерія восточнаго происхожденія.

***) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, Столб. 167 г., 11 мая № 27.

были уже вышиты. Тому же князю въ 1670 году изъ полка князя Г. С. Куракина было передано 48 сотенныхъ знаменъ, изъ которыхъ двадцать два камчатныхъ, пятнадцать тафтяныхъ и одиннадцать дорогильныхъ *). Весьма характерно и слѣдующее указаніе: „въ Ахтырскій полкъ Генерала и Воеводы Князя Ивана Михайловича Кольцова - Мосальскаго, прислано изъ розряду три знамя сотенныхъ съ дrevки и съ чемоданы покромными. Первое луданное желтое, около кайма бѣлаго лудана, нанемъ написанъ насеребрѣ образъ Святителя и чудотворца Николая, да изъ облака рука. Второе, луданноеожъ желтое нанемъ написанъ насеребрѣ Архангель Михаилъ съ мечемъ, стояще наоблацехъ, а третье, китайчатое, около кайма бѣлаго полотна“. Но сразу всего больше, а именно пятьдесятъ знаменъ изъ тафты и дорогъ, въ разсматриваемое время было выдано въ 1663 году въ полкъ боярина и воеводы князя Я. К. Черкаскаго.

Порядокъ же передачи знаменъ отъ одного воеводы другому виденъ изъ слѣдующей выписки: „Писалъ Великому Государю Царю і великому Князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу Бояринъ і воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ, и прислалъ зголовою Московскихъ стрельцовъ Смотровѣмъ Шипшкинымъ полковое знамя, на немъ писанъ Нерукотворенный Образъ Спасовъ; да крестъ серебрянъ золоченъ, струбкою; и по указу Великого Государя то знамя, и крестъ, изрозряду, оружейной приказъ, ктебѣ окольничему и оружейничему Богдану Матвѣвичю Хитрово икстольнику Ковонаস্যю Нестерову икдьяку Лариону послано съивашкою охотницкимъ“.

Древки у большихъ сотенныхъ знаменъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ строились преимущественно изъ ели и росписывались красками разныхъ цвѣтовъ, въ наверхья же преимущественно употреблялись гротики „желѣзные на

*) „Дополн. къ Актамъ истор.“, т. IV, № 12.

копейное дѣло“ и литые мѣдные кресты, которые иногда, впрочемъ довольно рѣдко, золотились; сорочки дѣлались сначала преимущественно изъ бумажныхъ матерій разнаго наименованія, а затѣмъ, когда сами знамена стали дѣлаться изъ шелковыхъ матерій,—изъ сукна, „багрецу алаго гамбургскаго и изъ сукна кармазину червчатаго англискаго“ *).

Этою послѣднею категоріею и оканчивается тотъ рядъ знаменъ, которыя выдавались въ части временныхъ войскъ, состоявшихъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. За перечисленными категоріями служилыхъ людей въ сотняхъ еще бывали „къ бою со всею службою, всякихъ чиновъ, за человѣкомъ человѣкъ по пяти, и по шести, и по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и по сорока, смотря по ихъ животамъ и по вотчинамъ, кромѣ тѣхъ людей, которые бывають съ ними за возами; а какъ прилучится бой, и тѣхъ ихъ людей къ бою отъ нихъ не отлучають и бывають съ ними вмѣстѣ подъ однимъ знаменемъ **).

Надо замѣтить, что выданныя въ войска знамена обыкновенно отбирались въ томъ пунктѣ, гдѣ войско распускалось ***). По окончаніи, напримѣръ, въ 1155 году литовскаго похода „боярина и дворецкаго и воеводы Василя Васильевича Бутурлина съ товарищи“, знамена были отъ полковъ и сотенъ приняты въ Кіевѣ, при чемъ тутъ возникла даже цѣлая переписка о неприносѣ „на съѣзжіи дворъ“ однимъ стряпчимъ своего знамени у „почепца Ивана Васильева“, такъ какъ его „изодрали на съемномъ бою поляки какъ государевы ратные люди побили коруннаго гетмана Станислава Потоцкаго“. (1)

*) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, Столб. 172 г., декабрь № 26.

***) „О Россіи въ царств. Алекс. Михайл.“, стр. 107—108.

***) Были случаи, что знамена непосредственно передавались отъ войска одного боярина и воеводы въ войско другого боярина. Такая мѣна въ 1763 году произошла въ Вѣлой Церкви, между В. В. Бутурлинымъ и В. Б. Шереметевымъ.

Особенно часто не возвращались знамена, взятые въ бою. Это „вѣдомо учинилось“ и завѣдывающему Оружейнымъ приказомъ окольникову Б. М. Хитрову, вслѣдствіе чего отъ имени царя и великаго князя было объявлено: „которыя знамена наши ратные люди на бояхъ поимали, и тѣ знамена они межъ себя дерутъ, а тебѣ про нихъ не объявлять и къ намъ тѣхъ знаменъ не присылають. И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бы нашимъ ратнымъ всякихъ чиновъ людямъ сказалъ и заказъ учинилъ крѣпкій: которыя знамена наши ратные люди впередъ на бояхъ у литовскихъ людей возьмутъ, и онибъ ихъ ничѣмъ не портили, а привозили тѣ знамена къ запискѣ и отдавали ихъ совсѣмъ вѣль *).

Остается еще сказать, что иногда воеводамъ, изготовившимъ полотнища знаменъ собственнымъ попеченіемъ, выдавались и высылались только принадлежности къ знаменамъ. Поэтому зачастую можно встрѣтить въ записныхъ книгахъ Оружейной Палаты или Конюшеннаго приказа слѣдующія отмѣтки: „Стольнику Князю Григорью Княжъ Аванасьеву сыну Козловскому кзнамени крестъ серебряный“, „Стольникъ Василей Яковлевъ сынъ Голохвастовъ взялъ кзнамени крестъ і втокъ серебряной, которому велено быть вновьъ городе вполку“, „Стольнику Князю Петру Семеновичю Урусову для низовыя службы кзнамени крестъ серебряной апокаске ево ныне тотъ крестъ знаменемъ у стольника у Князя Петра Иванова сына Хованскаго на Дону“.

*) „Акты Моск. Госуд.“, т. II, стр. 419.

ГЛАВА VII.

Описаніе стрѣлецкихъ знаменъ сохранившіеся образцы. — Знамена у иноземцевъ. — Знамена въ полкахъ солдатскаго строя; описаніе и способы построики. — Характерные признаки солдатскихъ знаменъ. — Драгунскія знамена; сохранившіеся образцы.

СТАЛЬНЫЕ разряды, весьма разнообразны, вооруженныхъ силъ Московскаго Государства имѣли, по своей организаціи, характеръ войскъ постоянныхъ, а для нѣкоторыхъ частей были взяты въ образецъ даже исключительно войска нѣмецкія, — что, конечно, значительно отразилось на порядкѣ построики и снабженія знаменами этихъ строевыхъ частей. Въ этой категоріи первое мѣсто занимаютъ стрѣльцы.

Стрѣльцы *), по своему характеру постояннаго войска, при Алексѣѣ Михайловичѣ заняли первое мѣсто, достигнувъ численности двадцати приказовъ, изъ которыхъ „одинъ приказъ выборный первый, словеть стремянной, потому что бываетъ всегда съ царемъ и царицею во вся-

*) Впервые слово „стрѣльцы“ встрѣчается въ записи 1169 года „Суздальской лѣтописи“ (по Лаврентьевскому списку), гдѣ на стр. 341 говорится: „Не ѣздите вы напередъ, вы есте нашъ городъ, а мы пойдемъ напередъ стрѣльци“.

кихъ походахъ для сбереганія, а въ инья службы и въ посылки ни въ какія не посылаются никауда“ *).

Въ стрѣлецкихъ приказахъ, какъ и въ царствованіе Михаила Теодоровича, сначала имѣлись знамена лишь двухъ категорій: головинныя, принадлежащія цѣлому приказу, и сотенныя, но только при Алексѣѣ Михайловичѣ бумажныя ткани для этихъ знаменъ стали замѣняться шелковыми; такъ, въ 1669 году во всѣ приказы Московскихъ стрѣльцовъ новыя знамена были построены изъ тафты, при чемъ признаки и каймы были сдѣланы изъ дорогъ разныхъ цвѣтовъ **). Вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться и пятисотенныя знамена. Первое указаніе объ этихъ знаменахъ относится къ 1661 году, когда по Государеву указу отъ 30 апрѣля было сдѣлано такое знамя головѣ Зимѣ Волкову изъ тафты разныхъ цвѣтовъ.

Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича на головинныхъ знаменахъ стали появляться священныя изображенія (1) и самый размѣръ доходилъ иногда до 8 арш. въ длину и 6 арш. въ ширину. (2)

Сотенныя же знамена стрѣльцовъ, отъ знаменъ той же категоріи въ Государевомъ полку, отличались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они строились болѣе однообразно. Это особенно справедливо въ отношеніи Московскихъ приказовъ, сотни которыхъ имѣли знамена по слѣдующему образцу: на серединѣ вшивался четырехконечный крестъ, дѣлившій знамя на четыре равныя части - четверти; въ верхней лѣвой четверти, прилегавшей къ древку, вшивался осьмиконечный крестъ съ подножіемъ и около него звѣзды, число которыхъ соотвѣтствовало номеру сотни ***).

Въ Оружейной Палатѣ хранится нѣсколько стрѣлецкихъ знаменъ разсматриваемой эпохи: № 4091 — камчатное,

*) „О Россіи въ царств. Алексѣя Михайл.“, стр. 74—75.

**) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, книга № 1057, 169 г., 17 февраля и 1 июля.

***) Знамена же городовыхъ стрѣльцовъ были разнообразнѣе по своему наружному виду и иногда, по прежнему, дѣлались изъ киндяковъ, мнгалей и занденей разныхъ цвѣтовъ.

мѣрою по древку—2 арш. 9 вер., ширина 3 арш.; кресты свѣтлоричневаго цвѣта, четверти темножелтаго; въ верхней четверти вшиты крестъ и 9 звѣздъ изъ тафты бѣлаго цвѣта и № 4098—тоже камчатное, длина 1 арш. 13¹/₂ вер., ширина—1 арш. 11¹/₂ вер., ширина каймы 3 вер. *). Имѣется одно и полуполковничье (№ 4099) знамя, сдѣланное изъ тафты, длина 3 арш. 6 вер., ширина 2 арш. 12 вер., крестъ былъ алаго цвѣта, четыре большихъ звѣзды, по одной въ каждой четверти; послѣднія голубаго цвѣта, каймы желтыя; мѣшечекъ суконный, красный. Древку крашено въ зеленый цвѣтъ, наверхше прорѣзное съ крестомъ.

Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича, особенно ко времени начала Польской войны, число иноземцевъ въ Москвѣ стало быстро увеличиваться, чему въ сильной степени способствовало окончаніе въ это время тридцатилѣтней войны, когда цѣлыя полчища искателей приключеній остались безъ „ратнаго“ дѣла. Но изъ всѣхъ желающихъ охотно принимались лишь начальные люди, что давало возможность постепенно увеличивать численный составъ и русскаго постоянного войска. Благодаря этому, къ послѣдному году царствованія Алексѣя Михайловича общее число полковъ иноземнаго строя, солдатскихъ, рейтарскихъ и драгунскихъ возросло до пятидесяти.

Надо замѣтить, что постройка знаменъ собственно чисто иноземнымъ частямъ, т. е. такимъ, въ составъ которыхъ не входили русскіе, происходила по тѣмъ же образцамъ, какъ и въ предшествующее царствованіе.

Сплошь и рядомъ по прежнему въ иноземный приказъ на постройку знаменъ отпускались „таета веницейка кармазинъ“, „камка адамашка травяная“, дороги, алтейка и тому подобныя шелковыя матеріи.

*) На знамени признаковъ не имѣется, что показываетъ о позднѣйшемъ его исправленіи. Наверхше этого знамени—желѣзное копье, на немъ четырехконечный крестъ.

До нашего времени сохранилось два знамени отъ 1649 и 1654 гг. *), которыя находились въ частяхъ составленныхъ изъ иноземцевъ. Первое (безъ древка)—изъ зеленой тафты, имѣеть длину по древку—1 арш. 6 вер., а по каймѣ—1 арш. 8 вер., въ серединѣ написанъ золотомъ, серебромъ и красками Архангелъ, держащій въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой—вѣсы; на другой сторонѣ имѣется крестъ, подъ нимъ гербъ, а по угламъ литеры „L. S. M. A. D.“ и „1649“.

Второе (очень ветхое)—тоже изъ зеленой тафты, кайма—изъ красной; по древку 2 арш., по верхней каймѣ—3 арш. 7 вер., въ серединѣ написанъ красками, золотомъ и серебромъ Архангелъ; по каймѣ имѣется надпись (нынѣ нельзя ее, къ сожалѣнiю, за ветхостью разобрать) и годъ «1654»; по каймѣ же, прилегающей къ древку, написано:

«pro Deo, Rege et patriae»;

по угламъ, между арабскими, латинскія буквы:

«L. S. D. M.».

Знамя—на древкѣ съ одноглавымъ прорѣзнымъ орломъ **). При Алексѣѣ Михайловичѣ знамена солдатскихъ полковъ въ главныхъ чертахъ строились такъ же, какъ и при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, т. е. на нихъ шли дороги и тафта разныхъ цвѣтовъ, форма давалась прямоугольная и отсутствовала кайма ***) и мѣшечки, такъ какъ полотнище оббивалось около древка и прибивалось гвоздиками. Увеличены были лишь размѣры и одноцвѣтное полотнище кроилось въ длину—3 арш. 4 вер. и въ ширину—2¹/₂ арш.,

*) Нынѣ хранятся онѣ въ Оружейной Палатѣ подъ №№ 4211 и 4212.

**) Последнее обстоятельство, если только наверху не позже придѣлано, указываетъ также на польское происхожденiе описаннаго знамени.

***) Это особенно характерный признакъ для знаменъ солдатскихъ полковъ. Во все царствованiе Алексѣя Михайловича сдѣлано лишь одно исключенiе въ 1660 году, когда въ Московскій выборный Аггеевъ полкъ Шешелева были сдѣланы „девять знаменъ таяныхъ красныхъ, опушка бѣлая, десятое бѣлое, опушка красная“. „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, (Столб. 169 г., № 44).

на лицевой сторонѣ вшивался, другого цвѣта, осьмиконечный крестъ съ подножіемъ, а также звѣзды, число которыхъ, какъ и въ стрѣleckихъ полкахъ, соотвѣтствовало номеру роты *), иногда, кромѣ того, на знаменахъ изображались солнце и луна и даже птицы. Такъ, въ 1659 г. въ девять солдатскихъ знаменъ „изъ таѣты рудожелтой, кресты зеленые“ велѣно было вшить „круги большіе таѣты розныхъ цвѣты, а въ кругахъ птицы“. Эти изображенія, а также изображенія орла, льва, грифа и т. п., получившія названіе „разцвѣтовъ“, особенно часто стали появляться съ 1668 года, когда для постройки знаменъ упоминавшася уже Московскаго выборнаго Аггеева полка Шепелева, между прочимъ, было отпущено, судя по сохранившейся въ столбцахъ записи, на „разцвѣты тѣхъ знаменъ, на лвы, на инороги, на восилиски рудожелтой черной, лазоревой, алой, осиновой и брусничной по пяти аршинъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно указывается „и противъ прежнихъ, каковы напередъ сего знамена дѣланы въ солдатскіе полки“.

Надо замѣтить, что въ городскихъ солдатскихъ полкахъ, носившихъ иногда названіе „новоприборныхъ“, довольно часто шелковыя матеріи замѣнялись киндяками. Случалось это и со знаменами московскихъ полковъ. На солдатскихъ знаменахъ съ 1661 года признаки стали также изображаться „живописнымъ письмомъ“, золотомъ и серебромъ,—что, впрочемъ, до конца царствованія Але-

*) Это названіе подраздѣленій солдатскихъ полковъ было имъ присвоено съ момента ихъ возникновенія, при чемъ они набиралась „изъ вольныхъ охочихъ людей, изъ дѣтей боярскихъ изъ новокрещеновъ и изъ татаръ, которые не были верстаны и не въ службѣ, и за которыми прожиточныхъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, также изъ стрѣleckихъ казачьихъ, и всякихъ чиновъ людей дѣтей и братьевъ и племянниковъ, которые не въ службѣ и не въ тягѣ, и не на пашнѣ, и не въ холопствѣ, ни у кого не служатъ“. („Акт. Археогр. эксп.“, т. III, № 287).

О соотвѣтствіи же числа звѣздъ номеру роты на чертежѣ приложенномъ къ памяти о постройкѣ въ 1665 г. десяти солдатскихъ знаменъ въ Вѣлгородскій полкъ было сказано: „для того чтобъ знатно было, знамена которой роты которе знамя“.

кѣя Михайловича надо признать, какъ рѣдкое исключеніе.

Указанное разнообразіе въ царствованіе Алексѣя Михайловича знаменъ солдатскихъ полковъ иногда увеличивалось еще и тѣмъ, что въ упомянутые полки часто выдавались знамена, отбитыя у непріятеля. (3)

Древки почти всегда были крашенныя, иногда же лощеныя изъ ясеневаго дерева. Гротики полковничьихъ знаменъ въ большинствѣ случаевъ золоченыя, а у прочихъ знаменъ — луженыя. Чехлы—суконныя.

Въ постройкѣ драгунскихъ знаменъ при Алексѣѣ Михайловичѣ также были установлены общія правила, довольно строго, сравнительно, соблюдавшіяся.

Знамена указанной категоріи, преимущественно изъ шелковыхъ матерій *), представляли собою равносторонній четырехугольникъ, при длинѣ стороны въ 1¹/₂, арш., кругомъ пришивалась кайма иного цвѣта, чѣмъ середина знамени; съ угла на уголъ нашивался крестъ, а къ свободному концу середины—два хвоста, длиною до 3 арш. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича признаки и на драгунскихъ знаменахъ иногда стали писаться золотомъ, серебромъ и красками „розныхъ цвѣты“.

Отъ приведеннаго выше, такъ сказать, нормальнаго описанія значительно отличались десять драгунскихъ знаменъ, построенныхъ въ 1665 году для Бѣлгородскаго полка **). Середину этихъ знаменъ составляли четыре прямоугольника изъ тафты, сшитые крестъ-на-крестъ, причемъ въ верхней четверти, ближайшей къ древку, былъ написанъ крестъ съ подножіемъ; хвосты же, по два на знамя, имѣли длину всего 2 арш. и каждый былъ обога цвѣта.

*) Впрочемъ, встрѣчались знамена и изъ киндяка, миткаля и другихъ бумажныхъ матерій „Арх. Оруж. Пал.“ 155 года, кн. № 1073).

***) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“ Столб. 160 г. № 41.

Древки и для драгунскихъ знаменъ обыкновенно „писались“, гротики же и чехлы дѣлались такіе же, какъ и у знаменъ солдатскихъ полковъ.

Въ Оружейной Палатѣ сохранилось два драгунскихъ знамени *) (№ 4171), могущихъ быть отнесенными къ концу царствованія Алексѣя Михайловича. Эти знамена сдѣланы изъ бѣлой тафты съ откосомъ, сръзаннымъ сверху; по древку длина—1 арш. 11 верш., по верхней каймѣ—1 арш., а по нижней—2 арш. 8 верш. На полотнищѣ каждаго знамени вшито по грифу, составленному изъ тафты разныхъ цвѣтовъ; въ своихъ лапахъ грифъ держитъ палашъ; около грифа вшитъ четырехъконечный крестъ изъ зеленой тафты; середина красная; въ углу откоса на одномъ знамени двѣ, на другомъ—три голубыя звѣзды. Древки—простыя, гротики—желѣзные копыя.

Заканчивая этимъ детальное описаніе знаменъ, находившихся „на службѣ“ въ разныхъ категоріяхъ вооруженныхъ силъ Московскаго Государства въ періодъ царствованія Алексѣя Михайловича, остается еще остановиться на томъ порядкѣ, который былъ установленъ вообще для постройки знаменъ.

*) Оба знамени въ описи 1711 года (№ 3) отмѣчены были слѣдующимъ образомъ: „Два знамя маленькіе, полковые таеты бѣлой, всерединѣ по желтой, по зеленой, по вишневой, по лазоревой таетамъ звѣрь гривъ, повыше зверя по кресту таетиному лазоревому“.

ГЛАВА VIII

Дѣятельность Оружейной Палаты.—Порядокъ постройки новыхъ знаменъ.—Нужные матеріалы; болѣе принятыя для знаменъ матеріи.—Ассигнованіе денежныхъ средствъ.—Попытка изготовленія шелковыхъ тканей въ Астрахани.—Характеръ порядка постройки знаменъ; изготовленіе къ нимъ принадлежностей. Храненіе и выдача знаменъ.—Описи; ихъ значеніе.

ЛАВНАЯ дѣятельность по изготовленію знаменъ была сосредоточена въ Оружейной Палатѣ, такъ какъ знамена полковныя и воеводскія и сотенныя знамена Государева полка строились всегда „въ казигъ“ *)

Новыя знамена обыкновенно изготовлялись передъ походомъ, на перемѣну прежнихъ, въ запасъ и „въ поднось великому Государю къ недѣлѣ св. Пасхи“. (1)

Къ постройкѣ приступалось по именному каждый разъ указу Государя (2) и производилась она въ мастерскихъ

*) Остальныя категоріи знаменъ преимущественно строились самими войсками, хотя изъ изложеннаго уже усматриваются частыя тому отступленія.

Оружейнаго приказа *)), во главѣ котораго при Алексѣѣ Михайловичѣ долгое время находился въ должности оружейничаго окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.

Впрочемъ, довольно часто знамена шились на казенномъ дворѣ и отдавались затѣмъ въ мастерскія Оружейнаго приказа лишь для окончательной отдѣлки и пригонки принадлежностей **).

Надо замѣтить, что до начала работъ по изготовленію знаменъ составлялась всегда подробная роспись потребнымъ деньгамъ и матеріаламъ. (3) Въ числѣ послѣднихъ обыкновенно упоминались: золото листовое сусальное, баканъ венеційскій, ярь, бѣлила русскія, „клей рыба“, „гривенокъ потыки перепусные вина“, сурикъ кашинскій, псковская вохра ***)), нефть, скипидаръ, „алиѳа“, голубецъ, киноваръ и т. п.

Составленныя росписи провѣрялись и при наличности потребныхъ припасовъ немедленно приступали къ работѣ. Если же ихъ было не достаточно, то составлялся докладъ о томъ количествѣ, которое необходимо прикупить, при чемъ обыкновенно докладъ оканчивался „и тѣ деньги великій Государь изъ котораго приказа взять укажетъ“. Затѣмъ рѣшеніе царя и нарядъ работъ подробно излагался въ особой „памяти“, которую обыкновенно и посылали въ приказъ Большой казны, гдѣ хранились, между прочимъ, разнаго рода запасы „для Государевыхъ приказныхъ и всякихъ верховыхъ дѣлъ“.

*) Напримѣръ, въ „Книгѣ кроаяльная приказному верховому платью и изъ приказовъ по памятямъ“ за 7161 годъ (1652—1653) имѣется записъ: „30 знаменъ, по памяти изъ Казанскаго дворца“.

**) Иногда указъ Государя „сказывалъ“, сходя сверху, самъ воевода, въ полкъ котораго предназначалось знамя. Свое распоряженіе о постройкѣ знамени въ нѣкоторыхъ случаяхъ Алексѣй Михайловичъ передавалъ боярамъ, сидѣвшимъ въ приказахъ или же свой указъ сказывалъ прямо казначею, приказывая на казенномъ дворѣ шить знамя, а затѣмъ уже послать въ Оружейный приказъ.

***) Употреблялась еще „нѣмецкая“ и „грецкая“. Приводимое перечисленіе вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ мѣста обычнаго производства того или другого матеріала.

Случалось, что и въ Большой казнѣ не было всѣхъ нужныхъ матеріаловъ. Тогда вторично испрашивалось „какъ великій Государь укажетъ“. Въ такихъ случаяхъ Алексѣй Михайловичъ приказывалъ обходиться наличными средствами, а поэтому часто измѣнялось первоначальное указаніе въ отношеніи цвѣта и рода матеріи. (4)

Послѣднія были въ большинствѣ случаевъ шелковыя и восточнаго происхожденія.

Государева казна получала ихъ обыкновенно „въ дарѣхъ“, когда Великому Государю „били челомъ“. Такіе случаи обыкновенно отмѣчались въ записныхъ книгахъ и находятся, между прочимъ, такія указанія: „Государю челомъ ударилъ кизыльбашской посоль Маметъ Селибѣкъ“, „Прислалъ датцкой король съ государевыми послы“, „Прислалъ дани Алтынъ царь“, „Челомъ ударилъ королевскій дворянинъ Янъ оборекій“, „Ударили гости и гостинныя сотни“, „Въ дарѣхъ турскій посоль Алѣй-Ага“ и т. п.

Но часто пріобрѣтались матеріи, необходимыя для знаменъ, и покупкою *),—что требовало, конечно, значительныхъ затратъ.

Въ виду этого, въ 1666 году рѣшено было начать изготовленіе киндяковъ, зеидней и бязей въ самой Астрахани „на Индѣйскій образецъ“.

Для осуществленія такого рѣшенія 17 фѣвраля изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, за приписью дьяка Ѳедора Михайлова, была отправлена грамата **) къ боярину и воеводѣ князю Я. Н. Одоевскому, въ которой указывалось: „Призвать Индѣйцовъ мастеровыхъ людей, которые умѣютъ дѣлать киндяки и бязи“.

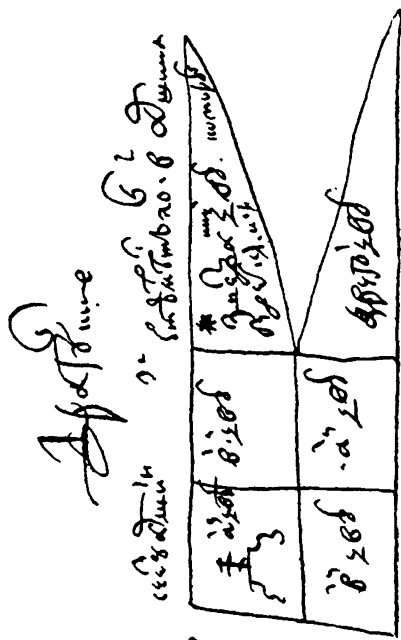
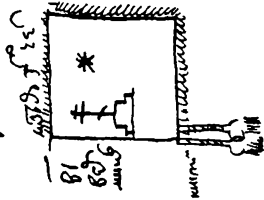
Получивъ эту грамату, Одоевскій призываетъ къ себѣ „Астраханца торгового тезика“ Изербака Аджи и приказываетъ ему „отыскать Индѣйцовъ мастеровъ, которые умѣли бь на Москвѣ киндяки дѣлать и красить и изъ

*) Образецъ такой записи слѣдующій: „Куплено у гречаннина у Дмитрія Филатова“.

**) „Допол. къ акт. истор.“, т. V, стр. 74.

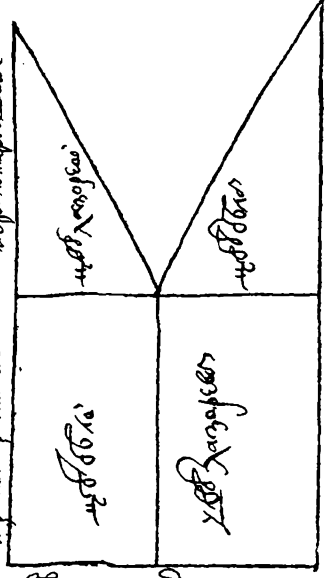
Наши
 Великий государь Иван Иванович

Иван Иванович
 Великий государь

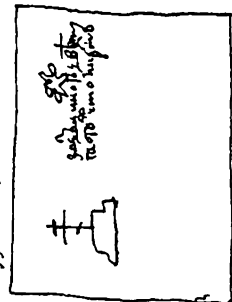

Образец
 Копия

Иван Иванович
 Великий государь

Образец
 Иван Иванович

Иван Иванович
 Великий государь

Предварительные чертежи знаменъ для построекъ ихъ въ
 Оружейномъ приказѣ (палагѣ).

хлопчатой бумаги дѣлать бязи“. На это упомянутый тезикъ отвѣтилъ, что „въ Астрахани де такихъ мастеровъ нѣтъ и не сыскать; а какъ де приспѣетъ вешнее время и тѣ де поры для такихъ мастеровъ пошлетъ онъ за море нарочно“.

Но узнавъ о такомъ отвѣтѣ Изербака Аджи, къ воеводѣ явился „Москвитинъ, Огородные слободы тяглець Ивашко Савельевъ“ и заявилъ, что онъ сыщетъ необходимыхъ людей, такъ какъ „напередъ де сего дѣлывали ему изъ бѣлые парчи Астраханской стрѣлецъ Гришка Давыдовъ и тезики, торговые люди, красили киндяки и кумачи розными краски“.

Тогда Одоевскій поручилъ упомянутому Савельеву изготовить образцы указанныхъ имъ матерій.

Черезъ нѣкоторое время въ приказную палату Савельевъ дѣйствительно принесъ киндяки и зендени, указавъ, что они сдѣланы „Бухарскаго двора жилцомъ Кудабердейка, красильный мастеръ“ и потребовали расхода: „8 киндяковъ лековровыхъ, и съ краскою стали по тридцати алтынъ *), и того семь рублевъ шесть алтынъ четыре денги; 7 киндяковъ бафтовыхъ, и съ краскою стали по двадцати по шти алтынъ по одной денгѣ, и того пять рублевъ шестнадцать алтынъ три денги; 3 киндяка фереспиревыхъ, и съ краскою стали по двадцати по три алтына по пяти денегъ, и того два рубля алтынъ четыре денги; 2 киндяка москаловыхъ, и съ краскою стали по двадцати по семи алтынъ по три денги, и того рубль двадцать одинъ алтынъ четыре денги; 4 киндяка Гилянскихъ бязей, и съ краскою стали по осмнадцати алтынъ безъ полуденги, и того два рубли шесть алтынъ четыре денги; 4 зендени, съ краскою стали по десяти алтынъ по двѣ денги, и того сорокъ одинъ алтынъ двѣ денги“.

*) Тутъ приводимыя цифры интересны еще и въ томъ отношеніи, что знакомятъ со стоимостью матерій, необходимыхъ для знаменъ, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ можно усмотрѣть, что было много разновидностей одной и той же матеріи.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшая переписка не сохранилась *), а поэтому нельзя судить, какое практическое значеніе имѣлъ первый опытъ внутренняго изготовленія восточныхъ тканей.

Когда получалась матерія и собиралось все необходимое въ Оружейномъ приказѣ, закройщикъ кроилъ знамя по образцу, который иногда являлся въ видѣ чертежа съ соответствующими пояснительными надписями, приложенными къ „памяти“. Затѣмъ знамя сшивалось **) и, растянутое въ пальцахъ, подвѣшивалось для росписи на крюки въ какомъ-нибудь свободномъ покоѣ, преимущественно же въ иконной палатѣ; знамена же Государева полка помѣщались почти исключительно въ золотой палатѣ или столовой избѣ.

Роспискою знаменъ занимались „жалованные и кормовые иконописцы“, а также живописцы Оружейнаго приказа со своими учениками. Прежде всего на бумагѣ „знаменился“ образецъ, который потомъ и переводился на выбранную для знамени матерію.

Надписи же, по утвержденнымъ Государемъ росписямъ, дѣлались особыми словописцами.

Какъ послѣдніе, такъ и живописцы, всѣ необходимые припасы рѣдко покупали сами, а въ большинствѣ случаевъ получали изъ Оружейнаго приказа, въ личный составъ котораго входилъ особый цѣловальникъ, имѣвшій на рукахъ прихода-расходныя книги.

Къ постройкѣ знаменъ привлекалась и серебряная палата, на обязанности которой, при Алексѣѣ Михайловичѣ, лежало изготовленіе крестовъ надзнаменныхъ сере-

*) Часть ея была найдена въ архивѣ Астраханскаго губернскаго правленія.

**) „Казенные рядовые портные дѣлали церковное строеніе, да знамена рознымъ людямъ“. (Арх. Моск. Оруж. Пал. кн. № 909). Иногда же знамена шились шатерными мастерами: „Шатерному мастеру по распоряженію Приказа Тайныхъ дѣлъ отпущено на шитье знамени таѣты розныхъ цвѣтовъ“. (Тамъ же кн. № 1024).

бряныхъ, ею же дѣлались серебряные подтоки *) и такая же оправа къ поясамъ, тесьмамъ и помочамъ, а въ случаѣ надобности та же палата воѣ эти принадлежности для знаменъ и золотила. Если же перечисленные принадлежности къ знаменамъ должны были быть изъ мѣди, то изготовлялись они мастерами „паникадильнаго дѣла“.

Надо замѣтить, что нѣкоторыя работы этихъ послѣднихъ мастеровъ, а также серебряной палаты отличались художественностью своей отдѣлки.

Проще дѣлались къ знаменамъ желѣзные приборы, которые ковались кузнецами, а затѣмъ поступали въ отдѣлку къ мастерамъ ствольнаго и замочнаго дѣла, или къ сабельнымъ придѣльщикамъ, которые и золотили, серебрили или лудили, если это, конечно, требовалось.

Плотники и станочники дѣлали древки. Ими употреблялось обыкновенно осиновое или еловое дерево; лишь на древки полковыхъ знаменъ шла липа. Древки дѣлались тонкими и круглыми, при чемъ каждое жилилось. Яблоки изготовлялись и къ древкамъ пригонялись особыми рѣзчиками. Изготовленное древко, какъ уже указывалось, обшивалось холстомъ, а затѣмъ обыкновенно левкасилось. Это, впрочемъ, дѣлалось преимущественно для знаменъ Государева полка, древки которыхъ еще травщиками золотились или серебрились, а потомъ росписывались красками.

Ольстряного дѣла мастера и строчники изготовляли кожаня для знаменъ принадлежности: помочи, тесьмы **) и т. п.

Мѣшечки и чехлы поступали въ Оружейный приказъ обыкновенно уже въ готовомъ видѣ; изготовленіемъ же ихъ заботились „въ казнѣ“. Впрочемъ, бывали случаи,

*) Сохранилось указаніе на цѣну послѣднихъ: „токъ отъ знамя серебряной цѣна 40 алтынъ, 2 тока отъ знамя мѣдные цѣна 10 алт.“ („Розыск. дѣло о Шаклов.“, т. IV, стол. 136).

**) Довольно часто изъ кожи дѣлались и подтоки.

что и эти принадлежности строились въ Оружейномъ приказѣ его портными.

Довольно часто личный составъ упомянутаго приказа былъ недостаточенъ, тогда приглашались мастера со стороны, преимущественно изъ подмосковныхъ монастырей и стрѣleckихъ приказовъ. Такимъ мастерамъ полагалось особое государево жалованье, въ видѣ поденнаго корма. Иногда иконописцы выписывались изъ провинціальныхъ городовъ. Напримѣръ, въ 1671 г. былъ посланъ особый указъ Новгородскому воеводѣ князю Ивану Пронскому, которому указывалось „иконописцовъ самого добраго мастерства, что есть въ Великомъ Новгородѣ, прислать къ великому Государю къ Москвѣ“. Изъ сохранившейся „отписки“ *) видно, что „по сыску и по перепискѣ объявилось въ Великомъ Новгородѣ иконописцовъ: посадцкой человѣкъ Гришка Ивановъ съ товарищи, пять человѣкъ“. Эти лица „за поруками“ были отправлены въ Москву и имъ приказано было явиться въ Новгородскомъ приказѣ думному дворянину А. С. Матвѣеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „отпискѣ“ приводится объясненіе, что, за силою ранѣе присланной граматы, „а иконописцевъ же, митрополичьихъ, домовыхъ казенныхъ и церковныхъ причетниковъ, къ тебѣ великому Государю къ Москвѣ не прислали“.

Когда знамя было готово, оно „вносилось на верхъ“ къ Государю. Если послѣдній удоставивалъ своимъ одобреніемъ, знамя подписывалось и отправлялось по принадлежности. Если знамена сразу не получали назначенія на службу, то передавались, въ особыхъ чемоданцахъ, для храненія въ Оружейную большую казну. Если же какое-либо знамя „на верху“ не было одобрено, то передѣлывалось, если возможно, а то просто, какъ забракованное, передавалось на казенный дворъ.

При оружейничемъ Хитрово, какъ уже указывалось, вошло въ обычай изготовлять знамена въ поднось къ

*) „Дополн. къ истор. акт.“, т. VI, № 41.

недѣлѣ св. Пасхи. День для этого въ теченіе свѣтлой недѣли лично назначался Алексѣемъ Михайловичемъ, при чемъ одновременно были представляемы Царю и мастеровые всякіе люди со своимъ дѣломъ; они допускались къ рукѣ, жаловались пасхальными яйцами, а затѣмъ ихъ кормили и поили „съ дворцовъ до воли“.

Знамена, находившіяся въ запасахъ, выдавались изъ Оружейнаго приказа по именнымъ указамъ Государя. Предварительно, впрочемъ, они передавались въ Розрядъ, который уже и высылалъ ихъ воеводамъ. Въ Розрядѣ были разные „столы“: Московскій, Новгородскій и др. Поэтому бывали случаи, что знамена передавались изъ одного стола въ другой въ самомъ Розрядѣ. (5) Такъ какъ знамена, какъ уже было сказано, хранились въ особыхъ чемоданахъ, то передъ ихъ отправленіемъ производилась пригонка принадлежностей, при чемъ иногда со знаменемъ отправлялось второе древко съ приборомъ, но послѣдній обыкновенно былъ низшаго качества. Преимущественно этими запасными древками снабжались тѣ знамена, которые предназначались на службу въ полки.

По окончаніи похода (6) знамена, выданныя во временныя войска, черезъ Розрядъ, возвращались въ Оружейный приказъ, однако въ большинствѣ случаевъ одни полотнища, иногда съ принадлежностями и очень рѣдко съ древками. Послѣднія, за время обратнаго похода, находясь въ обозѣ отдѣльно отъ полотнища, обыкновенно ломались. Большую заботу внушали о себѣ, какъ болѣе дорогія, древки знаменъ Государева полка. Полученныя съ походовъ знамена исправлялись и опять, до новаго требованія, хранились въ Оружейной большой казнѣ.

О количествѣ же выдаваемыхъ въ войска бояръ и воеводъ знаменъ можно судить по слѣдующему примѣру: изъ Оружейной Палаты въ Розрядъ, для выдачи князю А. П. Трубецкому „съ товарищи“ для ихъ „нѣмецкаго похода“ (7165 года), было послано: „5 знаменъ таежныхъ да 4 знамени дорогильныхъ, новыхъ розныхъ цвѣтовъ“;

да старыхъ 31 знамя таѣтяныхъ, да 20 знаменъ дорогильныхъ, розныхъ же цвѣтовъ; да пѣхотныхъ: знамя камчатое, да 9 знаменъ таѣтяныхъ, цѣнныхъ, новыхъ же *).

Даже въ каждомъ отдѣльномъ полку знаменъ иногда находилось съ большимъ избыткомъ противъ установленной обычаемъ нормы. Такъ, въ выборномъ полку Кровкова при походѣ въ Кіевъ въ полковой казнѣ, между прочимъ, было на лицо „24 знамени таѣтяныя, алые кресты, китаврасы и каймы писаны золотомъ; 30 знаменъ таѣтяныхъ розныхъ цвѣтовъ, ветхи“ **).

Меньше сохранилось свѣдѣній о порядкѣ изготовленія знаменъ для войсковыхъ частей постоянного войска, такъ какъ объ этомъ заботились тѣ приказы, въ вѣдѣніи которыхъ состояли войска, при чемъ на постройку сотенныхъ знаменъ для стрѣлецкихъ приказовъ и ротныхъ знаменъ иноземнаго строя въ приказы отпускались особыя деньги ***).

Однако, въ этихъ выдачахъ, видимо, не было установлено должнаго порядка или онѣ были недостаточны, такъ какъ довольно часто живописцами и ихъ учениками подавались челобитныя. Изъ одной такой челобитной, поданной въ 1654 году живописцемъ Карломъ Детерсъ и учениками его, Исачка Абрамовъ и Фролко Степановъ, между прочимъ, еще усматривается, какое значительное число знаменъ иногда при Алексѣѣ Михайловичѣ одновременно писалось по тафтамъ и камкамъ ****): „70 драгунскихъ въ Оружейной палатѣ; 30 солдатскихъ: подполковнику Александру Гамолту 10 знаменъ пѣхотныхъ, да подполковнику Кормихелю 10 знаменъ; да къ рейтарскому строю 40 знаменъ, и въ томъ числѣ 20 конныхъ и 20 пѣшихъ; да на Терекъ 16 знаменъ; полковнику Александру

*) Обратнo въ Розрядѣ „по Государеву указу“ перечисленныя знамена принималъ окольникій И. А. Гавреневъ съ тремя дьяками, изъ которыхъ одинъ былъ думный („Акт. Моск. Госуд.“, Поповъ, т. II, стр. 581).

**) „Истор. л.-гр. Эриванск. полка“, стр. 20.

***) „Истор. опис. одеж. и воор. Россійск. войск.“, часть I, прим. 222.

****) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“ Челоб. 162 г., стол. № 30—150.

Крафтеру съ товарищи 40 знаменъ; да на Яблонное 40 же знаменъ“.

Иногда, впрочемъ, въ Оружейномъ приказѣ строились знамена, въ видѣ особаго благоволенія, для головъ и полуголовъ Московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ, а также начальнымъ людямъ полковъ иноземнаго строя. Бывали также случаи, что Государь лишь приказывалъ для постройки знаменъ упомянутой категоріи выдать съ казеннаго двора безвозмездно лишь ткань и шелкъ или же, также безденежно, сдѣлать къ знаменамъ древки и гротики (7); бывали также случаи временнаго откомандированія въ приказы разныхъ наименованій, для расписыванія знаменъ, штатныхъ иконниковъ и живописцевъ Оружейной Палаты *).

Въ заключеніе остается сказать, что все знамена, находясь, какъ указывалось, въ вѣдѣніи Оружейнаго приказа, хранились въ палатѣ **) этого приказа, гдѣ они заносились въ общую роспись Государевой оружейной казны, а затѣмъ за цѣлость ихъ отвѣчали особые оружейные дозорщики. Всякая же перемѣна въ наличности знаменъ отмѣчалась дьяками и подъячими на столбцахъ и книгахъ.

Указанная выше казна, время отъ времени, повѣрялась и переписывалась. Эти описи сохранились въ значительномъ числѣ отъ времени царствованія Алексѣя Михайловича и даютъ богатый историческій матеріалъ.

Первая по времени сохранившаяся опись относится къ 1638 году, т. е. къ предшествующему царствованію; значительная часть ея, впрочемъ, утрачена; записано же въ ней—къ тому же довольно кратко—5 полковыхъ знаменъ старыхъ, 4 новыхъ, столько же воеводскихъ, одно Солдатское и знамя, поднесенное Крутицкимъ митрополитомъ. (8)

*) „Арх. Мос. Оруж. Пал.“, столб. 160 г. марта 27.

**) Кромѣ знаменъ Государева полка, которыя хранились въ хоромахъ на верху.

Черезъ два года была составлена новая опись, въ которую занесено, съ большими подробностями *) , 46 знаменъ. (9)

Послѣ описи 1643 года, въ которую внесены были всѣ знамена, значившіяся въ описи 1638 года, была составлена черезъ четыре года вновь роспись „Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи оружейной всякой казнѣ“. Тутъ занесено 18 знаменъ, шитыхъ „золотомъ и серебромъ столки,“ т. е., по всей вѣроятности, переписаны одни знамена Государева полка. Слѣдующая опись состоялась въ 1655 году, по возвращеніи царя изъ Смоленскаго похода. Но самую обширную является роспись полковымъ и сотеннымъ знаменамъ, составленная въ 1664 году; тутъ всѣхъ номеровъ имѣется 146, при чемъ подъ однимъ и тѣмъ же номеромъ записано иногда нѣсколько знаменъ **). Краткая опись была составлена въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ 1675 году, имѣющая значеніе лишь по тому, что и въ ней подъ многими знаменами обозначено, когда и гдѣ были на службѣ или въ какіе полки выдавались.

Бывали такъ сказать и частныя описи. Одна изъ такихъ сохранилась отъ 1658 года ***). Въ эту опись записаны знамена за 20 номерами. Относительно всѣхъ знаменъ эта послѣдняя опись совершенно умалчиваетъ о какихъ-либо находившихся на нихъ признакахъ. Лишь о знамени № 4-мъ говорится: „на знамени крестъ таета зеленая

*) Вотъ примѣрная выдержка изъ рассматриваемой описи: „Три знамя одно середка таета черлена всередкѣ крыжъ и опушка таета бѣлая а в другомъ середка таета гвоздичная всередке репей и опушка и косы таеты бѣлой, врешье яловчикъ таета лазорева, а третей середка таета черлена всередке репей таета жолта да зелена врешье звезда таеты черленой, опушка и выше репя мѣсецъ таеты бѣлая цена по три рубли подватцати по семи алтынъ по пяти денегъ знамя“.

***) Сдѣлано это, главнымъ образомъ, въ отношеніи находившихся „вказнѣ на лицо старыхъ сотенныхъ знаменъ ветхи“.

***) „Акт. Моск. Гос.“, Поповъ, т. II, стр. 635.

двоеличная“. Противъ нѣкоторыхъ знаменъ обозначено ихъ состояніе: „ветхо“, „несамоново“ *) и т. п.

Всѣ описи, надо замѣтить, являются главнымъ письменнымъ матеріаломъ, сохранившимъ интересныя подробности о многихъ знаменахъ.

*) По современному, очевидно, слѣдовало бы написать „не самое новое“.

ГЛАВА IX.

Значеніе знаменъ; участіе ихъ въ церковныхъ торжествахъ.—Взглядъ на знаменщика современниковъ.

Въ увеличеніемъ въ составѣ Московскаго войска числа частей, имѣвшихъ характеръ, по своей организаціи и службѣ; постоянныхъ строевыхъ (стрѣльцы, солдатскіе полки, рейтары и т. п.) — значеніе знаменъ. увеличилось и они стали уже до нѣкоторой степени признаваться регаліями части *).

Высказанное подтверждается участіемъ войскъ со своими знаменами въ церковномъ торжествѣ въ день Богоявленія Господня.

Въ указанный день бывалъ царскій выходъ „со кресты“ на воду, при чемъ патріархъ, по совершеніи обряда водосвятія, кропилъ святою водою знамена.

*) Хотя это не всегда дѣлалось: въ грамотѣ съ приказаніемъ въ 1664 году князю Прозоровскому передать командованіе князю Долгорукову знамена не упоминаются, а лишь говорится, что подлежитъ сдать „образъ Спасовъ и полкъ“; первый, такимъ образомъ, являлся какъ бы символомъ власти (1).

Войска, участвовавшія въ церемоніи, обыкновенно строились покоемъ вокругъ Иордани, затѣмъ, по подаваемому знаку *), знамена съ начальными людьми выносились къ рѣшеткѣ Иордани, гдѣ и окроплялись. (2)

Участіе войскъ со знаменами стало упоминаться и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ пышномъ церемоніалѣ въѣзда въ Москву Алексѣя Михайловича послѣ Польскаго похода въ слѣдующихъ пунктахъ упоминаются знамена:

3. Послѣ того **) шло 60 знаменъ стрѣльцовъ, подо всякимъ знаменемъ 18 или 20, а и много то 24 человекъ ихъ было, тѣ всѣ шли впрямъ въ городъ, и

19. По нимъ (духовенство, дары, 7 ротъ „ружныхъ драгунъ“, литавры и сурначики)—2 знамени.

Въ описаніи же церемоніи бывшей 1 сентября 1674 года по случаю вступленія въ совершеннолѣтіе царевича Феодора Алексѣевича, между прочимъ, имѣется такое упоминаніе ***): „По сторону Рундука отъ Грановитыя Палаты ****) до соборныя церкви и до Благовѣщенія стояли Стольники и Полковники и Головы Московскихъ Стрѣльцовъ Юрьева Приказа Лутохина стрѣльцы съ знамена и длинными пищали“. Надо замѣтить, что по другую сторону Рундука стояли также стрѣльцы „Васильева Приказа Бухвостова“, но они были лишь „съ сабли безъ пищалей“, при чемъ не упоминается о присутствіи знаменъ.

Относительно же иноземныхъ войскъ и служилыхъ иностранцевъ можно почти положительно сказать, что они всегда выходили въ строй со своими знаменами, хотя бы это даже дѣлалось по тревогѣ. Такъ, когда 26 мая 1648 г. вспыхнулъ въ Москвѣ народный мятежъ, то отрядъ слу-

*) Въ концѣ XVII столѣтія онъ подавался особо назначеннымъ офицеромъ, имѣвшимъ ясное знамя.

**) Предварительно была стрѣльба изъ пушекъ. Весь же церемоніалъ помещенъ въ „Полн. Собр. Зак.“, т. I, ст. 171.

***) „Пол. Собр. Зак. Рос. Им.“, т. I, ст. 586.

****) Названіе „Палата“ съ 1660 г. было окончательно присвоено и Оружейному приказу. („Описаніе запис. книгъ дворц. прик.“, вып. II, стр. 427).

жилыхъ иностранцевъ двинулся защищать царскія хоромы; нѣмцы шли съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ; москвичи давали имъ дорогу, кланялись и говорили, что у нихъ къ нѣмцамъ „никакой недружбы нѣтъ“ *).

Однако, и при Алексѣѣ Михайловичѣ быть въ знаменщикахъ продолжалось считаться „укоризною и безчестьемъ“.

Правительство какъ бы сознавало справедливость такого предубѣжденія и при выборѣ „дворянъ добрыхъ отческихъ дѣтей, полныхъ людей; конныхъ и оружныхъ“ даже къ государевымъ знаменамъ считало необходимымъ въ „Памятяхъ“ воеводамъ указывать: „которые изъ нихъ по нынѣшнему Государеву указу къ государевымъ знаменамъ будутъ выбраны, и они бѣ имъ то въ безчестье и въ укоризну не ставили, и знаменщики ихъ не называли; а кто имъ учнетъ то въ безчестье и въ укоризну ставить, или учнутъ ихъ знаменщиками называть, и тѣмъ отъ Государя быть въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказанѣ, безъ пощады“ **).

Встрѣчалось и болѣе опредѣленное наказаніе. Напримѣръ, 29 іюня 1649 года былъ отданъ именной, помѣченный думнымъ дьякомъ, указъ ***) объ особомъ вознагражденіи знаменщиковъ, при чемъ въ концѣ его указывалось: „А будетъ кто станетъ ихъ тѣмъ упрекать: и тому быти сослану въ Сибирь“.

Изъ приведенныхъ выписокъ, слѣдовательно, усматривается, что самое слово „знаменщикъ“ было настолько „въ безчестьи“, что лицъ, выбраннымъ Государемъ къ своимъ знаменамъ, нельзя было называть этимъ словомъ подъ опасеніемъ „жестокаго наказанія, безъ пощады“ и даже ссылки въ Сибирь. Очевидно, что при такихъ усло-

*) „Ист. Рос. въ древ. врем.“, Соловьевъ, т. 10, стр. 139.

**) „Акты Моск. Госуд.“, Поповъ, т. II, стр. 415.

***) „Полн. Собр. Зак.“, т. I, ст. 11.

віяхъ считалось вполнѣ справедливымъ эту категорію воиновъ *) въ составѣ московской рати награждать особо, а не наравнѣ съ товарищами. Высказанное подтверждаетъ тотъ же указъ 1649 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „которые были въ знаменщикахъ, за ихъ службу, что они у Государева дѣла были въ головахъ и знаменщикахъ, велѣлъ имъ придати своего Государева жалованья, сверхъ ихъ братьи, помѣстные придачи по пятидесять четвертей, денегъ по три рубля для того, что они у Государева дѣла въ головахъ и знаменщикахъ были радостью, и за то ихъ Государь похваляетъ, а та имъ служба въ Государской милости и къ чести“.

Однако, не смотря на все это, въ составѣ „дворянъ добрыхъ, отческихъ дѣтей, полныхъ людей, конныхъ и оружныхъ“ продолжало сохраняться предубѣжденіе противъ званія знаменщика. Поэтому и въ 1655 году, когда боярину и воеводѣ князю Якову Куденетовичу Черкасскому предписывалось „изо всѣхъ городовъ къ Государевымъ знаменамъ дворянъ добрыхъ, по сему Государеву указу, велѣтъ выбрать при себѣ и велѣтъ имъ быть у Государевыхъ знаменъ безотлучно“, — то одновременно признано было необходимымъ „въ городѣхъ дворяномъ и дѣтямъ Боярскимъ и всякихъ чиновъ сотенныхъ людей велѣтъ сказать всѣмъ вслухъ, которые изъ нихъ, по нынѣшнему Государеву указу, къ Государевымъ знаменамъ будутъ выбраны, и онибъ имъ то въ безчестье и въ укоризну не ставили и знаменщиками ихъ не называли“. И въ этомъ случаѣ нарушителямъ грозило: „Отъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великіе и малые Росіи Самодержца, быти въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаніи безъ пощады“.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ, съ другой стороны, „дворяне добрые“, бывшіе по выбору у знаменъ, считали за

*) Довольно многочисленную, такъ какъ въ сотняхъ Государева полка, надримѣрь, числилось 2—3 человекъ. („Полн. Соб. Зак.“, т. I, ст. 157).

бою право на особыя, не въ примѣръ прочимъ, награды. Поэтому при неосуществленіи надеждъ ими подавались челобитныя, въ которыхъ, обыкновенно, особенно указывалось на то, что жалобщику было „велѣно у того твоего Государева дѣла въ головахъ и знаменщикахъ быть“. (3)

Надо еще замѣтить, что при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ и до него *), въ записяхъ, по которымъ приводили „къ государеву крестному цѣлованію бояръ, и окольниковъ, и думныхъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ и всякихъ чиновъ людей“, знамя не упоминается.

Совершенно не согласуется со всѣмъ выше изложеннымъ изданная въ 1647 году „повелѣніемъ благовѣрнаго и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца“ книга „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“ **).

Такой фактъ объясняется тѣмъ, что указанная книга является простымъ переводомъ положеній и строевыхъ формъ для тогдашнихъ вооруженныхъ силъ Западной Европы. Подтверждается это наглядно, на примѣръ, слѣдующимъ: содержаніе офицерамъ „на мѣсяць“ указано въ флоринахъ и встрѣчается выраженіе: „въ германскихъ же полкѣхъ“ ***).

Но въ общемъ книга „Ученіе и хитрость ратнаго строенія“ заслуживаетъ вниманіе и за тѣ взгляды, которые хотѣли установить на знамя среди вооруженныхъ силъ начала царствованія Алексѣя Михайловича ****).

Прежде всего опредѣляется, что знамя должно быть

*) „Запись цѣловальная“ 1627 года. („Акты Москов. Гос.“. Поповъ, т. I, стр. 216).

**) Имѣется въ библиотекѣ Главнаго Штаба (18 а—1—3).

***) Оставлено съ подлинника даже такое слово, какъ „дюреръ“, лишь оговорено „сирѣчь подзнаменщикъ“.

****) При книгѣ много чертежей (отпечатаны въ Голландіи) съ разными сложными перестроеніями, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ точно указывается мѣсто нахождения знаменъ.

поручено прапорщику, которому до солдатъ дѣла нѣтъ и „ими владѣти или повелѣвати, только ему лишь знамя свое знати доведется, развѣ ему при отъѣздѣ капитановъ или поручиковъ капитанъ или поручикъ чинъ свой прикажетъ“. Обязанность же въ бою опредѣлялась такъ: „Во ополченіи *) знамя въ середкахъ, (въ серединѣ пикинеровъ), а около его людьми оставить, а иного дѣла ему тутъ нѣтъ, опричь того, что знамя свое держати и турмовати и солдатамъ смѣльства поговаривати“.

При такихъ условіяхъ чинъ прапорщика носили даже такія лица, которыя затѣмъ, помимо поручика, „капитанство“ получали. Это приводило къ злоупотребленіямъ и „тогда прапорщика, которому приводится и того отъ недругахъ въ середкахъ хоронять, а поручика противъ недруга сунуть и только капитанъ чести себѣ хочетъ и ему того исправляти много хлопотъ бываетъ“. (4)

Далѣе, однако, указывается, что „капитану **) не порча“, если онъ зачислитъ въ прапорщики „молодого богатыря“, даже напротивъ „надобе о томъ радѣти, чтобы у него были молодые богатыри въ прапорщикахъ, которые веселы и объ томъ ни о чемъ попеченія не имѣли опричь чести и знамени своего“. (5)

Составитель „Ученія и хитрости ратнаго дѣла“ указываетъ, что „у доброй устроенной роты“ должно быть три „верхнихъ приказныхъ урядниковъ“, при чемъ прапорщикъ—ниже поручика, такъ какъ „знаменщика выше его почитати не доведется потому, что не токмо супротивно общаго обычая и иныхъ чиновъ, но и супротивно общаго разсужденія, извычныхъ людей“ (6). Въ противномъ случаѣ, по его мнѣнію, лучше послѣдняго въ ротѣ совершенно не имѣть, а его обязанности поручить сержанту.

*) На походѣ же знамя должно было находиться между 4-мя шеренгами алебардистовъ, построенныхъ по пяти въ рядъ. („Истор. л.-гр. Эриван. п.“, Вобровскій, стр. 10).

**) Общимъ же названіемъ для всѣхъ офицерскихъ чиновъ было „урядники“.

Замѣстителемъ прапорщика указанъ „капраль над-
шляхетными товарищи“, который на бою и на походѣ
долженъ всегда находится у знамени, „потому что въ
прапорщикахъ бываютъ молодые люди и для того ему
надобѣ разумнаго корпорала имѣти, чтобы ему вмѣсто
дюрера, сирѣчь подзнаменщика всегда у знамени были и
шляхетными товарищи владѣти, и по тому же что въ
солдатѣхъ oprичь урядниковъ шляхетныя товарищи у
знамени начальныя суставы“.

Этимъ исчерпываются подробности о знамени. Въ виду
же ихъ полнаго несоотвѣтствія съ установленными обы-
чаями въ частяхъ „московскаго строя“, едва ли „ученіе и
хитрость ратнаго дѣла“ имѣло какое либо практическое
примѣненіе въ этомъ строѣ. Если же оно и примѣнялось,
хотя бы даже отчасти, то лишь въ полкахъ „иноземнаго
строя“, гдѣ въ большинствѣ случаевъ, особенно въ на-
чалѣ царствованія Алексѣя Михайловича „верхними при-
казными урядниками“ почти исключительно были ино-
странныя.

ГЛАВА X.

Оружейная Палата при Θεодорѣ Алексѣевичѣ; личный составъ; пріобрѣтеніе матерій. — Порядокъ выдачи знаменъ Государева полка для Крымскихъ походовъ; отпускъ воеводъ. — Выдачи знаменъ для Азовскихъ походовъ. — Знамя Морского Регимента. — Описаніе большихъ пѣхотныхъ знаменъ. — Случаи выдачи воеводскихъ знаменъ въ концѣ XVII столѣтія — Постройка сотенныхъ знаменъ; случаи ихъ выдачи. — Полковыя знамена. — Знамена стрѣлцкихъ, солдатскихъ и другихъ полковъ иноземнаго строя.

Въ воцареніемъ Θεодора Алексѣевича, особенно въ первые годы его царствованія, не послѣдовало рѣзкихъ перемѣнъ въ порядкѣ изготовленія и снабженія войскъ знаменами. Постройку знаменъ по прежнему вѣдала Оружейная Палата, личный составъ которой былъ такъ же многочисленъ, какъ и въ предшествующее царствованіе.

Точно судить объ этомъ личномъ составѣ даетъ возможность „Окладная — расходная книга денежной казны“ *) упомянутой Палаты по выдачѣ приказнымъ

*) „Опис. запис. книгъ и бумагъ стар. двор. прик., „Викторовъ, вып. II. стр. 452.

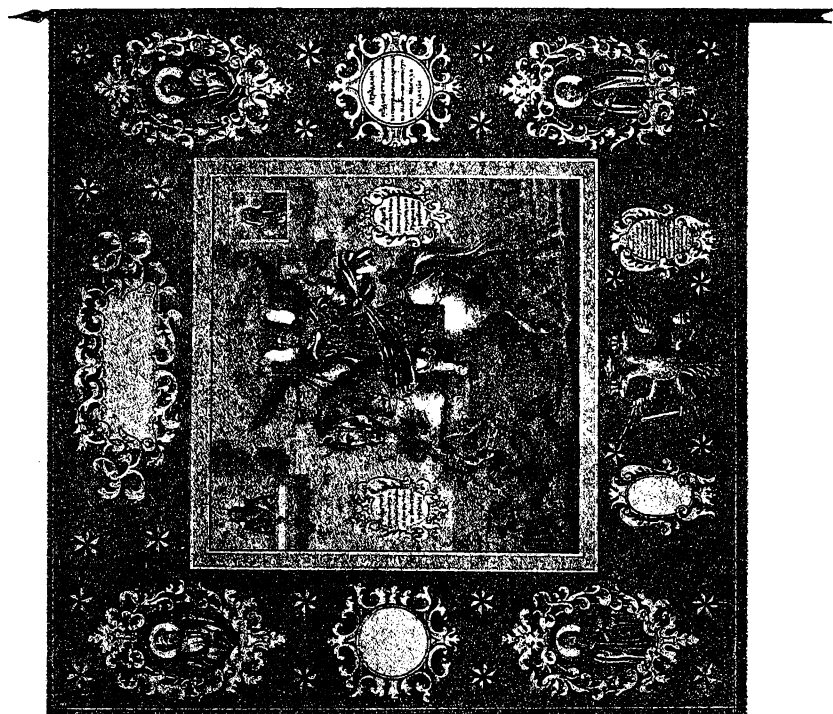
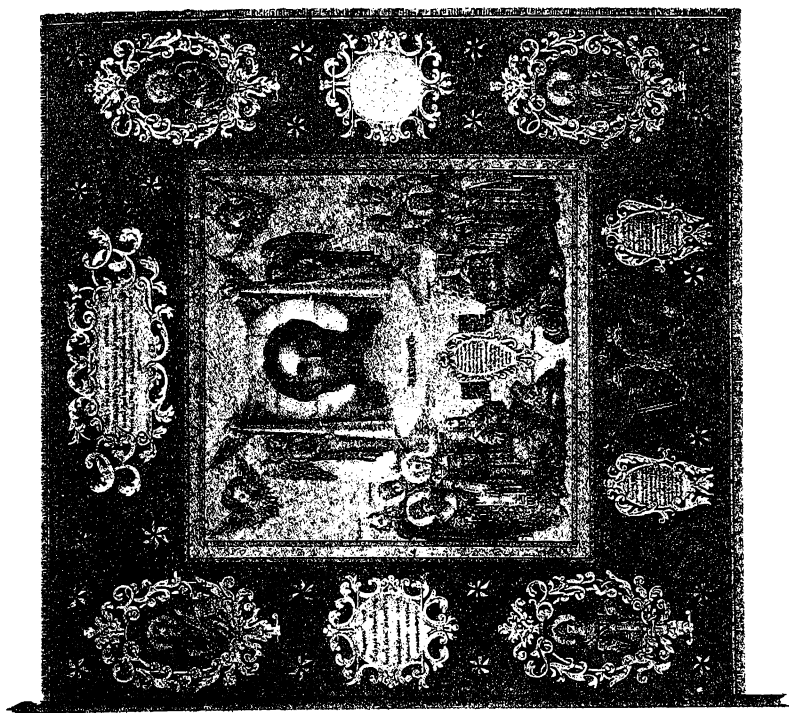
и мастеровымъ людямъ жалованья и кормовыхъ денегъ. Она относится къ концу царствованія Θεодора Алексѣевича. Судѣлавъ подсчеты, видимъ, что Палата имѣла *): 7—подъячихъ, 17 — иконописцевъ **), 10 — ихъ учениковъ, 10 — самопальныхъ мастеровъ, 11 — мастеровъ ствольнаго дѣла (изъ нихъ 3 иноземцы), 1 — часового дѣла мастеръ (французъ Леффеберъ), 1 — оружейный дозорщикъ (нѣмецъ Свеленъ - Гребель), 1 — органнаго дѣла (полякъ Гутовскій), 3 — наряднаго дѣла мастера (три брата Кузовлевы), 16 — станочнаго дѣла (изъ нихъ половина иноземцы), 8—замочнаго дѣла, 1 — строчнаго, 1—косянаго („нѣмцинь“ Ганъ), 4—строчника, 7—мастеровъ желѣзнаго прорѣзнаго дѣла, 2 — наводчика, 2 — ножевника, 2 — сабельные придѣльщики, 2 — стрѣльника, 2—лучника, 4—гребенщика, 3—чишельника, 2—пансырника, 17—„рознаго дѣла“ мастера, 6—столяра, 2—левкащика, 2—истопника, 10 — сторожей (изъ нихъ по 2 при палатахъ иконной и столярской) и 3 — пристава. Всего 157 чел., которые всецѣло и находились въ распоряженіи Оружейной Палаты.

Надо замѣтить, что и въ концѣ XVII столѣтія продолжали строить знамена изъ матерій немосковского производства. Приобрѣтались онѣ по прежнему преимущественно на востокѣ, при чемъ покупкой вѣдалъ Сибирскій приказъ. Сохранилась, напримѣръ, царская грамота отъ 27 іюня 1681 года ***) Верхотурскому воеводѣ Иларіону Лопухину, въ которой „указали мы Великій Государь купить про нашъ Великаго Государя обиходъ Китай-

*) Приводимое перечисленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, что уже и въ это время иноземцы специалисты какого-либо мастерства, далеко раньше призыва Петра, явились въ Москву въ достаточномъ числѣ. Этому содѣйствовалъ оружейничій Хитрово, который, какъ уже указывалось, покровительствовалъ иноземцамъ.

***) Всего больше содержанія (256 руб. въ годъ) получалъ армянинъ Салтановъ.

***) „Акты Истор.“, т. V, № 71.

Знамя 1690 года.

скихъ узорчатыхъ камокъ лаудановъ розныхъ цвѣтовъ косяковъ тридцать и болши, колько мочно, да Китайскихъ шелковъ розныхъ же цвѣтовъ двадцать четыре фунта и прислать къ намъ Великому Государю къ Москвѣ, наскоро, съ парочными гонцы“.

Отъ царствованія Алексѣя Михайловича остались значительные запасы знаменъ, хранившихся въ Оружейной Палатѣ *).

Поэтому приходилось лишь пополнять запасы, по мѣрѣ уменьшенія ихъ.

Надо замѣтить, что полковья знамена, построенныя при Алексѣѣ Михайловичѣ, остались по прежнему на службѣ; лишь пришедшія въ ветхость, которымъ „впредь въ полку на службѣ Великаго Государя быть не мочно“, замѣнялись постепенно новыми, при чемъ, однако, всегда указывалось „написать новое знамя, противъ прежняго того полку полкового знамени слово въ слово“.

Конечно, это точно не соблюдалось. Вліяніе запада, или, правильнѣе, выходцевъ смоленской и витебской шляхты стало рельефнѣе сказываться, и на знаменахъ чаще уже появляются, вмѣсто нѣкоторыхъ религіозныхъ эмблемъ, символическія изображенія. Способствовало этому и увеличеніе числа войскъ „инозѣмнаго строя“ на счетъ вооруженныхъ силъ „русскаго строя“, еще и въ концѣ XVII столѣтія сохранявшаго въ главныхъ основаніяхъ своей организациіи черты великокняжескаго періода.

Воцареніе Іоанна и Петра Алексѣевичей не произвело особыхъ перемѣнъ и старый порядокъ сохранялся до 1695 года, что особенно рельефно сказалось во время Крымскихъ походовъ.

*) Это подтверждаетъ, между прочимъ, „Опись“ 1687 года, сдѣланная думнымъ дворяниномъ Полибнымъ и дьякомъ Мануиловымъ. Сдѣлана она на 707 листахъ, при чемъ съ 636-го перечислено: „29 знаменъ сверхъ прежней описи, въ томъ числѣ 29 таятыхъ знаменъ и одинъ прапоръ, 113 знаменъ въ трехъ коробахъ, 10 значковъ знаменныхъ, 6 прапоровъ и 25 прапоровъ польскихъ“.

Какъ извѣстно, 3 сентября 1686 года было объявлено, что по полученнымъ вѣстямъ „ханъ крымскій имѣтъ намѣреніе идти войною на ихъ Государскіе украиные и Малороссійскіе города, и по тѣмъ вѣстямъ указали они Великіе Государи, быть на своей службѣ, боярамъ и воеводамъ и другимъ ближнимъ людямъ въ полкахъ съ бояриномъ и оберегателемъ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ“ *).

Въ слѣдующемъ же году, 19 февраля, были переданы изъ Оружейной Палаты въ Розрядъ полковья большія знамена: „въ Большой полкъ знамя большое, на немъ образъ Спасовъ Еммануилъ, въ Новгородскій полкъ **) прежнее того полку полковое знамя, въ Рязанскій полкъ ***) , и въ Низовый полкъ ****) полковья знамена, которыя въ тѣхъ полкахъ напередъ сего бывали, съ древки, и со втоки, и съ чехлы“.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ первое знамя, какъ принадлежащее къ древнѣйшимъ. Время постройки его неизвѣстно, но оно уже было на лицо къ 1552 году, когда во время Второго Казанскаго похода Іоанна Грознаго находилось въ Государевомъ полку.

По возвращеніи съ похода, это знамя, болѣе столѣтія, хранилось „на верху“, въ царскихъ хоромахъ и лишь въ 1664 году было „снесено“ въ Оружейную Палату. Передъ выдачей кн. Голицыну оно было исправлено, при чемъ Великіе Государи Цари и благовѣрная Государыня Царевна указали его „перешить въ новую китайскую камку, и обшить новою же бахромою золотою“ *****). Затѣмъ знамя было прикрѣплено къ золоченому древку, при чемъ мѣшечекъ былъ сдѣланъ красный бархатный.

*) „Древн. Рос. Вивліое.“, т. XVI, стр. 373. Полный титулъ кн. Голицына въ это время былъ слѣдующій: „Царственныя большія печати и Государственныя великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель ближній Вояринъ и Намѣстникъ Новгородскій“. Годомъ позже было присвоено еще званіе „двороваго воеводы“

**) Вояринъ А. С. Шейнъ и окольнічій кн. Д. А. Ворятинскій.

***) Вояринъ кн. В. Д. Долгоруковъ и окольнічій П. Д. Скуратовъ.

****) Стольникъ И. Ю. Леонтьевъ.

*****) „Арх. Москов. Оруж. Пал.“, стол. 195 г., нояб. 3, № 181.

Отпускъ воеводъ, 22 февраля, въ походъ состоялся съ такою же торжественностью, съ какою это происходило при блаженныя памяти Великомъ Государѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1). Патріархомъ былъ отслуженъ въ соборной церкви молебенъ въ присутствіи Государей и Царевны. По окончаніи молебна „верховые“ священники взяли назначенныя въ полки иконы и стали на Рундукъ. Патріархъ, окадивъ эти иконы, „знаменовался“ къ нимъ, а затѣмъ окропилъ святою водою четыре знамени, которымъ „быть въ полкѣхъ съ бояры“. Послѣ этого началось торжественное шествіе въ Никольскія ворота. Пройдя ихъ, Государи и Царевна приложились къ иконамъ и „жаловали къ рукѣ“ бояръ, воеводъ и другихъ высшихъ чиновъ. Затѣмъ упомянутыя выше знамена были окольнымъ Лихачевымъ переданы Великимъ Государямъ, отъ которыхъ ихъ и принимали уже воеводы. Послѣ этого „Государи пошли въ Кремль, за ними пошелъ Патріархъ; архимандриты же и игумены пошли со святыми иконами, а знамена несли по прежнему напередѣ. У Казанскаго собора шествіе раздѣлилось: едино знамя понесли ко двору боярина и воеводы князя Голицына, за знаменемъ шли пѣвчіе Государевы, потомъ Спасовъ образъ и святой Крестъ Царя Константина, за образомъ шло духовенство, за ними шелъ князь Голицынъ“. Въ такомъ порядкѣ шествіе достигло церкви Троицы, что „у боярина на дворѣ“, гдѣ иконы и были поставлены на аналояхъ. Послѣ этого Голицынъ весь духовный синклитъ „звалъ къ себѣ въ палаты, и подносилъ ренское, и потомъ отпустилъ ихъ кагождо во свояси; также слѣдовали и прочіе воеводы, каждый до своего дому за образами, а знамя несли напередѣ“ *).

Передъ Вторымъ Крымскимъ походомъ происходило почти то же торжество: Патріархъ служилъ молебенъ, кропилъ святою водою иконы и знамена при воскресномъ звонѣ, на молебнѣ были Государи и Царевна, которые

*) „Древн. Рос. Вивлію.“ т. XI, стр. 163—173.

также проводили воеводъ за Никольскія ворота, гдѣ прикладывались къ иконамъ и жаловали къ рукѣ.

Князь Голицынъ получилъ то же знамя, при чемъ объ этой выдачѣ была сдѣлана слѣдующая записъ *): „Ближнему боярину и Оберегателю и дворовому воеводѣ Князю Василью Васильевичю, по ихъ великихъ Государей милости, дано въ прошломъ во рче году, изъ ихъ самодержавныхъ рукъ ихъ великихъ Государей полковое знамя, на которомъ изображено лице Спасителя нашего Господа Бога Исуса Христа, съ которымъ знаменемъ предокъ ихъ блаженной памяти Великій Государь Царь и Великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи самодержецъ, побѣдилъ многочисленныя басурманскіе народы, и покорилъ въ Россійскую державу Казанское Царство; и ныне по ихъ великихъ Государей указу у него ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы князя Василія Васильевича въ полку быть тому же ихъ Великихъ Государей полковому знамени“.

Но Царь Петръ Алексѣевичъ, предпринимая въ 1695 году Первый Азовскій походъ, отказался отъ прежнихъ знаменъ и далъ „генеральствамъ“ большія пѣхотныя знамена. Большаго же Государева полковаго знамени не было. Это вполнѣ понятно, такъ какъ Царь принялъ на себя скромное званіе „бомбардира Преображенскаго полка“.

Неудача ли этого похода или вліяніе старыхъ московскихъ бояръ, но только, формируя вооруженныя силы для Второго Азовскаго похода, Петръ возстановилъ „Большой полкъ“, поручилъ его боярину Шеину и „съ постельнаго крыльца“ **) указалъ быть „по прежнему, на своей Государевой службѣ, въ большомъ полку ратнымъ людямъ московскаго чину, и прежнимъ обычаемъ“. Это послѣднее было со-

*) „Розряд. Арх.“ кн. № 143.

**) „Дворц. разряды“, ч. IV, стр. 937.

блюдено и относительно выдачи знамени, а именно: „бояринъ и воевода“ Шеинъ, по выбору Государя, получилъ шитое знамя „Всемилоствяга Спаса“, выдававшееся до этого, какъ было выше подробно описано, въ большой полкъ на время Крымскихъ походовъ князя Голицына.

Кромѣ знамени (2) въ полкъ Шеина, по обычаю, были еще отпущены святыни *): Чудотворный Нерукотворенный Спасителевъ образъ, Святый Животворящій Крестъ Господень **) и церковь съ надлежащею утварью.

Когда же „воинскимъ крѣпкимъ промысломъ, и храбростію, турецкой городъ Азовъ, со всѣми въ немъ осадными сидѣльцы, и съ пушками и со всякими воинскими припасы, и съ хлѣбными запасы“ былъ взятъ ***), то, при обратномъ слѣдованіи въ Москву, бывшія въ походѣ съ большимъ полкомъ и перечисленныя выше святыни везлись передъ Шеинымъ, при чемъ къ знамени былъ назначенъ князь И. Г. Львовъ.

Однако, въ Москвѣ Шеинъ пробылъ не долго и 6 января 1697 года состоялся указъ, по которому Шеинъ, съ большимъ полкомъ, долженъ былъ быть „на великаго Государя службѣхъ подѣ Азовомъ“, при чемъ ему было оставлено то же знамя. (3) Видимо, при обратномъ походѣ, его позолоченное сплошь древко, какъ это бывало и прежде, сломалось, такъ какъ состоялось распоряженіе приготовить къ этому знамени новое древко, тоже тощее и сплошь позолоченное. Однако, судя по сохранившейся записи ****), новое древко не было сдѣлано, такъ какъ „древко полковое тощее сыскано въ оружейной казнѣ готовое, неписаное, безъ яблока, и яблоко рѣзное придѣлано вновь, и древко отдано

*) „Дворц. разр.“, ч. IV, стр. 917.

**) „Въ немъ же власы его Спасителевы, котораго животворящаго креста силою благочестивый Царь Константинъ побѣдилъ нечестиваго Максентія“.

***) „Ист. царст. Петра В.“, Устряловъ. т. II, прил. XIV.

****) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“ стол. 205, февр. 24, № 159.

выжилить и левкасить и золотить“. Это знамя еще участвовало въ походахъ 1700—1701 годовъ *)).

Въ заключеніе остается сказать, что послѣднимъ по времени постройки полковымъ Великихъ Государей знаменемъ было знамя, выданное Морскому Регименту на время Второго Азовскаго похода.

Оно было привезено Францомъ Тиммерманомъ въ Воронежъ, гдѣ собирался Морской Региментъ, состоявшій, надо замѣтить, исключительно изъ войскъ новой организациі: полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, въ значительной степени усиленныхъ „новоприборными“ солдатами.

При торжественномъ, по окончаніи похода, вступленіи въ Москву (30 сентября 1696 года) Морской Региментъ былъ предшествуемъ этимъ знаменемъ **).

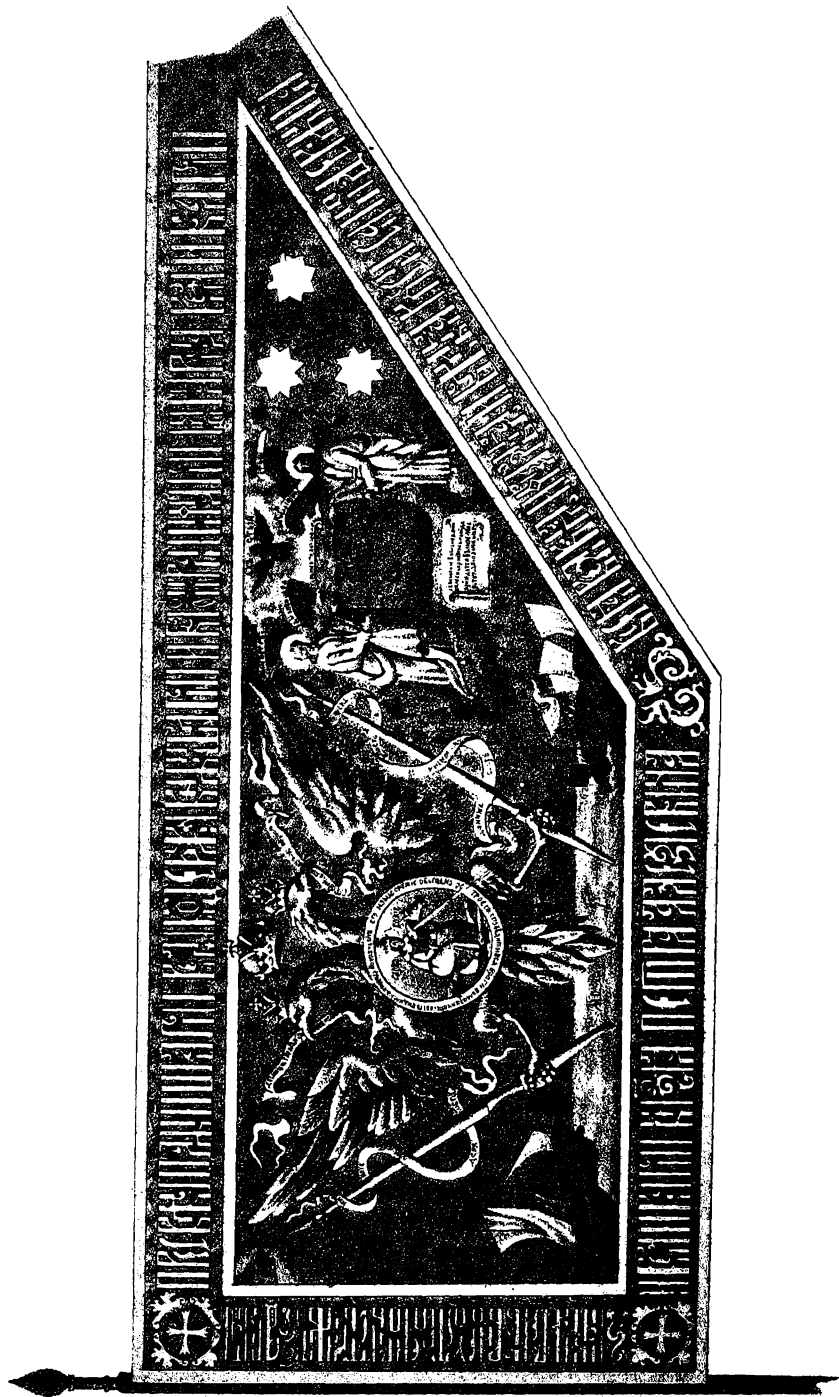
Хотя это знамя и было построено по образцу прежнихъ полковыхъ знаменъ и, какъ „послѣднее“, можетъ быть къ нимъ причислено, но по сдѣланнымъ на немъ изображеніямъ (4) и надписямъ значительно отъ нихъ отличается. На немъ между прочимъ написанъ двуглавый орелъ, — въ чемъ оно является первымъ, какъ полковое Государева полка.

*) Съ открытіемъ въ 1700 году похода на „Свейскаго короля за многія его къ Великому Государю неправды, и противности, и неприяства“, знамя было передано въ полкъ фельдмаршала и адмирала Ѡ. А. Головина, назначеннаго въ Новгородскій походъ. Въ это время знамя было, „съ древкомъ и крестомъ серебрянымъ золоченымъ, и со втокомъ, и съ чюшкою“. Въ послѣдній же разъ знамя было выдано генераль-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, который, указомъ 6 іюня 1701 года, съ большимъ полкомъ былъ назначенъ „въ Свейскій походъ“. (3) Съ прекращеніемъ похода указаннаго года, окончательно закончилась выдача большихъ Великихъ Государей полковыхъ знаменъ, къ тому же въ 1701 году Шереметевъ и командовалъ послѣднимъ Большимъ полкомъ русской рати.

Знамя по прежнему хранилось въ Оружейной Палатѣ, при чемъ въ описи 1727 года помѣчено „необъявилось“. Но при составленіи описи 1746 года было найдено и помѣчено такъ: „Ветхое, полинялое, длиною по верхней коймѣ четыре аршина пять вершковъ, по нижней коймѣ до откосу длина одинъ аршинъ десять вершковъ, откосу длина три аршина четырнадцать вершковъ, ширина два аршина три вершка; на откосѣ два креста, пять звѣздъ желтой камки; около откосу бахрама шелковая ззолотомъ і серебромъ“.

Въ 1775 году состоялась запись знамени въ „реестръ оружейнымъ вещамъ и уборамъ хранящимся въ казенныхъ, что къ потѣшному дворцу палатахъ“.

**) „Истор. царст. Петра В.“, Устряловъ, т. II, гл. XI.

Знамя 1696 года.

Уже упоминалось, что въ Первомъ Азовскомъ походѣ были *Большія пѣхотныя знамена*, являясь какъ бы переходной степенью отъ прежнихъ къ новымъ, окончательно введеннымъ послѣ 1700 года.

Большія пѣхотныя знамена напоминаютъ собою тѣ пѣхотныя знамена, которыя въ то время являлись обычными въ войскахъ Западной Европы. По этимъ образцамъ были построены три знамени для генеральствъ, составлявшихъ войска для Перваго Азовскаго похода.

Между прочимъ, первое пѣхотное знамя было поднесено инокомъ Гервасіемъ въ 1689 году. Оно одно лишь сохранилось *).

Размѣры этого знамени: въ длину — 4 арш. 11¹/₂ вер. и въ ширину — 4 арш. 7¹/₂ вер. Сдѣлано оно изъ желтой тафты, при чемъ обшито каймою изъ красной тафты; вокругъ шелковая бахрама.

На лицевой сторонѣ написанъ ликъ Нерукотвореннаго Спаса со Ангелами, а по сторонамъ два херувима. Подъ убрусомъ надпись:

«Въ небѣ живущему на небесѣхъ, наши очи возводимъ Владыцѣ всѣхъ, Пречистому Нерукотворенному образу твоему несозданному, пренебесный Царю, поклоняемся со усердіемъ, припадая молимся: подаждь Благовѣрнымъ царемъ Московскимъ и Великимъ нашимъ княземъ Россійскимъ**), на враги побѣду и *** одолѣніе»).

Подъ Спасомъ написаны съ правой стороны: стоящими — св. Царевичъ Димитрій и Преподобные епископъ Новгородскій Германъ, архіепископъ Казанскій Гурій и епископъ Тверской Варсонофій, на колѣняхъ — св. Ми-

*) Въ настоящее время находится въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ (№ССLXXXIX), при чемъ въ каталогъ (ч. I, стр. 280—285) этому знамени дано полное описаніе.

**) Какъ рѣзко отличается этотъ царскій титулъ отъ прежнихъ образцовъ. Надо поэтому думать, что Гервасій, по происхожденію, не принадлежалъ къ „московамъ“, если, конечно, въ изготовленіи знамени онъ принималъ дѣятельное участіе.

***) Въ настоящее время отъ этой надписи осталось только: „.....са.....иномъ.....“.

трополить Алексій и колѣнопреклоненнымъ св. Θεодосій Печерскій; съ лѣвой стороны: стоящими — Преподобный Сергій, митрополиты Московскій Филиппъ и Кіевскій Іона, Мирликійскій чудотворецъ Николай, на колѣняхъ — Кіевскій митрополить Петръ и колѣнопреклоненнымъ — Печерскій чудотворецъ Антоній.

На верхней каймѣ имѣется золотое клеймо съ надписью:

«#зрчи г. декемвріа въ ке день.

Написася сіе знамя Благочестивѣйшія державы и правленія Великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всеа великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ».

На боковыхъ каймахъ — съ одной стороны написанъ св. Іоаннъ Предтеча съ хартією, на которой надпись:

«покайтеся, приближися Царетвіе Божіе»;

съ другой—Іоаннъ Богословъ. Внизу же, подъ образомъ Предтечи:

«Въ духовномъ чину отца ихъ и богомольца при великомъ господинѣ Святѣйшемъ куръ Іоакімѣ. Московскомъ и всеа Русіи и всехъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ».

Была надпись и подъ образомъ Іоанна Богослова, но она стерлась. Въ особыхъ клеймахъ, съ обѣихъ сторонъ каймы, изображены благовѣрные Государи Цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, что является въ данную эпоху едва ли не единственнымъ случаемъ. На нижней же каймѣ имѣется, написанный золотомъ, двуглавый орелъ съ тремя вѣнцами; у него въ правой лапѣ жезлъ и мечъ, а въ лѣвой—держава. По сторонамъ, по серебру чернилами, въ двухъ клеймахъ написано: въ лѣвомъ—

«Орелъ по естеству смотритъ солнца: сице зрятъ пресвѣтлыя лица, главою своею сугубою, едиnorodнаго брату, обою Великихъ Государей и Царей, Монарховъ нашихъ, Великихъ Князей. Одно солнце Іоанна Алексѣевича, второе солнце Петра Алексѣевича,

всѣа Великія и Малыя, Червоныя, Черныя, Бѣлыя, Славеноросійскыя Самодержавцевъ и многихъ царствъ Пресвѣтлыхъ Державцевъ»;

въ правомъ—

«Орель нарицется Царь небесный, ещѣ наричетъ и Царей земныхъ. Орель значить, сугубою главою, Московскихъ нашихъ двухъ царей, имъ по три вѣнца въ душахъ ихъ сіяють. въ Троицѣ Бога прославляемыя, Отца и Сына и Святого Духа: имутъ по два крила, и въ дланія вручи имъ Богъ скипетръ и державу, правленіе царствъ, и на враговъ, въ шуйца же имъ державу со крестомъ, да побѣждаютъ враговъ о Христомъ».

На другой сторонѣ знамени, на серединѣ, въ огненныхъ клубахъ изображенъ въ коронѣ съ сіяніемъ Архангелъ Михаилъ на бѣломъ златокрыломъ конѣ, парящій надъ моремъ; надъ главою—радуга; въ лѣвой рукѣ—Евангеліе и кадило, въ правой—крестъ, труба, приложенная къ устамъ, и копіе; послѣднимъ низвергается діаволь въ пучину морскую. Съ лѣвой стороны Архангела написанъ ликъ Спасителя, а съ правой—Казанская икона Богородицы.

Въ клеймѣ надъ діаволомъ надпись:

«Запретивъ ты языкомъ, злый врагъ погубися, имя его тобою вѣчно потрѣбися».

Нарисованы еще твердыни, тонущія также въ пучинѣ морской; надъ ними въ клеймѣ имѣется надпись:

«Врагу имѣти тобою вельми умалени, и крѣпцы градове его разрушени».

На боковыхъ каймахъ—лики Апостоловъ Петра и Павла и Благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Между изображеніями святыхъ въ клеймахъ, по золоту, написано:

«а трудами и художествомъ новопостроеннаго Кизическаго монастыря многогруднаго монаха Гервасія».

На нижней каймѣ изображенъ орель, и подлѣ него, также въ клеймахъ, надпись:

«И покры яко орель гнѣздо свое, милосердіе и челоуѣколюбіе собра вся языки гнѣзда земнаго въ Тройцѣ славити Бога единаго: въ десныхъ надъ нохтяхъ жезль или скипетръ и мечъ, жезломъ сокрушитъ, яко сосуды скудельничи, языки поганыхъ, не знающихъ Бога, и всяка сулостата и врага».

Между клеймъ написаны золотыя звѣзды.

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго описанія видно, что знамя инока Гервасія является интереснымъ образцомъ сочетанія священныхъ изображеній съ символами конца XVII столѣтія *).

Воеводскія знамена уже въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича стали жаловаться довольно рѣдко и послѣднее указаніе объ этомъ относится къ 1670 году. (5)

При Феодорѣ Алексѣевичѣ пожалованій воеводскими знаменами не было,—по крайней мѣрѣ записей объ этомъ не имѣется.

Но при его преемникахъ Великихъ Государяхъ Иоаннѣ и Петрѣ было опять нѣсколько случаевъ выдачи воеводскихъ знаменъ. Такъ, въ 1685 году такое знамя было выдано изъ Оружейной Палаты стольнику С. А. Собакину, отправленному „для Сибирскія службы“. Это знамя было „середина камка жаркая“, опушка изъ бѣлой камки. На одной сторонѣ—Архистратигъ Михаилъ на конѣ, держащій въ правой рукѣ—крестъ, въ лѣвой—мечъ; на другой сторонѣ — крестъ на пяти степеняхъ, трость, копіе, шесть звѣздъ, при чемъ надъ крестомъ:

«Царь славы Исусъ Христосъ».

Черезъ два года изъ Розряда было передано знамя „для Запорожскія службы, генералу и воеводѣ Г. И. Косагову“. Это знамя, при длинѣ и ширинѣ 2 арш. 3 вер., было также изъ желтой камки, съ каймою изъ камки бѣлой. На одной сторонѣ былъ написанъ Животворящій

*) Знамена „большія пѣхотныя“ существовали не долго; послѣдняя выдача ихъ состоялась, какъ будетъ подробно указано ниже, въ 1711 году, когда они передъ Прутскимъ походомъ были выданы гвардейскимъ полкамъ.

Крестъ Господень на пяти степеняхъ; крестъ копіе и трость писаны золотомъ; признаки написаны серебромъ. На другой сторонѣ—Андрей Стратилатъ на конѣ съ крестомъ и мечемъ. (6)

Этими двумя случаями и исчерпывается выдача воеводскихъ знаменъ за рассматриваемый періодъ. Позже же, конечно, такихъ выдачъ и не могло быть.

Въ Оружейной Палатѣ сохранилось лишь одно воеводское знамя *) (№ 4076) конца XVII столѣтія, но безъ точной даты о годѣ постройки. Это знамя изъ бѣлой тафты, по древку—1 арш. 6 вер., длиною—2 арш. На обѣихъ сторонахъ написанъ образъ Спаса Нерукотвореннаго, при чемъ убрусъ держать Архангелы Михаилъ и Гавріилъ; надъ убрусомъ—св. угодники Михаилъ, Георгій и Сергій. Всѣ изображенія окружены однимъ общимъ вѣнкомъ изъ виноградныхъ вѣтвей. Въ обоихъ верхнихъ углахъ знамени изображены золотыя восьмиконечныя звѣзды, ниже ихъ—репья таусиннаго цвѣта. Въ нижнихъ углахъ такія же звѣзды, но только нѣсколько меньшаго размѣра.

Сотенныя знамена Государева полка оставались, въ отношеніи своего вида и устройства, такими же, какъ это было установлено при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Возобновлялись эти знамена постепенно. Лишь въ 1679 году, по указу Феодора Алексѣевича, сразу было построено 30 сотенныхъ знаменъ „для нынѣшнія посольскія встрѣчи“.

Встрѣчи эти происходили, надо замѣтить, съ прежнею торжественностью. Такъ, приготавлиаясь къ встрѣчѣ „Польскаго великаго и полномочнаго посла“ князя Чарторыйскаго, пріѣздъ котораго ожидался лѣтомъ 1678 года для заключенія 30-лѣтняго перемирія, Феодоръ Алексѣевичъ приказалъ оружейнику Хитрову, уже возведенному въ званіе боярина, „всякую оружейную брань,

*) Впрочемъ, имѣется еще одно знамя воеводскаго образца (№ 4178) съ изображеніемъ Преображенія Господня.

бахтерцы, юшманы, пансыри, крылья, копыя, которыя бываютъ на выѣздѣ противъ пословъ, починить и вооружить, а что въ починку не годится, и то здѣлать вновь“.

На основаніи приведеннаго повелѣнія въ Оружейной Палатѣ начались „спѣшныя работы“. Прежде всего было исправлено полковое знамя 1660 года, сдѣланное изъ желтой камки, при чемъ на знамени былъ „написанъ Спасовъ образъ. Вседержителя на престолѣ сѣдѣща, у ногъ въ моленіи съ правую сторону преподобный .Сергій, съ лѣвую преподобный Никонъ; на другой сторонѣ написано тоже, что на первой; коймы писаны золотомъ и серебромъ и краски, въ откосѣ писаны звѣзды золотомъ“. (7)

Затѣмъ въ сотни Государева полка было построено 20 сотенныхъ знаменъ „съ гротиками желѣзными прорѣзными золочеными“ *), кромѣ того, сотеннымъ головамъ конюшеннаго чина было сдѣлано особо 7 знаменъ (прапоровъ) съ изображеніемъ на нихъ орловъ, львовъ и грифовъ. (8)

Сотенныя знамена въ полкахъ бояръ и воеводъ подверглись большимъ перемѣнамъ.

Прежде всего стали употребляться на эти знамена болѣе дорогія матеріи, при чемъ исключительно шелковыя.

Первую постройку знаменъ этой категоріи, при Теодорѣ Алексѣевичѣ, надо отнести къ 1676 году, когда состоялся 6 іюля указъ объ изготовленіи 30 такихъ знаменъ „розными цвѣты, изъ дороговъ вишневыхъ, зеленыхъ, осиновыхъ и лазоревыхъ“; предназначались они въ полкъ боярина и воеводы князя В. В. Голицына, отправленнаго на Государеву службу въ Путивль.

Кромѣ этого случая, еще въ 1679 году для полка князя М. Ю. Долгорукова было построено изъ тафты „розныхъ цвѣтовъ“ 22 сотенныхъ знамени. Одновременно

*) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, кн. № 237, л. 307—340.

было сдѣлано еще 6 знаменъ камчатыхъ съ откосами. Слѣдующія подробности *) ихъ наглядно характеризуютъ:

Первое — середина камка алый цвѣтъ, въ серединѣ крестъ камка желтая, звѣзды той же желтой камки.

Второе — середина камка двоеличная, шелкъ алый да желтый, кайма камка зеленая, въ серединѣ крестъ камка лазоревая, на каймѣ звѣзды камка бѣлая.

Третье — середина лазоревая, опушка камка двоеличная, шелкъ алый да желтый, крестъ вшитъ камка лазоревая, на каймѣ звѣзды бѣлой камки.

Четвертое — середина камка червчатая, крестъ камка желтая, опушка зеленая, звѣзды изъ лазоревой камки.

Пятое — середина двоеличная, шелкъ алый да желтый, крестъ лазоревый, кайма бѣлая, звѣзды желтыя.

Шестое — середина желтая, крестъ камка червчатая, кайма лазоревая, звѣзды бѣлыя.

Такимъ образомъ, видимо всѣ шесть знаменъ были построены по одному образцу; подтверждается это и одинаковостью „признаковъ“: — крестъ и звѣзды, отличающихся лишь „разными цвѣты“.

Древки для сотенныхъ знаменъ дѣлались обыкновенно изъ еловаго дерева и росписывались цвѣтными красками. Наверхья сохранились прежнія: „гротики желѣзные накопейное дѣло, мѣдные литые кресты“ (**). Сорочки дѣлались въ большинствѣ случаевъ изъ холстины и тафты, хотя бывали случаи, что на постройку ихъ отпускалось сукно „багрець алый гамбургскій и кармазинъ червчатый англійскій“.

Самая крупная выдача сотенныхъ знаменъ въ полки была въ 1687 году, уже при преемникахъ Θεодора Алексѣевича, когда Великіе Государи Цари и Государыня Царевна указали выдать въ Большой полкъ князя В. В. Голицына 80 знаменъ. Несмотря на такое большое количество, еще не бывалое въ лѣтописи Оружейной Палаты,

*) „Арх. Мос. Оруж. Пал.“, стол. 187 г. мая 29, №№ 81 и 109.

***) Иногда они еще золотились.

выданныя знамена оказались довольно однообразны. Всѣ знамена были четырехугольныя камчатныя или тафтяныя, при чемъ первыя въ длину „полтретья аршина“, въ ширину—2 аршина, вторыя въ длину по 2 аршина, въ ширину—тоже по 2 арш. „безъ вершка“; древки писанныя; принадлежности—желѣзныя луженыя; тесьмы—тканыя бумажныя; чехлы—суконныя. Впрочемъ, изъ упомянутыхъ 80 знаменъ 15 значительно отличались, такъ какъ были „писаны по камкамъ и по тафтамъ“.

Однако, этими сотенными знаменами весь запасъ Оружейной и Мастерскихъ палатъ, видимо, исчерпывался, такъ какъ при полученіи почти одновременно другого указа о присылки въ Розрядъ изъ Оружейной Палаты „сотенныхъ знаменъ камчатыхъ десять, тафтяныхъ пятьдесятъ, згרותики и со втоки, и сремни, и счехлы“ для посылки ихъ въ Большой полкъ Украинскаго разряда боярина князя М. А. Голицына, то Оружейная Палата, какъ это дѣлалось и прежде, написала въ докладъ: „А въ оружейной казнѣ нынѣ сотенныхъ знаменъ нѣтъ, и буде великие Государи укажутъ знамена сдѣлать вновь противъ прежнихъ каковы отпущены врозрядъ для нынешние великихъ Государей злужбы врозные полки камчатые длиною по полтретья аршина шириною по 2 аршина тафтяные длиною по 2 аршина шириною по 2 аршина безъ вершка. I по сметѣ надобно на камчатые камки немецкой по 7 аршинъ сполуаршиномъ на знамя итого 75 аршинъ на тафтяныя тафты по 3 аршина четвертью на знамя итого 162 аршина сполуаршиномъ“. Далѣе шелъ расчетъ на сукно „англинское“, на отдѣлку древокъ („на клей і на краски і на серебро і на кормовую дачу“), на желѣзо для гротиковъ, на „красной меди“ для втоковъ и другихъ принадлежностей и т. п. Вся смѣта подведена была: „денегъ 30 рублевъ 8 алтынъ 5 денегъ“. Затѣмъ докладъ заканчивался слѣдующими обычными словами: „I великие Государи Цари и великие Князи Иоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ і великая Государыня благовѣрная Царевна і

великая Княжна Соѳія Алексѣевна всеа великиа и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы на тѣ знамена каможъ і таѣтѣ і сукно і денги искоторого приказу взять укажутъ“.

На это резолюція послѣдовала такая „здѣлать въ тотъ отпускъ таѣтяныхъ тритцать китайчатыхъ тожъ число знамень и на то дѣло таѣты бѣлой да желтой китайки зеленой да бѣлой что надобно по смѣте взять искаженного да изсибирского приказу денегъ пятнатцать рублевъ взять испечатнаго приказу сукно взять искаженного приказу“.

Распоряженіе это было передано по принадлежности, но переписка не прекратилась, въ виду необходимости разяснять разные возникавшіе вопросы (напр., по замѣнѣ камки указаннаго цвѣта другимъ и т. п.), почти до окончательной постройки знамень *).

Сотенныя знамена въ Большой полкъ ближняго боярина и воеводы князя Василія Василевича Голицына были выданы въ Москвѣ, изъ которой ратные люди Московскаго чина выступили, расписанными, какъ и это прежде дѣлалось, по сотнямъ.

Но въ Ахтыркѣ Голицынъ, быть можетъ подъ вліяніемъ иноземцевъ, сдѣлалъ крупный шагъ, „къ утверженію порядка службы къ лучшему устроенью, и крѣпкому противъ непріятелей стоянью“, въ измѣненіи ратнаго строя, установленнаго первыми царями изъ дома Романовыхъ, а именно: въ своемъ Большомъ полку сотни переписалъ на роты, по 60 человекъ въ каждой, головъ переименовалъ въ ротмистры, а знаменщиковъ назвалъ хорунжими. Благодаря этому, у него въ Большомъ полку явилось: 19 ротъ стольниковъ, 11 ротъ стряпчихъ, 12 ротъ дворянъ и 12 ротъ жильцовъ. За переименованіемъ послѣдовали измѣненія и въ самомъ ратномъ строѣ, т. е. получились почти тѣ же солдатскіе полки, но только личный составъ былъ не охочіе люди, а тѣ люди Московскаго чина, которые, подвигаясь

*) „Русск. Стар. знам.“, Л. Яковлевъ, прим. № 30.

по іерархической лѣстницѣ государственныхъ и придворныхъ званій Царской Руси, достигали затѣмъ соколичествъ и боярствъ, становясь въ свою очередь воеводами. Измѣнялось и значеніе сотенныхъ знаменъ: вѣдь въ роты изъ царской казны знамена на время не выдавались, а находились у нихъ всегда налицо.

Все это вызвало большое неудовольствіе, особенно со стороны чиновъ Государева полка, изъ которыхъ нѣкоторыя на смотрѣ, послѣ переименованія, явились въ „смирномъ“ платьѣ, а своихъ аргамаковъ покрыли черными попонами *). Затѣмъ скоро неудовольствіе молодыхъ стольниковъ и стряпчихъ дошло и до свѣдѣнія ихъ великихъ отцовъ, засѣдавшихъ въ Царской Думѣ. Непристойно казалось государевымъ спальникамъ и стольникамъ подчиняться ротмистрамъ, а стряпчимъ и дворянамъ, со званіемъ хорунжихъ, носить ротное знамя **). Но вліяніе Софьи и доводы Шекловитаго способствовали тому, что распоряженіе Голицына получило надлежащее утвержденіе.

Но и послѣ этого сотенныя знамена продолжали строиться по прежнимъ образцамъ,—что исполнялось даже и при Петрѣ Великомъ, почти наканунѣ его окончательныхъ распоряженій по реорганизаціи Московской рати. Такъ, въ 1696 году приказано было для службы подъ Азовомъ въ Большой полкъ Шеина прислать изъ Оружейной Палаты въ Розрядъ полковое знамя и сто сотенныхъ изъ числа тѣхъ, которыя были въ 1697 году въ Крымскомъ походѣ, въ Большомъ полку; „а чего не достаетъ,

*) Въ до-Петровской Руси значеніе „смирнаго платья“ присваивалось слѣдующимъ цвѣтамъ: главнымъ образомъ черному, но также гвоздичному, вишневому, коричневому и багровому.

Сохранилась записъ: „На великомъ Государѣ было платье смирное: опошень зуфъ черна; фезези таета черна, исподъ черева лисьи, зипунъ камка китайская черна; шапка бархатъ чернъ, съ душкою; посохъ Индѣйской; сперяпа была подъ сукны коричневыми“.

**) „Истор. Царст. Петра В.“, Устряловъ, т. V, прим. 87.

прислать иныхъ походовъ такихъ же знаменъ“. Однако, оказалось, что наличныхъ запасовъ мало (9) и для полного обуродованія всѣхъ 100 сотенныхъ знаменъ необходимо изготовить: 42 знамени, 60 чехловъ, 55 втоковъ, 70 гротиковъ и 100 древокъ писанныхъ *).

На это Петръ категорически приказалъ „знамена дѣлать наспѣхъ, чтобъ были къ походу готовы“, а нужныя деньги взять изъ приказа Большой казны.

Знамена стали изготовляться и Шеину было всего отпущено: „12 камчатыхъ, съ обѣ стороны исписаны Мученики и Благовѣрные князи; 2 знамя писанныхъ: одно таетяное, другое по полотну; 79 неписанныхъ таетяныхъ“ **).

Исполненіемъ этого наряда, однако, работы Оружейной Палаты не кончились. Она въ томъ же году изготовила еще 10 сотенныхъ знаменъ „таеты розныхъ цвѣты“, отосланныхъ въ Рязанскій полкъ боярина и воеводы А. П. Салтыкова.

Въ слѣдующемъ году Оружейная Палата въ Большой полкъ боярина и воеводы А. С. Шеина сдѣлала „на спѣхъ“ еще 13 камчатыхъ знаменъ со всѣми принадлежностями, да къ прежде выданнымъ 100 знаменамъ были вновь изготовлено 100 древокъ „для того, что прежнія древки, которыя у тѣхъ знаменъ были, идучи отъ Азова степью“ были всѣ переломаны. (10) Всѣ эти работы были исполнены очень скоро: приказаніе было получено 18 февраля, а уже въ концѣ марта знамена и древки были отосланы подъ Азовъ. Каждое знамя было „мѣрою длиною и ши-

*) Последняя цифра показываетъ, что древки почти никогда не возвращались черезъ Розрядъ въ Оружейную Палату. Они обыкновенно терялись и ломались на обратномъ пути, когда знамена сдавались въ обозъ и тамъ возились. Это же заставляетъ думать, что имѣющіяся нынѣ при древнихъ знаменахъ древки всегда гораздо позднѣйшаго изготовленія, чѣмъ самое знамя.

**) Изъ этого числа 26 знаменъ, уже подъ Азовомъ, были переданы въ вовоприборные казачьи полки; вмѣсто выданныхъ же были получены новыя, тоже изъ тафты.

риною противъ прежнихъ сотенныхъ же знаменъ, кругомъ по два аршина, и на тѣхъ знаменахъ написано противъ указу золотомъ и серебромъ, съ обѣ стороны въ серединахъ, животворящіе кресты о пяти степеняхъ, копіе и трость, по сторонамъ по три звѣзды, по коймамъ кругомъ травы“.

Въ 1698 году, опять для службы подъ Азовомъ и для Крымскаго похода, вмѣсто прежнихъ ветхихъ знаменъ, которыя „въ починку не годятся и впредь въ отпуску быть не мочно“, было указано сдѣлать еще „знаменъ камчатыхъ, на нихъ написать съ одну сторону крестъ, съ другую сторону тѣхъ же святыхъ (какіе были на ветхихъ) тѣмъ же подобіемъ, да 12 знаменъ таемянныхъ неписанныхъ, да гновъ въ прибавку таемянныхъ же сдѣлать 10 знаменъ, вмѣсто того что отпущено въ розрядъ для Азовскаго походу въ Рязанскій полкъ, всего камчатыхъ и таемянныхъ 35 знаменъ“. (11)

Послѣдними сотенными знаменами считаются тѣ 50 знаменъ, которыя въ 1700 году были построены въ полкъ фельдмаршала Шереметева, назначеннаго главноначальствующимъ въ Ливонію *). Эти знамена были сдѣланы изъ „луданныхъ камокъ“, въ серединахъ – вшивные четырехконечные кресты, „мѣрою противъ прежнихъ писанныхъ и неписанныхъ, такихъ же сотенныхъ, знаменъ, и къ тѣмъ знаменамъ сдѣланы мѣшечки, и чехлы суконные красные, древки писанныя, гротики и втки мѣдныя, помочи ременные съ пряжками, запряжниками и наконечниками мѣдными“.

Послѣ этихъ знаменъ уже больше не строились знамена по образцу тѣхъ, „каковы прежь сего въ полкѣхъ бывали“.

Стрѣлецкія знамена при Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ 1680 году получили другія наименованія (полковничьи, полуполковничьи и братскія), такъ какъ 25 марта состо-

*) Кромѣ того, Шереметеву было послано еще 50 знаменъ прежняго строения.

ялся указъ, по которому „за многія ваши службы и за раны“ Государь велѣлъ быть „изъ головъ въ полковникахъ, изъ полуголовъ въ полуполковникахъ, изъ сотниковъ въ капитанахъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ приказывалось „стрѣльцовъ вѣдать противъ иноземскаго чину, какъ служатъ и у гусарскихъ, и у рейтарскихъ, и у пѣшихъ полковъ тѣхъ же чиновъ“. (12)

Если такое переименованіе, какъ указывалось выше, было совершенно „нелюбо“ лицамъ Московскаго чина, то тутъ, напротивъ, названіе полковниками, подполковниками и капитанами шло настолько на встрѣчу желанію самихъ стрѣльцовъ, что въ томъ же указѣ, „безъ всякаго сумнѣнія“, было оговорено: „впредь васъ прежними чинами нигдѣ не именовать, и никому васъ тѣми прежними чинами не называть, и не попрекать, и въ укоризну вамъ прежнихъ чиновъ не ставить“, затѣмъ за подобныя нарушенія говорилось далѣе: „ослушникамъ быть въ великой опалѣ и въ наказаньи, и въ разореніи безъ всякой пощады; да на тѣхъ же людехъ за тожь ваше безчестье, кто кого изъ васъ обезчеститъ, взято будетъ на нихъ тому и всему его роду за безчестье деньгами, по окладамъ вашимъ сполна, и отдано тому, кто чѣмъ отъ кого обезчещенъ будетъ“ *).

Такимъ образомъ, приведенная выписка наглядно показываетъ, какъ рѣзко уже за 20 лѣтъ до реформы Петра стали мѣняться взгляды въ Руси на внѣшнія условія ратнаго дѣла. Дѣйствительно, названіе головы, установленное для высшаго чина въ стрѣлецкихъ приказахъ, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ уже считается такою „укоризною“, отвѣтомъ на которую можетъ служить лишь великая опала и „разореніе безъ всякой пощады“.

Впрочемъ, и съ новыми чинами начальные люди еще три года оставались по прежнему „у приказовъ“. Но въ 1683 году и они исчезли, такъ какъ были названы полками.

*) „Пол. Собр. Зак.“, т. II, № 812.

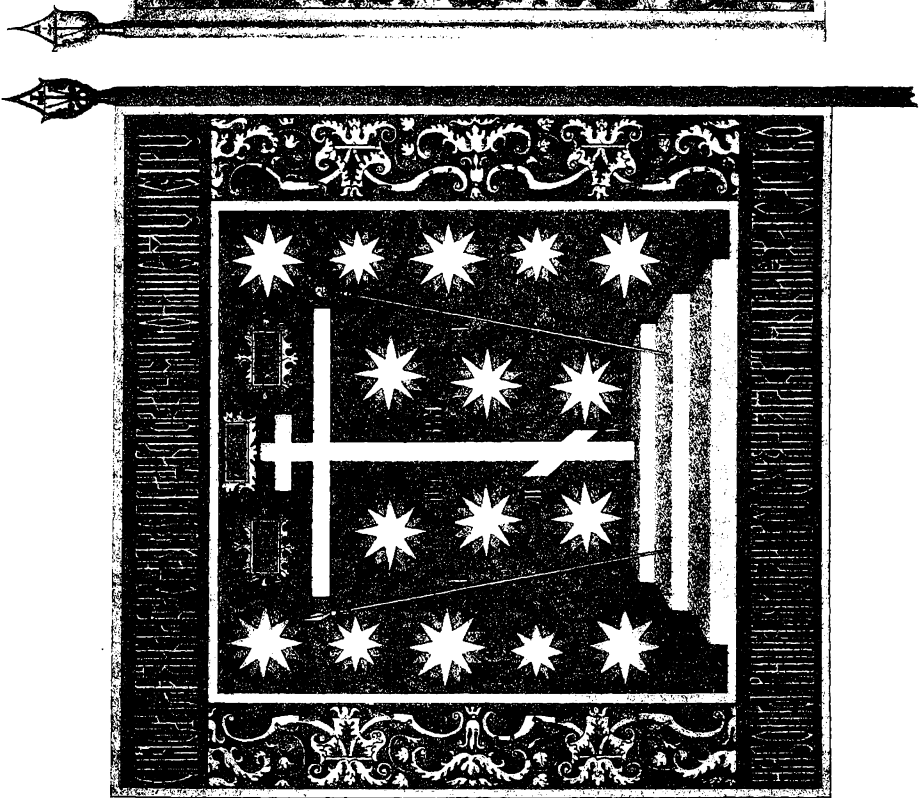

Произошли перемѣны и во внѣшности знаменъ. Стали дѣлаться они преимущественно изъ камки, при чемъ на нихъ золотомъ, серебромъ и красками стали чаще писаться священные изображенія. Полковничьи знамена строились въ длину 4—5 арш., въ ширину 3—4 арш., при чемъ середина изъ цѣльнаго куска, а кайма отличалась отъ первой цвѣтомъ, иногда еще нашивались наугольники или писались святые угодники; бывали случаи, что знамя обшивалось бахрамою*). Полуполковничье знамя было такое же, но только меньшаго размѣра: въ длину и ширину около 3 аршинъ. Еще меньшаго размѣра были братскія знамена, имѣвшія видъ продолговатыхъ четырехугольниковъ; въ серединѣ вшивался крестъ, дѣлившій знамя на четыре равныя части, при чемъ въ лѣвой верхней еще вшивался осьми-конечный крестъ съ подножіемъ, а около его—звѣзды, число которыхъ соотвѣтствовало номеру сотни въ полку. Знамя по краямъ опушалось каймою.

Въ принадлежностяхъ къ знамени во время разсматриваемаго царствованія особыхъ перемѣнъ не произошло; можно лишь указать на то, что древкамъ окончательно было присвоено яблоко.

Одно знамя изъ разряда полковничьихъ (прежнія головинныя) хранится въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ. Оно, при длинѣ 10 ф. 9 д. и ширинѣ 9 ф. 5 д., сдѣлано изъ шелковой матеріи желтаго цвѣта, бортъ зеленый росписанный травами. На лицевой сторонѣ въ большомъ кругу, въ рамѣ котораго помѣщено четыре херувима, написанъ образъ Пресвятыя Троицы. Надъ кругомъ два ангела, держащіе раскрытый свитокъ, при чемъ имѣвшіяся надписи почти стерлись. Въ правой части знамени Богоматерь, въ лѣвой—Иоаннъ Предтеча. По окружности же круга въ четырехъ мѣстахъ вшиты треугольники, въ которыхъ символическія изображенія Евангелистовъ: ан-

*) „Истор. опис. одежды и вооруж.“, ч. I, прим. 223.

Знамя 1696—1699 гг.

гелъ съ евангеліемъ и надписью „матѣей“; крылатый телець съ евангеліемъ; крылатый левъ съ евангеліемъ и надписью „марко“ и орелъ съ евангеліемъ. Обратная сторона—съ тѣми же изображеніями, но только безъ надписей.

Ко времени воцаренія Царей Іоанна и Петра число Московскихъ стрѣлецкихъ полковъ было 28 *). Они были уничтожены 1 іюня 1699 года. Но городовые стрѣльцы **) просуществовали еще 10 лѣтъ, получивъ названіе „жилыхъ“.

До своего уничтоженія Московскіе стрѣльцы сохранили знамена тѣхъ же образцовъ, какіе были установлены при Θεодорѣ Алексѣвичѣ; лишь на братскихъ знаменахъ осьмиконечный крестъ съ подножіемъ сталъ замѣняться священными изображеніями.

На знаменахъ же городскихъ стрѣльцовъ, въ періодъ присвоенія имъ названія „жилыхъ“, явилось довольно рѣзкое новшество: вмѣсто священныхъ изображеній стали писаться гербы тѣхъ городовъ, въ которыхъ стрѣльцы были поселены.

Образцомъ стрѣлецкихъ знаменъ конца XVII столѣтія является знамя, нынѣ хранимое въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ ***).

Это знамя было построено въ 1696 году и принадлежало Архангелогородскому стрѣлковому полку. Имѣя длину въ 9 ф. 6 д. и ширину 8 ф. 5¹/₂ д., сдѣлано въ видѣ четырехугольника изъ малиновой камки съ голубою каймою и желтымъ бортомъ.

На лицевой сторонѣ золотомъ, серебромъ и шелками вышитъ въ серединѣ государственный гербъ (двуглавый орелъ со скипетромъ и державой), выше, на облакахъ,—

*) Числительностью въ 20 тыс. человекъ.

**) Они были издавна поселены въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и въ низовыхъ городахъ.

***) Подъ № ССХІІ. Это знамя до 1790 г. хранилось въ Астраханскомъ цейхаузѣ, и лишь въ этомъ году по Высочайшему повелѣнію, черезъ коммисаріатскую контору, поступило въ Музей.

образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы; ниже перспективное изображеніе укрѣпленія съ башнями. Съ правой стороны изображенъ во весь ростъ апостоль Петръ, въ лѣвой рукѣ котораго ключъ и бѣлый четырехугольный камень съ надписью:

«Яко ты еси Петръ и на семь камни созижду церковь мою и врата ада».

Съ правой—также во весь ростъ,—Алексѣй Божій человѣкъ. Въ разныхъ мѣстахъ еще вышито восемь звѣздъ.

По краямъ середины имѣется вязью надпись:

«Благоизволеніемъ всеильнаго втроницы славимаго бога і спсѣшеніемъ однороднаго его сына і содѣйствіемъ пресвятого и животворящаго его духа благоволи внастоящее сие время по своей божественной воли влѣто мирозданія нынѣшняго 7374 года а от воплощенія божия слова срѣч его сына 7448 года при державѣ пресвѣтлосіятенѣшнаго и высокодержавнѣшнаго великаго государя нашего царя і великаго князя петра алексѣевича всеа великнн і малыя и бѣлыя росіи самодержца і многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя присно августу купно и при наслѣдникѣ царскаго пресвѣтлаго величества сынѣ и благороднѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ царевичѣ і великомъ князѣ алексѣѣ петровичѣ всеа великнн и малыя и бѣлыя роси а при бытности втая времена бывшаго на двинѣ при ближнемъ стольникѣ и воеводѣ при ѳедорѣ матвѣевичѣ опраксинѣ о военачальникѣ при полковникѣ при семѣнѣ димитриевичѣ ружинскомъ вто время і при пятидесятикахъ того архангелогородскаго полка и всего того регимента стрелецкихъ пети сотъ восьми человѣкъ».

Въ голубой каймѣ кругомъ средней части знамени помѣщены изображенія херувимовъ и звѣздъ; восемь большихъ звѣздъ же вышито и по наружному борту.

На оборотной сторонѣ вышитъ въ срединѣ образъ Рождества Христова; выше—изображеніе на облакахъ Бога Са-

ваоѡа съ благословляющей десницей и вселенной въ видѣ шара въ лѣвой рукѣ; ниже—вышитое перспективное изображение укрѣпленія съ башнями. Правѣ образа—Архистратигъ Михаилъ во весь ростъ, въ правой рукѣ мечъ, опущенный остриемъ книзу, въ лѣвой—шаръ. Лѣвѣе образа—преподобный Сергій въ облаченіи. Надъ обоими изображениями вышито значительное число звѣздъ: надъ Михаиломъ—10 и надъ Сергіемъ—13.

По краямъ середины идетъ вязью надпись, служащая продолженіемъ лицевой:

«построено сіе знамя изъ его великого государя казны по имянному его великого государя указу съвышитыми святыми образы золотомъ и серебромъ и розными изрядными шолки а которые святыя образы шиты знамени надписано надъ тѣми святыми образы надъ главами ихъ а между тѣхъ святыхъ іконъ вышитъ золотомъ и серебромъ и розными шолки царскаго его пресвѣтлаго величества гербъ прывекоко паривыи двоеглавныи орелъ пресвѣтлосиятельною его царскою короною стреми вѣнцы во образъ пресвятыя троицы а впанъ когтехъ его вдеенъ скипетръ а впуеи державу иже значитъ тои орелъ на вся ему враги а воедино того орла на персехъ его вышитъ во образе царскаго его пресвѣтлаго величества воинъ сѣдѣщей на конѣ а вруце имѣетъ копіе і тѣмъ копіемъ своимъ попираетъ змя а тои воинъ попраше своего коня того змя значитъ попраніе і прогнаніе і всеконечное агарянское погубленіе і вѣчное ихъ вродетвѣ огненномъ мученіе а сии орелъ православнаго царя двоеглавныи отвостокъ солнца даже до запада славныи благочестиемъ вѣры силы державы враговъ души и тѣла побѣждаетъ главы а вышиты тѣ святыя образы на томъ знамени на поклонение всемъ православнымъ христіаномъ и на воспоминаніе впередъ будущемъ родамъ на побѣжденіе и поражение всехъ безбожныхъ и богомерскихъ агарян иже бранемъ хотящихъ».

По желтому борту вышиты восемь большихъ звѣздъ обычной формы. (13)

Знамена полковъ иноземнаго строя при Теодорѣ Але-

ксѣвичѣ становятся болѣе однообразными, такъ какъ полковники и капитаны постепенно теряютъ право строить ихъ „своимъ обычаемъ“.

Число ихъ, однако, было очень ничтожно въ сравненіи съ предшествующими царствованіями, такъ какъ правительство стало давать предпочтеніе солдатскимъ полкамъ, ввѣряя ихъ иноземнымъ офицерамъ и выходцамъ изъ польской шляхты *).

Солдатскія же знамена въ рассматриваемый періодъ стали строиться преимущественно изъ тафты, кумачу и китайки, при чемъ сохранилось прежнее разнообразіе въ цвѣтѣ. Произошли нѣкоторыя измѣненія во внѣшнемъ видѣ знаменъ этой категоріи,—что усматривается изъ описанія знаменъ, изготовленныхъ по слѣдующему указу, данному Оружейной Палатѣ 5 мая 1679 г. *): „Въ полкъ Сомерскихъ солдатъ полковнику Якову Ловзыну, да подполковнику Антону Фанъ-Смалыиъ-Берху (сдѣлать) два знамя таѣтяные, изъ обычныхъ таѣтъ, восемь знаменъ кумачные, опушка китайки черной, всерединѣ кресты китайки бѣлые, здревки и згרותики и совтоки ременными и счехлами суконными, а росписатца въ знаменахъ полковнику Якову Ловзыну“.

Сами же знамена описаны такъ: „Дано изъ Оружейные Палаты въ полкъ Сомерскихъ солдатъ десять знаменъ, и въ томъ числѣ одно знамя таѣта—середина бѣлая, всерединѣ вшитъ крестъ таѣты черные о пяти степеняхъ, около креста подпись: „Царь славы Иисусъ Христось, пика, трость, копіе“, опушка таѣта зеленая, койма таѣта черная, длина знамя два аршина звемя

*) Подтверждается это тѣмъ, что на солдатскихъ знаменахъ стали чаще появляться латинскія надписи и буквы. Между прочимъ, въ Оружейной Палатѣ имѣется полковое знамя краснаго цвѣта, въ середину котораго вшитъ крестъ бѣлой тафты, а вверху въ продолговатомъ вѣнкѣ изъ листьевъ зеленой тафты имѣются латинскія буквы „L. N. V. L.“

**) Дополн. къ III отд. „Древ. Рос., Гос.“, стр. 78—79.

вершки, ширина тожъ. Другое знамя ценинное таѣтяное, крестъ и звѣзды таѣта червчатая, мѣрою знамя длина два аршина съ четью, ширина два аршина два вершка; восьмъ знамень таѣта двоелишна, кресты и звѣзды таѣты бѣлые, мѣрою тѣ знамена длиною по два аршина съ четью, шириною по два аршина звемя вершки. Къ тѣмъ же знаменамъ десять гротиковъ желѣзныхъ, и въ томъ числѣ два посеребренны, да десять сорочекъ сукна вишневого, десять втоковъ ременныхъ, и въ томъ числѣ одинъ шить пряденымъ золотомъ, яриной, на лосинномъ ремнѣ, да десять древокъ тощихъ писаны сурикомъ, перевитые“.

Болѣе рѣзкія измѣненія послѣдовали въ самомъ концѣ XVII столѣтія, когда окончательно установилась разница между знаменами полковничьими *) и ротными (капитанскими): первыя были съ каймою и на нихъ писались священныя изображенія, вторыя-же—безъ каймы и на нихъ изображенія были символическія: грифы, орелъ, левъ и т. п. Такая разница объясняется исторически. При первоначальномъ образованіи солдатскихъ полковъ ихъ роты были ввѣрены, въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ капитанамъ, которые до того имѣли свои „иноземныя“ роты. Очевидно, что такіе капитаны принесли съ собою и тѣ знамена (съ грифами, львами, змѣями и т. п.), которыя у нихъ были въ этихъ послѣднихъ ротахъ. Полковничьи и подполковничьи знамена стали солдатскимъ полкамъ присвоиваться позже уже исключительно подъ вліяніемъ Московскаго обычая, а такъ какъ къ этому времени иноземный элементъ въ солдатскихъ полкахъ значительно уменьшился, то эти новыя знамена и строились по образцу „христіанскихъ“. (14)

Нѣсколько ранѣе, чѣмъ на стрѣлецкихъ, стали появляться на солдатскихъ знаменахъ изображенія городскихъ

*) Къ нимъ можно причислить и подполковничьи.

гербовъ. Такое, на примѣръ, знамя въ 1687 году было послано „Генералъ Маеору Володимеру Иванову сыну Швейковскому“, находившемуся въ Смоленскѣ. У этого знамени „всерединѣ орла писанъ ѣздець, поверхъ орла на коймѣ крестъ въ звѣздахъ, поверхъ креста подписано:

«Иисусъ Христосъ»;

подъ орломъ печать Смоленская: въ клеймѣ пушка, на ней птица гамаюнъ; на коймѣ по алой камкѣ писано травы по золоту, на коймѣ же по правую сторону орла подпись:

«сие знамя по указу великихъ Государей Царей і Великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, і Великой Государыни благовѣрной Царевны и Великой княжны Сафіі Алексѣевны, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ, дано княжества Смоленскаго въ энральской полкъ въ нынѣшнемъ во рче году Декабря въ и день».

Отличался и гротикъ этого знамени, такъ какъ онъ былъ „прорѣзной орелъ“, а надъ послѣднимъ крестъ. Древо тощее позолочено, а „на древкѣжъ, чюшка, что пришито знамя, и на знамени сорочка, суконные алые краснаго аглинскаго сукна; втокъ, пряжка и запряжникъ и наконешникъ медные полуженые, тесма шолковая цвѣтная розныхъ шолковъ“. (15)

Для солдатскихъ полковъ, какъ прежде для иноземныхъ, строились знамена и попеченіемъ ихъ начальниковъ. Это подтверждаетъ дневникъ Гордона, въ которомъ записано, что послѣднимъ передъ 1-мъ Азовскимъ походомъ за 8½ р. было заказано сдѣлать два знамени изъ красной тафты. Передъ 2-мъ же походомъ подъ Азовъ тотъ-же Гордонъ для своего Бутырскаго полка купилъ матеріаль (тафту) на 10 знаменъ, изъ которыхъ одно бѣлое и остальные красныя. На бѣломъ знамени былъ красный крестъ, на остальныхъ — бѣлые. Каждое такое знамя обошлось по 4 р.

Кромѣ того, у Гордона было еще четыре солдатскихъ, собственно Тамбовскихъ полковъ, для которыхъ было заготовлено сорокъ знаменъ, но изъ миткаля и кумача, причемъ полковыя были также бѣлаго цвѣта, остальные же—краснаго, желтаго, чернаго и другихъ цвѣтовъ. Каждое такое знамя, въ среднемъ, обошлось по одному рублю *).

Рейтарскія и драгунскія знамена остались до 1700 года безъ перемѣны.

*) На походѣ подъ начальство Гордона поступило еще два Низовыхъ полка для которыхъ было сдѣлано 20 знаменъ изъ миткаля.

ГЛАВА XI.

Знамена особаго рода. Знамя ясачное; его описаніе. Прапоры; сфера ихъ присвоенія. Подраздѣленіе прапоровъ; ихъ описаніе. Потѣшный прапоръ Кожуховскаго похода. Прапоры боярина Волынскаго и другихъ воеводъ. Значки. Знамя Оружейной Палаты.

АКАНЧИВАЯ этимъ разсмотрѣніе знаменъ конца XVII столѣтія присвоенныхъ стариннымъ русскимъ ратямъ разнаго наименованія, — остается еще для полнаго изслѣдованія коснуться нѣкоторыхъ знаменъ, не принадлежавшихъ къ категоріи „строевыхъ“.

Такія знамена или присваивались отдѣльнымъ лицамъ, занимавшимъ извѣстныя должности, или обозначали достоинство и санъ, или, наконецъ, придавались такимъ командамъ (сотнямъ), которыя никогда не входили, какъ вооруженная сила, въ росписи Розряда и другихъ приказовъ, вѣдавшихъ войсками періода Царской Руси.

Туть прѣжде всего надлежитъ указать на ясачное знамя. Оно служило средствомъ для подаванія сигналовъ во время разнаго рода военныхъ церемоній: парадовъ, смотровъ, водосвятій и т. п.

Изображеніе подобнаго знамени имѣется въ книгѣ «*Diarium itineris in Moscoviam etc. descriptum a Ioanne Gregorio Korb p. t. secretario ablegationis Caesareae Anno MDCXCVIII*», гдѣ на рисункѣ, изображающемъ Иордань, въ правомъ углу нарисованъ шестисторонній столбъ, вышиною равный, соображаясь съ ростомъ людей, аршинамъ 7—8; верхняя площадка—около 1 кв. арш., на столбѣ изображенъ офицеръ со знаменемъ. Последнее—четыреугольное съ написаннымъ орломъ.

Кому же вообще поручалось ясачное знамя, видно изъ слѣдующей записи: „200 года 1 іюня. Солдатскаго строю капитану иноземцу Адаму Адамову, сыну Вейту, который марта въ 20 числѣ нынѣшняго 200 года въ недѣлю Цвѣтоносную, въ дѣйство входа въ Иерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа стоялъ на указномъ мѣстѣ въ Китаѣ верхняго овощнаго ряду на лавкѣ съ ясачнымъ знаменемъ, 5 аршинъ сукна кармазину, 10 аршинъ отласу красного“ *).

Родовитые начальныя люди, какъ знакъ своего достоинства, употребляли небольшія знамена съ длинными хвостами, получившія названіе *прапоровъ*. Обычай этотъ перешелъ въ Русь съ запада, при чемъ капитанъ *Margaret* въ книгѣ „*Estat de l'Empire de Russie*“ **) свидѣтельствуеть, что при Борисѣ Годуновѣ у каждаго воеводы былъ свой прапоръ.

Первоначально, въ концѣ XVI столѣтія, прапоры были присвоены исключительно однимъ боярамъ. Затѣмъ, въ XVII столѣтіи, они стали болѣе распространяться, подраздѣляясь на Государевы, боярскіе и начальныя людей.

Первые дѣлались очень богато: изъ дорогихъ шелковыхъ тканей, шитые или писанные золотомъ, серебромъ и красками. Если Государевъ прапоръ предназначался во время похода слѣдовать съ царскою казною, то онъ строился

*) „Домаш. бытъ русск. царей“, Забѣлинъ.

**) Paris, изд. 1669 г., стр. 74.

о двухъ откосахъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ изображалась печать Государя—золотой двуглавый орелъ; а въ откосахъ разнаго рода признаки: солнце, мѣсяць, звѣзды, а также, иногда, фантастическіе звѣри и птицы. (1) Древки золотились, кромѣ того часто по золоту росписывались разными красками; наверхъе состояло изъ длиннаго и тонкаго копыя съ прорѣзными изображеніями орла и осьми-конечнаго креста.

Если же прапоры предназначались для украшенія царскихъ шатровъ, то дѣлались они съ однимъ откосомъ, по размѣрамъ менѣе предыдущихъ, при чемъ середина кроилась въ видѣ равносторонняго четырехугольника, въ 10—12 вершковъ. На такомъ прапорѣ всегда писалось „изображеніе орла двоеглавого съ корунами“, при чемъ на груди орла изображалось солнце и мѣсяць, а въ откосѣ—грифъ, левъ, змѣи и т. п.; каймы же росписывались травами. Гротики у такихъ прапоровъ обыкновенно были „на копейное дѣло“, гладкіе и прорѣзные, желѣзные и мѣдные, золоченые, высеребреныя или луженые.

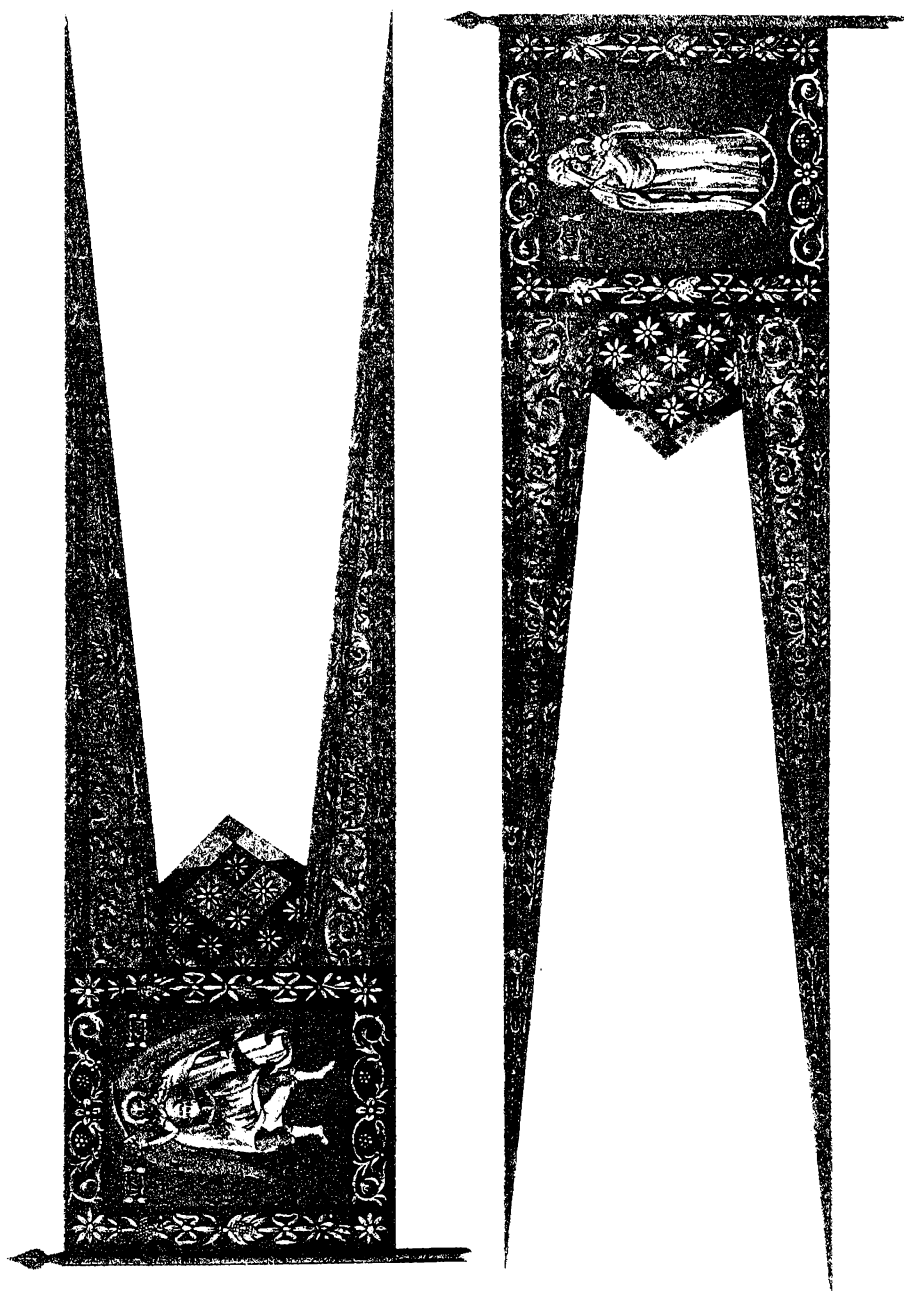
Особыми прапорами, называвшимися хоругвами, украшался и шатеръ царской походной церкви. Конечно, тутъ допускались только священныя изображенія. Вотъ описаніе одной такой хоругви, сдѣланной изъ голубой камки *): четырехугольная, по древку—13 вер., въ длину—10¹/₂ вер.; написанъ образъ Св. Николая Чудотворца, передъ которымъ изображенъ въ моленіи Великій Князь Димитрій Донской со своими боярами; вдали видна ставка. На каймѣ же написанъ цѣликомъ тропарь:

«Правило вѣры и образъ кротости».

На другой сторонѣ хоругви то же изображеніе, но на каймѣ написанъ весь кондакъ:

«Въ мірѣхъ святе».

*) Хранится въ Оружейной Палатѣ подъ № 4210.

Прапоръ половини XVII столѣтїя.

Государевы прапоры или, какъ ихъ иногда называли, прапорцы строились также въ Оружейной Палатѣ, на это указываютъ помѣтки въ записныхъ книгахъ дворцовыхъ приказовъ *). Напримѣръ, 8 января 1713 года записано: „Живописцу Станиславу Лопуцкому сученаго жолтого шолку 2 золотника. Шиль 30 прапорцовъ таѣтяныхъ и писалъ по золоту красками къ калмыцкимъ шапкамъ“.

Въ заключеніе о Государевыхъ прапорахъ остается сказать, что въ 1679 году были построены прапоры съ изображеніемъ печатей Астраханской, Пермской, Псковской и Владимірской.

Прапоры бояръ, окольниковъ и другихъ высшихъ чиновъ строились по тому же образцу, при чемъ на нихъ обыкновенно изображались печати личныя и родовыя; печати иногда, впрочемъ, замѣнялись какимъ либо знакомъ или изображеніемъ. Большими прапорами назывались тѣ, которые возились передъ бояриномъ или окольнымъ въ строю. Это же названіе присваивалось и тѣмъ прапорамъ, которые были съ ближними людьми на посольскихъ съѣздахъ, при размѣнѣ плѣнныхъ и т. п. Прапоры же, слѣдовавшіе при обозѣ или предназначенные для обозначенія шатровъ, назывались малыми.

Въ половинѣ XVII столѣтія иногда выѣзжали въ строй со своими прапорами **) и сотенные головы Государева полка. Это дѣлалось тогда, когда „Государь, нарядивъ

*) „Опись“, Викторовъ, вып. 2, стр. 433.

**) Въ началѣ XVII столѣтія иногда числомъ прапоровъ опредѣляли численность войска. Въ отпискѣ, напримѣръ, воеводы Федора Плещеева о побѣдѣ въ 1614 году атамана Титова со взятыми подъ Олонцемъ „языками“ къ Барай-мурзѣ, между прочимъ, говорится: „И какъ де Анцмукъ позналъ, что черкасы, имъ де грамоты послалъ къ Сидору королевскіе отъ Пунтусова, чтобъ нѣмцамъ съ черкасы сослаться и соединиться со одной на русскихъ людей; а всѣхъ де черкасовъ двѣнадцать прапоровъ, а идти на Олонецъ, а на Олонцѣ ожидать съ нѣмецкими людьми“. („Акты Моск. Гос.“ Поповъ, т. I, стр. 94) Указаніе на 19 прапоровъ конныхъ да 6 прапоровъ пѣшихъ имѣется въ распросныхъ рѣчахъ „отпущеннаго къ Москвѣ бояриномъ княземъ Трубецкимъ князя Ивана Шеховскаго“ (Тамъ же, стр. 113).

своего полка, головъ сотнями къ выѣзду противъ иноземныхъ пословъ, указывалъ сотеннымъ знаменамъ на выѣздѣ не быть, а головамъ сотеннымъ быть со своими знаки“ *). Такіе прапоры строились всегда о двухъ хвостахъ, при чемъ середина дѣлалась въ видѣ равносторонняго четырехугольника, около аршина въ сторонѣ; длина же хвостовъ иногда достигала 3 арш. Середина прапора записывалась изображеніемъ государевой печати **), а въ откосахъ изображались львы, грифы, инороги и т. п., а также писались травы и звѣзды.

Съ теченіемъ времени число лицъ, имѣвшихъ прапоры, значительно увеличилось. Они появились у начальныхъ людей стрѣлецкихъ приказовъ, но тутъ и прапорамъ были присвоены одни священныя изображенія; преимущественно на нихъ писали образъ Спасовъ и Богородицы, лики архангеловъ, ангеловъ и св. угодниковъ Божіихъ. Число же откосовъ на этихъ прапорахъ зависѣло отъ чина того лица, которому они были присвоены: у полковничьихъ и подполковничьихъ было два хвоста, а у капитанскихъ—одинъ.

Оружейная Палата въ послѣдній разъ изготовила прапоры въ 1699 году, когда они въ числѣ 144 штукъ (2) были отправлены на Преображенскій потѣшный дворъ, что дѣлалось, впрочемъ, и раньше. Такъ, сохранился ***) значекъ (прапоръ) Кожуховскаго похода 1694 года, сдѣланный изъ холстины, при чемъ середина—бѣлая, кайма—красная и бортъ—желтый. На груди по обѣ стороны чернилами крупно написаны шутовскія и даже непристойныя выраженія, начинающіяся словами:

«в синем ау морри идетъ турчень ****) а идетъ не спужавъ а силы снимъ и большое» и т. п.

*) „Дворц. розр.“, т. III, стр. 915.

**) Прапоръ № 4198 въ Оружейной Палатѣ.

***) Въ Артиллерійскомъ Музеѣ № ССХСІ.

****) Турченевъ (Яковъ) былъ шутъ Петра и во время похода подъ Кожухово командовалъ „для потѣхи“ отрядомъ, состоявшимъ изъ пѣвчихъ.

Въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ сохранилось до настоящаго времени довольно значительное число прапоровъ *), изъ нихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: черные съ голубою каймою и двумя концами, на обѣихъ сторонахъ двуглавый орелъ со скипетромъ и державой; на груди орла у однихъ звѣзды, у другихъ—солнце, въ видѣ человѣческаго лица; по концамъ золотыя, серебряныя и цвѣтныя изображенія крылатыхъ драконовъ.

Довольно много прапоровъ имѣется и въ Оружейной Палатѣ, изъ которыхъ можно указать на одинъ **) изъ китайской камки, съ двумя откосами, середина рудожелтаго цвѣта; на одной сторонѣ написанъ Нерукотворенный образъ Спасителя, при чемъ убрусъ держатъ два ангела; надъ послѣдними надпись:

«Ангели Господни»,

подъ убрусомъ же надпись:

«Нерукотворенный образъ Господа Бога нашего».

На другой сторонѣ написанъ Архистратигъ Михаилъ на конѣ, трубящій и держащій въ правой рукѣ крестъ и кадило, а въ лѣвой - св. Евангеліе; отъ креста къ Евангелію надъ головою Архангела идетъ радуга ***). Откосы—васильковаго цвѣта, въ верхнемъ—солнце и двѣ звѣзды, а въ нижнемъ—полумѣсяцъ и тоже двѣ звѣзды. Древо у этого прапора крашеное, наверхъ желѣзное.

Заслуживаетъ еще вниманія въ той же Палатѣ прапоръ ****) съ Владимірскимъ гербомъ. Онъ изъ красной

*) Хранятся за №№ ССХСѢІ, ССХСѢІІ, ССХСѢІІІ, ССХСѢІІІІ, ССѢ и ССѢІІ.

**) № 4193.

***) Прапоры съ изображеніемъ Архангела Михаила встрѣчаются часто. Такъ, съ его ликомъ имѣются еще прапоры за №№ 4195 и 4196, но въ подробностяхъ изображеній большая разница. Такъ, въ первомъ знамени, кромѣ Архангела, имѣется еще въ облакѣ благословляющая рука, а въ верхнемъ откосѣ написанъ левъ.

****) № 4200.

тафты, квадратный, длина стороны — 2 арш. 3 вер., откосовъ—два, по 4 арш. каждый. Весь прапоръ обшить бѣлою каймою, тоже изъ тафты. Въ серединѣ прапора, среди розъ и тюльпановъ, написанъ золотомъ, серебромъ и красками Владимірскій гербъ: коронованный левъ, держащій въ переднихъ лапахъ крестъ; вокругъ, золотомъ, надпись:

«Владимірской».

На откосахъ изображены драконы и звѣзды, по каймѣ—травы.

Большой интересъ также представляютъ два прапора *), принадлежавшіе боярину В. С. Волынскому.

Первый изъ этихъ прапоровъ построенъ изъ темно-красной тафты съ двумя откосами, по размѣрамъ—небольшой (по древку 1 арш. 14 вер., по каймѣ до откося—1 арш. 14 вер.). Обѣ стороны одинаковы. Въ серединѣ написанъ золотой крестъ, передъ которымъ колѣнопреклоненный царь Константинъ; въ углу Спаситель въ отверстномъ небѣ, подъ изображеніемъ надпись:

«Симъ побѣдише враги Благочестивый Царь Константинъ»,

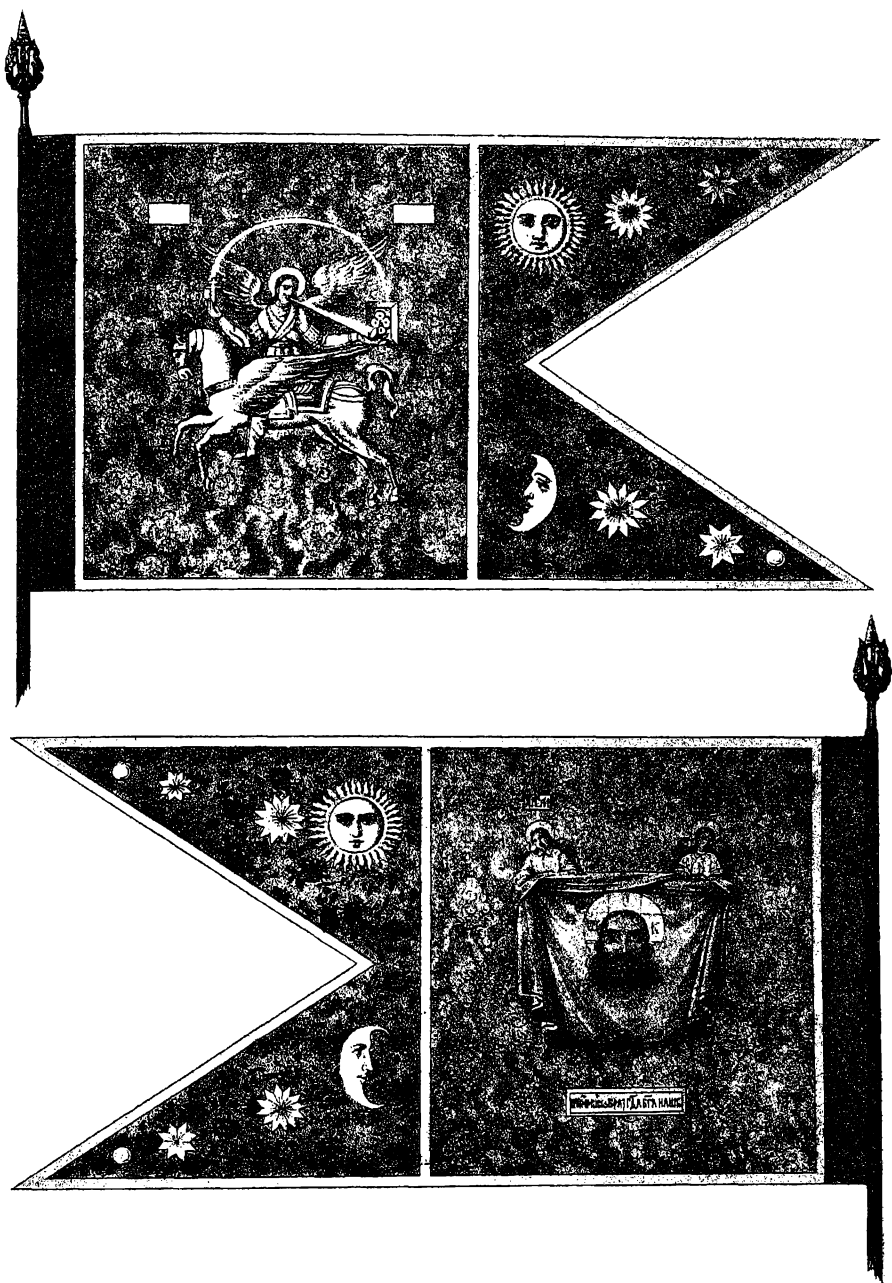
а затѣмъ золотомъ написано:

«Snamie Wasily Siemonewitz Wolynskiego».

По каймѣ и откосамъ разсыпаны небольшихъ размѣровъ звѣзды. Кругомъ всего прапора имѣется золотая обшивка, обведенная золотою каемкою съ серебряными городками.

Второй же прапоръ еще меньше и проще отдѣланъ. Онъ тоже съ двумя откосами; имѣетъ длину по древку—11 вер., по каймѣ до откосовъ — 12 вер. Въ серединѣ

*) №№ 4201 и 4202. Время постройки ихъ слѣдуетъ отнести къ періоду 1650—1680 гг. Прапоръ подъ № 4201 былъ переданъ въ Оружейную Палату въ 1836 году, по Высочайшему повелѣнію, президентомъ Московской Дворцовой конторы оберъ-гофмейстеромъ кн. Урусовымъ при особомъ отношеніи. (3)

Прапоръ конца XVII столѣтія.

изображенъ одноглавый орелъ, терзающій дракона: около изображенія надпись:

«Знамя Царягрядское»,

подъ изображеніемъ же буквы: въ лѣвомъ углу—*з. м.* и въ правомъ—*с. в.* Въ сохранившемся же откосѣ (другой оторванъ)—химера, держащая въ правой рукѣ зеркало, а въ лѣвой гребень. Свободныя мѣста поля и откоса украшены золотыми трилистниками.

Значки имѣли значеніе прапоровъ въ полкахъ иноземнаго строя, при чемъ, однако, значки преимущественно присваивались начальнымъ людямъ меньшаго чина: фурьерамъ, сержантамъ, каптенармусамъ и т. п.

Эти значки, какъ и знамена иноземныхъ полковъ, явились прототипомъ новѣйшихъ знаменъ, замѣнившихъ древне-московскія.

Въ заключеніе остается сказать, что значки строились самими полками. Поэтому особой переписки по постройкѣ ихъ въ Оружейной Палатѣ не производилось и лишь отъ 1695 года сохранилась въ Архивѣ упомянутой Палаты запись *): „По указу великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцевъ, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій стоварыщи приказали здѣлать въ казенномъ приказе для Низовыя службы къ ихъ Государской казнѣ, приказу большія казны съ Иваномъ Григорьевымъ, значикъ орелъ таеяной“. (4)

*) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“ столб. 203 года ноября 15. Нынѣ въ Оружейной Палатѣ хранится еще значекъ (№ 4207), тоже съ орломъ. Этотъ значекъ четырехугольный, изъ красной камки. На серединѣ двуглавый орелъ съ опущенными крыльями. Оригинально,—орелъ выкроенъ изъ холста. Надъ орломъ корона, при чемъ вѣнецъ изъ голубой, а лепестки изъ желтой камки. Поступилъ этотъ значекъ въ 1861 году изъ Петербургскаго Арсенала, которымъ былъ описанъ такъ: „знамя стрѣлцкое небольшое шелковое оранжеваго цвѣта, не совсѣмъ еще оконченное, на немъ вышитый изъ холста двуглавый орелъ; древко желтое, со сломаннымъ желѣзнымъ копьемъ, на немъ государственный гербъ; знамя ветхо и разорвано,—XVII столѣтія“.

Изъ значковъ въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ хранится лишь одинъ *), слѣданный изъ холста, двухконцовый съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ государственнаго герба, окруженнаго зеленымъ вѣнкомъ; на концахъ помѣщено по крылатому дракону, держащему вѣтку въ пасти.

Изъ хранящихся же въ Оружейной Палатѣ пяти значковъ **), между прочимъ, два отнесены къ категоріи „пушкарскихъ“.

Первый изъ нихъ построенъ изъ бѣлой камки, по древку длина—1 арш. 6 вер., ширина 1 арш. 8 вер. Въ срединѣ, съ обѣихъ сторонъ, въ лавровомъ вѣнкѣ нарисованы двѣ крестообразно сложенные пушки, между ними четыре ядра: два золотыхъ и два серебряныхъ. Близъ этого рисунка зажженные пальники и вѣнокъ, перевязанный въ четырехъ мѣстахъ лентою, концы которой распущены; кайма зубчатая. На значкѣ надпись:

«я храбрую зычно».

Другой пушкарскій значекъ тоже изъ бѣлой камки, почти той же величины. Но тутъ въ лавровомъ вѣнкѣ, перевязанномъ въ четырехъ мѣстахъ лентою съ распущенными концами, написаны два полумѣсяца, золотой и серебряный, обращенные рожками въ противоположныя стороны; въ промежуткахъ—четыре шестиконечныхъ звѣзды, у которыхъ одна половина золотая, а другая—серебряная. Вокругъ рисунка зажженные пальники, а по всему полотну—мелкія звѣзды. Каемка рисована серебромъ въ видѣ городковъ. На значкѣ надпись:

«Озираюся днемъ такоже и ноцію».

Этимъ и можно закончить указанія о знаменахъ той категоріи, которая не имѣла характера „строевой службы“.

Остается лишь указать, что сама Оружейная Палата имѣла свое спеціальное знамя.

*) № ССХСV.

**) №№ 4203—4207.

Построено оно было въ 1664 году; камчатое, по древку— 2 арш. 6 вер., по верхней каймѣ—4 арш., по нижней— 2 арш. 2 вер., по откосу—3 арш.; середина—алая, кайма—бѣлая.

На серединѣ знамени, съ обѣихъ сторонъ, изображенъ Св. Благовѣрный Царь Константинъ, на сѣромъ конѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ, вдали—сраженіе воинства Константина съ войскомъ Максентія; въ верхнемъ углу, къ древку—Господь Вседержитель и подпись:

«Благовѣрный Царь Константинъ Константиновичъ, показываетъ войску своему на явльшійся на небесахъ Крестъ Господень, и гласъ изъ облакъ глаголющъ: повѣдай имъ».

По каймѣ написаны два трофея съ атрибутами: шишакъ и мисюрка, а также пушки, бомбы и другія принадлежности пушкарскаго дѣла. Въ каймѣ откоса помѣщены пара литавровъ, а надъ ними—двѣ вошаги, труба, кларнетъ, палашъ, сабля, булава и т. п.

На уцѣлѣвшей до сихъ поръ части верхней каймы съ одной стороны написано:

«Великаго Государя Царя и великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца знамя»;

а съ другой стороны на той же каймѣ:

«Знамя Оружейныя Палаты писано его Государскимъ повеленіемъ ныншняго рѣв году Апрѣля въ ѳ день».

Описанное знамя заслуживаетъ вниманія главнымъ образомъ по тѣмъ изображеніямъ снаряженія и вооруженія, которыя на немъ нанесены и которыя наглядно характеризуютъ въ этой области московское войско второй половины XVII столѣтія.

Г Л А В А XII.

Разныя категоріи казаковъ.—Знамена городовыхъ казаковъ при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ.—Случаи постройки этихъ знаменъ въ Оружейной Палатѣ.—Роль донскихъ казаковъ въ составѣ вооруженныхъ силъ.—Выдача имъ знаменъ при Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ.—Знамя, выданное послѣ бунта Стеньки Разина.—Выдача знаменъ отдѣльнымъ группамъ казаковъ.—Сотенныя знамена у донскихъ казаковъ.—Знамена у яицкихъ и другихъ казачьихъ войскъ.—Особыя знамена для новокрещенъ и татарскихъ мурзъ.

АЗАКИ, являясь особой категоріей вооруженныхъ силъ Московскаго государства, съ перваго же времени своего возникновенія стали получать разныя наименованія, въ основаніе которыхъ ложилось, главнымъ образомъ, мѣсто ихъ пребыванія.

Поэтому казаки назывались городовыми, донскими, волжскими, яицкими, терскими, запорожскими и т. п.

Надо замѣтить, что одновременно съ казачьими войсками почти всегда упоминаются „новокрещены“, а также мурзы татарскіе, мордва, черемисы, калмыки, горскіе черкесы и т. п.

Болѣе тѣсно съ московскою ратью были связаны горо-

довые казаки *), получавшіе иногда названіе „русскихъ“. Ихъ организація въ XVII вѣкѣ обусловлена была слѣдующимъ: „изъ служилыхъ людей, изъ рейтаръ и изъ солдатъ, послѣ прежнихъ службъ, они (казаки) устроены вѣчнымъ житьемъ въ пограничныхъ замосковныхъ, понизовыхъ и мещерскихъ городахъ, для остереганія и обереганія города, и бывають около казны и по городу и на сторожѣ, и посылають ихъ во всякіе посылки“ и „въ городахъ даны были казакамъ дворы и земли пахатныя; а оброку Царю и податей не платяты никакихъ“ **).

По мѣрѣ своей организаціи городовые казаки были сведены въ сотни, а „начальные люди у нихъ головы, атаманы, сотники, ясаулы изъ дворянъ, и изъ рейтарскихъ начальныхъ людей; а къ бою служба ихъ противъ рейтарскаго строю, знамена малыяжъ своимъ образцомъ“ ***).

Знамена были двухъ образцовъ: для пѣшихъ и конныхъ казаковъ. Для первыхъ строились обыкновенныя сотенныя знамена, а для вторыхъ—быль принятъ драгунскій образецъ съ двумя хвостами. Середина этихъ знаменъ, съ нашивнымъ крестомъ и подножіемъ, имѣла въ длину около аршина, въ ширину—12 вер.; кайма всегда была изъ ткани особаго цвѣта; длина хвостовъ достигала иногда 1½ арш.

*) Казаки впервые упоминаются въ лѣтописи подъ 1444 годомъ, въ сказаніи о нападеніи ордынскаго царевича Мустафы на Рязанскую область. При осадѣ Казани въ 1552 г., казаки, вмѣстѣ со стрѣльцами, составляли легкіе передовые отряды. Уфимскіе казаки появились нѣсколько позже,—въ 1574 г., когда ими на р. Бѣлой было основано укрѣпленіе „Бѣлая Воложка“, въ слѣдующемъ году атакованное сибирскими царевичами Аблай и Шевкель. („Ист.-стат. очеркъ Оренб. войс.“, Стариковъ, стр. 29). Хоперскіе же казаки упоминаются лишь въ концѣ XVII столѣтія, когда они участвовали въ Азовскомъ походѣ („200-лѣт. Кубан. войск.“, Короленко, стр. 1).

***) „О Россіи“, Котошихинъ, стр. 111.

**) Уже въ началѣ XVII столѣтія иногда по числу знаменъ опредѣляли количество казаковъ. Это было сдѣлано въ 1633 году „литвиномъ Семеномъ Ивановымъ“, который въ распросныхъ рѣчахъ о состояніи польскаго войска между прочимъ, показалъ: „Госевскій де нынѣ стоитъ въ Оршанскомъ повѣтѣ въ селѣ въ Боевѣ со всеми людьми, и въ томъ де селѣ дворовъ съ 120. А людей съ Госевскомъ, сказывають, гусарь съ 1000 чел., да казаковъ три знамени“. („Акты Моск. Гос.“, Поповъ, т. I, стр. 442).

Большинство знаменъ обѣихъ категорій дѣлалось изъ бумажныхъ тканей и лишь въ видѣ исключенія изъ камки или тафты *). Знамена городовымъ казакамъ выдавались изъ Оружейной Палаты.

Сохранились подробныя указанія такихъ выдачъ. Такъ, „лѣта 7126 сентября въ 7 день по Государеву Цареву і великаго князя Михаила Феодоровича указу, память казначею Микифору Васильевичу Троханиотову да дяку Ждану Шипову велѣти имъ дать русскимъ Козакомъ, есаулу Павлу Зелейкину стоварыщи, знамя, а посылать ихъ на Государеву службу въ Рузу“.

Въ 1646 году же въ расходную книгу **) было записано: „Дано Государева жалованья, Мещерскихъ и Бѣлевскихъ козаковъ Отоманомъ ***) Богдашку да Савке Поповымъ стоварыщи здѣлано два знамени киндяшные. Киндяку пошло лимоннаго да зеленого 3 арш. безъ чети да 3 арш. безвершка полотно литовскаго; да Козельскихъ козаковъ атаману Петрушкѣ Ондрѣеву стоварыщи, да Мосальскихъ козаковъ атаману Павлику Долгову стоварыщи, Боровскихъ козаковъ атаману Алешкѣ Фомину стоварыщи, дѣлано три знамени киндячныхъ, киндяку пошло лимоннаго, зеленого лазоревого 9 аршинъ съ четью“.

Въ 1648 году были пожалованы „земскихъ кормовыхъ козаковъ“ атаману Гавриилу Буюкину четыре знамени „киндячныхъ добрыхъ конныхъ“. Слѣдующая же выписка относящаяся къ 1649 году, подтверждаетъ указаніе, что иногда городовымъ казакамъ выдавались знамена и изъ шелковыхъ матерій: „Дано Государева жалованія Вяземскому атаману Ивашку Онисимову стоварыщи четыре знамени таѣтяныхъ, і втомъ числѣ знамя средина таѣта двое-

*) „Арх. Моск. Оуж. Пал.“, кн. № 1079. 157 года 30 мая.

**) 154 года № 988.

***) Самое раннее, по времени, упоминаніе слова „атаманъ“, среди просмотрѣнныхъ документовъ, относится къ 1460 году, когда это слово упоминается въ граматѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича. (1)

лична опушка жолта; другое знамя середина таѣта двоелична, опушка бѣла; третье знамя середина бѣла, опушка гвоздишна; четвертое знамя середина свѣтлозелена, опушка лазорева“ *).

Такимъ образомъ изъ всего изложеннаго усматривается, что постройка знаменъ и снабженіе ими собственно городовыхъ казаковъ почти ничѣмъ не разнились отъ уже описаннаго выше порядка для остальныхъ, если можно такъ выразиться, регулярныхъ частей московской рати XVII столѣтія.

Донскіе казаки зато находились въ совершенно другихъ условіяхъ.

Хотя они и стали появляться въ составѣ русскаго войска съ XVI вѣка **), но всегда сохраняли совершенно полную самостоятельность и признавались, какъ московскимъ правительствомъ, такъ и воеводами, лишь союзниками.

Однако, надо думать, что знамена они все-таки получали изъ Москвы и до воцаренія дома Романовыхъ, хотя объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Для донскихъ казаковъ значеніе союзниковъ сохранилось и съ воцареніемъ Михаила Феодоровича, когда донцы пришли „въ познанье“, что имъ уже надлежитъ перестать творить смуту, а слѣдуетъ „прямить“ молодому Царю, какъ „прежнимъ Великимъ Государямъ служили и прямили“.

Это казачье слово привезъ въ Москву атаманъ Игнатій Бедрищевъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ желаніе донцовъ, чтобы Великій Государь ихъ пожаловалъ и

*) Выдача эта была оговорена: „всѣ стараго дѣла, а году не написано“.

***) Котошихинъ въ своей книгѣ „О Россіи“ характеризуетъ донскихъ казаковъ слѣдующимъ образомъ: „А люди они породю москвичи и иныхъ городовъ, и новокрещеные татарове, и запорожскіе казаки, и поляки и яхи, и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ, и торговые люди, и крестьяне; и дана имъ на Дону жить воля своя, и начальныхъ людей межъ себя атамановъ избираютъ и судятся во всякихъ дѣлѣхъ по своей волѣ, а не по царскому указу“.

„прислалъ бы имъ свое Великаго Государя жалованье, знамя, съ чѣмъ противъ Государевыхъ недруговъ стоять, и на нихъ ходить“.

Это челобитье было уважено и 18 марта 1614 года, „видя къ Богу правду и къ Великому Государю службу и истинное радѣнье и послушанье“, была послана на Донъ въ Нижніе и въ Верхніе юрты царская грамота *).

Въ грамотѣ, между прочимъ, было сказано: „Да вы жъ писали къ намъ съ атаманомъ съ Игнатіемъ Бедрищевымъ, чтобъ намъ васъ пожаловать, прислать къ вамъ свое царское жалованье, знамя, съ чѣмъ противъ нашихъ недруговъ стоять и на нихъ ходить: и мы васъ пожаловали, послали къ вамъ наше жалованье, наше царское знамя, съ атаманомъ съ Игнатіемъ же Бедрищевымъ; и вамъ бы съ тѣмъ знаменемъ противъ нашихъ недруговъ стоять и на нихъ ходить, надъ ними промышляти, сколько милосердый Богъ помочи подастъ“ **).

Знамя, отосланное съ грамотой было сдѣлано въ Оружейной Палатѣ изъ камки, при чемъ середина „камка кармазинная, опушка камка адамашка лазоревая“. На знамени было написано: „на срединѣ орелъ пластаной, золотной на обѣ стороны, а по срединѣ орла, въ клеймѣ, *Государевъ образъ на конь колетъ змія*, около звѣзды; а на коймѣ писано по серебру мѣсты, государева полная титла, а межъ подписи травы, писаны золотомъ“.

Стольникъ Апухтинъ повезъ знамя на Донъ, отправившись туда вмѣстѣ съ атаманомъ Бедрищевымъ.

*) „Акты Археолог. Эксп.“, т. III, № 21.

**) Донскими казаками грамота и „царское жалованье“ не только были охотно приняты, но даже они написали „Волжскимъ и Яицкимъ и Терскимъ казакамъ, чтобы послѣдніе тоже начали на Москву прямить“, при чемъ отписка заканчивалась слѣдующими характерными словами: „А мы вамъ о любви челомъ бьемъ до лица земного до общія нашей матери, аминь“ („Акты Истор.“, т. III, № 12.) Впрочемъ, это было сдѣлано не по собственной инициативѣ, такъ какъ въ московской же грамотѣ было сказано: „И къ своей братьѣ къ атаманамъ и къ казакамъ къ Волжскимъ, и къ Терскимъ, и къ Яицкимъ, отпишите, чтобъ они, боясь Бога, держались во всемъ правды“.

Слѣдующее знамя, какъ бы на перемѣну первому, донцы получили уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, который свое „Государево жалованье“ отправилъ въ ознаменованіе пораженія крымцевъ на Дону.

Это знамя описано такъ: „середина камка кармазинъ травная, опушка камка адамашка зеленая травная, на знамени писано золотомъ въ срединѣ орелъ большой, въ орлѣ клеймо: царь на конѣ колеть змія. А подписано на томъ знамени по коймѣ: повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца, и многихъ государствъ Государя и обладателя, писано сие знамя на Донѣ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, лѣта зрѣна“.

Знамя было отвезено на Донѣ атаманомъ Васильевымъ при особой граматѣ, въ которой, между прочимъ, было сказано *): „И мы Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи Самодержецъ васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско и вольныхъ людей (что) намъ Великому Государю служите и надъ Крымскими и надъ Нагайскими людьми, которые намъ Великому Государю непослушны, промышляете нещадя головъ своихъ; жалуемъ, милостиво похваляемъ и станичниковъ вашихъ, атамана Наума Васильева стоварыщи пожаловавъ нашимъ Царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить къ вамъ на Донѣ, незадержавъ, а съ ними велѣли послать къ вамъ наше Царскаго Величества знамя“. (2)

Стенька Разинъ смутилъ донцовъ, вспомнили они „гульбу“ съ Заруднымъ въ періодъ московскаго междуцарствія и перестали „прямить“ Великому Государю Царю и Великому князю Алексѣю Михайловичу.

Но когда волненіе улеглось, опять донское войско запросило себѣ знамя. Просьба, правда, была исполнена, но вмѣсто полковаго знамени съ орломъ было послано простое

*) „Матер. для ист. войска Донскаго. Грамоты“, Прянишниковъ, стр. 84.

знамя, сдѣланное, въ числѣ четырехъ, уже ранѣе по на-
ряду стрѣлецкаго приказа, хотя первоначально Государь
указалъ, „по имянному своему Великаго Государя указу“
сдѣлать въ Оружейной Палатѣ новое знамя „полковое
врозныхъ таетахъ вбѣломъ валомъ вчерномъ“. Дѣйстви-
тельно же отосланное знамя было: „середина таета черв-
чатая, койма таета бѣлая; длиною по верхней коймѣ че-
тыре аршина безъ двухъ вершковъ; шириною три аршина
безъ двухъ вершковъ; койма шириною шесть вершковъ,
на серединѣ написано вверху подъ коймою крестъ зо-
лотной; подъ крестомъ въ клеймѣ левъ золотный съ ме-
чомъ серебряномъ, клеймо обведено вѣтью съ листьемъ,
около клейма десять вѣточекъ, по коймѣ восемь репьевъ,
промежъ ими восемь вѣтокъ“. (3)

Иногда знамена выдавались и отдѣльнымъ группамъ
казаковъ по челобитнымъ ихъ атамановъ. Какъ примѣръ;
можетъ служить слѣдующая челобитная *): „Царю Госу-
дарю и великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа великия
и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, а бьютъ челомъ холопи
твои Донскіе казаки Атаманъ Осташка Селиновъ, да Есаулъ
Матюшка Шитеневъ, да Анисимко Афонасьевъ, и всѣ ря-
довые казаки 143 человекъ. Служимъ мы холопы твои по
Бѣлу городу, а знаменъ у насъ холопей твоихъ нѣтъ, на-
твою Государеву службу ходитъ намъ нѣсчемъ, а здѣлать
намъ самимъ стало нечѣмъ; милосердный Государь Царь и
великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великия и малыя
и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй холопей своихъ,
вели насъ Государь пожаловать, свое Государево знамя
дать, чтобы намъ холопьямъ твоимъ было съ чѣмъ ходить
на твою Великаго Государя службу. Царь Государь сми-
луйся и пожалуй“.

Сами же донцы строили знамена лишь походныхъ и
наказныхъ атамановъ, а также знамена сотенныя.

*) „Арх. Москов. Оруж. Пал.“, 167 года февр. 15, № 27.

Всѣ эти знамена были небольшія, середина четырехугольная, при длинѣ въ большинствѣ случаевъ 1 арш. 8 вер. и ширинѣ — 12 вер.; середина иногда обшивалась каймою и почти всегда нашивался крестъ съ подножіемъ; обыкновенно пришивались два хвоста, длиною 2—3 арш. Матеріаломъ же служили преимущественно киндяки, крашенина и миткаль.

Надо замѣтить, что сотни донцовъ, поступавшія въ составъ Государева полка, получали знамена уже наравнѣ съ остальными сотнями того же полка.

Яицкіе, волжскіе, терскіе и другіе казаки также получали знамена, но только тогда, когда составляли свои отдѣльные полки *). Между прочимъ, знамя было выдано въ 1664 году въ соединенный полкъ изъ донскихъ, яицкихъ и орѣховскихъ казаковъ, находившійся въ указанный годъ при Бѣлогородскомъ разрядѣ.

Выданное знамя было построено изъ красной тафты съ бѣлою каймою изъ той же матеріи. Золотомъ „на оба лица“ было написано „на передней коймѣ, къ древку образъ Всемилостиваго Спаса во облацѣ; передъ нимъ въ моленіи св. Благовѣрные князи Борисъ и Глѣбъ, съ мечи обнаженными; по среди знамени образъ Архистратига Божія Михаила на конѣ, вооруженъ, въ рукахъ, въ правой мечъ въ лѣвой крестъ Господень, съ копіемъ и съ тростию **).

Къ приведенной группѣ казачьихъ войскъ относятся указанные выше татарскіе мурзы, горскіе черкесы, мордва,

*) Въ большинствѣ же случаевъ эти казаки росписывались отдѣльными сотнями въ полки бояръ и воеводъ. — Знамя было послано и тѣмъ казакамъ, которые, вмѣстѣ съ охочими людьми, подъ начальствомъ Хабарова въ 1650 году укрѣпились на Амурѣ. Этому знамени присвоено названіе Албазиннаго и теперь оно хранится въ Оружейной Палатѣ. (4)

**) Въ Оружейной Палатѣ хранятся три знамени (№№ 4173—4175), которымъ приписывается находеніе въ отрядѣ Ермака Тимофѣевича при покореніи Сибири въ 1581—1582 гг. Если это дѣйствительно такъ, то они были по всей вѣроятности построены или самимъ Ермакомъ, или же вручены ему Строгоновыми. (5)

черемисы и калмыки *), носившіе иногда общее названіе „новокрещены“.

Они росписывались по сотнямъ, присоединялись къ казакамъ и получали головъ по назначенію воеводъ. Исключеніемъ были лишь мурзы Московскаго чина, „татарове крещенные и некрещенные, которые въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ изъ Казанскаго и изъ Астраханскаго и Сибирскаго и Касимовскаго царствъ, и даны имъ вотчины въ подмосковныхъ ближнихъ городѣхъ“, такъ какъ ихъ сотни входили въ составъ Государева полка, а слѣдовательно и получали особыя знамена.

Остальныя же сотни изъ новокрещенъ имѣли знамена по образцу казачьихъ; знамена же сотенъ магометанъ и калмыковъ отличались лишь тѣмъ, что строились безъ крестовъ, это иногда и отмѣчалось въ описяхъ. Такъ, подъ № 14 въ описи 1664 года значится: „Пять знаменъ татарскихъ новыхъ таѣтяныхъ розныхъ цвѣтовъ крестовъ нѣтъ“, а подъ № 16—„Знамя таѣта черная, репей таѣта бѣлая да алая, креста нѣтъ“.

Сохранился даже рисунокъ подобныхъ знаменъ. Дѣло въ томъ, что въ 1675 году воевода Левонтъевъ-Черницкій получилъ приказаніе собрать ратныхъ людей и „идти тотчасъ не мѣшкавъ на Терекъ, ко Князь Булату Муцаловичу Черкасскому“, при чемъ въ полку упомянутаго воеводы указано было быть „Уфѣимскимъ служилымъ русскимъ людямъ и Башкирцамъ“. Для снабженія же полка знаменами состоялось распоряженіе, чтобы было сдѣлано „на казенномъ дворѣ двадцать два знамя дорогильныхъ сотенныхъ векорѣ, не замотчавъ“. Тутъ же при этой памяти приложенъ и рисунокъ, представляющій „образецъ, каковы дѣлать знамена“ **). Изъ этого рисунка видно, что знамя должно быть о двухъ хвостахъ; середина длиною

*) Впослѣдствіи были еще присоединены башкиры.

***) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“ стол. 183 года № 148, лис. 2, рис. 21.

полтора аршина, шириною въ два аршина, длина хвостовъ по полтора аршина.

Изъ указанныхъ двадцати двухъ знаменъ, девять были сдѣланы изъ бѣлыхъ и лазоревыхъ дорогъ, у десяти— лазоревыя дороги были замѣнены красными, а три знамени „таковыжъ мѣрю, всѣ цвѣтомъ бѣлыя“.

Г Л А В А XIII.

Образование Слободскихъ полковъ.— Ихъ служба и присвоенныя имъ знамена.— Присоединение Малороссіи.— Пожалованіе знамени Хмѣльницкому; его описаніе.— Два знамени гетману Брюховецкому.— Пожалованіе гетману Многогрѣшному союзнаго знамени; его описаніе.— Значки казачьихъ войскъ; описаніе двухъ изъ нихъ.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ Малороссіи ввело въ составъ Московской рати новую казачью силу — запорожцевъ, хотя послѣдніе подъ именемъ нововыѣзжихъ черкасъ и днѣпровскихъ казаковъ стали встрѣчаться въ войсковыхъ росписяхъ уже со времени Михаила Теодоровича.

При Алексѣѣ Михайловичѣ такіе выѣзды увеличились *), возникли новыя казачьи поселенія на берегахъ Дона, Сосны и Оскола, гдѣ, мало по малу, образовались такъ называемыя Малороссійскіе слободскіе казачьи полки, (1)

*) Въ 1650 году, напр., выѣхалъ на вѣчное житье полковникъ Иванъ Дзевковскій съ тремя сотниками и съ двумя тысячами казаковъ („Истор. Россія“, Соловьевъ, т. 10, стр. 302). Упомянутому полковнику „по Государеву указу велѣно, въ Казенномъ приказѣ, здѣлать знамя, сотенное таеяное“.

причисленные къ Бѣлгородскому разряду и имѣвшіе своихъ полковниковъ и раздѣлявшіеся на сотни. Послѣднія подчинялись есауламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Михайловичъ приказалъ боярамъ и воеводамъ не препятствовать слобожанамъ въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній и не мѣшаться въ ихъ внутренній распорядокъ. Кромѣ того было объявлено „благоволеніе“ Царскаго Величества съ обнадеженіемъ, что они всегда будутъ жалованы Царскою милостью.

Знамена были двухъ родовъ: полковыя и сотенныя. Первые строились по образцу сотенныхъ знаменъ Государева полка; сотенныя же были такія, какъ и у донскихъ казаковъ, при чемъ обыкновенно носили названіе черкасскихъ.

Когда же въ 1653 году рѣшено было гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско Запорожское принять „подъ Государеву высокую руку“, то среди другихъ посылокъ было и знамя *), построенное изъ бѣлой камки по образцу полковыхъ знаменъ. На этомъ знамени съ одной стороны былъ написанъ „образъ Спасовъ Нерукотворенный, съ другой—образъ Покрова Пресвятыя Богородицы; по сторонамъ написаны были лики св. преподобныхъ Печерскихъ Антонія и Θεодосія и св. великомученицы Варвары“ **).

Знамя, вмѣстѣ съ другимъ „Государевымъ жалованіемъ“, было передано Хмѣльницкому царскими послами, бояриномъ Бутурлинымъ „съ товарищи“, 8 Января 1654 г. на явной радѣ въ Переяславлѣ, при этомъ въ сказанной упомянутымъ бояриномъ рѣчи образъ на знамени Всемиловитиваго Спаса былъ указанъ, какъ символъ „побѣды на врага“.

Пожалованное знамя находилось при Хмѣльницкомъ

*) Первое знамя Запорожское войско получило отъ Стефана Баторія, причемъ на знамени былъ изображенъ королевскій гербъ („Богданъ Хмѣльницкій“, Костомаровъ, ч. I, стр. 12). (2)

**) „Полн. Собр. Зак.“, т. I, стр. 319.

во всѣхъ походахъ и было передано, какъ одинъ изъ зна-
ковъ, присущихъ гетманскому достоинству, сыну Юрію
за недѣлю до смерти.

Но со смертью въ 1657 году Богдана, сынъ его не былъ
признанъ гетманомъ, а послѣднимъ былъ выбранъ войс-
ковой писарь Иванъ Выговскій, сдѣлавшій себѣ самъ
знамя съ изображеніемъ Архангела Михаила *).

Выговскій, какъ извѣстно, измѣнилъ, но затѣмъ былъ
смѣщенъ и въ 1660 году рада въ Переяславѣ выбрала
въ гетманы вновь Юрія Хмѣльницкаго **).

Однако и послѣдній передался полякамъ, забывъ за-
вѣтъ своего отца.

Опять началась на Украинѣ смута, прекратившаяся
въ 1663 году, когда рада избрала гетманомъ есаула Ивана
Брюховецкаго ***).

На его избраніи присутствовалъ государевъ посоль
окольникій князь Данило Велико-Гагинъ, который и пе-
редалъ новому гетману „знамя полковое Спасовъ образъ,
съ обѣ стороны писано по алой таѣтѣ ****).

Черезъ два года, во время пребыванія въ Москвѣ,
гетманъ вмѣстѣ съ боярствомъ *****), былъ пожалованъ и
новымъ знаменемъ: „таѣтяное червчатое, а на немъ пи-

*) Оно было впоследствии отбито, переслано въ Посольскій приказъ, а
затѣмъ передано на храненіе въ Оружейную Палату. (3)

**) „Истор. Россіи“, Соловьевъ, т. 9, стр. 104.

***) Надо замѣтить, что малороссійскіе старшины не очень спѣшили вы-
боромъ новаго гетмана, что и побудило въ 1662 году („Полн. Собр. Зак.“, т. I,
ст. 330) послать имъ особую грамоту о скорѣйшемъ составленіи рады, при чемъ
въ грамотѣ упоминалось: „Мы, Великій Государь указали того новообраннаго
Гетмана, Окольникему нашему и Воеводѣ, Князю Григорью Григорьевичу Ро-
модановскому, Нашему Великого Государя жалованною грамотою, на совершен-
ное Гетманство жалованье, булаву и знамя, ему дать противъ Переяславскихъ
новопоставленныхъ статей и стародавнаго вашего войсковаго права“.

****) Знамя это было изъ прежнихъ; до отправки оно было подновлено жи-
вописцемъ Степаномъ Рязанцемъ, при чемъ была сшита новая сорочка изъ
алаго сукна.

*****) Прибывшіе съ нимъ старшины были одновременно пожалованы въ
дворяне. Самъ же Брюховецкій, кромѣ того, въ день пожалованія былъ пригла-
шенъ „къ столу въ столовой“ („Полн. Собр. Зак.“, т. I, ст. 375).

сань образъ Спасовъ Вседержителя, стоящій на камени; того-жъ знамени на другой сторонѣ написанъ образъ Покровъ Богородицы“ *).

Однако и бояринъ Брюховецкій измѣнилъ, но его убили казаки и провозгласили гетманомъ Петра Дорошенка **). Послѣдній, однако, оставилъ за собою лишь западную сторону Запорожья, предоставивъ всѣ земли на восточной сторонѣ Днѣпра во владѣніе наказного Черниковскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго. Такое раздѣленіе, конечно, совершенно не соотвѣтствовало взглядамъ Москвы, а поэтому Царскіе воеводы снова выступили на измѣнниковъ. Но казаки почти не сопротивлялись, сейчасъ же покорились и гетманомъ обѣихъ сторонъ былъ признанъ Многогрѣшный.

Всѣ эти, почти безпрестанныя, смуты, связанныя съ измѣной, убѣдили царя, что еще рано смотрѣть на Украину и Запорожское войско, какъ на неотъемлемую часть Государства и его вооруженныхъ силъ. Гетманъ сталъ поэтому признаваться лишь союзникомъ, что видно изъ пожалованія Многогрѣшнаго знаменемъ: оно было съ орломъ, т. е. съ такимъ изображеніемъ, которое, что уже указывалось выше, всегда писалось на знаменахъ, предназначавшихся донскимъ казакамъ.

О подробностяхъ знамени, посланнаго Многогрѣшному, можно сказать, что оно было построено „изъ бѣлой тафты“, написанъ орелъ двуглавый съ короною, а у орла въ серединѣ изображенъ Царь на конѣ; на верхней каймѣ—образъ Спасовъ Вседержителя. (4)

*) Расходы по постройкѣ этого знамени занесены въ записныхъ книгахъ въ 174 г. подъ числами 8, 14 и 17 Декабря („Описаніе книгъ и бум.“ Викторовъ, вып. 2, стр. 438).

**) Столь быстрому окончанію смуты много способствовала вѣрность слободскихъ полковъ, которые, осаждаемые запорожцами и разоряемые татарами и ногайцами, оставались вѣрными Москвѣ. Съ выборомъ Дорошенки слободскіе полки были причислены въ вѣдѣніе Посольскаго Приказа („Изюмск. Слоб. каз. полк.“, Гербель, стр. 22—23).

Многогрѣшный былъ также скоро смѣщенъ и въ 1672 году подъ Казачьей Дубровой былъ избранъ гетманомъ Иванъ Самойловичъ, при избраніи котораго присутствовали бояринъ и воевода князь Ромодановскій и думный дворянинъ Ржевскій.

Новый гетманъ при своемъ избраніи, находясь на рундукѣ, былъ осѣненъ прежнимъ знаменемъ, пожалованнымъ его предѣстнику.

Замѣнено оно было новымъ въ 1674 году, когда, вмѣстѣ съ булавой, состоялся отпускъ изъ Оружейной Палаты въ Посольскій приказъ новаго знамени *)), построеннаго также изъ бѣлой тафты, при чемъ опушка была алая изъ той же матеріи. Изображенія съ обѣихъ сторонъ были одинаковы. Знамя имѣло большіе размѣры: по верхней каймѣ—6 арш., по нижней до откосу—2 арш. 7 вер., длина откоса „полпяти аршина“, ширина же была „2 арш. 10 вершковъ сполувершкомъ, невступно“. Середину занималъ „орелъ двоеглавый съ коруною“, на груди котораго было обычное изображеніе—Царь на конѣ колеть змія.

На верхней каймѣ подъ орломъ—образъ Спасовъ Вседержителя; по сторонамъ—два креста на пяти степеняхъ. Съ правой стороны креста надпись:

«Крестъ честный, благочестивымъ Царемъ упованіе, а на враги побѣда, и прогоненіе и одолѣніе, якоже древле, первому Христіанскому Царю Константину, на одолѣніе воинства Максентіева»;

по другую сторону креста и около образа:

«Крестомъ твоимъ Христе хвалимся, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ, ты бо еси богъ нашъ развѣ бо тебѣ иного незнаемъ»;

*) Оно было построено на казенномъ дворѣ по именному указу отъ 13 сентября 1671 года. Работалъ надъ нимъ живописецъ Иванъ Безминъ, который и „поднесъ знамя“ въ недѣлю Св. Пасхи 1672 года.

по другую сторону Спасова образа надъ крестомъ:

«Царь славы Иисусъ Христосъ»;

по каймѣ же отъ креста подписано:

«Вожією милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ».

На серединѣ знамени, около орла, кромѣ четырехъ клеймъ, имѣется еще надпись слѣдующаго полного Государева титула:

«Московскіи, Кіевскіи, Влидимірскіи, Новгородскіи, Царь Казанскіи, Царь Астраханскіи, Царь Сибирскіи, Псковскіи и великій князь Литовскіи, Смоленскіи, Тверскіи, Волынскіи, Подольскіи, Югорскіи, Пермскіи, Вятцкіи, Болгарскіи, и иныхъ государствъ Государь и Великій Князь Новагорода, Нижегородскіи, Черниговскіи, Рязанскіи, Полотскіи, Ростовскіи, Ярославскіи, Бѣлозерскіи, Ударскіи, Обдорскіи и Кондинскіи, Витепскіи, Мстиславскіи и всеа сѣвѣрныя страны повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей, и инымъ многимъ государствамъ, и землямъ восточнымъ, и западнымъ, и сѣвернымъ отчичъ, и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и Государь и обладатель, написася сіе знамя въ лѣто отъ созданія міра зрѣ году, апрѣля въ кг день».

Навершье знамени былъ „крестъ серебряной бѣлой“,— древко — „тощее, писано по золоту розными краски“, сорочка—суконная, красная.

Иногда при Алексѣѣ Михайловичѣ, кромѣ большихъ полковыхъ знаменъ, выдавались особыя знамена отдѣльнымъ атаманамъ и есауламъ, какъ особая милость Государя за ихъ службу. Знамя, напримѣръ, было выдано въ 1659 году въ кошъ наказному атаману Безпалому. Было сдѣлано это въ видѣ награды за то, что упомянутый Безпалый, во время измѣны Выговскаго, временно исполнялъ обязанности гетмана, „чтобы дѣла войсковыя не гу-

ляли“ *). Въ томъ же году тоже цвѣтное камчатное знамя было дано полковнику Искрѣ, а въ 1664 году по указу Великаго Государя было выдано полковнику Ивану Брюховецкому два знамени. (5)

Въ заключеніе остается сказать, что и у казаковъ, кромѣ знаменъ, по примѣру остальныхъ категорій московской рати, имѣлись и значки. Образцами послѣднихъ могутъ служить тѣ два значка, которые нынѣ хранятся въ Оружейной Палатѣ **).

Первый скроенъ клиномъ изъ бѣлой камки, длина 1 арш. и ширина 11 вер.; на серединѣ вышиты желтымъ шелкомъ десять звѣздъ, расположенныхъ крестомъ, и слѣдующая надпись:

«всемъ знаменіи побѣдиши»,

буквы которой расположены по окружности круга; въ углу имѣлась еще надпись, теперь же лишь сохранилось:

«..... о—я и постигну я»,

мѣщечекъ—изъ красной крашенины.

Второй — четырехугольный, изъ камки темносиняго цвѣта, по древку — 12 вер., въ ширину 1 арш. Этотъ значекъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду написаннаго на немъ, на обѣихъ сторонахъ, изображенія, представляющаго битву грековъ съ сарацынами. Съ обѣихъ сторонъ верхняго края значка красная хартія. На одной хартіи написано:

«Василі Цезарь Грецкій віслал Андрея воеводу дофарсъ на Сараціны, вожь Царицинскій написалъ лист до него пишній съ такими словами: обачу если поможетъ тебѣ сотъ Марейнъ пушу на тебя звойскомъ. Андрей воевода взявши теѣ листъ повѣсмъ на древе и молился пресвятой дѣви і молилъ до ней ми-

*) „Исторія Россіи“, Соловьевъ, т. 11, стр. 34—45. Въ описи 1664 года это знамя отмѣчено подъ № 84: „Вкошъ Ивану Безпалому знамя камчатое цвѣтное таковожъ“.

***) Подъ №№ 4208 и 4209.

лостиво Боже помоліся о мене, чи маєть Богъ спѣти такую знеба на того врага побѣду; потомъ Андрей пустывся звойскомъ своимъ забылъ, войско его поразилъ» *).

На этой же сторонѣ надъ битвой написанъ и ликъ Пресвятыя Богородицы. На хартіи же другой стороны надписъ слѣдующая:

«Гетманъ грецкій былъ набожній и молился Пресвятой Деви Богородицы за помощію ей здѣтяжилъ Крoля Готскаго его самого забылъ, и все войско его поразилъ и ознай мила часъ котори спѣлъ знепріятельми своими потыкася».

*) Палеографическіе признаки этой надписи показывают, что значекъ южнаго происхожденія. По всей вѣроятности кіевской работы какого-нибудь инока, побывавшаго на Аeonъ или въ Святыхъ мѣстахъ.

Г Л А В А XIV.

Знамена городовыхъ и донскихъ казаковъ въ концѣ XVII столѣтія. — Случаи выдачи знаменъ; ихъ описаніе; отклоненіе ходатайствъ. — Сотенныя знамена донскихъ и другихъ казаковъ. — Выдачи знаменъ запорожскимъ гетманамъ. — Описаніе знамени Самойловича; передача его Мазепѣ; отказъ послѣднему въ присылкѣ новаго знамени. — Оставленіе того же знамени и преемникамъ Мазепы. — Сибирскія знамена конца XVII столѣтія.

Въ воцареніемъ Θεодора Алексѣевича и до конца XVII столѣтія какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ въ снабженіи знаменами городовыхъ казаковъ не произошло, можно лишь указать, что эти знамена, какъ и все остальные, въ рассматриваемую эпоху стали строиться въ большинствѣ случаевъ изъ шелковыхъ матерій, преимущественно изъ тафты и камки.

Донскіе казаки при преемникѣ Алексѣя Михайловича получили новое полковое знамя въ 1679 году, когда было „дано изъ Оружейныя палаты, его Государева жалованья, Донскому атаману и козакомъ Михаилу Самарину стоварыщи знамя полковое“ *). Длина знамени по верхней

*) Написано жалованнымъ живописцемъ Василиемъ Познанскимъ въ поднось Великому Государю къ недѣлѣ Св. Пасхи („Арх. Оруж. Палаты“, кн. № 234, 186 года, листъ 464).

каймѣ „полшеста аршина“, ширина—„два аршина десять вершковъ сполвершкомъ и скоймою“, кайма имѣла ширину—„четь аршина сыто“, отъ нижней каймы до откоса—„аршинъ полдесята вершка“, откосъ же до верхней каймы—четыре аршина три вершка. На знамени были написаны по лазоревой тафтѣ, съ обѣихъ сторонъ, кресты на пяти степеняхъ; около каждаго креста—трость и копіе; съ правой же стороны—„солнце случами золотомъ“, съ лѣвой—„мѣсяць серебромъ, и росписанъ чернилами“. На верху креста надпись:

«Иисусъ Назорениъ Царь Іудейскій»

(по серебру чернилами) и ниже,

«Исусъ Христосъ».

У креста, подъ правую рукою, въ клеймѣ:

«пронадчертаніе тайно древле временемъ Исусъ Наввинъ креста образъ, якоже руцѣ простре крестообразно, Спасе мой».

Ниже, во второмъ клеймѣ:

«креста солночное теченіе, дондежъ враги погуби противлящіяся тебѣ Богу».

Еще ниже, въ третьемъ клеймѣ:

«тѣмже зайде на крестѣ ты зря, и доле державу смерти разори, и адъ стяжалъ еси».

У креста же, подъ лѣвою рукою, въ первомъ клеймѣ:

«кресте, тыми сила буди, крѣпость и держава, избавитель и предатникъ на борящія мя».

Ниже, во второмъ клеймѣ:

«щитъ и храненіе, побѣда и утверженіе мое, при снособлюдающе мя и покрывающе мя».

Еще ниже, въ третьемъ клеймѣ:

«кресте всесильне злочестивыя низложи враги, ненавидящіе и хулящіе ты безумно языки попали».

На другой сторонѣ знамени „написано тожъ“, но только „въ клеймѣхъ посеребрено“, а надписей на нихъ никакихъ нѣтъ. У креста же въ подножии, на первой и второй степени, подписано золотомъ по яри венецейской:

«сне знамя, Великіи Государь, Царь и Великіи Князь Ѳедоръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ атаману и всему Донскому войску, на побѣду враговъ Божиихъ, и противящихся намъ; лѣта зрпз Генваря въ кв день».

По каймѣ же алаго цвѣта были писаны „травы золотомъ и серебромъ, бакономъ и ярью венецейскими; шесть узловъ репейчатыхъ да три наугольника“.

Принадлежности къ знамени состояли изъ гротика „прорѣзной посеребренъ“, мѣднаго втока, ремня „оправы на поясу мѣдныя четыре мѣста“, древка съ яблокомъ— „тощее писано розными краски“, и, наконецъ, изъ сорочки „сукна краснова“.

Въ 1687 году ударили челомъ *) „холопи Донской воисковой атаманъ и все Донское войско“, при чемъ указывалось: „Въ прошлыхъ, государи годѣхъ это намъ холопямъ вашимъ отца вашего великіе государи, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, знамя, и брата вашего великихъ государей блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, знамя даножъ; а вашего великіе государи знамени намъ холопомъ не дано, а нынѣ сказана намъ ваша великіе государи служба. Милосердные великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княгина Софія Алексѣевна,

*) „Дополн. къ акт. Истор.“, т. XII, стр. 315.

всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте насъ холопей своихъ, велите, государи, намъ свое великихъ государей знамя, и для службы трубы. Великіе Государи смилуйтеся“.

По этой челобитной Государственный Посольскій Приказъ навелъ справку, которою было выяснено, что „въ прошломъ во 192 году, фѣвралѣ въ 21 день, били челомъ великимъ государямъ войсковою атаманъ Иванъ Семеновъ и все войско Донское, чтобы великіе Государи пожаловали имъ, велѣли имъ дать въ войско знамя; и противъ того ихъ челобитья въ Государственномъ Посольскомъ Приказѣ о дачѣ знамени на сыскано“. Затѣмъ въ той же справкѣ приводится подробное описаніе, полученное „изъ Оружейныя Палаты“, знамени, пожалованнаго донскимъ казакамъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ.

Въ концѣ концовъ въ знамени было отказано, что видно изъ слѣдующей приписки, сдѣланной другою рукою къ указанной выше справкѣ: „И Ивану Семенову въ знамени отказано; а о трубахъ и о накрахъ напередъ сего челобитья не бывало“ *).

Поэтому знамя царя Θεодора Алексѣвича осталось служить въ войскѣ до Азовскаго похода 1695 года, когда по указу Великихъ Государей къ войсковому атаману Фролу Минаеву на Донъ было послано новое знамя, построенное тоже изъ бѣлой тафты съ красной опушкой изъ той же матеріи. На серединѣ знамени былъ написанъ „орелъ двоеглавый“ **).

Это знамя, какъ и предъидущія знамена, пожалованныя первыми государями изъ дома Романовыхъ, имѣло значеніе „войсковое“, а потому выносилось въ кругъ лишь въ важныхъ случаяхъ, въ походъ же оно бралось только тогда, когда въ немъ участвовалъ самъ атаманъ. Въ противномъ же случаѣ донцы брали съ собою лишь знамена походныхъ и наказныхъ атамановъ, а также сотенныя.

*) „Донскія дѣла“, 1687 года № 2.

***) „Истор. опис. одежды и вооруж.“, т. 1, прим. 224.

Знамена этихъ послѣднихъ категорій строились самими казаками, при чемъ атаманскія отъ сотенныхъ отличались тѣмъ, что на нихъ обыкновенно писался или нашивался „орелъ пластаной“, замѣняемый въ концѣ XVII столѣтія довольно часто изображеніями святыхъ угодниковъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ особой милости, Государь жаловалъ пріѣзжавшихъ въ Москву атамановъ и казаковъ знаменами и этихъ категорій.

Впрочемъ, въ концѣ XVII столѣтія были случаи выдачъ и значительнаго числа знаменъ въ Донскія сотни. Такъ, въ 1696 году по указу Государя подъ Азовомъ было выдано 26 знаменъ „сотенныхъ таѣтяныхъ, не писанныхъ“ въ новоприборные казачьи полки.

Сотенныя же знамена у остальныхъ казаковъ (яицкіе, волжскіе, терскіе и т. п.), а также у новокрещенъ строились въ разсматриваемое время по образцу донскихъ.

Можно лишь отмѣтить одну выдачу полкового знамени, что было сдѣлано въ 1680 году.

Какъ было уже указано, въ 1664 г. состоялась выдача знамени въ казачій Бѣлогородскій полкъ, состоявшій изъ донскихъ, яицкихъ и орѣховскихъ казаковъ. Находясь постоянно на службѣ, это знамя пришло въ ветхость и атаманъ указаннаго полка Андрей Вальковъ „съ товарищи“ подалъ слѣдующую челобитную: „Въ прошлыхъ де годѣхъ, тому лѣтъ съ шестнадцать, дано имъ полковое знамя, а писано въ Оружейномъ Приказѣ, и нынѣ обветчало и служить съ нимъ стало немочно, чтобъ великій Государь пожаловалъ вмѣсто того ветчанаго, велѣлъ дать имъ новое знамя“.

Челобитная эта была уважена, но по какимъ то соображеніямъ новое знамя не было выдано въ Бѣлогородскій полкъ изъ Оружейной Палаты, а лишь 27 апрѣля 1680 года, по указу Великаго Государя Царя и Великаго князя Θεодора Алексѣевича, была послана грамота боярину и воеводѣ князю В. И. Хованскому сдѣлать казакамъ новое полковое знамя, а прежнее прислать въ Розрядъ. Это

было исполнено и 22 іюня упомянутый бояринъ „съ товарищи“ отписалъ, что „новое знамя противъ прежняго здѣлано и отдано имъ съ роспискою“ *).

Гораздо чаще и богаче были выдачи знаменъ въ Запорожское войско **).

Особенно богатое знамя было послано, между прочимъ, въ 1682 г. гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра Самойловичу царевной Софїей.

Это знамя, за неимѣніемъ готоваго, было сдѣлано „противъ прежняго, каково къ нему гетману напередъ сего послано“, при чемъ размѣры были слѣдующіе: длина по верхней каймѣ — 6 арш., по нижней до откоса — 2 арш. 7 вер., откосъ — „полпята аршина“, ширина — 2 арш. 10 вер. Въ серединѣ, изъ бѣлой камки, былъ написанъ „орелъ двоеглавый съ коруною, въ серединѣ орла ѣздець“. Надъ орломъ — крестъ въ звѣздахъ и надпись:

«Иисусъ Христосъ».

По обѣимъ сторонамъ креста по клейму; въ правомъ — надпись:

«Крестъ честный Благочестивымъ царемъ упованіе, а на враги побѣда и прогоненіе и одоленіе, якоже древле первому христіанскому Царю Константину свыше гласъ бысть: симъ побѣждай враги своя наодоленіе воинства Максентіева;

въ лѣвомъ же:

«Крестомъ твоимъ Христе хвалимся, и Святое твое воскресеніе Твое поемъ и славимъ, ты бо еси Богъ нашъ, разве бо Тебе иного незнаемъ».

*) Были случаи посылки и сотенныхъ знаменъ. Въ 1696 году, напримеръ, въ Ахтырскій полкъ генерала и воеводы князя И. М. Кольцова-Масальскаго были присланы „три знамя сотенныхъ съ древки и съ чемоданы покрывными. Первое, луданное желтое, около койма бѣлаго лудану, на немъ написанъ на серебрянѣ образъ Святителя и Чудотворца Николая, да изъ облака рука. Второе, луданное жѣ желтое на немъ написанъ на серебрянѣ Архангелъ Михаилъ съ мечемъ, стояще на облацѣхъ. Третье, китайчатое около койма бѣлаго полотна“.

**) Не смотря на это, въ настоящее время хранится въ Оружейной Палатѣ только одно знамя Запорожскаго войска (№ 4185), относящееся къ концу XVII столѣтія.

На верхней каймѣ, изъ камки „рудожолтой китайкой“, — образъ Спасовъ съ надписью:

«Царь царемъ и Господь Господень».

По обѣ же стороны образа написано:

«Вѣренъ и истиненъ и правосудный воинъ, очи же ему еста яко пламень огненъ, и на главѣ его вѣнецы, мнози и облаченъ въ ризу червлену кровію, и нарицается имя его слово Божіе, і зоустъ его изыдетъ оружіе остро, да тѣмъ избіетъ языки; и той упасетса жезломъ желѣзнымъ».

Въ особомъ клеймѣ, правѣе изображенія орла, написано:

«Повелѣніемъ великихъ Государей Царей и великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великіе Княжны Софіи Алексѣевны, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ, писано сіе знамя въ лѣто отъ созданія міра зрче года, мѣсяца октября въ изъ день, и дано ихъ Царскаго Величества вѣрному подданному, войска Запорожскаго обонхъ сторонъ Днѣпра Гетману Ивану Самоиловичю».

Въ откосѣ — четыре золоченыя звѣзды и по каймѣ кругомъ надпись:

«Бога, въ трехъ просіятельныхъ упостасѣхъ единосущнаго, пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго, вѣстодавца, имже вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію, и сіе благодѣяніе повсюду извѣствуемъ: пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, и Петръ Алексѣевичъ и великая Государыня благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы; московскіе, киевскіе, владимирскіи, новгородскіе, Цари казанскіе, Цари астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи псковскіе, и Великіе князи Смоленскіе, тверскіе, болгарскіе, и иныхъ Государи, великіе Князи Новагорода низовскіе земли, черниговскіе, рязанскіе, ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кандіискіе, всея сѣверныя страны повелители, Государи иверскіе земли и карталинскихъ и грузинскихъ Царей и ка-

бардинские земли, черкасских и горских князей, и иных многих Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи, и дедычи, и наслѣдники, Государи и обладатели».

На другой сторонѣ знамени въ серединѣ и клеймахъ было тоже самое, только разница та, что кайма была росписана „по золоту травы“.

Принадлежностями къ знамени были: „крестъ серебряной золоченой, и струпкою, вѣсу внемъ сорокъ девять золотниковъ“, втокъ серебряной, порѣзаны травы, съ пряшкою, и ззапряжникомъ, и снаконешникомъ, вѣсу тритцать девять золотниковъ“. „тесма розныхъ шолковъ полтретья аршина“, „чюшка сукно красное, кармазинное“, „древко тощее, и яблоко позолочено сплошь“. (1)

Съ описаннымъ знаменемъ гетманъ Самойловичъ сдѣлалъ много походовъ, между прочимъ въ 1686 году съ 40 тыс. человекъ воевалъ Бѣлоруссію и въ 1687 году участвовалъ съ 60 тыс. въ первомъ Крымскомъ походѣ. Однако, за этотъ походъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, лишень званія и со всѣмъ семействомъ сосланъ на житье въ Сибирь.

Новымъ гетманомъ былъ избранъ генеральный есаулъ Мазепа. Ему новаго знамени не было выдано, а лишь исправлено знамя, взятое у Самойловича: имя Самойловича замѣнено именемъ Мазепы и поставленъ новый годъ.

Лишь въ 1690 году, и то по челобитью Мазепы, была составлена роспись того, что для новаго знамени „потребно денегъ на покупку припасовъ, и золотыхъ въ передѣль въ сусальное золото“.

Однако, къ постройкѣ знамени не было приступлено и лишь въ слѣдующемъ 1691 году, въ Оружейную Палату поступила новая память, въ которой указывалось, что „знамени и древка въ приказъ Малыя росіи, не прислано“, а между тѣмъ гетманъ вторично написалъ Великимъ Государямъ „въ прошлыхъ де годѣхъ, по ихъ Ве-

ликихъ Государей указу, прислано къ бывшему гетману, ихъ Великихъ Государей полковое знамя, и то де знамя обветшало, и избилось, и бьетъ челомъ онъ Гетманъ, и милости у нихъ Великихъ Государей просить, чтобъ Великіе Государи пожаловали ево, велѣли то знамя перемѣнить и послать новое“.

Хотя приведенная память заканчивалась: „Великіе Государи указали учинить по прежнему своему указу“, но знамя всетаки почему то не было построено.

Причину этому тѣмъ болѣе трудно объяснить, что, какъ видно изъ дѣлъ Розряда *), была уже дана грамота „на имя гетмана запорожской Сѣчи Ивана Мазепы, на пожалованіе, согласно его доношенію, Запорожскому войску вновь знамя, на мѣсто обветшалого полковаго знамени, для воинскихъ походовъ посланнаго въ 1795 году, къ бывшему гетману Ивану Самойловичу. Сіе знамя повелено сдѣлать въ Оружейной палатѣ, имѣя изображеніе преславнаго Великаго Государя, монаршескаго знаменія, съ написаніемъ такимъ: что дано то знамя отъ его Великаго Государя въ Сѣчу запорожскую, Атаману Кошевому, и всему старшему и меньшему товариству, войска того низоваго и титула, чтобъ они обретались всегда въ вѣрной своей Великому Государю службѣ“. (2)‘

Подтверженіемъ о непосылкѣ новаго знамени можетъ служить то, что ветхое знамя, полученное Мазепой въ 1688 году, продолжало служить и при Скоропадскомъ съ 1708 года по 1722 годъ **). Этого конечно не было бы,

*) По малороссійскому приказу, 1726 годъ, кн. № 79.

**) Оставалось оно и тогда, когда войскомъ управляла коллегія; было на службѣ и въ первые годы гетманства Даниїла Апостола, избраннаго въ это званіе въ 1727 году.

Знамя это нынѣ хранится въ Оружейной Палатѣ и обращаетъ на себя вниманіе по слѣдующимъ сдѣланнымъ въ немъ перемѣнамъ, вызваннымъ, повсей вѣроятности, измѣною Мазепы: слова „Ивану Степановичу Мазепѣ“ (замѣнявшими собою имя Самойловича) вырѣзаны, настоящій уголь откося оторванъ и вмѣсто него пришитъ другой изъ камки желтоватаго цвѣта. На другой сторонѣ въ третьемъ клеймѣ вырвано слово „Степановичу“, закрашено золотомъ слово „Мазепѣ“ и вмѣсто него выведенъ тушью завитокъ.

если бы дѣйствительно „въ Сѣчу Запорожскую, Атаману Кошевому“ новое знамя было послано.

Къ категоріи казачьихъ знаменъ конца XVII столѣтія слѣдуетъ причислить и знамена, отправляемыя въ Сибирь. Происходить это отъ того, что у воеводъ, сидѣвшихъ въ Сибирскихъ городахъ, главную составную часть вооруженныхъ силъ были казаки.

Образцомъ этой категоріи знаменъ, кромѣ такъ называемаго Тобольскаго 1695 года (3), можетъ служить слѣдующее знамя: бѣлое камчатное, большихъ размѣровъ (характерный признакъ сибирскихъ знаменъ) съ двухглавымъ орломъ подъ тремя вѣнцами. На груди орла—клейма, въ которыхъ съ одной стороны написанъ портретъ царя Петра, а съ другой—Апостоль Петръ.

Присутствіе перваго изображенія является исключеніемъ, при чемъ при плохой отдѣлкѣ всѣхъ знаменныхъ признаковъ письмомъ конца XVII столѣтія, портретъ Петра и изображеніе Апостола отличаются высокою для тогдашняго времени художественностью. (4)

Нынѣ у знамени древко осмигранное, по гранямъ вдоль крашено краскою бѣлою и черною. Наверху мѣдное прорѣзное, коше съ орломъ.

Въ Оружейную Палату это знамя поступило изъ Московской Дворцовой Конторы, которая приложила замѣтку: „О Мазепиномъ знамени отыскано извѣстіе, что поступило оно въ Архивъ на сохраненіе 1731 года Мая 20 изъ публичнаго Департамента Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. За вѣтхостью прислалъ его туда въ 1730 году Малороссійскій Гетманъ Даніилъ Апостоль, которому дано было тогда, вмѣсто Мазепина, новое знамя

ГЛАВА XV

Гривна — первый по времени знакъ отличія въ древней Руси; свидѣтельства лѣтописи; позднѣйшіе случаи пожалованія. — Пожалованія золотыми и золочеными деньгами; случаи и размѣръ такого пожалованія. — Пожалованія: милостивое слово, наименованіе слугою царскою, похвальная грамота и похвальное слово. — Случай пожалованія шубами и ферзями, а также кафтнами. — Пожалованіе ратныхъ людей одной матеріей.

АЧАЛО жалованья знаковъ отличій относится ко времени образованія государства, при чемъ первымъ такимъ знакомъ надлежитъ признать гривну *), имѣвшую значеніе медали. (1)

Гривна носилась князьями и дружинниками на шеѣ **). Насколько же гривна была древнимъ знакомъ отличія можетъ служить доказательствомъ то, что существованіе ея относится къ эпохѣ князя Владиміра, такъ какъ, между прочимъ, лѣтопись упоминаетъ богатыря

*) Хринна по санскритски, — золотой ликъ („Москов. Оруж. Пал.“, Вельманъ, прилож., стр. 9). Савваитовъ производитъ тоже отъ санскритскаго, но пишетъ „грива“ („Описан. Старин. рус. утв“.).

**) „Ист. Гос. Рос.“, Карамзинъ, т. I, прим. 232.

Александра съ золотою гривной *): „Въ лѣто 6508 приде Володарь со Половцы х Кіеву; и изыде нощю во стрѣтеніе имъ Александръ Поповичъ и уби Володаря, и брата его, и иныхъ множества Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, и возрадовася зѣло, и возложи нанъ гривну злату“ **).

Первымъ же годомъ точнаго упоминанія о гривнѣ надо признать 1015, когда лѣтописецъ ***), повѣствуя объ убіеніи Святополкомъ Глѣба, поясняетъ: „избиша отроки многи Борисовы, Георгіеви не могуще борзо сняти гривны съ шеи, отсѣкоша главу его и тако сняша гривну ****).

Свое значеніе гривны сохранили и въ позднѣйшее время. Такъ, въ 1147 году, во время бунта въ Кіевѣ, мятежный народъ сорвалъ съ рязанскаго боярина Михаила золотую гривну и цѣпь съ крестомъ, на что указываетъ Несторъ *****): „Михаила бьуче отторгоша на немъ крестъ и чепъ и гривну златую“.

Имѣется указаніе, что великій князь Іоаннъ III, „на отпускѣ“ посла короля Максимилиана Юрія Делатора, среди другихъ пожалованій, передалъ „чепъ золоту съ крестомъ“, сдѣлавъ его „злотоносцемъ“—установившееся названіе въ это время въ Московской Руси за лицами, удостоенными подобнаго рода пожалованіями *****).

Тотъ же знакъ отличія сохранился и при Іоаннѣ Грозномъ, при чемъ пожалованіе имъ являлось актомъ особой царской милости. Такимъ пожалованіемъ, на примѣръ, въ 1577 году царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ былъ удостоенъ бояринъ Богданъ Бѣльскій, получившій

*) „Ист. Гос. Рос.“, Карамзинъ т. I, стр. 232.

**) „Руск. Лѣтопис.“, по Никон. спис., ч. I, стр. 110.

***) „Лѣтопись Нестора“, стр. 94.

****) Почти тоже говорится и въ „Софійскомъ Временникѣ“ (т. I (стр. 99): „И избиша отроки многи; съ Егорія же не могуще сняти гривны отсѣши и главу его“.

*****) „Лѣтопись“, стр. 204.

*****) „Ист. Гос. Рос.“, Карамзинъ, т. VI, прим. 813.

„золотой Португальскій, да чепь золотую“ *), за взятіе въ Лифляндіи рыцарскаго замка Вольмара.

Было подобное же пожалованіе и при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ, который въ 1591 году, за пораженіе близъ Тулы крымскихъ татаръ, надѣлъ на Годунова „золотую цѣпь“, съ себя снятую. Лѣтописецъ объ этомъ говоритъ такъ **): „Феодоръ Іоанновичъ въ радости и веселіи мнозѣ, приємлетъ отъ своея царьскія выя злотокованную чепь, ея же ношаше въ почестъ великаго своего самодержавнаго царствія, и возлагаетъ на выю достохвальному своему воеводѣ Борису Феодоровичу, достойную честь побѣдѣ его воздая“.

Золотыя цѣпи, или какъ тогда писалось „чепь“, давалъ еще и Алексѣй Михайловичъ. По крайней мѣрѣ среди большого числа разнаго рода выдачъ „на отпускѣ“ послу „Петру Морилисту“, между прочимъ, упоминается и „чепь золотная“ ***).

Въ XV столѣтіи, судя по сохранившимся записямъ, началась раздача въ награду золотыхъ монетъ, имѣвшихся на Руси, при чемъ онѣ обыкновенно назывались „золотыми“. Первое указаніе можно отнести къ 1469 году, когда князь Василій въ награду за выдающееся мужество устюжанъ противъ казанцевъ два раза присылалъ имъ по золотой деньгѣ ****). Тѣми же деньгами было пожаловано войско преемникомъ упомянутаго великаго князя по случаю возвращенія Москвѣ Смоленска.

Пожалованія же подобнаго рода при Іоаннѣ Грозномъ были очень часты: въ 1551 году за походъ къ Казани *****),

*) „Ист. Гос. Рос.“ Карамзинъ, т. IX, прим. 465.

***) „Рус. Лѣтол.“ по Никонов. спис., ч. VII, стр. 345.

****) „Моск. Оруж. Пал.“, Вельтманъ, стр. 28.

*****) Такимъ образомъ на всю рать было пожаловано всего двѣ деньги, которые устюжанами и были пожертвованы въ церковь.

*****) За взятіе Казани вообще награды были обильныя: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами конями на огромную, по тогдашнему времени, сумму,—48 тыс. руб. („Царская книга“, Синод. лѣт., № 486).

въ 1558 году за покореніе въ Ливоніи замка Нейшлоса, въ слѣдующемъ году — за разбитіе крымцевъ въ устьѣ Днѣпровскаго лимана, въ 1560 году—за взятіе Маріенбурга, въ 1564 году — за отраженіе крымскихъ татаръ отъ Рязанскихъ предѣловъ, въ 1577 году—за взятіе замка Вольмара, въ 1580 году—за пораженіе литовцевъ подъ Смоленскомъ и Псковомъ, въ 1582 году—за пораженіе шведовъ въ Ингріи. Были и еще случаи подобныхъ же пожалованій *).

То же дѣлалось и при преемникахъ Грознаго. Такъ, такой выдачи царь Ѳеодоръ Іоанновичъ удостоилъ въ въ 1591 году, за прогнаніе крымскихъ татаръ, своихъ воеводъ князя Мстиславскаго и Годунова.

Были случаи выдачи „золотыхъ“ и въ смутный періодъ: царь Василій Ивановичъ Шуйскій наградилъ въ 1607 году боярина Ивана Никитича Романова за разбитіе шайки Мосальскаго.

Указанные „золотые“, носимые на рукавѣ или шапкѣ, особо не чеканились, а были русскими или иностранными монетами и по мѣсту чеканки назывались: московскими, новгородскими, угорскими, португальскими и т. п. Особенно цѣнились португальскіе, такъ какъ ими награждались важнѣйшіе воеводы **). Иногда раздавались „корабельники ***). Это названіе было присвоено англійской и французской монетѣ, вѣсомъ два червонца, имѣвшей клейменое изображеніе корабля.

Иногда выданныя монеты были только золочены, причемъ для знатныхъ на нихъ чеканилось—лицо Государя,

*) „Ист. Гос. Рос.“, т. VIII, стр. 275, 304 и т. IX, стр. 70 и 413.

***) „Государь Богдану (Іоаннъ IV—Бѣльскому) пожаловалъ золотой Португальскій, да чепъ золоту, а Черемисину золотой Угорскій, а дворянамъ по золотой Наугородкѣ, а инымъ по Московкѣ золотой, а инымъ по золоченой“. („Ист. Гос. Рос.“, Карамзинъ, т. VIII, прим. 397).

***) Эти монеты имѣли два изображенія: розу и корабль. Поэтому по-нѣмецки назывались Rose-Noble и Schiff-Noble. Въ 1478 году архіепископъ Новгородскій билъ челомъ великому князю Іоанну III разными дарами и въ томъ числѣ „200 корабельниковъ или 400 червонцевъ“.

а для другихъ—изображеніе Георгія. Ничтожность награды, въ видѣ золотой или золоченой монеты, удивляла иностранцевъ и поэтому поводу Карамзинъ говоритъ *): „Иноземные наблюдатели, замѣчая, что Россіяне лучше бьются въ крѣпостяхъ, нежели въ полѣ, спрашивали: чего нельзя ожидать отъ войска безсмѣтнаго, которое не боясь ни холода, ни голода и ничего кромѣ гнѣва царскаго, съ толокномъ и сухарями, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитаются въ пустыняхъ сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается только маленькая золотая денга, носимая счастливымъ витяземъ на рукѣ или шапкѣ?“.

Надо замѣтить, что древнее названіе гривна стало выходить изъ употребленія во время татарскаго владычества и ее замѣнили, хотя съ тѣмъ же значеніемъ, золотыя и золоченыя деньги.

Въ 1605 году „по государеву, цареву и великаго князя Бориса Фѣдоровича всеа Русіи указу“ князь Петръ Чюмаковъ-Черкасскій роздалъ Государева жалованья въ слѣдующемъ размѣрѣ **): Боярину и воеводѣ князю Н. Р. Трубецкому—„золотой въ пять золотыхъ угорскихъ“, окольничій и воевода П. Ф. Басмановъ получилъ такой же золотой; воеводы же князя Яковъ Барятинскій и Григорій Гагаринъ получили „по золотому по угорскому“. Затѣмъ выдачи постепенно уменьшались: голова и дьякъ получили уже „по золотому по московскому“, нѣкоторые стрѣлцкіе головы—„по золотому вполоу московскаго“, сотники—„по денгѣ по золотой“, дѣти же боярскіе и московскіе стрѣльцы—„по Ноугородкѣ по золоченой“.

Всему этому былъ подведенъ слѣдующій интересный итогъ: „Всего въ расходѣ два золотыхъ по пяти золотыхъ угорскихъ, да два золотыхъ угорскихъ, четыре золотыхъ московскихъ и съ тѣмъ, что прибавилъ свой золотой

*) Томъ X, стр. 242.

**) „Акты Моск. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 66—77.

окольничій и воевода П. Ѳ. Басмановъ, да четыре золотыхъ вполы московскаго, да девять московокоъ золотыхъ, да четыреста осмнадцать Ноугородъ золоченыхъ, да четыреста одинадцать московокоъ золоченыхъ“.

Пожалованіе же послѣднихъ сохранилось до конца XVII столѣтія и еще въ 1696 году получили эти деньги всѣ участники Азовскаго похода. Тутъ величина полученной монеты соотвѣтствовала служебному положенію: главнокомандующій бояринъ Шейнъ получилъ золотой въ 13 золотыхъ, адмиралъ Лефортъ—въ 7 золотыхъ, генералы Гордонъ, Головинъ и окольничій Головинъ—въ 6 золотыхъ; шесть другихъ лицъ—въ 5 золотыхъ, двое—въ 4 золотыхъ, генераль-маіоръ—въ 3 золотыхъ, младшіе воеводы и полковники—по двойному золотому, дьяки и подполковники—по золотому безъ четверти; младшіе офицеры—по полузолотому; стрѣлцкіе капитаны—по четверти золотого; урядники и солдаты Московскихъ солдатскихъ полковъ—по копѣйкѣ золотой, городовые солдаты, стрѣльцы и пушкари,—по копѣйкѣ золоченой.

Въ Оружейной Палатѣ сохранилась золотая монета, дарованная князю В. В. Голицыну съ изображеніемъ: на одной сторонѣ великихъ князей и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, а на другой—правительницы царевны Софій *). Эта медаль была включена въ „отписныя животы князя Василья и сына его князя Алексѣя Голицыныхъ съ двора ихъ, по описи думнаго дворянина Ивана Семеновича Ларіонова съ товарыщи“ **).

Также древнею наградою было царское милостивое слово, которое объявлялось въ особыхъ похвальныхъ грамотахъ или же передавалось войску черезъ особо довѣрен-

*) „Объяснит. Слов.“, Вельтманъ, стр. 9.

**) „Описаніе кн. и бум. стар. прик.“, Викторовъ, вып. II, стр. 388.

ныхъ лицъ *). Такъ, напримѣръ, Іоаннъ Грозный въ полки посылалъ И. Н. Романова-Юрьева „со своимъ жалованнымъ словомъ и съ золотыми“. Когда пріѣхалъ Романовъ-Юрьевъ, то онъ сталъ спрашивать „Бояръ и Воеводъ и Кравчево и Думныхъ Дворянъ и Чашниковъ и Стольниковъ всю рать, отъ Государя о здоровьѣ, да подалъ князь Ѡ. И. Мстиславскому, да Конюшему Боярину и Дворовому Воеводѣ Б. Ѡ. Годунову, Государево жалованье“ **).

Высокою степенью награды было и наименованіе слуги царскаго. За время царствованія Іоанна IV и сына его Ѡеодора только двое изъ бояръ получили это названіе: князь М. И. Воротынской и Борисъ Годуновъ ***).

Лжедимитрій, видимо, зналъ московскій порядокъ и въ окружной граматѣ 1604 года, объявляя о войнѣ съ Борисомъ Годуновымъ, между прочимъ, упоминаетъ ****): „А азъ васъ начну жаловати по своему царскому милосердному обычаю, и наипаче свыше въ чести держати“.

Почти тоже заключала въ себѣ грамота, отправленная въ 1609 году, 28 мая, въ Понизовые полки за ихъ вѣрную службу: „И своимъ дородствомъ многіе мѣста отъ воровства къ намъ поворотили есте, и многіе города своею службою по прежнему за нами учинили есте: и такая ваша великая служба незабвенна будетъ во всѣхъ людѣхъ во вѣки, а мы, аже Богъ благословитъ, пожалуемъ васъ своимъ Царскимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, честными и повышеньемъ и неоскуднымъ подаеньемъ“ *****).

*) Это исключительно древне-русская награда. Въ эту эпоху XVI и XVII столѣтій въ войскахъ западно-европейскихъ государствъ почти исключительно жаловались и дѣлились денежныя и другія вещественныя награды. Это понятно, такъ какъ тамъ примѣнялась система феодальная и вербовочная. Русь же обладала національнымъ войскомъ, комплектуемомъ государевыми людьми въ силу ихъ земскихъ обязанностей.

***) „Истор. Госуд. Росс.“, т. X, прим. 270.

****) „Русская воен. сила“, т. I, стр. 251.

*****) „Акты, собр. Археол. Комис.“, т. II, № 26.

*****) Idem, № 227.

Кромѣ грамотъ, наградой считалось также сказываемое похвальное слово. Такъ, 27 сентября 1618 года князь Пожарскій былъ у Государева стола и ему была рѣчь *): „Ты былъ на нашей службѣ противъ недруга нашего Литовскаго королевича, намъ служилъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоялъ, въ посылкахъ надъ ними многіе поиски дѣлалъ, острогъ ставить велѣлъ, многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побивалъ и съ этимъ боемъ языки къ намъ часто присылалъ; нашимъ и земскимъ дѣломъ радѣлъ и промышлялъ, боярину нашему, князю Борису Михайловичу Лыкову, когда онъ изъ Можайска шелъ къ Москвѣ, помогалъ“ **).

Можно еще указать на государеву грамоту ***) съ похвалою, данную въ 1656 году окольничему А. В. Бутурлину, участвовавшему во взятіи Люблина. Послѣ царскаго титула и описанія совершеннаго подвига говорится: „и мы, великій Государь, наше царское величество, тебя окольничаго нашего и воеводу Андрея Васильевича и нашихъ ратныхъ людей за вашу службу жалуемъ, милостиво похваляемъ“. (2)

Съ милостивымъ словомъ обыкновенно отправлялся кто-нибудь изъ приближенныхъ ко двору.

Напримѣръ, въ 1677 году въ грамотѣ къ князю П. И. Хованскому о роспускѣ по домамъ ратныхъ людей изъ полка было упомянуто: „И по нашему великаго Государя указу посланъ тебѣ боярину нашему и воеводѣ съ товарищи и къ нашимъ государевымъ рат-

*) „Истор. Рос. съ древн. врем.“, Соловьевъ, т. 9, стр. 1310.

**) Пожарскому, кромѣ боярства, въ сентябрѣ 1619 года были даны: село, проселокъ, сельцо и четыре деревни. Въ 1621 году вотчина, данная Пожарскому еще царемъ Василюемъ (Шуйскимъ), была пополнена и подкрѣплена жалованной грамотой.

Надо замѣтить, что его достойный сподвижникъ, Мининъ, получилъ думное дворянство, а также помѣстье и вотчину „за службу, что онъ, съ боярами и воеводами и знатными людьми пришелъ подъ Москву, Московское Государство очистилъ“. („Истор. Рос. съ древ. вр.“, Соловьевъ, т. 9, стр. 1310).

***) „Акты Моск. Госуд.“, Поповъ, т. II, стр. 479—480.

нимъ людямъ, за тое вашу службу („ходилъ на воинскихъ людей, которые приходили подъ Новый Осколь и къ Ново-оскольскому валу“), съ нашимъ милостивымъ словомъ столыникъ нашъ Ѳеодоръ Языковъ“ *).

Изъ болѣе позднихъ похвальныхъ грамотъ можно указать на грамоту **), данную князю Голицыну за его Крымскій походъ. Въ ней, между прочимъ, было сказано: „По многимъ кровавымъ боямъ съ Крымскимъ Ханомъ и съ Калгою и съ Нурадыномъ и со всѣми ихъ погаными ордами“ случилось такъ, что „милостью всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога, и предстательствомъ надежды христіанскія Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами Московскихъ и Кіевопечерскихъ Чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, а Нашимъ Великихъ Государей Нашега Царскаго Величества счастіемъ, Нашихъ Великихъ Государей ратные люди полковъ вашихъ конные и пѣшіе съ тѣмъ поганствомъ бились мужественно и храбро и побили многихъ и живыхъ поймали и никакой себѣ утѣхи тѣ поганцы, кромѣ упадка, не отнесли и отъ Нашихъ Великихъ Государей ратей мужествомъ и храбростію и жестокимъ кровавымъ боемъ погнаны“. Затѣмъ грамота заканчивается такъ: „Жалуемъ милостиво и премилостиво и паки премилостиво похваляемъ; и указали Мы, Великіе Государи, къ тебѣ ближнему Нашему Боярину и Оберегателю и Дворовому Воеводѣ ѣхать съ Нашимъ Великихъ Государей милостивымъ словомъ и для Нашихъ Государскихъ дѣлъ Ближнему Нашему Окольнічему и Намѣстнику Переяславскому Василью Савичу Нарбекову“.

Остается еще указать, что старинный обычай, въ видѣ награды воеводѣ и его войску, спрашивать „о здоровѣ“, „милостиво похвалять“ Петромъ былъ примѣняемъ даже въ самомъ концѣ XVII столѣтія. Такъ, 2 октября 1694 г.,

*) „Допол. къ акт. истор.“, т. VII, стр. 266.

**) „Полн. Собр. Зак.“, т. III, ст. 1340.

прослушавъ полученную отписку, Царь указалъ: „Послать въ Бѣлгородъ въ полкъ къ Боярину и Воеводѣ къ Борису Петровичу Шереметеву, за тое его службу и за скорый походъ изъ Бѣлгорода нарочно Стольника, и велѣть его спросить о здоровьѣ, и службу его милостиво похвалить; такожъ и полку его ратныхъ людей Стольниковъ и Стряпчихъ и Дворянъ Московскихъ и Жильцовъ и иныхъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, которые съ нимъ Бояриномъ и Воеводою были въ томъ походѣ, за тое ихъ службу и что они, будучи въ полку у него Боярина и Воеводы, Ихъ Великихъ Государей служили со всякимъ радѣніемъ и въ нынѣшнее осеннее время, принимая въ запасѣхъ своихъ и въ конскихъ кормѣхъ многую нужду, о здоровьѣ спросить и службу ихъ милостиво похвалить“ *).

Остальныя награды имѣли уже меньшее значеніе, нося чисто матеріальное значеніе и о такого рода пожалованіяхъ даже подавались челобитныя. Подробную, напри- мѣръ, челобитную **) подалъ въ 1633 году бѣлевецъ Никита Зыбинъ, въ которой просилъ пожаловать „за сеунчь (3) о боѣ подъ Мстиславлемъ съ Литовскими людьми“, при чемъ далѣе упоминается: „Государевы ратные люди польскихъ и литовскихъ людей побили, и въ острогъ стоптали, и знамена и копья, и барабаны и языковъ поймали и въ языцѣхъ взяли князя Степановой роты Могальскаго, знаменщика Ашимонта съ товарищи 21 человекъ“.

Въ нѣкоторыхъ челобитныхъ даже прямо указывается то пожалованіе, которое жалобщику желательно. (4)

Когда государь „пожаловалъ“, то выдача жалованья, если лицо находилось въ Москвѣ, обыкновенно происходило у „стола“ въ одинъ изъ праздниковъ. Поэтому часто встрѣчаются подобныя помѣтки: „А дать ему государево жалованье въ Богоявленевъ день у стола“. Подробности видны изъ слѣдующаго: „А послѣ стола на Нико-

*) „Пол. Соб. Зак.“, т. II, ст. 1496.

**) „Акт. Моск. Госуд.“, т. I, стр. 443.

линъ день (1644 года) былъ у Государя столъ по столовой избѣ, жаловалъ Государь князя Никиту Ивановича Одоевскаго съ товарищи за астраханскую службу своимъ государевымъ жалованьемъ, шубами и кубками и къ прежнимъ ихъ окладами придачами“.

Первой степенью среди наградъ указанной категоріи является выдача одежды. Дѣлалось это обыкновенно въ видѣ пожалованія отдѣльнаго лица, хотя бывали случаи, что одежда, какъ награда, выдавалась и на всю рать. Въ 1469 году, напримѣръ, устюжане за мужество противъ казанскихъ татаръ получили отъ Іоанна III, въ числѣ другихъ наградъ, по триста однорядокъ, сермягъ и бараньихъ шубъ.

Обычай въ Московской Руси храбрость награждать одеждами подтверждаетъ и Римско-Императорскій посланникъ де-Колла, пріѣзжавшій въ Москву въ 1518 г. *).

Продолжалось это и въ послѣдующія царствованія, при чемъ обыкновенно стали жаловаться турецкіе кафтаны (5) и всякихъ родовъ шубы. Такихъ пожалованій удостаивались, конечно, только воеводы. Въ 1584 году стольникъ Бутурлинъ получилъ шубу „бархатъ венецицкой на соболѣхъ“. Цѣнность кафтановъ и шубъ была очень значительна, такъ какъ они не только подбивались соболями **) и крылись дорогимъ бархатомъ или штофомъ, но украшались жемчугомъ и золотомъ. Въ 1591 году за прогнаніе крымскихъ татаръ царь Феодоръ Іоанновичъ пожаловалъ Годунова, со своего плеча, русскою шубою съ золотыми пуговицами, въ тысячу тогдашнихъ рублей ***).

Съ начала XVII столѣтія стали жаловаться еще ферызи, при чемъ дѣлались они съ большою роскошью и ог-

*) „Истор. Гос. Рос.“, т. VI, прим. 84.

**) Иногда дѣлались они и на горностаехъ. Такою шубою, крытою атласомъ съ золотомъ, былъ пожалованъ посоль короля Максимилиана Юрій Делаторъ.

***) Въ описъ казны Бориса Годунова еще ранѣе, въ 158 году, занесено: „Ферызи скорматны червчаты, государево жалованья, безъ наряду“.

ромной цѣнности (6). Слѣдующее описаніе одной фѣрязи наглядно подтверждаетъ изложенное: „бархатъ венецицкой, шолкъ червчатъ съ золотомъ и петлями, мѣсецы и звѣзды. Образцы въ пяти мѣстахъ низаны жемчугомъ по синему бархату, съ лазоревыми яхонты, по три яхонты въ образцѣ. Завязки шолкъ вишневъ съ золотомъ, ворворки обнизаны жемчугомъ“.

Иногда вмѣстѣ съ шубой жаловалась и шапка. Такъ, въ 1644 году, на отпуску объявилъ послу Петру Марселису думный посольскій дьякъ Григорій Львовъ Государева жалованья: „шуба, бархатъ золотный, на соболѣхъ, да шапка горлатная“, затѣмъ слѣдовало перечисленіе другихъ пожалованій.

Пожарскій, среди другихъ наградъ, также получилъ (въ 1618 году) шубу—атласъ турскій на соболяхъ, пуговицы серебряныя, золоченыя *).

Впрочемъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ получали шубы сравнительно и незначительные люди. Напримѣръ, въ 1633 году „шубу атласъ золотой на соболѣхъ, цѣна 108 рублей“ получилъ „воевода для городского промысла“ Болтинъ, который, будучи подъ Новымъ городомъ Сѣверскимъ его „взятѣемъ взялъ“. Почти такая же шуба „со всѣмъ нарядомъ“, но только въ 90 рублей, была въ томъ же году пожалована Ивану Еропкину за его „Стародубскую службу и за промыслъ“.

Фѣряжами особенно любилъ жаловать Алексѣй Михайловичъ, который иногда дарилъ ихъ со своего плеча. (7)

Сохранилась за 1676 годъ интересная „докладная выписка“ **) объ изготовленіи „шапки бархатъ золотной съ петли да фѣрязью бархатную золотную на соболѣхъ съ аламы, низаными жемчугомъ“, предназначенныхъ въ подарокъ князю Черкасскому Каспулату Муцаловичу за его Крымскую службу.

*) „Ист. Рос. съ древ. вр.“, Соловьевъ, т. 9, стр. 1310

**) „Допол. къ акт. истор.“, т. VII, стр. 46—47.

Во исполненіе этого было „взято жемчугу въ смотръ серебряного ряду у торгового человѣка у Аванасья Евстафьева въ дву кистяхъ“, 121 золотникъ, цѣною „на 658 рублевъ на 28 алтынъ на 2 денги“ *). Этотъ жемчугъ немедленно бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, съ подъячимъ Посольскаго приказа Борисомъ Михайловымъ, былъ посланъ „къ великому государю въ походъ въ село Преображенское“. Въ этомъ селѣ упомянутый подъячій передалъ 24 ноября жемчугъ стольнику Ивану Голохвостову, а этотъ послѣдній, „доложа великаго государя, отдалъ благовѣрной государыни царицы и великой княгинѣ Наталіи Кириловны въ хоромы, и указано тѣ петли и аламы дѣлать великой государыни царицѣ въ хоромѣхъ верховымъ мастерицамъ“. Работа эта была исполнена къ 5 декабря и этого числа „съ верху снесены въ Посольскій Приказъ къ боярину къ Артамону Сергѣевичу четыре алама низаны по таусинному шолку, по бѣли, съ канителью“. По указу Великаго Государя эти аламы, предназначенные для фѣрязи, были „отданы стольнику князю Федору князь Андрѣеву сыну Хилкову съ роспискою“. Къ сожалѣнію, не сохранилось дальнѣйшихъ распоряженій по постройкѣ этой фѣрязи.

Дорогой аксамитный кафтанъ, въ 393 руб. 5 алтынъ, въ 1683 году получилъ бояринъ князь Голицынъ. (8)

Иногда кафтаны и шубы не строились, а лишь выдавался на ихъ постройку нужный матеріалъ. Такая выдача состоялась за походъ 1675 и 1676 годовъ: „пожалованы Боярину Воеводѣ Князю Григорію Григорьевичу (Ромодановскому) на шубу бархатъ золотный по червчатой землѣ, мѣрою 9 арш. 10 вер., цѣна 60 рублей, 2 сорока соболей, цѣна въ 110 руб., другой 70 рублей. Товарищамъ его Стольнику и Воеводѣ, сыну его Князю Михайлу Григорьевичу, на шубу отласъ золотный, по

*) Деньги эти были выплачены изъ доходовъ Галицкіе чети.

червчатой землѣ, мѣрою 9 арш. 10 вер., цѣна 35 руб., 2 сорока соболей, одинъ въ 55 руб., другой въ 45 руб., Думному Дворянину и Воеводѣ Ивану Ивановичу Ржевскому, на шубу отласъ золотный по зеленой землѣ, мѣрою 8 арш. 3 чет., цѣна 30 руб., 2 сорока соболей, цѣною по 50 руб. сорокъ“ *).

Выдача шубъ сохранилась до конца XVII столѣтія. Напримѣръ, „золотную шубу на соболѣхъ“ получилъ и Гордонъ за Азовскій походъ.

Иногда выдаваемое платье просто называлось „жалованнымъ“ или „подначальнымъ“. Записныя книги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ очень богаты такими отмѣтками. Напримѣръ, въ 1652 г.: „Подначальное платье иноземцу Ѳеодору Денисову сыну Врангелеву“, „Подначальное платье полковнику Алексѣю Бутлеру“, „Жалованное платье князю Василию княжъ Васильеву сыну Тюфякину“ и т. п.

Ратные люди низшей категоріи получали просто одну матерію.

Такъ, въ 1605 году, „по государеву, цареву и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи указу“ княземъ Чюмаковымъ-Черкасскимъ, между прочимъ, было выдано „пятидесять человѣкъ (пушкарямъ) по дорогамъ, а тремъ человѣкомъ по таѣтѣ да по сукну по доброму по четыре аршина да по пяти рублевъ денегъ человѣку“ **).

Въ 1634 году мѣщанину Дмитрію Засѣцкому было „дано государева жалованья 10 рублевъ, таѣта добрая, сукно англійское доброе“ за сеунчъ и за то, что онъ съ

*) „Древ. Рос. Вивлію.“, т. XVII, стр. 439. За тотъ же походъ генераль-поручикъ Змѣевъ получилъ помѣстный окладъ, 2 пары соболей по 150 руб. пару и портище камки адамашки; полковникамъ же рейтарскимъ и солдатскимъ было выдано по камкѣ и по парѣ соболей, цѣною 10 руб.

**) „Акт. Моск. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 66—68.

31 товарищами въ вотчинѣ Сергіева монастыря въ селѣ Мошинѣ взялъ „16 литовскихъ людей“.

Было много и другихъ подобныхъ случаевъ пожалованія и почти каждый „промыслъ“ обязательно награждался выдачей матеріи, преимущественно сукна.

ГЛАВА XVI.

Жалованіе золотою и серебряною посудою. — Разное наименованіе жалованной посуды; описаніе ея. — Бѣдность государевой казны въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича. — Случаи пожалованія при Алексѣѣ Михайловичѣ. — Пожалованіе оружіемъ. — Общій характеръ пожалованій XVII столѣтія разнымъ категоріямъ русской рати.

АКЖЕ довольно распространенъ былъ обычай жаловать зологою и серебряною посудою. Письменныхъ памятниковъ объ этихъ пожалованіяхъ сохранилось много.

Нѣкоторыя вещи, выдававшіяся въ Государево жалованье, иногда, даже еще въ XVI столѣтіи, отличались сложностью отдѣлки. Въ сохранившихся книгахъ за 1584 году, „а въ нихъ писанъ расходъ казенной и въ приказъ къ ружнымъ церквямъ ладонъ и годовое“, имѣется указаніе, что столънику Михаилу Матвѣвичу Бутурлину былъ выданъ „кубокъ серебрянъ съ покрышкою, на покрышкѣ челоуѣкъъ крылатъ“.

Значительное число жалованной посуды дошло до нашихъ дней.

Напримѣръ, имѣется золотой небольшой ковшъ *), внутри котораго, посреди круга, чернью изображенъ двуглавый орелъ подъ двумя коронами; въ двухъ кругахъ подъ рукоятю и носкомъ наведена чернью надпись:

«Божією милостію Великіи Государь Царь и Великіи Князь
Борисъ Θεодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ».

Послѣдняя надпись показываетъ, что описанный ковшъ кому-нибудь былъ пожалованъ.

Имѣется тамъ же еще ковшъ (№ 531), тоже золотой, украшенный камнями и жемчужною обнизью (сохранилось 128 зеренъ); внутри его вырѣзанъ также орелъ, въ средину котораго вставленъ въ гладкомъ репѣѣ большой, неграненный, яхонтъ; снаружи подъ носкомъ и ручкой рѣзные разводами репьи, а по сторонамъ ихъ два изумруда; между тѣми и другими, по вѣнцу, вырѣзана надпись:

«Божією милостію, великіи Государь Царь и великіи князь
Михаилъ Θεодоровичъ всеа Русіи самодержецъ Владимирскій,
Московскій, Новгородскій и иныхъ многихъ государствъ Госу-
дарь и обладатель».

Этотъ ковшъ рѣзко отличается своею работою и нѣсколько не соотвѣтствуетъ общей бѣдности казны перваго царя изъ дома Романовыхъ, особенно въ первые годы его царствованія.

Сохранился еще золотой ковшъ въ видѣ мелкой круглой чаши, данный въ пожалованіи, вѣроятно, при Шуйскомъ, такъ какъ вокругъ наружнаго вѣнца вырѣзана надпись:

«Василей, Божією милостію великии и Господарь всеа Русіи
и Великии Князь Владимирскіи и Московскіи и Новгород-

*) Въ Оружейной Палатѣ подъ № 526. *Ковши*—древній русскій сосудъ для питья, въ родѣ чашки съ ручкою. На сытномъ царскомъ дворѣ ковши употреблялись вмѣсто мѣры. Ковши подраздѣлялись на выносные, „питья“ и т. п.

скии и Тверскіи и Смоленскіи и Псковскіи и Югорьскіи и
иныхъ Господарь» *).

Но вообще въ первые годы царствованія Михаила Теодоровича въ отношеніи серебряной посуды сказывалась полная бѣдность царской казны. Поэтому, когда въ 7122 г., т. е. въ первый годъ избранія на царство, желали „пожаловать“ Тихвинскаго сеуньщика, то для этого „чарку **)
серебрену медовую“ пришлось за рубль двадцать пять алтынъ купить у „торговаго человѣка серебрянаго ряда“ ***). Въ томъ же году двѣ такія чарки были еще куплены (за рубль 11 алтынъ и рубль 9 алт.) въ ряду и переданы „служивымъ ратнымъ людямъ на жалованье“.

Съ 1616 года царскія мастерскія, видимо, достаточно организовались и могли уже сами изготовлять нужную посуду. Гордѣй Пальчиковъ, напримѣръ, „за службу и за сеунчъ, что онъ Марину съ сыномъ и съ воромъ съ Ивашкомъ привезъ въ Астрахань“, получилъ серебряный ковшъ уже „казеннаго дѣла“ ****). Въ 1618 году же можно было выдать князя Пожарскому „кубокъ *****) серебряный позолоченный съ покрывшкою“, вѣсомъ гривенки 36 золотниковъ.

*) Эта надпись показываетъ, въ виду вырѣзаннаго необычнаго титула, что она сдѣлана не русскимъ мастеромъ; по всей вѣроятности выходцемъ изъ южной-польской Украины.

**) Чарки носили разныя названія: римейки, гладкія и т. п. Изъ духовной грамоты князя Димитрія Іоановича Угличскаго видно, что уже въ это время (1503 годъ) на чаркахъ писалось имя.

***) „Описаніе кн. и бум.“, Викторовъ, ч. I, стр. 66.

****) Кромѣ того, ему было выдано 8 аршинъ камки адамашки да сорокъ кунницъ.

*****) Въ Московской Оружейной Палатѣ всѣхъ кубковъ имѣется 294, отъ 1 фута до 6 фут. вышиною и отъ 1 ф. до 20 ф. вѣсомъ. На поддонахъ древнѣйшихъ кубковъ обыкновенно имѣется вырѣзанная подпись „казна“. Впослѣдствіи подписывали вѣсъ гривенками. Со времени Михаила Теодоровича на поддонахъ стали встрѣчаться и другія надписи: кто и когда ударилъ челомъ, принималъ въ даръ и т. п. Древнѣйшее упоминаніе о присылкѣ въ даръ кубка находится въ духовной грамотѣ великаго князя Василя Димитріевича въ 1425 году: „да кубокъ хрустальный што ми король прислалъ“,—Ягелонъ Владиславъ IV, король польскій и литовскій, на дочери котораго былъ женатъ упомянутый великій князь.

При Алексѣѣ Михайловичѣ пожалованій посудой было уже много, при чемъ серебряныя вещи уже всецѣло изготовлялись въ мастерскихъ Оружейной Палаты, а не покупались у торговыхъ людей. Подтверждаетъ это, между прочимъ, одинъ ковшъ *) изъ собранія Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича. На этомъ ковшѣ въ четырехъ кругахъ вырѣзанъ вязью полный титуль Государя, вокругъ же, по борту, надпись:

«ковъ-шемя Государь пожаловаль полковънику Асѣю Алексѣевичу Шепелеву что он былъ въ 168 и во 169 **) на службѣ з бояриномъ и воеводою со княземъ Юрьемъ Алексеевичемъ Долгорукомъ и на бояхъ з гетманомъ Сопегою и съ Чернецкимъ съ Польскими и литовскими людьми бился».

Серебряныхъ „жалованныхъ“ вещей разныхъ наименованій отъ времени Алексѣя Михайловича, благодаря богатству его казны, сохранилось много.

Между прочимъ можно указать на ковшъ, хранимый въ Оружейной Палатѣ ***) , гладкій, средней величины, бѣлый; внутри его, въ серединѣ, вырѣзанъ двуглавый орелъ безъ арматуры; снаружи по вѣнцу въ четырехъ, размѣщенныхъ крестообразно, круглыхъ клеймахъ вырѣзано вязью:

«Божією милостію великии Государь Царь и великии князь Алексѣй Михайловичъ всеа Руси Самодержецъ пожаловаль симъ ковшомъ Демида Александрова сына Хамекова за крымскую службу».

Описанный ковшъ, надо замѣтить, является обычнымъ типомъ пожалованій указанной категории за военные подвиги.

Были подобныя же пожалованія и въ концѣ XVII столѣтія.

*) Находился на выставкѣ древностей, устроенной въ 1897 г. въ домѣ графа Строгонова.

**) 1660—1661 гг.

***) Подъ № 2070.

Имѣется, напримѣръ, въ Оружейной Палатѣ ковшъ, (№ 2074) средней величины, мѣстами золоченъ; внутри его въ клеймѣ вырѣзанъ двуглавый орелъ подъ тремя коронами со скипетромъ и державой; снаружи, по борту, въ четырехъ, крестообразно расположенныхъ, золоченыхъ, клеймахъ рѣзная вязью надпись:

«Вошею милостію великіе Государи Цари и великіе князи
Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея великія и ма-
лыя и бѣлыя Россіи самодержцы».

Самой цѣнной выдачей этого времени надо признать золотую чашу *) въ 2 1/2 фун. вѣсомъ, пожалованную 6 мая 1686 года князю В. В. Голицыну. Вообще этого числа „за вѣрную и радѣтельную службу“ ближній бояринъ и оберегатель былъ необыкновенно щедро награжденъ. Тогда же имъ было еще получено: кафтанъ атласный на соболяхъ въ 400 руб., къ прежнему окладу придано 250 руб. и отдана отчина Бѣлгородская волость „съ селы и съ деревнями, со крестьяны и бобыльми, и съ пашнею, и со всѣми угодыми“, отписанная отъ Милославскихъ. (1)

Происходила выдача въ награду и разнаго рода оружія. Напримѣръ, сохранилась полоса сабли, на которой съ правой стороны наведена золотомъ слѣдующая надпись: „7150 Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ всеа Русіи пожаловалъ сію саблю Стольника Богдана Матвѣевича Хитрово“ **). У пята эта полоса украшена золотою насѣчкою и изображеніемъ царской короны.

Также извѣстно, что въ 1583 году завоевателю Сибири Ермаку были присланы отъ Іоанна Грознаго двѣ брони ***).

*) Чаша, изъ которой пили за здравіе, называлась братиною. Такая чаша по формѣ напоминаетъ горшечекъ. При столахъ царскихъ надъ братиною, въ которую наливалась „Вогородицина чаша“, молебствовалъ митрополитъ или патриархъ. Потомъ подавалось пить изъ нея царю. При питіи „государевой чаши“ совершалось моленіе о здравіи и благоденствіи государя. Надъ братиною патриаршею возглашалось многолѣтіе.

**) „Царскосельс. музей“, Жиль, стр. 162.

***) „Ист. Гос. Рос.“, Карамзинъ, т. IX, стр. 401.

Вообще пожалованіе за ратное дѣло въ древней Руси было очень разнообразно, хотя, конечно, многія выдачи не имѣютъ значеніе современныхъ знаковъ отличій.

Нагляднымъ доказательствомъ изложеннаго могутъ служить тѣ разрядныя выписи, которыя прикладывались къ дѣламъ по поданнымъ челобитнымъ. Въ этихъ выписяхъ всегда подробно и точно перечислялось все то, что давалось, въ награду за оказанныя отличія, въ государево жалованье. Тутъ обыкновенно перечисляются соболя, куницы, камка, серебряныя вещи, деньги и т. п.

Примѣромъ могутъ служить слѣдующія выписи:

„А головѣ Данилу Елагину, что былъ на бою и подѣ городомъ въ промыслу и присланъ съ городовою сдачею, дано государева жалованья у стола: камка куотерь 10 аршинъ, 40 соболей въ 30 руб., ковшъ серебрянъ въ 2 гривенки, да ему жъ придачи къ 800 четьямъ 100 четей, денегъ изъ чети къ 33 рублямъ 20 рублей, и придаточныя деньги выданы, то ему и за всю службу“ *).

„И дано имъ (присланнымъ въ 1633 году съ сеунчемъ изъ-подѣ Пскова) у стола: по ковшу по серебряному человѣку, а въ нихъ вѣсу по гривенкѣ, по 32 золотника съ полузолотникомъ, по 40 соболей по 20 рублей сорокъ, камки доброй кармазину по 10 аршинъ человѣку, цѣна по 10 руб.; двумъ человѣкамъ есауламъ: по тагѣ по широкой, по 4 аршина человѣку, цѣна по 3 рубля, по 6 алтынъ, по 4 денежки, да по 40 куницъ человѣку, цѣна 10 рублей сорокъ, да по сукну по доброму человѣку, цѣна 4 рубля; двумъ человѣкамъ сегороднымъ старостамъ: по чаркѣ по 2 рубля съ четью чарка, по 40 соболей, по 16 рублей сорокъ, камка адамашка по 10 аршинъ человѣку, цѣна камкѣ по 8 рублей. Да имъ же дано въ приказъ изъ Большого приходу денегъ: Ивану, Игнатью, и Юву и Богдану по 15 рублей человѣку, есау-

*) „Акт. Моск. Гос.“, Поповъ, т. I, стр. 474.

ломъ по 7 рублей человѣку, старшинамъ по 10 рублей человѣку“.

„Пожаловаль выѣзжаго литвина Александра Олехновскаго за выѣздъ, велѣль ему дати своего государева жалованья 15 рублей денегъ. камку адамашку, сукно англійское доброе, да поденному корму и съ пахолкомъ по пяти алтынъ на день, да ему-жь, Александру, конскаго корму на одну лошадь по указу“.

„И за ту службу (бой подъ Мстиславлемъ съ литовскими людьми) и за сеунчъ дано государева жалованья Павлу Львову 40 соболей въ 20 рублей, камки адамашки 9 аршинъ, ковшъ въ полдвѣ гривенки да придачи къ старому окладу 100 четей, денегъ 12 рублей, и придаточныя деньги ему выданы“ *).

„Государева жалованья Ондрѣю Тиханову сыну Тимашеву за гдовскую службу за сеунчъ сорокъ куницъ за то, что онъ нѣмецкихъ людей подо Гдовомъ многихъ побилъ, и языки поималъ, и Ивергорна съ достольными людьми отъ Гдова отбили“ **).

Надо замѣтить, что иноземные офицеры, особенно въ началѣ XVII столѣтія, кромѣ уговоренной платы, не получали иного Государева жалованья.

Въ этомъ отношеніи довольно рѣдкимъ исключеніемъ необходимо признать запись въ „Расходной книгѣ товаромъ и вещамъ“ за 1614 годъ, въ которой сказано: „Нѣмецкому порутчику Денису еонъ Висину 4 аршина сукна за службу и за языки“ ***).

Въ концѣ XVII столѣтія такихъ выдачъ было больше. Такъ, передъ 1-мъ Крымскимъ походомъ выдано въ полкъ Гордона, для сержантовъ и младшихъ офицеровъ, по 5 арш. сукна на человѣка. По окончаніи же Азовскаго похода иноземнымъ офицерамъ былъ выданъ годовой, полугодовой

*) „Акт. Моск. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 442.

**) „Опис. кн. и бум. стар. двор. прик.“, Викторовъ, вып. I, стр. 104.

***) Idem, стр. 126.

и третной оклады *); нижніе же чины получили по золоченой копѣйкѣ.

Ограничивать награды однѣми денежными выдачами окончательно установилъ Петръ послѣ своего возвращенія изъ Воскресенскаго монастыря, когда онъ чинамъ Бутырскаго полка, содѣйствіе котораго особенно было для него цѣнно, наградилъ денежными выдачами, хотя и въ крупномъ размѣрѣ: капитаны получили по 500 рублей, поручики—по 200 руб., прапорщики—по 100 руб. и нижніе чины—по 1 руб. на человѣка **).

*) Русскимъ же офицерамъ были увеличены помѣстные оклады.

**) „Ист. л-гр. Эриван. п.“, Бобровскій, т. I, стр. 106.

ГЛАВА XVII.

Регалии казачьихъ войскъ.—Клейноды Стефана Баторія; ихъ описаніе.—Значеніе
клейнодъ при избраніи гетмановъ.—Бобылевъ хвостъ у донскихъ казаковъ.—
Пожалованія Хмѣльницкаго.

РЕГАЛИИ казачьихъ войскъ называются клейнодами *).

Получались они издревле, при чемъ первымъ пожаловавшимъ ими казаковъ былъ Стефанъ Баторій.

Онъ въ 1576 году, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности, послалъ казацкому гетману князю Богдану Рожинскому, кромѣ знаменъ, еще бунчукъ, булаву **) и войсковую печать. Но въ то же время часть казаковъ была выдѣлена въ реестровые и

*) Съ польскаго, при чемъ klejnot собственно обозначаетъ драгоцѣнность, а также актъ на дворянство: klejnoty stanu szlacheckiego.

**) Бунчукъ по турецки санджакъ. Булава же—то же, что маршальскій или воеводскій жезлъ (Komandistal).

Булава, какъ знакъ начальническаго, достоинства, была извѣстна въ Европѣ еще въ X столѣтіи. Сохранилось, напримѣръ, извѣстіе, что на печати Лотарія, короля франковъ (954—987), было изображеніе его, при чемъ въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, а въ другой—шестоперъ.

казацѣи области были болѣе рѣзко подраздѣлены на казаковъ запорожскихъ и украинскихъ или низовыхъ и гордовыхъ.

При пожалованіи клейнодами была дана Баторіемъ грамота, изъ которой усматривается, что бунчукъ пожалованъ гетману „на знакъ звытяжства его звойскомъ своимъ надъ народомъ Аріатскимъ, ать кого и Клейноть сей добуть працею Гетманскою и кровію казацкою“.

Пожалованный бунчукъ представлялъ собственно связку конскихъ волосъ, окрашенныхъ красною краскою, при чемъ къ этой связкѣ была сплетена головка изъ тонкихъ волосяныхъ веревокъ, бѣлыхъ и черныхъ, падавшихъ своими концами на волосяной хвостъ; надъ всѣмъ этимъ затѣмъ наложена была мѣдная позолоченная маковица. Гетманскій бунчукъ имѣлъ 3 аршина вышины.

Одновременно Баторіемъ былъ пожалованъ бунчукъ и Запорожскому войску, но онъ былъ изъ бѣлыхъ волосъ съ красными веревками.

Даровавъ бунчукъ, Стефанъ Баторій, для поднятія его значенія, тогда же учредилъ особый чинъ „генеральнаго войскового бунчужнаго“, на обязанности котораго было хранить бунчукъ и осѣнять имъ гетмана во время разнаго рода торжествъ и выходовъ. Въ бунчужные стали поступать сыновья лучшихъ и болѣе вліятельныхъ казацкихъ фамилій, при чемъ число бунчужныхъ постепенно увеличивалось *).

Булава должна была означать жезлъ (власть) правленія. Какъ первоначальная, такъ и послѣдующія булавы изготовлялись, въ главныхъ чертахъ, одинаково. Обыкновенно булава состояла изъ палки орѣховаго или другого крѣпкаго дерева длиною въ $\frac{3}{4}$ аршина. Съ одного конца придѣлывался серебряный шаръ, продолговатый или осмигранный. Иногда онъ осыпался драгоцѣнными камнями

*) При Мазепѣ ихъ было около ста; бунчужные составляли самую блестящую часть гетманскаго штата.

или покрывался надписями. Противуположный конец указанной выше палки обдѣлывался также въ серебро.

Печати войсковыя, со времени Баторія, были включены въ составъ регалій гетманскаго достоинства, вручаемыхъ при его избраніи. Объ этой печати въ лѣтописи говорится: „На сей печати Малороссійскій войсковой гербъ, то есть воинъ въ колпаку перекривленному, на плечахъ мушкетъ а при боку шабля и казацкій рогъ з порохомъ и пулями имѣющій“. Печать эта поступила въ вѣдѣніе генеральнаго войскового писаря.

Одновременно получили печать и запорожцы. Отличалась она лишь тѣмъ, что близъ казака было изображено на курганѣ водруженное копье, что, по всей вѣроятности, должно было напоминать запорожцамъ ихъ пограничную службу.

Преемники знаменитаго короля Рѣчи Посполитой при своемъ избраніи стали посылать казакамъ тѣ же клейноды, какъ бы подкрѣпляя этимъ свою верховную власть надъ казачествомъ украинскимъ и запорожскимъ. Если гетманъ былъ общій для обоихъ казачествъ, то онъ въ числѣ клейнодъ имѣлъ бѣлые, черные и красные бунчуки.

Избраніе гетмана было очень торжественное. Въ день выбора старшины и казачество собирались на площади, среди которой дѣлалось возвышеніе, покрытое сукномъ. На возвышеніи ставился столикъ съ булавою и войсковою печатью. Передъ этимъ столикомъ генеральный бунчужный держалъ бунчукъ, а бунчуковый товарищъ — знамя („народну хорогву“). Старшины приступали къ выборамъ, при чемъ одобрить выборъ зависѣло отъ всего собраннаго „лыцарства“ и отъ полковъ. Послѣ этого королевскіе послы вручали новоизбранному гетману булаву и печать, а генеральные старшины наклоняли надъ нимъ бунчукъ и знамя. Затѣмъ новоизбранный гетманъ шелъ въ церковь и по окончаніи богослуженія вводился въ гетманскій домъ.

Бывали случаи, когда казаки сами самовольно отнимали отъ гетмановъ знаки ихъ достоинства и передавали

вновь избранному лицу. Дѣлалось это, конечно, уже безъ королевскаго согласія. Подобный случай былъ въ 1631 году, когда собравшаяся въ Черноховской дубравѣ рада, выслушавъ „кіевскаго митрополита и иныхъ старцевъ“, говорившихъ черкасамъ, „чтобъ они стряли противъ поляковъ за христіанскую вѣру“, постановила гетмана Кулачу и полковниковъ отставить, а „выбрали иного гетмана, Андрея Дѣденка, и полковниковъ иныхъ же изъ черныхъ людей, которые прежь сего бились съ поляками“ *). Покончивши съ выборами черкасы, бывшіе на радѣ, „знакъ у него, Кулачи, королевское знамя (а слѣдовательно и другіе кейноды) отняли и отдали новому гетману“ **).

Въ 1647 г. Хмѣльницкій, избранный на гетманство, ввелъ малые бунчуки, величиною около 2 арш. Эти бунчуки стали употребляться въ обыкновенныхъ случаяхъ, а также давались наказному гетману. Тогда же вошелъ въ обычай прикрѣплять къ бунчуку на двухъ серебряныхъ шнурахъ двѣ серебряныя кисти.

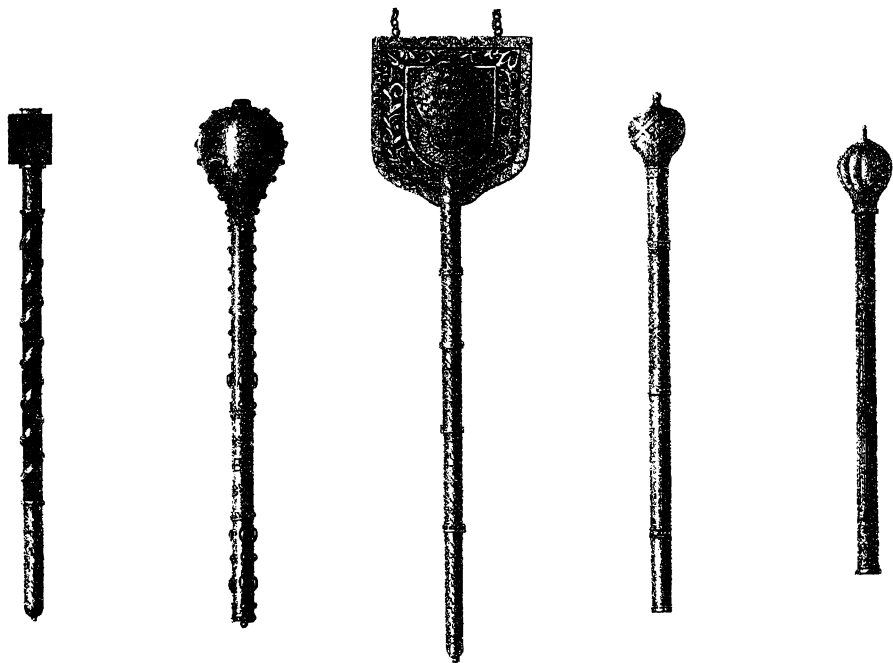
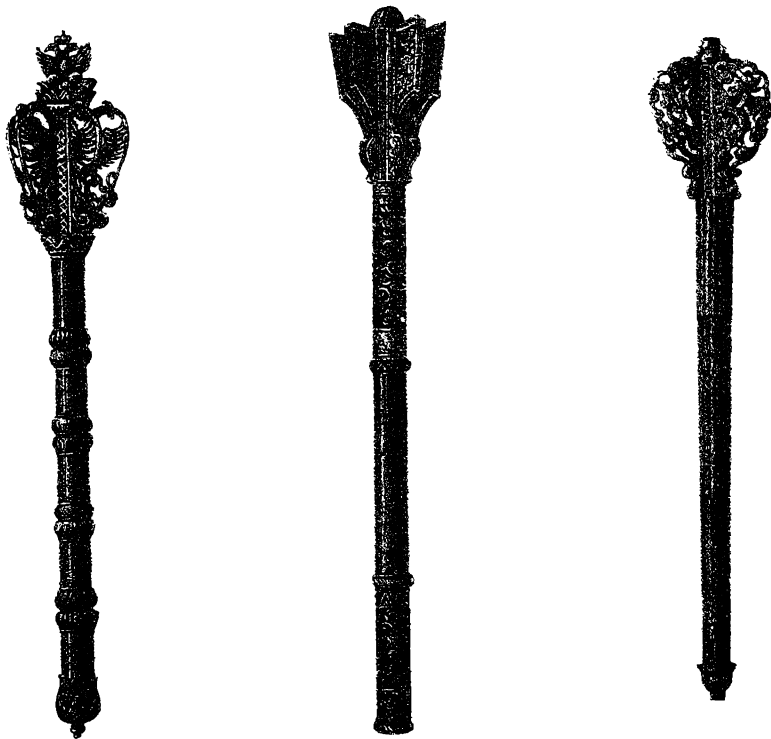
Малые бунчуки носились „товарищами бунчуковыми“, служившими изъ-за чести и въ обычное время исполнявшими обязанности, соотвѣтствующія званію постоянного ординарца.

Булава, полученная Хмѣльницкимъ при своемъ избраніи отъ польскаго короля, была чистаго серебра, безъ деревянной палки. Оригинально то, что почти одновременно этимъ гетманомъ была получена булава и отъ турецкаго султана, при чемъ она была осыпана жемчугомъ и драгоценными камнями ***).

*) „Акт. Москов. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 404.

**) Подтверждается это слѣдующей отпиской 1632 года Путивльскихъ воеводъ: „И король и гетманъ Конецпольскій приговорили, что нынѣшней де весною по травѣ идти имъ на твои государевы города войною, не дожидаясь твоихъ государевыхъ людей въ литовскую землю. А въ осень де король прислалъ гетману Кулагѣ знамя и литавры и булаву, а велѣлъ ему съ черкасы быть готову“ („Акты Москов. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 346). (1)

***) Булава съ яблокомъ, усаженнымъ гвоздями, называлась буждыганомъ; послѣдніе обыкновенно и получались отъ турецкаго султана.

Булавы и шестоперы.

Надо замѣтить, что значеніе бунчука у донскихъ казаковъ имѣлъ „бобылевъ хвостъ“ *).

Послѣдній состоялъ изъ дrevка въ 3 арш. длины съ мѣднымъ вызолоченнымъ шаромъ, къ которому въ послѣдующее время прикрѣплялся парящій орелъ. Изъ шара выпускались бѣлые длинные волосы. Описанный знакъ признавался символомъ свободной воли.

Бобылевы хвосты иногда назывались „кутазами“. Въ описи Оружейной Палаты за 1589 годъ, послѣ тулумбасовъ, помѣщено **): „два кутаза боболевы черны; кутазъ боболевъ бѣлъ курчаватъ; 5 кутазовъ бѣлые нацвѣты; кутазъ боболевъ бѣлъ, чекма серебряна черезъ грань“.

Полное тождество, по значенію, между бунчукомъ и бобылевымъ хвостомъ подтверждается слѣдующей помѣткой въ описи Конюшенной казны, составленной стольникомъ Бутурлинымъ въ 1706 году: „Тотъ боболевъ хвостъ („у него трубка серебряная бѣлая; отъ трубки рѣшотки шолкъ осиновый цвѣтъ, съ варворки золотными; шесть столпцовъ длинныхъ съ кистями“) изъ конюшенного приказу взять въ Розрядъ, а изъ Розряду отосланъ въ Посольскій приказъ для посылки на Донъ, на бунчукъ“.

Значеніе же булавы у Донскихъ казаковъ имѣла „насѣка“, имѣвшая съ нею почти полное сходство ***). Поэтому смѣняемый атаманъ, снявъ шапку и кланяясь казакамъ на четыре стороны, въ знакъ прекращенія своей власти, клалъ насѣку на столъ, поставленный среди майдана ****). Вновь же избранный сначала отказывался

*) Броневскій въ „Описаніи Донской земли“ указываетъ, что бобылемъ назывался бѣлый конь. Между прочимъ въ описи Оружейной Палаты за 1640 годъ (листъ 378) имѣется записъ: „хвостъ бобалевъ, яблоко и кольцо мѣдное посеребряно; у кольца снурокъ шолкъ черленъ; цѣна 2 рублевъ съ полтиной. Государю челомъ ударилъ молдавскій воевода Василей въ 144 г.“

**) „Опис. стар. рус. утвар. и одеж.“, Савваитовъ.

***) Насѣка съ поставленными на ребро щитиками (перья) называлась перначемъ. Если щитиковъ было всего шесть, то присваивалось названіе шестопера.

****) Полукружіе, буквально—лугъ.

„отъ уряда“, потомъ выходилъ изъ среды казаковъ, подходилъ къ столу и „асауль“, передавалъ ему насѣдку, какъ символъ атаманской власти.

Съ присоединеніемъ Малороссіи, Хмѣльницкій, въ знакъ утвержденія въ своей власти, получилъ булаву и отъ царя Алексѣя Михайловича.

Вручая ее, бояринъ Бутурлинъ „изговорилъ“ слѣдующее: „Булаву сію, благовѣрный и христілюбивый Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Руссіи Самодержецъ, тебѣ, жалуя тебя, посылаетъ до того благополучно благочестивому воинству начальствуетъ, гордящихся на православіе и непокорныхъ да того тебѣ смириша; воинство жъ твое благочестивое, яко же до нынѣ добрѣ устраивалъ еси, сице да и прочее время симъ пресвѣтлая его Царскія державы знаменіемъ, булавою тако смотрѣливые управлять возможеша, яко да самое видѣніе стройнѣ управляемаго отъ тебѣ воинства вся враги, на вы востающа и на благочестіе, устрашаетъ и отъ васъ прогоняетъ“ *).

Съ этого времени, конечно, гетманы символы своего достоинства и своей власти, бунчукъ и булаву, какъ и знамя, стали получать отъ Московскихъ государей.

Свои клейноды имѣли и полковники. Въ Слободской Украинѣ имъ было присвоено: а) перначъ (шестоперъ), украшенный иногда драгоцѣнными камнями; полковникъ, командуя собраннымъ полкомъ, держалъ обыкновенно перначъ въ рукѣ; б) полковое знамя, обыкновенно съ ликомъ Божіей Матери или Св. Угодника, считавшагося покровителемъ полка, и в) гербовую полковничью печать, считавшуюся обыкновенно и полковою **).

*) Въ Запорожѣ избраніе кошеваго атамана было значительно проще, чѣмъ избраніе гетмана.

**) Иногда въ составъ полковничьихъ клейнодовъ входилъ чеканъ (клевецъ). Онъ состоялъ изъ металлическаго молотка, заостреннаго у задней стороны и насаженнаго на топориче съ наконечникомъ. Такой чеканъ дѣлался иной разъ съ вывинчивающимся кинжаломъ.

ГЛАВА XVIII.

Статьи московскія съ гетманомъ Брюховецкимъ.—Договорныя статьи съ Мазепой; новый порядокъ пожалованія клейнодъ.—Похвальныя грамоты.—Размѣръ и случаи отправленія казакамъ «жалованья».—Пожалованія полученныя Мазе-лой.—Пожалованія донскимъ атаманамъ и казакамъ.—Булавы внѣ казачьихъ войскъ.

Въ 1665 году были выработаны особыя „Статьи Московскія“ *), постановленныя съ запорожскимъ гетманомъ и вновь пожалованнымъ бояриномъ Иваномъ Брюховецкимъ. Эти статьи устанавливали права и преимущества гетмана, а въ томъ числѣ и „даніе на булаву гетманскую“. Этимъ даніямъ служила, какъ и при Богданѣ Хмѣльницкомъ, волость Галицкая, имѣвшая десять городовъ и „тѣ всѣ городки съ мельницами, съ селами, съ полями и съ иными угоды къ тѣмъ городамъ належущими, на булаву гетманскую шли“. (1)

Доходъ, конечно, получался значительный, при чемъ онъ всецѣло поступалъ въ распоряженіе гетмана, лишь

*) „Полн. Соб. Зак.“, т. I,“ ст. 376.

„въ тѣхъ же городѣхъ мельницы даны будутъ Ясауламъ войсковымъ двумъ человекомъ“. (2)

Въ 1672 году состоялось на радѣ избраніе новаго гетмана. Имъ былъ выбранъ Иванъ Самойловичъ, получившій изъ Москвы актъ своего утвержденія; въ немъ было сказано: „А по челобитю и избранію войска Запорожскаго, буду чего на сей сторонѣ Днѣпра, учиненъ тому войску Запорожскому Гетманомъ ты Иванъ Самойловичъ, и булава Гетманская на урядъ Гетманской тебѣ вручена“.

Черезъ два года былъ объявленъ актъ *) „приведенія той стороны Днѣпра десяти Козацкихъ полковъ, Полковниковъ, Старшинъ и всѣхъ жителей въ вѣчное Россіи подданствъ“, при чемъ въ Переяславлѣ тотъ же Самойловичъ былъ провозглашенъ гетманомъ „обѣихъ сторонъ Днѣпра“.

Какъ извѣстно, Самойловичъ не долго пробылъ въ своемъ званіи; былъ отрѣшенъ и на радѣ у рѣки Коломаки „Генеральный Ясауль Иванъ Мазепа“ былъ избранъ гетманомъ.

Особымъ актомъ **) 25 іюля 1687 года были установлены съ гетманомъ новыя договорныя статьи, при чемъ въ 6-й было написано:

„Били челомъ Великому Государю Ихъ Царскому Превсвѣтлому Величеству Старшины и войско Запорожское: когда изволеніемъ Божиимъ случится Гетману смерть, или иное что, чтобъ Великіе Государи пожаловали ихъ, велѣли имъ обирати Гетмана по ихъ правамъ, и чтобъ съ Ихъ Государскаго милосердія даны были въ войско Гетману войсковыя клейноды: знамя, булава, печать и литавры“ ***).

*) „Полн. Собр. Зак.“, т. I, ст. 573.

**) *Idem* т. II, ст. 1254.

***) Хотя литавры тутъ и упоминаются, но они не всегда причислялись къ клейнодамъ. Впервые они были пожалованы войску Стефаномъ Баторіемъ, который въ полкахъ реестровыхъ казаковъ ввелъ музыку. Часто жаловались литавры запорожскимъ казакамъ и турецкимъ султаномъ.

Далѣ въ этой статьѣ еще разъ упоминается, что „Ихъ Царское Пресвѣтлое Величество, пожаловали, велѣли обирание Гетмана быть по прежнимъ ихъ правамъ и вольностямъ съ вѣдома Ихъ Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества“. (2)

Кромѣ клейнодъ, почти при каждомъ новомъ гетманѣ, запорожскіе черкасы, какъ обыкновенно назывались казаки обѣихъ сторонъ Днѣпра, получали „похвальныя грамоты“.

Составлялись послѣднія очень многорѣчивыми и съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ заслугъ, ради которыхъ была дана грамота.

Въ каждой грамотѣ обыкновенно заключалось увѣдомленіе и о болѣе существенномъ, а именно: о присылкѣ денегъ, пороха и суконъ.

Все это посылалось въ значительныхъ размѣрахъ особенно тогда, когда дѣйствія казаковъ приносили существенную пользу Москвѣ. Напримѣръ, особая похвальная грамота съ милостивымъ словомъ *) была дана, 18 сентября 1674 года, кошевому атаману Ивану Сѣрко и всему войску Запорожскому за присылку лжецаревича Симеона. Въ этой грамотѣ, кромѣ обѣщанія прислать „пушки и всякіе воинскіе запасы и чайки“, перечислено было слѣдующее жалованье: „золотыхъ червонныхъ пятьсотъ, сто пятьдесятъ половинокъ суконъ, пятьдесятъ пудъ зелья, свинцу тожь“.

Посылались похвальныя грамоты и на Донъ. Такая грамота была дана въ 1677 году „въ Нижнія и Верхнія Юрты Атаманамъ и козакамъ“ за одержанную побѣду надъ крымскими татарами. Въ ней не только

Подъ вліяніемъ казачьихъ частей, надо думать, литавры вошли въ началѣ XVIII столѣтія въ составъ музыкальныхъ инструментовъ конныхъ частей и регулярной арміи. Это и было, по всей вѣроятности, причиною, что они постоянно, до самаго своего уничтоженія, считались какъ бы регаліей части. Петръ Великій, какъ увидимъ впоследствии, прямо ими жаловалъ полки.

*) „Поля. Собр. Зак.“, т. I, ст. 589.

указывалось, что „жалуемъ милостиво похваляемъ“, но были припомнены и прежнія казачьи вины, относительно которыхъ говорилось, что за одержанную побѣду „жалуемъ отпускаемъ и впредь вамъ тѣ ваши вины воспоминаванны не будутъ“. Кромѣ того, пояснялось, что „Великаго Государя годовое денежное и хлѣбное жалованье и вино и сукна и воинскіе запасы, также и сверхъ того, смотря по вашей службѣ, въ приказъ прислано будетъ“.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ весьма большая похвальная грамота, данная гетману Ивану Самойловичу 5 іюня 1682 года въ награду за сдѣланное „передъ Спасителевымъ образомъ и въ Соборной Апостольской Церкви передъ Святымъ Христовымъ Евангеліемъ“ обѣщаніе въ вѣрности („вѣру учинити“). Въ этой грамотѣ, по обычаю, сначала было сказано „жалуемъ милостиво и премиловство похваляемъ“, а затѣмъ уже упоминалось жалованье: „И въ то время, по Нашему Великихъ Государей Нашего Царского Величества милостивое жалованье къ тебѣ Нашего Царского Величества подданному Гетману Ивану Самойловичу и Полковникомъ прислано будетъ, въ томъ бы тебѣ, Нашего Царского Величества Гетману и Полковникомъ, на Нашу Великихъ Государей милость и жалованье быти надежнымъ“ *).

Однако, видимо „на Москвѣ“ скоро было признано, что одного такого неопредѣленнаго обѣщанія недостаточно, а поэтому черезъ мѣсяць (12 іюля) тому же Самойловичу была послана другая похвальная грамота, въ которой излагалось подтвержденіе гетманскаго достоинства, а также веѣхъ правъ и вольностей, дарованныхъ войску Запорожскому прежними Государями, при чемъ Самойловичъ обнадеживался тѣмъ, что „при булавѣ и при арматахъ староствамъ пожаловали Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество указали быть по прежнему указу Отца

*) „Полн. Собр. Зак.“, т. II, стр. 927.

Нашего, блаженныя памяти, Великаго Государя и брата
Нашего, блаженныя жъ памяти, Великаго Государя Ихъ
Царскаго Величества и жалованнымъ грамотамъ, каковы
тебѣ даны на Радѣ при булавѣ Гадичу, а при арматахъ
Коропу да Воронежу“ *). Это уже одно показываетъ, какъ
велики были личныя доходы гетмана, связанные съ клей-
нодами Запорожскаго войска.

Но особенно эти доходы и получаемые изъ Москвы
подарки увеличились при Мазепѣ, получавшемъ ихъ не-
однократно при грамотахъ съ милостивымъ словомъ.

Одна изъ такихъ грамотъ ему была дана 3 января
1691 г. **), при чемъ въ ней, между прочимъ, было сказано:
„Божією милостію, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе
государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ
Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи само-
держцы и многихъ государствъ и земель Восточныхъ и
Западныхъ и Сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники
и государи обладатели, ихъ царское величество, жалую
тебя подданнаго своего войска Запорожскаго обѣихъ сто-
ронъ Днѣпра гетмана Ивана Степановича, велѣли спро-
сить о здоровьѣ“ ***). При этой грамотѣ „жалованье“ было
слѣдующее: „бархату 12 аршинъ, изорбаоръ персидскій
золотный, изорбаоръ серебряный, 2 байберека, 2 отласа
нѣмецкихъ, косякъ отласу китайскаго, 4 косяка камокъ
лаудоновъ, исподъ лисій черевій, исподъ песцевый голу-
бый. Да со Дворцовъ запасовъ: бочка ренскаго, 150 лимо-
новъ; свѣжія рыбы бѣлуга въ 10 рыбъ, 6 осетровъ, 300
пучковъ вязики; соленыя рыбы 3 бѣлуги урлюшныхъ
большихъ, теша бѣлужья; новгородскія рыбы: бочка си-
говъ, бочка лодогъ, бочка уксуса новгородскаго, 2 чети
снятковъ псковскихъ сухихъ, свѣжихъ тожъ“. (3)

*) „Полн. Собр. Зак.“, т. II, ст. 943. Послѣдніе два города Коропу и Во-
ронежь, надо отнести къ ранговымъ владѣніямъ.

**) „Допол. къ акт. истор.“ т. XII, стр. 365.

***) Это „изговорить“ долженъ былъ стольникъ и полковникъ Циклеръ,
спеціально для этой цѣли прибывшій въ Батуринъ.

О достойномъ же пожалованіи „на прїѣздѣ войска Запорожскаго обѣихъ сторонѣ Днѣпра“ гетмана Мазепы настолько заботились въ Москвѣ, что 27 іюля 1689 года состоялся даже Великихъ Государей указъ *) „царственные большіе печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому князь Василью Васильевичю да боярину жѣ князю Алексѣю Васильевичю Голицынымъ съ товарищи“ о томъ, чтобы они „указали прислать изъ Государственнаго Посольскаго Приказу въ Казенный приказъ къ окольникову къ Семену Феодоровичю Толочанову съ товарищи 12 арш. отласу или байбереку золотнаго добраго; а тотъ отласъ или байберекъ на кафтанъ соболей, что дать ихъ великихъ государей жалованья на прїѣздѣ“ упомянутаго гетмана.

Получали государево жалованье издревле и донскіе атаманы. Напримѣръ, еще въ книгахъ казеннаго расхода за 1584 годъ имѣются уже записи *): „Донскимъ отаманомъ Ивану Москвитину, Ондрѣю Ретюкову, Карпу Иванову Государева жалованья по 4 арш. сукна настрафілю. Да послано на Донъ къ отаману къ Смагѣ три постава и 13 арш. сукна настрафілю“.

Надо замѣтить, что приведенная величина „4 арш. сукна“, видимо, въ то время была нормой для подобнаго рода пожалованій, такъ какъ тотъ же размѣръ указанъ въ жалованіи „войсковому ясаулу Немиру Ожешку“, „атаманомъ казачьимъ за тихвинское осадное сидѣніе и за службу и за прїѣздъ“, „атаманомъ Карпу Иванову да Петру Вострой саблѣ“ и т. п. ***).

При Борисѣ Годуновѣ выдачи казакамъ были болѣе значительны. Такъ, въ 1605 году въ жалованье: „Новго-

*) „Дополн. къ акт. истор.“, т. XI, стр. 251.

**) „Опис. кн. и бум. стар. двор. прик.“, Викторовъ, вып. I, стр. 101.

***) Видимо, для указанной цѣли половинки сукна специально разрѣзывались. Подтверждаетъ это слѣдующая запись: „Въ Оружейный приказъ 10 арш. сукна настрафілю. Взялъ рѣзецъ Семень Устиновъ“.

родка Сѣверскаго козакомъ семидесять шти человекомъ дано по дорогамъ, а двадцати семи человекомъ по таётѣ да по сукну по доброму по четыре аршина сукна, да по три рубли денегъ человеку“ *). Тогда же трубачевскіе казаки получили „по сукну по доброму по четыре аршина да по два рубля денегъ человеку“. Болѣе существенныя награды получили тѣ казаки, которые „въ Новгородкѣ сидѣли въ осадѣ“, относительно ихъ въ вѣдомости раздачи имѣется отмѣтка: „золотыхъ и ноугородокъ и московокъ золоченыхъ и дороговъ и таеты и суконъ и денегъ по росписи за приписью дьяка Тимоѣея Витовтова“.

Приведенная отмѣтка вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ подтверждаетъ, что золотыя и золоченыя новгородки и московки имѣли современное значеніе знаковъ отличій, такъ какъ иначе особо не упоминались бы рядомъ съ ними слова „денегъ по росписи“.

Впрочёмъ, пожалованіе казаковъ „золотыми деньгами“ происходило и значительно раньше. Они, напримѣръ, были выданы уфимскимъ казакамъ за то, что въ 1575 году на р. Бѣлой способствовали разбитію сибирскихъ царевичей Аблая и Шевкеля.

Начальные люди казаковъ, конечно, жаловались и золотою посудою. Доказательствомъ можетъ служить сохранившійся ковшъ, съ изображеніемъ двуглаваго орла, пожалованный въ 1684 году донскому атаману Семенову**).

Были награды и особаго рода. Казаки, основавшіе въ 1586 году по склону лѣваго берега Волги, при впадении р. Самары, городокъ этого имени, за мужество и храбрость въ бояхъ съ ногаями, башкирами и калмыками, получили отъ царя Михаила Ѳеодоровича въ 1643 году, при особомъ указѣ, вѣстовой колоколъ ***) со слѣдующею надписью:

*) „Акт. Моск. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 70.

**) „Царскосельск. музей“, Жиль, стр. 60.

***) „Истор.-статис. очеркъ Оренбург. войска“, Старнковъ, стр. 33. Этотъ колоколъ висѣлъ на крѣпостной башнѣ, а съ упраздненіемъ крѣпости былъ перенесенъ на колокольню Казанской церкви (старый соборъ), гдѣ находится и въ настоящее время.

«Лѣта 7151 августа въ 20 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссїи указу, присланъ сей вѣстовой колоколь съ Москвы на Самару, и вѣсу въ немъ 14 пудъ и 25 гривенокъ».

Изъ всѣхъ клейнодъ получала широкое примѣненіе вѣ казачьихъ войскъ одна булава *) и ея разновидности (перначъ, шестоперь и т. п.).

Булавы пріобрѣли значеніе общемосковского символа власти. Стали онѣ изготовляться съ большою роскошью для самихъ государей, присваиваться отдѣльнымъ должностямъ и вручаться лицамъ знатнымъ при отправленіи послѣднихъ на исполненіе какого либо отдѣльнаго порученія.

Все это окончательно установилось съ воцареніемъ дома Романовыхъ.

Булавъ сохранилось очень много. Изъ царскихъ, принадлежавшихъ Михаилу Ѳеодоровичу, можно указать на слѣдующую**), представляющую болѣе древній типъ булавы: яблоко сдѣлано изъ лазурика, ограненнаго въ видѣ кубика со срѣзанными углами; черенъ обтянутъ краснымъ бархатомъ и перевитъ лентою изъ кованнаго золоченаго серебра съ чернью; на концѣ черена серебряная золоченая же съ чернью оправа; подъ яблокомъ на трубкѣ подпись вязью:

«Божіею милостию мы великии государь царь і великии князь Михайль Ѳеодоровичъ всеа Руссїи Самодержецъ».

Можно еще указать на перначъ, поднесенный Михаилу Ѳеодоровичу 23 мая 1630 года турецкимъ посломъ Ѳомой Кантакузинымъ. Онъ отличается роскошью отдѣлки. Оправа на немъ золотая, перья и загвоздка хрустальныя, украшенныя яхонтами и изумрудами. Подъ перьями вы-

*) Если не считать литавровъ, введенныхъ въ кавалерійскіе полки, какъ музыкальный инструментъ.

**) Въ Оружейной Палатѣ, № 5182.

пуклый репейчатый поясокъ, въ гнѣздахъ котораго алмазныя и яхонтовыя искорки. Черень одѣтъ басемнымъ золотомъ, подтокъ хрустальный, имѣющій семь гнѣздъ съ яхонтами и изумрудами. (4)

Михаилъ Θεодоровичъ и самъ жаловаль булавами. Это подтверждаетъ слѣдующая выписка изъ приходо-расходной книги (7135 — 7149 г.г.) „Большой Государевой шкатулы“: „Къ ольничему ко князь Алексѣю Михайловичу Львову послано денегъ за булаву оправную и съ камнемъ, что у него взято къ Государю въ Оружейномъ приказѣ 38 рублевъ“ *).

Особенно много булавъ осталось отъ періода царствованія Алексѣя Михайловича. Обращаютъ на себя вниманіе двѣ яшмовыя турецкой работы **). У первой на вершинѣ яшмоваго яблока вставленъ изумрудъ, а по всему яблоку, среди золотого сканнаго развода, въ золотыхъ гнѣздахъ, насажены красныя яхонты; у подтока, въ золотомъ гнѣздѣ, вставлена бирюза. Вторая булава была куплена во время Рижскаго похода 1656 года; у ней яблоко тоже яшмовое, обложено рѣзнымъ золотомъ, а наверху украшено большимъ изумрудомъ; по остальной части яблока разводы, между которыми 79 золотыхъ сканныхъ репейчатыхъ гнѣздъ съ красными яхонтами; на шейкѣ имѣется золотой поясокъ, въ которомъ 14 золотыхъ гнѣздъ съ изумрудными искрами.

Оригинальна небольшая булава Алексѣя Михайловича цареградской работы. На яблокѣ имѣется окладка чеканная, въ наверхшѣ репей о двѣнадцати лепесткахъ, составленный изъ гладкихъ звѣздъ, въ серединѣ помѣщенъ плоскій яхонтъ, возлѣ, въ кругъ, двѣнадцать яхонтовыхъ искръ; по остальной поверхности яблока расположены три другихъ цвѣтка въ видѣ тюльпановъ изъ изумрудныхъ и яхонтовыхъ искръ; по черену, сплошь обложен-

*) „Опис. кн. и бум. стар. двор. прик.“, Викторовъ, стр. 250.

***) Въ Оружейной Палатѣ № 5185—5186.

ному гладкимъ золоченымъ серебромъ, расположены четыре пояска, каждый сдѣланъ изъ трехъ чеканныхъ и украшенныхъ чернью клеймъ; въ подтокѣ репейчатая пуговица.

Изъ булавъ боярскихъ можно указать на булавы князей Лыкова и Мстиславскаго *). Первая—турецкой работы, вся серебряная, золоченая, украшена басемными накладками и бирюзю; по яблоку, въ видѣ груши, проведены дорожки, дѣлящія яблоко, по среднему поясу, на семь правильныхъ ромбовъ, а по верхнему и по нижнему—по шести; въ серединѣ каждаго ромба и по угламъ вставлена бирюза; шейка—шестигранная, на каждой грани бирюза въ гнѣздѣ; на рукояти и цѣввѣ надѣты басемныя накладки, украшенные также бирюзю; на концѣ рукояти гладкая накладка и на ней монограмма, объясненная:

«Боярина Князя Бориса Михайловича Лыкова» **).

Вторая булава—также серебряная, золоченая, яблоко широкое съ краснымъ яхонтомъ; оригинальнымъ является то, что на яблокѣ, въ четырехъ клеймахъ, изображены рѣзною работою четыре стихіи съ подписями славянскими буквами. Трубка гладкая, украшенная рѣзбою, слѣдующая часть цѣввья клѣтчатая, грановитая, далѣе—гладкая двѣнадцатигранная; конецъ рѣзанъ въ чешую, на обрѣзѣ репей, а по краю надпись:

«Булава Боярина Ильи Даниловича Милославскаго».

Булава конца XVII столѣтія, принадлежавшая ближнему боярину и оберегателю Голицыну, отличается тѣмъ, что она, сдѣланная изъ серебра, украшена, кромѣ бирюзы, еще и рѣзбою изъ слоновой кости; на цѣввѣ буквы Голицына.

Между прочимъ обращаетъ вниманіе, главнымъ обра-

*) Въ Оружейной Палатѣ №№ 5190 и 5191.

**) „Древн. Рос. Госуд.“, отд. III, стр. 74.

зомъ своею надписью, перначъ *) князя Бярятинскаго. Онъ серебряный съ двѣнадцатю перьями, загвоздка съ рубчиками имѣеть видъ полушара; на многогранной рукояти прикрѣплены серебряныя литыя кольца со сквознымъ узоромъ; между кольцами на граняхъ написано:

«167 году Сентября въ 20 день буздуганъ Князя Юрія Никитича Бярятинскаго взять на бою подъ Васильковымъ отъ Кіева въ полтридцать вереть побивъ Накозного Гетмана войска Запорожскаго Константина Выговскаго и Крымскаго мурзу Кллана и съ Татары, а Подковниковъ Ивана Сербина и Василья Выговскаго и многихъ живыхъ побрала, а Государевыхъ людей не убито и вноло: не взято ни челоуѣка».

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ удостоенъ серебряною булавою бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, (5) въ воспоминаніе бытности его въ Украинѣ. Булава эта принадлежала павшему съ честью на бранномъ полѣ во время смуть, начавшихся съ гетмана Выговскаго, полковнику Запорожскаго войска Пушкарю. На булавъ имѣется надпись:

«Боярина Ружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово».

. Болѣе позднихъ пожалованій такого же рода уже не имѣется.

*) Та же булава, но головка сдѣлана въ видѣ перьевъ стрѣлы. Если перьевъ меньше семи, то присвоивалось названіе шестопера; по-турецки — буздыганъ. Это слово также иногда употреблялось въ древней Руси, если особенно шестоперь турецкой работы.

ГЛАВА XIX.

Начало регулярной арміи. — Знамена полковъ Преображенскаго и Семеновскаго 1700 и 1701 гг.; ихъ описаніе. — Знамена тѣхъ же полковъ 1706 г.; ихъ описаніе. — Разница между прежними и новыми знаменами.

ФОРМИРОВАНИЕ въ 1700 году изъ перваго набора предшествовавшаго года 27 пѣшихъ и 2 драгунскихъ полковъ было началомъ регулярной арміи.

Привлеченіе въ ряды ея не одного сословія, а всей „земской силы цѣлаго государства“,—дало совершенно иное основаніе всей организациі вооруженныхъ силъ, ничего общаго уже неимѣющихъ съ Государевой службой предшествоващаго времени.

Приглашеніе въ огромномъ количествѣ иностранцевъ и введеніе иноземныхъ порядковъ, уже практически испытанныхъ въ бывшихъ „потѣшныхъ полкахъ“,—неминуемо и въ сильной степени отразились также и во всей той дѣятельности, которая тѣсно соприкасалась съ царскими хоромами.

Не стало Государева полка, сдѣлалась лишнимъ „ропись“ жильцовъ, стольниковъ, стряпчихъ и другихъ лицъ

„московскаго чина“ по сотнямъ этого полка, а слѣдовательно и перестали требоваться тѣ знамена, которыя изготовлялись и хранились такимъ обширнымъ учрежденіемъ, какъ Оружейная Палата со всѣми ея мастерскими.

Уже вмѣсто „мягкой рухляди“ и перечисленія знаменъ, писанныхъ „на поднось“, изъ камки и тафты „розныхъ цвѣты“, — сейчасъ же встрѣчается совсѣмъ иная записъ, наглядно характеризующая геній Петра въ эпоху начала его крупныхъ дѣяній, давшихъ ему, по всей справедливости, имя „Великаго“.

Такъ, въ вѣдомости прихода и расхода денежной казны Золотой Палаты имѣется записъ: „По имянному указу 1-го генваря 1701 года о сборѣ денегъ на строеніе драгунскихъ полковъ для свѣйской войны, съ дворцовыхъ, церковныхъ, съ крестьянскихъ дворовъ, съ торговыхъ людей и прочаго собрано 183,475 рублей. Изъ Приказа Большаго дворца и съ Денежнаго двора поступило 100 тысячъ рублей. Всего въ приходѣ 284 тысячъ рублей. Не добрано 71,458 рублей. Набрано въ драгунскую службу 9,441 человекъ, и устроено 9 драгунскихъ полковъ, а въ тѣхъ полкахъ начальныхъ людей учинено 281 человекъ“.

Это приходъ. Но тутъ же приводится и слѣдующій расходъ: „Жалованье полковникамъ и другимъ начальнымъ людямъ и солдатамъ, на лошадей, аммуницію и другихъ употреблено 247,005 рублей *).

Тогда же, въ 1700 году, впервые были построены знамена новыхъ образцовъ. Получили ихъ гвардейскіе полки **).

Въ Преображенскомъ полку изъ 16 полученныхъ зна-

*) „Опис. кн. и бум. стар. двор. прик.“; Викторовъ, вып. II, стр. 521.

**) Преображенскимъ полкомъ знамена были получены еще въ 1695 году при его преобразованіи изъ потѣшного въ дѣйствующій. Было выдано одно бѣлое и нѣсколько черныхъ знаменъ. По этому образцу были построены для обоихъ гвардейскихъ полковъ знамена 1700 года лишь съ прибавленіемъ „Аппо Domini 1700“.

мень одно было бѣлое, полковое, а остальные пятнадцать—черныя, ротныя.

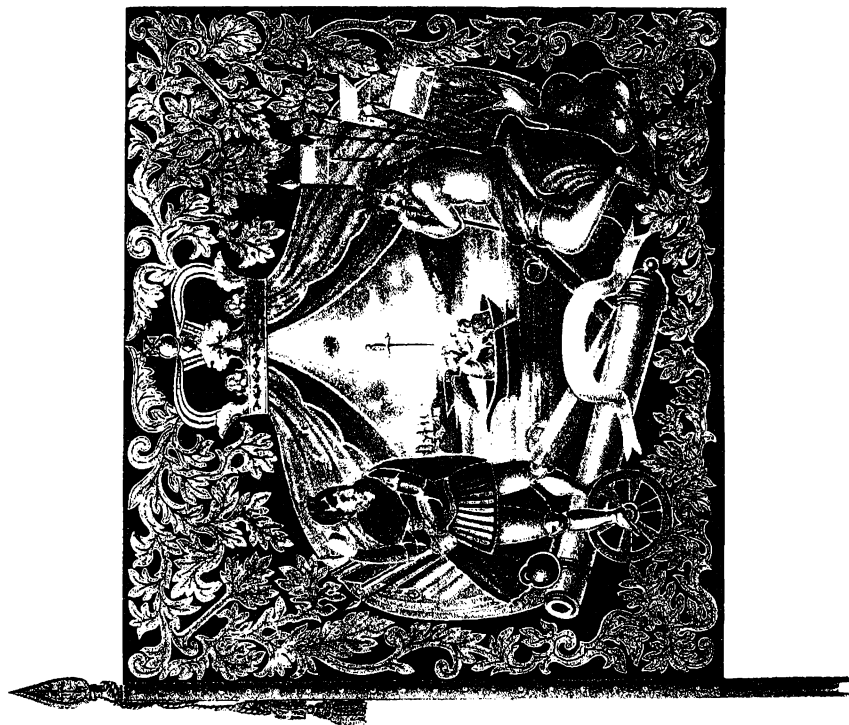
Первое—четыреугольное съ узкой бахромой; по древку— $3\frac{1}{2}$ арш., въ длину— $4\frac{1}{2}$ арш.; въ серединѣ—двуглавый, коричневаго цвѣта, орелъ съ коронами; въ когтяхъ обнаженный мечъ съ надписью:

«Рах асцалата sunt Psalma 84»;

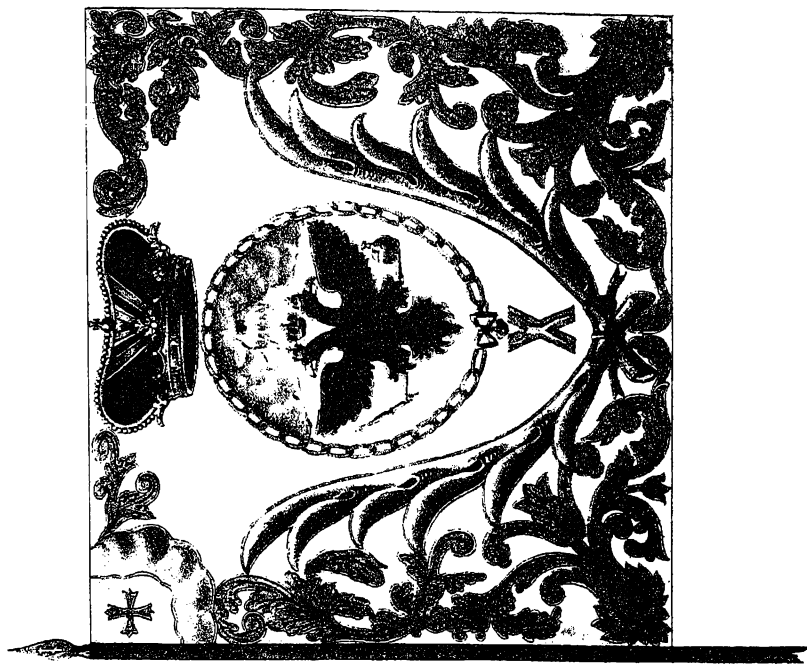
на груди орла—черный кругъ съ 26 гербами княжествъ и городовъ. Вдоль края, прилегавшаго къ древку,—писанное серебромъ украшеніе изъ лавровыхъ вѣтвей. Затѣмъ надъ лапою написано:

«Святъ, святъ, святъ! Святая Марія Матерь Христа Бога, Луца подъ ногами ея. Апокалип. Гл. 12. Свят. Петръ Апостоль. Невѣста агнца доврѣ созданна на твердомъ камени веригами. Апост. Гл. 61 Свят. Екатерина. Св. Варвара. Св. Николай Мирликійскій, Св. Алексѣй челоуѣкъ Божіей. Святъ духовъ Божіихъ. Азъ приидохъ да животь имуть и лишше имуть. Иоан. Глава 10. Проси мати моя, яко не отвращуся отъ тебя К. Царствъ Гл. 2. Да дается людъ мой моленію моему. Есѣирь. Гл. 33. Призри и услыши мя, Господи Боже мой. Псаломъ 12. Господь возрѣ на Петра. Лука 22 Гл. Молитва же, бя отъ Церкви прилѣжно о немъ. Дѣян. Гл. 12. Господи спаси Царя и услыши! Псал. 19. Дажь веселіи дарованій соглашаеся. Гл. 4 къ Ефесян. Дажь благодареній воздаяніи согласуется судей израилевыхъ. Глава 14. Разрѣши прѣвнїа союзъ соглашается. Матѣ. Гл. 17. Совокупїи мира очищеніе. Той же Гл. 8 ст. 22».

Черныя знамена были одинаковы, но меньшаго размѣра: по древку—3 арш. и въ длину—3 арш. 6 вер. По краямъ—украшенія изъ вѣтвей и листьевъ голубого цвѣта, а на серединѣ, подъ желтою царскою короною, идейное изображеніе,—плывущая по водѣ лодка (начало русскаго флота), въ которой Сатурнъ (время) поучаетъ юношу (Россію) управлять весломъ. Далѣе влѣво виденъ пылающій городъ, вправо видны строящіеся корабли; надъ

Знамя Преображенского полка
1700 года.

Знамя Преображенского полка
1701 года.

всѣмъ этимъ висятъ густыя облака, подъ которыми обнаженный мечъ; его остріе упирается въ поверхность моря. Противъ пылающаго города представленъ Марсъ, а противъ строящихся кораблей—Нептунъ; оба миѳическія изображенія окружены соответствующими атрибутами. Въ промежуткѣ же, на бѣлой лентѣ, золотыя слова:

«Anno Domini 1700».

Древки къ этимъ новымъ знаменамъ дѣлались въ 5 арш. длиною, были писанныя или же покрывались краскою „на глянсъ“ *).

Въ слѣдующемъ году, быть можетъ подъ вліяніемъ неудачи Нарвскаго сраженія, оба гвардейскихъ полка получили опять новыя знамена. Каждый полкъ—по 16 знаменъ **): бѣлое—полковое и пятнадцать цвѣтныхъ—ротныхъ, а именно: въ Преображенскомъ полку—черныя и въ Семеновскомъ—голубыя.

Бѣлое знамя было тафтяное, четырехугольное, при длинѣ стороны 3 арш. 4 вер. Въ серединѣ вышито двѣ пальмовыхъ вѣтви изъ камки голубого цвѣта. Между вѣтвями цѣпь Андрея Первозваннаго съ крестомъ ***), надъ цѣпью корона; въ кругу, образуемомъ цѣпью, написанъ золотомъ и красками двуглавый орелъ съ тремя коронами; надъ

*) При постройкѣ слѣдующаго года для Семеновскаго полка въ Оружейной Палатѣ, между прочимъ, было записано: „Хамовной слободы Фетке Васильеву на дѣло древковъ на всякіе припасы и на золото и за работу доведца дать по три алтына за древко“.

**) Въ Оружейной Палатѣ (№№ 4156—4162) изъ этихъ знаменъ хранится Преображенскаго полка: бѣлое и шесть черныхъ. Два такихъ же знамени находятся еще въ Артиллерійскомъ Музеѣ (№ DXVII группы XXXI). Одно черное знамя имѣется еще въ собраніи Преображенскаго полка.

***) Тутъ впервые появляется на знамени орденъ Андрея Первозваннаго. Онъ учрежденъ былъ Петромъ въ 1698 году послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія, при чемъ въ проектѣ устава было сказано: „дабы, взирая на сія явные знаки милости и преимуществъ, ободрить и другихъ къ храбрымъ и вѣрнымъ услугамъ и къ прочимъ подвигамъ въ военное и мирное время ибо благороднѣйшія и къ чести и славѣ стремящіяся души обыкли предпочитать уваженіе, характеръ и публичное возвышеніе и знаки Монаршей милости, отличающіе ихъ отъ прочихъ, многимъ другимъ награжденіямъ, имѣніямъ и подаркамъ“. (1)

главами орла—Всевидающее Око. Въ верхнемъ углу написанъ золотомъ четырехъ-конечный крестъ; все же остальное пространство знамени занято голубымъ камчатнымъ разводомъ, разцвѣченнымъ чернилами и обведеннымъ золотомъ *). Мѣшечекъ—суконный, красный, древко черное гротикъ—желѣзное гладкое копьѣ, вызолоченное; подтокъ мѣдный.

Черныя знамена,—четыреугольныя, той же длины, сдѣланы изъ китайскаго крапчатого байберека. На срединѣ вшиты изъ камки желтаго цвѣта двѣ, связанные комлями, пальмовыя вѣтви; между вѣтвями—кругъ, сдѣланный кольчатую цѣпью изъ камки того же цвѣта. Концы цѣпи связаны узелкомъ, надъ которымъ вшитъ Андреевскій крестъ; въ верхней же части круга изъ лазоревой камки вшито облако, въ которомъ помѣщено Всевидающее Око съ сіяніемъ изъ камки желтаго цвѣта; изъ сіянія выходитъ серебряный съ золотою рукояткою палаши.

Надъ кругомъ помѣщена большая корона, тоже изъ желтой камки, по сторонамъ которой написаны серебряныя звѣзды, число которыхъ соответствовало номеру той фузилерной роты, которой знамя было присвоено **). Въ лѣвомъ верхнемъ углу имѣется изъ бѣлой камки другое облако, въ которомъ серебромъ написанъ четырехъ-конечный крестъ. Остается сказать, что разводъ и знаменныя принадлежности были такіе же, какъ и въ бѣломъ знамени.

Ротныя знамена Семеновскаго полка ничѣмъ, кромѣ цвѣта, не отличались отъ описанныхъ выше черныхъ знаменъ Преображенскаго полка.

При постройкѣ этихъ знаменъ, по указу „Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всеа

*) Въ бѣломъ знамени Семеновскаго полка голубого камчатого развода не было нашито.

**) Относительно этого въ указѣ было сказано: „вкоторыя роты знамена писаны будутъ только на немъ звѣздъ“.

великия и малыя и бѣлыя росіи Самодержца“, бояриномъ Ѡ. А. Головинымъ приказано въ Оружейную Палату прислать „Испреображенска отъ Оружейнаго дозорщика Данила Греченинова знамя здревкомъ и дротикомъ образцовое Преображенскаго полку“. (2)

Въ 1706 году состоялась новая выдача знаменъ полкамъ гвардіи, при чемъ каждый полкъ получилъ по бѣлому—полковому и цвѣтныя—ротныя: Преображенскій полкъ 15 черныхъ и Семеновскій 11 голубыхъ.

Изъ бѣлыхъ знаменъ сохранилось только Семеновскаго полка *), имѣющее въ длину 7 фѣт. 3 дюйм. и въ ширину—5 фѣт. 11 дюйм. На обѣихъ сторонахъ полотна, сдѣланнаго изъ шелковой матеріи, вышиты слѣдующія изображенія: въ серединѣ помѣщенъ двуглавый орелъ, окруженный цѣпью съ Андреевскимъ крестомъ; подъ цѣпью—большая корона, а около—двѣ большія зеленыя пальмовыя вѣтви. Въ верхнемъ лѣвомъ углу знамени написанъ золотомъ четырехъ-конечный крестъ.

Ротныя знамена сохранились обоихъ полковъ **) и имѣютъ одинаковый размѣръ: ширина по древку 3 арш., длина—3 арш. 4 вер.

Черныя знамена Преображенскаго полка сдѣланы изъ травной камки, при чемъ въ середину вшитъ, изъ камки же кругъ изъ двухъ половинъ: верхняя—бѣлаго цвѣта и нижняя—голубого. На послѣдней половинѣ написанъ, съ одной стороны, морской утесистый берегъ со стоящимъ деревомъ, а на другой—море съ уходящимъ вдаль подъ парусами кораблемъ. Верхняя половина круга представляетъ небо со Всевидящимъ Окомъ въ сіяніи ***) и съ ви-

*) Въ Артил. Музеѣ № DXXI группа XXXI. О знамени же Преображенскаго полка не сохранилось даже описанія („Истор. Преобр. пол.“, т. I, стр. 531—535).

**) Въ Оружейной Палатѣ два знамени Преображенскаго полка (№№ 4163 и 4164) и въ собраніи же полка имѣется одно знамя. Въ Артиллерійскомъ Музеѣ сохраняется три знамени Семеновскаго полка (№ DXXII, группа XXX).

***) Этой эмблемѣ дается слѣдующее объясненіе Азанчевскій („Истор. Преобр. пол.“, стр. 71): „Вожію помощью получаетъ въ себѣ свѣтъ, низдаетъ огонь или свѣтъ входъ въ него и огонь паки сходитъ“.

ящей изъ облака обнаженной шпагой съ золотымъ эфесомъ. Самый кругъ окаймленъ золотою, съ огненными лучистыми узелками, цѣпью со знакомъ ордена Андрея Первозваннаго. Знамя обшито каймою бѣлаго, голубого и краснаго цвѣтовъ. Мѣшечки—суконные, красные; гротикъ—обычный: желѣзное гладкое копье, подъ которымъ подвязана бумажная кисть,—что уже является новшествомъ.

Ротныя голубыя знамена Семеновскаго полка тоже изъ камки, имѣють по обѣ стороны, слѣдующія вышивныя изображенія: въ серединѣ мечъ, обращенный вверхъ золотой рукоятью и окруженный цѣпью со знакомъ ордена Андрея Первозваннаго. По сторонамъ цѣпи, изъ желтой камки,—двѣ большія пальмовыя вѣтви, перевязанныя внизу. Надъ мечемъ въ облакахъ—Всевидающее Око, отъ котораго нисходятъ лучи; съ обѣихъ сторонъ облаковъ—по три серебряныхъ звѣзды. Въ верхнемъ лѣвомъ углу серебромъ написанъ четырехъ-конечный крестъ.

Можно предположить, что изготовленіе этихъ знаменъ было указано еще въ концѣ 1702 года, такъ какъ въ дѣлахъ Оружейной Палаты по денежнымъ расходамъ за этотъ годъ на листѣ 340 имѣется записъ: „Дѣло о написаніи живописцемъ Григоріемъ Одольскимъ для Преображенскаго и Семеновскаго знаменъ“ *).

Изъ этого дѣла усматривается, что велѣно было на знаменахъ написать „вверху изъ облака въ рукѣ мечъ, кругомъ того облака чепи съ пламы, пониже чепи воду и землю, на водѣ корабль, на земли древо“.

Изъ сдѣланныхъ описаній легко вывести, почти безспорное, заключеніе, что въ началѣ XVIII столѣтія не были установлены точно опредѣленные правила для постройки знаменъ даже гвардейскимъ полкамъ, замѣнившимъ для Петра, еще со времени приѣма въ „потѣшную службу“ охочихъ людей, прежнія сотни Государева полка, со-

*) „Опис. кн. и бум. стар. двор. прик.“, Еикторовъ, вып. II, стр. 475.

ставлявшаго у великихъ государей Московскихъ главное основаніе всего „ратного строенія“.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, новыя знамена составляли рѣзкую разницу съ прежними. Эта разница заключалась не въ матеріалѣ и формѣ постройки, а въ томъ, что военныя эмблемы и государственный гербъ заняли первенствующее положеніе; религіозные же символы были ограничены однимъ четырехъ-конечнымъ крестомъ въ углу знаменнаго полотнища.

Изъ прежде изложеннаго, конечно, видно, что идея изображенія эмблемъ на знаменахъ собственно не нова. Находила она примѣненіе не только при Алексѣѣ Михайловичѣ, но и раньше при Михаилѣ Феодоровичѣ. Однако, сначала такія изображенія допускались только для наемниковъ-иностранцевъ и лишь затѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ полковъ солдатскаго строя съ иноземными начальными людьми, эмблемы стали появляться на знаменахъ этихъ полковъ. Тогда же установился обычай, быть можетъ, привитый тѣми же иноземными начальными людьми, строить знамя полковничье бѣлымъ, а остальные — цвѣтными.

Петръ же, сформировавъ регулярную армію, долженъ былъ окончательно отказаться и отъ знаменъ, предназначавшихся для той вооруженной силы, о которой зачастую передъ иностранными государями московскіе послы и гонцы говаривали: „У нашего великаго Государя рать собирается великая и несчетная, а строенья бываетъ розного: многія тысячи копейныхъ ротъ устроены гусарскимъ строемъ; другія многія тысячи, конныя, съ огненнымъ боемъ, рейтарскимъ строемъ; многія же тысячи съ большими мушкетами, драгунскимъ строемъ; а иныя многія тысячи солдатскимъ строемъ. Сила Низовая, Казанская, Астраханская, Симбирская тоже рать несмѣтная; а вся она конная, а бьется лучнымъ боемъ; татары большаго и малаго Ногая, башкирцы, калмыки бьются лучнымъ же боемъ. Стрѣльцовъ въ одной Москвѣ, не считая городовыхъ,

40.000, а бой у нихъ солдатскаго строя. Козаки Донскіе, Терскіе, Яицкіе бьются огненнымъ боемъ, а запорожскіе черкасы и огненнымъ, и лучнымъ. Дворяне же государевыхъ городовъ бьются разнымъ обычаемъ и лучнымъ, и огненнымъ боемъ, кто какъ умѣетъ. Въ государевомъ полку, у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ свой обычай: только у нихъ и бою, что аргамаки рѣзвы да сабли остры; куда ни придутъ никакіе полки противъ нихъ не стоятъ“.

Очевидно, что послѣ сформированія полковъ изъ перваго набора все вышеизложенное разнообразіе вооруженныхъ силъ стало быстро исчезать. Сохранились еще нѣкоторое время прежнія Московскія рати лишь на далекихъ окраинахъ. Образцами же, во всѣхъ отношеніяхъ, при дальнѣйшей реорганизаціи войскъ стали служить гвардейскіе полки.

ГЛАВА XX.

Знамена солдатскихъ полковъ начала XVIII-го столѣтія.—Общій типъ; допущенныя отступленія.— Знамена драгунскихъ полковъ.—Знамена 1707 г., полковъ гвардіи при конномъ ихъ строѣ. — Первая «Инструкція» о причисленіи знаменъ къ «полковымъ припасамъ».

НАМЕНА солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ перваго рекрутскаго набора, судя по сохранившимся четыремъ экземплярамъ, постройки 1700 года *), дѣлались четырехугольными, равносторонними; мѣрою 2 арш 4 вер. Въ середину вшивались тафтяные обручи, на которыхъ росписывались вѣнки изъ листьевъ, цвѣтовъ и ягодъ. Въ кругахъ же, золотомъ, серебромъ и красками, изображался въ облакѣ Спасъ Вседержитель, передъ нимъ въ моленіи апостолы Петръ и Павелъ, а въ верхнемъ углу—золотой осмиконечный крестъ въ облакахъ. Свободныя отъ изображеній мѣста заполнялись нашитыми звѣздами, число которыхъ соответствовало номеру роты. Судя по этому, сохранившіяся знамена 1700 г.

*) Находятся въ Оружейной Палатѣ (№№ 4148—4151).

принадлежали ротамъ 2-й, 3-й, 5-й и 6-й. Последнія три очень изодраны и чрезвычайно ветхи. Но на полотнѣ перваго знамени въ серебряномъ клеймѣ сохранилась слѣдующая, написанная золотомъ, надпись:

«1700 году Марта построены знамена въ городѣ Дмитрѣвѣ». (1)

Это позволяетъ предположить изготовленіе указанныхъ знаменъ распоряженіемъ полкового начальства.

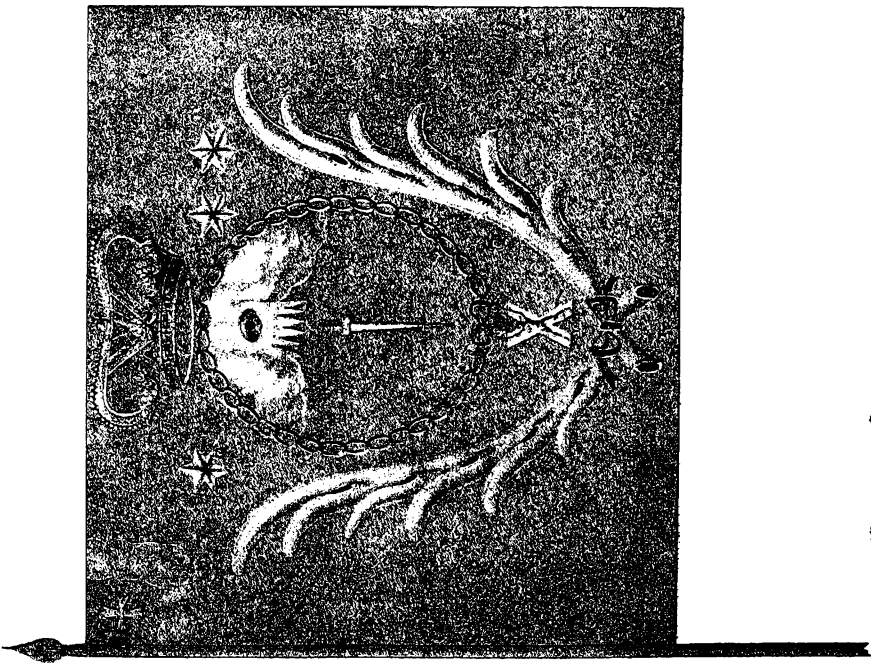
Солдатскія знамена разсматриваемаго времени прикрѣплялись къ древкамъ прежнимъ способомъ, т. е. мѣшечками, сдѣланными изъ краснаго кумача. Гротики трехъ знаменъ представляютъ собою желѣзныя копья, 2-й же роты—мѣдное гладкое четырехугольное копье, на которомъ съ обѣихъ сторонъ прикрѣплены гладкіе Андреевскіе кресты *).

Къ тѣмъ же солдатскимъ знаменамъ относятся еще камчатныя **) также четырехугольныя, по древку и въ ширину—по 2 арш. 6 вер. Въ серединѣ вшиты двѣ пальмовыя вѣтви изъ камки коричневаго цвѣта. Между ними, въ золотомъ продолговатомъ кольцѣ, изображена рука, выходящая изъ облаковъ и держащая палашъ; подъ кругомъ—крестъ ордена Андрея Первозваннаго. (2) Желѣзные гротики имѣютъ видъ копій съ зубчатыми краями.

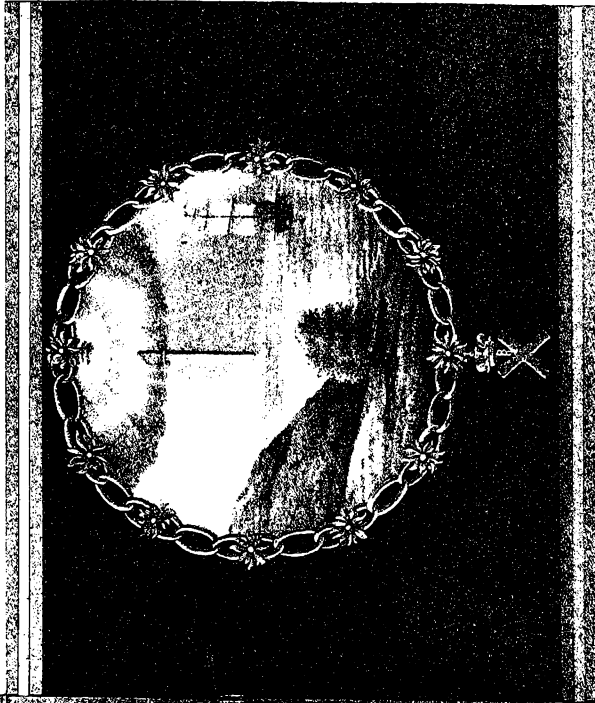
Эти солдатскія знамена, по всей вѣроятности, построены въ Оружейной Палатѣ. На это указываетъ запись, по которой въ 1700 году было приказано въ Оружейной Палатѣ сдѣлать „вновь приборные солдацкіе пятнадцать полковъ знамена камчатые разныхъ цвѣтовъ образцомъ противъ прежнихъ знаменъ“, которыя были сдѣланы нѣ-

*) Быть можетъ, этотъ гротикъ позднѣйшій, такъ какъ онъ рѣзко отличается отъ остальныхъ.

**) Въ Оружейной Палатѣ хранится четыре такія знамени (№№ 4152—4155).

Знамя Семеновского полка
1701 года.

Знамя Преображенского полка
1706 года.

сколько ранѣ въ томъ же году. Описаніе послѣднихъ *) въ общемъ соотвѣтствуетъ уже сдѣланному относительно упомянутыхъ выше четырехъ знаменъ, принадлежавшихъ къ категоріи ротныхъ. Такихъ въ каждомъ солдатскомъ полку было одиннадцать, а двѣнадцатое, бѣлое, являлось полковымъ и имѣло вмѣсто руки съ палашомъ двуглаваго орла, за которымъ окончательно уже установилось значеніе герба **).

Если полковыя знамена во всѣхъ „новоприборныхъ“ солдатскихъ полкахъ были бѣлыми, то цвѣта ротныхъ для каждаго полка были различны. Такъ, въ 1700 году были сдѣланы цвѣтныя знамена: „два полка красныхъ, два полка песочныхъ, два полка дикихъ, три полка свероборинныхъ желтой свѣтломалиновой свѣтлозеленой рудожелтой зеленой нажелѣзной цвѣтъ“.

Если, вообще, выходящая изъ облака рука съ мечемъ для ротнаго знамени солдатскаго полка была общимъ признакомъ, то въ подробностяхъ допускались значительныя отступленія, особенно тогда, когда знамена строились внѣ Москвы. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующее знамя 1704 г. Оно сдѣлано изъ холстины, четырехугольное, равностороннее, при размѣрѣ 2 арш. 14 вер. Въ середину вшитъ обручъ, на которомъ нарисована выходящая изъ облака рука съ мечемъ, съ подписью:

«Господи десною твоею рукою Христіанская воинства защити
и оружіемъ меча нечестивые сопостаты побѣди».

Во всѣхъ четырехъ углахъ написано бѣлилами: въ верхнемъ лѣвомъ —

«1704 году»,

въ правомъ —

«в казані»;

*) „По двенадцати жъ знаменъ вполкъ втомъ числѣ у одинадцати знаменъ вѣтви иоблака икресты кавалерскіе Апостола Андрѣя Первозваннаго иручки иполашу вшивныя камчатые, а полаши серебряныя крыжи золоченныя“.

**) „Авторое надесять бѣлое камчатое свшивнымъ орломъ“.

въ нижнемъ лѣвомъ—

«построися».

въ правомъ—

«се знамя».

На обратной сторонѣ имѣются тѣ же изображенія и подписи.

Но слѣдующее знамя *), постройки 1705 года, представляетъ еще большія отступленія. Оно сдѣлано изъ холстины, четырехугольное, длина 3 арш. 1 вер. и ширина 2 арш. 13 вер. Нашиты на немъ двѣ красныхъ пальмовыхъ вѣтви, между которыми написанъ четырехконечный крестъ съ четырьмя красными лучами; надъ крестомъ корона, а около слова:

«ис. хрс. ника».

Во всѣхъ четырехъ углахъ имѣются клейма, при чемъ въ лѣвомъ верхнемъ написано:

«крестъ честный ты намъ помогай»,

въ правомъ—

«и отъ нашествия отпавшихъ вѣры защищай»,

въ нижнемъ лѣвомъ—

«1705 года мѣсяца Маія»,

въ правомъ—

«построися се знамя подъ Александромъ Сергѣевымъ управленьемъ».

Драгунскія знамена 1700 г. были значительно меньше солдатскихъ.

*) Находится въ Оружейной Палатѣ (№ 4170).

На сохранившемся въ Оружейной Палатѣ знамени съ обѣихъ сторонъ написанъ серебряный четырехконечный крестъ, надъ которымъ серебряная хартія съ надписью:

«Симъ знакомъ побѣждаю».

Подъ крестомъ изображены двѣ золотыя лавровыя вѣтви, сложенныя крестообразно.

О постройкѣ драгунскихъ знаменъ указаннаго выше года сохранилась слѣдующая записъ: „Государь Царь і великій Князь Петръ Алексѣевичъ всеа великия ималыя ибѣлыя Росіи Самодержецъ указаль по росписи Генерала Адама Адамовича Вейде дать вдрагунской полкъ двенадцать знаменъ драгунскихъ двойныхъ сремпи і соѣтоки изоружейныя, полаты абуде ихъ нѣтъ ітѣ драгунские знамены сприпасы здѣлать вновь воружейной палате и отомъ свой великаго Государя указъ учинить тебѣ боярину и адмиралу Федору Алексѣевичю *) стоварыщи“.

Дѣйствительно, знаменъ въ запасѣ не оказалось, и на сдѣланное по этому предмету сношеніе Вейде указаль „здѣлать драгунские знамена камчатые одинацать знаменъ зеленые мѣроу вдлину по два аршина вширину по полтора аршина знамя, внихъ вшивныя противъ ознаменки вѣтви желтой кресты бѣлой ссияниемъ. Надкрестами свитки бѣлойжъ камки сподписаниемъ симъ знакомъ побѣждаю. По угламъ знаменъ позвѣзде, второе надесять мѣроу противъ тогожъ бѣлое камчатоежъ свшивнымъ прописнымъ орломъ и обшить по краямъ тѣ знамена бахрамою золотною і книмъ двенадцать снуровъ скистми зеленого шолку ззолотомъ поразмѣру и мешечки суконныя“ (3).

Въ слѣдующемъ году такихъ же драгунскихъ знаменъ указано было сдѣлать еще пять. Кромѣ того, „ктому числу вмѣсто орлового здѣлать шестое знамя скрестомъ золоченымъ а свитки серебряныя по гуларбе и обшить тѣ знамена бахрамою шолковою соломенного цвѣту снуры зеленыя кисти желтыя шолковыя“.

*) Головинъ.

Отсюда видно, что твердо установленнаго образца не было. Это подтверждаютъ и драгунскія знамена *), данныя въ 1707 году гвардейскимъ полкамъ, когда послѣдніе были посажены на лошадей и обратились, благодаря этому, въ конные полки.

Эти знамена **), при ширинѣ 1 арш. и 6 вер. и длинѣ 1 арш. 7 вер., сдѣланы изъ черной шелковой матеріи съ разноцвѣтною каймою изъ голубыхъ, красныхъ и бѣлыхъ треугольниковъ; кайма обшита желтою шелковою бахромю. Въ середину вшиты изъ зеленой матеріи двѣ пальмовыя вѣтки, между которыми изъ синей матеріи вшитъ Андреевскій крестъ съ большою желтою короною.

Изъ приведеннаго выше видно, что значительное число знаменъ продолжала изготовлять Оружейная Палата. Но это дѣлалось каждый разъ по особому Государеву указу, такъ какъ уже передъ своимъ первымъ путешествіемъ, въ 1697 году, за границу Петръ въ составленной имъ Инструкціи ***) „Генералу къ управленію полкомъ“ указалъ въ статьѣ 2-й: „Въ полкъ вновь и въ прибавку строить знамена, ружья, барабаны и иныя всякіе полковыя припасы надлежитъ Генералу“. (4)

Приведенная статья характерна въ томъ отношеніи, что знамена сведены на степень „полкового припаса“. Такимъ образомъ, уже этимъ однимъ знамена лишались въ значительной степени, конечно, прежняго высокаго религіознаго значенія****). Приравниваніе знаменъ къ войсковымъ припа-

*) Въ Артил. Музеѣ хранится 6 такихъ знаменъ (груп. XXXI, № DXXIII); всѣ крайне ветхи и порваны. Два знамени имѣются еще въ музеѣ при офицерскомъ собраніи л.-гв. Преображенскаго полка.

***) Древки штандартныя, разноцвѣтныя (красныя, черныя и черныя съ цвѣтными желобками), имѣютъ скобы и кольца; одно съ мѣднымъ подтокомъ. Гротки имѣются, въ видѣ плоскихъ копій, при четырехъ знаменахъ; у двухъ—мѣдныя съ литымъ изображеніемъ Андреевскаго креста и у двухъ—желѣзныя.

****) „Истор. Преображен. пол.“, Азанчевскій, стр. 28.

*****) Однако, лично Петръ продолжалъ придавать знаменамъ большое значеніе и взятіе ихъ отмѣчалъ даже въ частной своей перепискѣ „съ Государыней Екатериной Алексѣевной“. Такъ, въ письмѣ отъ 31 августа 1708 года сооб-

самъ, видимо, стало уже дѣломъ нормальнымъ. Въ 1709 году, напримѣръ, при производствѣ описи было указано: „взятое въ баталіи швейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякіе военные припасы, откуда будутъ присланы, принимать въ палату Оружейную“ *).

Существованіе 2-й статьи „Инструкціи“ все-таки не останавливало постройку знаменъ въ Оружейной Палатѣ, что особенно справедливо для гвардейскихъ полковъ, хотя именно въ отношеніи управленія ими и была составлена вся „Инструкція“.

Для остальныхъ же полковъ Оружейная Палата, какъ указываютъ свѣдѣнія изъ ея архива, строила знамена лишь тогда, когда полки эти были „новоприборными“, т. е. только что сформированными.

До 1711 года относительно постройки знаменъ не сохранилось какихъ-либо распоряженій общаго характера **). Лишь въ этомъ году, 19 февраля, была объявлена новая табель, которою для знаменъ, подобно тому какъ для амуниционныхъ и мундирныхъ вещей, устанавливался срокъ выслуги, опредѣленный въ пять лѣтъ.

щалось: „мы вчерашняго утра резервовались; на пѣрвое крыло карала шведскаго съ осмью баталіонами напали, і по двачастномъ огню оного съ помошнію божіею съ поля збили, знамена і прочая побрали“. Въ другомъ письмѣ 14 октября 1713 года), сообщая о побѣдѣ близъ Тавастгуса, Петръ упоминаетъ: „і непѣрнятеля разбили: а сколько побито, также въ полонъ взято, і притомъ взято сколько знаменъ і артиллеріи: о томъ привеземъ самъ вѣдомость“ („Письма русск. гос.“, ч. I, №№ 9 и 53).

*) „Сей великаго Государя указъ приказать записать въ палатѣ оружейной генеральный президентъ и комендантъ Московскій и Сибирскихъ провинцій судія, князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ“ („Сбор. архив. выпис. о Петрѣ Вел.“, Есиповъ, т. II, стр. 323—329).

***) Можно лишь указать на частный случай постройки въ 1710 году знамени для Сибири. Это знамя, нынѣ хранимое Оружейной Палатой (№ 4182), рѣзко отличается своими особенностями. Сдѣлано оно изъ камки червчататаго цвѣта, длина—3 арш. 4 вер. и ширина—2 арш. 12 вер. На серединѣ, въ кругу, написанъ гербъ царства Сибирскаго, а ниже, въ двухъ кругахъ, написаны гербы Вятскій и Пермскій. По сторонамъ, на хартіяхъ, написано „Печать Царскаго Величества гербъ провинціи Сибирской“. Подъ кругами подпись „Лгта 1710“. Всѣ три круга охвачены двумя пальмовыми вѣтвями.

Эта табель, по времени, почти совпала съ выдачею, 25 февраля, гвардейскимъ полкамъ новыхъ знаменъ, рѣзко отличавшихся отъ прежнихъ. Это можно объяснить, — подтверждается сдѣланными на знаменахъ надписями, — желаніемъ Петра особо ознаменовать для своей гвардіи значеніе предстоявшаго тогда къ Пруту похода.

Эти новыя знамена *) — изъ тафты малиноваго цвѣта; четырехугольныя, по древку — 3 арш. 1 вер., ширины — 3 арш. 8 вер. Въ верхнихъ углахъ вшиты изъ тафты бѣлаго цвѣта облака, отгѣненные сѣрою краскою. Въ облака же вшиты изъ тафты желтаго цвѣта сіянія, а на послѣднихъ написаны четырехконечные кресты съ лучами и подписью:

«Симъ знаменемъ побѣдиши».

На серединѣ знамени сдѣлана надпись въ три строчки:

«За імя Исъ
Хріста і Хріс
тіанство».

Знамена не имѣютъ мѣшечковъ, а непосредственно прибиты къ древкамъ, длина которыхъ 4 арш. 8 вер. Древки окрашены черною краскою „подъ глянсъ“. Гротики — копыя желѣзныя, золоченыя, подтоки — мѣдныя съ тремя поперечными выпуклыми поясками.

Передача описанныхъ знаменъ полкамъ, какъ указано уже было, совершилась 25 февраля. Этого числа былъ воскресный день и Государь, находясь въ Москвѣ „для лучшаго исправленія воинскихъ дѣлъ, слушалъ въ Успенскомъ соборѣ молебень на умоленіе божественной помощи и побѣды на мїронарушителей и враговъ христіанскаго имени“, такъ какъ передъ тѣмъ въ соборѣ былъ прочитанъ манифестъ о разрывѣ съ Турціей.

Ко времени окончанія молебна оба гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій, съ новыми знаменами, ими

*) Изъ числа сохранившихся: четыре экземпляра въ Оружейной Палатѣ (№№ 4163—4168), три — въ Артиллерійскомъ Музеѣ (груп. XXXI № DXXIV) и два — въ собраніи л.-гв. Преображенскаго полка.

въ этотъ день полученными, выстроились передъ соборомъ.

Окропленные святою водою, эти полки въ тотъ же день выступили въ походъ на соединеніе съ войсками генераль фельдмаршала Шереметева.

Въ отношеніи порядка постройки знаменъ довольно важный указъ состоялся 14 марта 1712 года, когда „Правительствующій Сенатъ приговорили: въ полки кавалерійскіе и инфантерійскіе во всѣхъ губерніяхъ знаменъ вновь не дѣлать, а дѣлать тѣ знамена во всѣ полки и посылать изъ Оружейной Палаты. А деньги за тѣ знамена, во что они станутъ, взяты будутъ изъ тѣхъ губерній, на которыя какіе полки положены“ *).

Приведенное распоряженіе въ томъ же году 19 декабря было дополнено новымъ сенатскимъ указомъ, которымъ, между прочимъ, устанавливалась присылка денегъ, собираемыхъ съ губерній на содержаніе полковъ, въ мундирныя канцеляріи **), которыя уже и строили мундирныя и аммуничныя вещи, при чемъ „знамена съ дротики“ перечислялись, какъ установленныя на пяти-лѣтній срокъ службы, вмѣстѣ съ „алебарды, фузеи, шпаги, копыя, пистолы, котлы“.

Такимъ образомъ, тутъ видно значительное противорѣчіе. Однако, на практикѣ, надо замѣтить, и послѣ приведенныхъ указовъ большинство полковъ продолжали строить сами знамена, при чемъ для „инфантерскихъ“ были уже установлены болѣе однообразные размѣры ***): ширина — 2 арш. 15 вер. и длина — 3 арш. 7 вер. Кромѣ того, на полковыхъ знаменахъ довольно часто государственный гербъ сталъ замѣняться вензелевымъ изображеніемъ Царя. Въ остальныхъ же подробностяхъ по преж-

*) „Полн. Соб. Зак.“, т. IV, ст. 2502.

**) Впрочемъ, съ 1719 года знамена опять стали строиться въ полковыхъ мастерскихъ („Переходъ Россіи къ регуляр. арміи“, Бобровскій, стр. 208).

***) „165 лѣтъ Кексгольм. грен. пол.“, Мередихъ, стр. 310—317.

нему допускалось значительное разнообразіе *), что наглядно подтверждают построенныя послѣ упомянутаго года знамена полковъ Староингерманландскаго, Нарвскаго, Луцкаго и Тобольскаго, хранимыя нынѣ въ Артиллерійскомъ Музеѣ **).

Такъ, знамя Староингерманландскаго полка раздѣлено диагонально на два треугольника: верхній (при древкѣ) черный и нижній—желтый. Въ середину вшитъ равносторонній четырехконечный крестъ, составленный изъ желтыхъ и черныхъ полосъ; на верхнемъ концѣ креста вшита желтая коронка. На обѣихъ сторонахъ знамени въ верхнемъ углу написанъ гербъ, окруженный золотою лавровою вѣтвью и серебряной гирляндой.

Знамя Нарвскаго полка состоитъ изъ двухъ треугольниковъ, верхній—черный и нижній—красный, раздѣленныхъ широкою зеленою полосою. Въ верхнемъ (при древкѣ) углу, съ обѣихъ сторонъ, написана, въ кругу изъ серебряной гирлянды, „ящерица на бугрѣ“.

Знамена Луцкаго полка ***)—изъ желтой камки, раздѣленной вшивными перпендикулярными полосами изъ красной камки на четыре прямоугольника. Въ верхнемъ (при древкѣ) углу написана, въ кругу изъ серебряной гирлянды, простертая изъ облаковъ рука, разсѣкающая мечемъ змѣя.

Знамена Тобольскаго полка ****) —изъ двухъ поперечныхъ половинокъ, красной и желтой, пересѣченныхъ по диагоналямъ полосами изъ тѣхъ же цвѣтовъ, но обратно размѣщенныхъ. Въ верхнемъ (при древкѣ) углу, на обѣихъ сторонахъ, написано золотомъ изображеніе, представляющее пять знаменъ, прикрывающихъ барабанъ.

*) Болѣе однообразны были знамена въ полкахъ пѣхотныхъ и драгунскихъ одной и той же губерніи: Московской, Кіевской, Астраханской и т. п. („Истор. описаніе одеж. и вооруж.“, ч. II, стр. 94—100).

**) Группа XXXI, №№ DXXV—DXXVIII.

***) Имѣется два экземпляра.

****) Имѣется ихъ шесть экземпляровъ, при чемъ при одномъ сохранилось плоское вызолоченное копьё, при другомъ—такое же копьё, но съ литымъ изображеніемъ Андреевскаго креста.

Описанныя знамена, очевидно, принадлежать къ категоріи ротныхъ. Полковныя же *) продолжали дѣлаться изъ бѣлой камки, тафты и, вообще изъ шелковыхъ матерій. Середину же такихъ знаменъ всегда занималъ, писанный или вышитый, двуглавый орелъ съ державой и скипетромъ, окончательно получившій значеніе государственнаго герба **).

Однако, остается замѣтить, что значительное число сохранившихся полковыхъ знаменъ не имѣютъ изображенія орла. Середину занимаетъ овалъ, образуемый золотымъ, серебрянымъ или цвѣтнымъ жгутомъ, внизу подвѣшенъ медальонъ съ Андреевскимъ крестомъ; возлѣ послѣдняго — корона съ буквами S. A. (Sanctus Andreas), глава св. Андрея и двуглавые орлы. Въ овалѣ же изображены изъ голубой матеріи облака съ простертою изъ нихъ рукою, которая держитъ за золотую рукоятку опущенный внизъ мечъ. Овалъ обыкновенно окружался пальмовыми вѣтвями.

Въ заключеніе остается сказать, что послѣ 1711 года не встрѣчается общихъ распоряженій относительно постройки знаменъ. Лишь въ табели 1720 года ***) среди аммуничныхъ вещей на роту подъ номеромъ первымъ помѣщено „знамя здротикомъ и счехломъ“, при чемъ цѣна

*) Въ Артиллерійскомъ Музеѣ ихъ имѣется значительное число.

**) Изображеніе двуглаваго орла съ опущенными распластанными крыльями и съ короной на каждой головѣ было принято въ 1497 году. Болѣе существенное измѣненіе послѣдовало въ 1625 году, когда было введено изображеніе третьей большой короны надъ двумя меньшими. Въ 1667 году гербъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ подъ вліяніемъ выписаннаго изъ Австріи герольдмейстера Лаврентія Курелича, приблизившаго его къ современному типу. Петромъ Великимъ была учреждена особая герольдическая комиссія, въ составъ которой вошли Колычевъ и графъ Санти. Работа этой комиссіи, однако, была закончена уже при императорѣ Петрѣ II, при чемъ установлено было признать во всадникѣ древняго московскаго герба Георгія Побѣдоносца. Рисунокъ же былъ утвержденъ 10 июня 1728 года.

Характерной формой герба при Петрѣ Великомъ можетъ служить гербъ, висѣвшій надъ Военной Коллегіей и нынѣ хранимый въ Артиллерійскомъ Музеѣ.

***) Изъ вѣдомостей воинской комиссіи (опись № 121 Воен. Коллегіи, связка 15).

опредѣлена въ 2 руб. одинаково для ротъ драгунской и пѣхотной.

Можно еще указать на тотъ же 1720 годъ, когда видимо императоръ предполагалъ сдѣлать новыя распоряженія по постройкѣ знаменъ, такъ какъ въ мартѣ упомянутого года майору Глѣбовскому было написано *): „По полученіи сего вели срисовать на бумагѣ съ парадныхъ знаменъ нашего полку (Преображенскаго) съ чернаго, а не съ бѣлаго, всѣ фигуры, которыя на ономъ есть и прислать немедленно къ намъ съ добрымъ посланнымъ“. Но дальнѣйшихъ распоряженій не послѣдовало.

Сохранилось еще слѣдующее постановленіе Военной Коллегіи отъ 30 августа 1723 года **): „Приговорили согласно во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ знамена, у которыхъ были поля черныя, всѣ передѣлать и сдѣлать поля зеленыя съ надлежащими въ серединахъ гербами, кромѣ перваго бѣлаго знамени, которому быть по прежнему“.

Такимъ образомъ, до конца царствованія Петра Великаго не было установлено точныхъ правилъ о постройкѣ знаменъ. Изданныя распоряженія въ большинствѣ случаевъ имѣли частный характеръ.

Главная же и самая существенная разница заключалась въ томъ, что знамена лишены были того строго-религіознаго значенія, которое было за ними установлено во весь періодъ „московской“ Руси.

*) „Истор. л.-гв. Преображенскаго п.“, т. I, стр. 531—535.

**) „Связка опредѣленій и журналовъ за этотъ годъ“, стр. 440. На этомъ засѣданіи Коллегіи присутствовали: президентъ свѣтл. князь Меншиковъ, г.-л. Лесли, г.-м. князь Есиповъ, бригадиры Лихаревъ, Румянцевъ и полковники Секиотовъ, Карауловъ.

Г Л А В А Х Х I .

Постановленія «Устава» о знаменахъ.—Обязанности и права прапорщиковъ.—
Случаи выдачи казакамъ знаменъ въ XVIII столѣтіи при Петрѣ Великомъ.

ВЗГЛЯДЪ на значеніе знаменъ въ полкахъ былъ установленъ „Уставомъ воинскимъ“, утвержденнымъ Государемъ въ Дрезденѣ 30 марта 1716 года.

Этотъ уставъ состоялъ изъ слѣдующихъ трехъ частей, первоначально названныхъ книгами: 1-я—Уставъ воинскій о должности генераловъ, фельд-маршаловъ и т. п., 2-я—Артикуль воинскій съ толкованіями и процессомъ *) и 3-я—О экзерциціи и приготовленіи къ маршу. (1)

Впервые указаннымъ „Уставомъ“ была установлена встрѣча монарховъ съ салютомъ знаменемъ, при чемъ оеобѣ коронованной „прапорщики уклоняють распущенные знамена до земли и снимають потомъ шляпи; некоро-

*) Составленъ главнымъ образомъ по шведскому военному артикулу, дополненному статьями изъ другихъ иностранныхъ законодательствъ („Воен. Зак. Петра Вел.“, Бобровскій, стр. 71). Морской уставъ былъ изданъ въ 1720 году.

нованной же особѣ, а также полномочнымъ посламъ—знамя не уклоняютъ, но только офицеры ружьемъ“.

Относительно карауловъ было установлено, что „капитанъ всегда повиненъ ходить на караулъ съ ротою и съ знаменемъ, по случаю же и безъ знамени, однако не меньше 60 человекъ“.

На такой караулъ имѣлъ право „генераль-аншеферъ,“ но при присутствіи въ томъ же пунктѣ Государя караулъ уже долженъ былъ заступать безъ знамени.

При движеніяхъ съ распущенными знаменами офицеры должны были быть „съ своимъ ружьемъ, и ружье у солдатъ на плечѣ и въ барабаны бить походъ и музыкѣ играть“. Если же знамена въ чехлѣ, то тогда „ружье офицерамъ отдать своимъ слугамъ, и въ полѣ идти пѣшимъ или на лошади“, при чемъ указывалось, что при выступленіи съ квартиръ и при прибытіи на нихъ знамена должны быть распущены. То же соблюдалось и при бытіи въ лагерѣ, гдѣ „штабъ и оберъ-офицеры и при нихъ барабанщикъ идутъ къ мѣсту, гдѣ будутъ знамена“ и ихъ завертываютъ при боѣ барабанщиками дробіи.

При развернутомъ строѣ баталіона или полка указывалось: „штабъ-офицеры передъ знамены, и маіоръ на лошади поблизку съ лѣвой стороны, мало отдаляясь назадъ; а оберъ-офицеры всѣ въ одну шеренгу всякой передъ своею ротою; о срединѣ капитанъ, справа поручикъ, слѣва подпоручикъ и прапорщикъ при знаменахъ; а гобоисты подъ знамены позади барабанщиковъ“. Съ началомъ „полковыхъ экзерцицій“ знамена относились прапорщиками за заднюю шеренгу. Дѣлалось это по командѣ маіора „знамена за полкъ, а офицеры на свои мѣста“.

Когда во время похода „высшій командиръ господинъ генераль-фельдмаршалъ или господинъ генераль-аншеферъ будетъ маршировать мимо полка“, знамена распу-скались „съ барабаннымъ боемъ и съ игранною музыкою“.

Пароли и приказъ принимали маіоры, которые передавали полученное сначала полковнику, а потомъ полк

вому адъютанту. Послѣдній, записавъ, сообщаетъ переданное ему полуполковнику, второму маіору и сержантамъ у знамени, „охраня карауломъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, дабы никто близь не ходилъ и не слыхалъ“.

Знамя ввѣрялось прапорщику *). Онъ долженъ былъ „на караулѣ всегда у своего знамени обрѣтаться и въ бою не надлежитъ ему знамя свое оставлять подъ смертною казнью“. При нападеніяхъ же долженъ былъ знамя держать въ лѣвой рукѣ, а правою рукою обороняться „даже до смерти, не оставляя онаго, понеже вся рота при немъ содержится и того ради надлежитъ ему въ томъ при знамени присягу чинить“. Далѣе для прапорщика устанавливалось: „егда опасной случай въ ретирадѣ учинится, тогда знамя отъ древка отодратъ надлежитъ и у себя схоронить или около себя обвить, и тако себя со онымъ спастъ“.

Подпрапорщикъ замѣшалъ прапорщика тогда, когда послѣдній „раненъ будетъ и не можетъ болѣ знамя нести“. Въмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось, что подпрапорщикъ „знамя носить обыкновенно, кромѣ бою и публики; а особливо ему въ бою во всѣхъ случаяхъ прапорщика при прапорѣ оставлять отнюдь не подобно“.

Жестокое наказаніе грозило не одному прапорщику за оставленіе знамени, такъ какъ 94 артикулъ устанавливалъ: „Которыя стоя предъ непріателемъ или въ акціи, уйдуть, и знамя свое или штандартъ до послѣдней капли крови оборонять не будутъ: оныя имѣютъ шельмованы быть, а когда поймаются, убиты будутъ: или ежели возможно, въ роту или полкъ отданы, и тамо безъ процессу на первомъ древѣ, которое случится повѣшаны быть“ **).

*) Ему вмѣнялось въ обязанность: „великую любовь къ солдатамъ имѣть, и егда они въ наказаніе впадутъ, тогда ему объ нихъ бить челомъ вольно“.

**) Этотъ артикулъ былъ поясненъ слѣдующимъ толкованіемъ: „Понеже кто знамя свое или штандартъ до послѣдняго часу своей жизни не оборонитъ, оный недостоинъ быть, чтобъ онъ имя солдата имѣлъ; но ежели кто будетъ раненъ или боленъ, тогда можетъ онъ о томъ своему офицеру возвѣстить“

По „Уставу“ 1716 года трусость, выказанная въ бою цѣлою частью, наказывалась двойкою. Если она была вызвана начальными людьми, то послѣднимъ „шпага отъ палача преломлена, шельмованы, а потомъ повѣшены“. Если же оказали трусость и нижніе чины, то, по жребію, десятый долженъ быть повѣшенъ, а остальные „шпицъ-рутенами наказаны и сверхъ того безъ знаменъ внѣ обоза стоять имѣють, пока они храбрыми своими дѣлами паки заслужать“.

Въ заключеніе остается указать, что высшее наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ требованій Воинскаго Устава, съ уничтоженіемъ въ 1718 году Военнаго приказа, ввѣрено было Государственной Военной Коллеги, въ томъ же году учрежденной.

Объ изготовленіи знаменъ для казачьихъ войскъ въ началѣ XVIII столѣтія сохранилось очень мало свѣдѣній. Къ тому же число ихъ, выданное въ періодъ второй половины царствованія Петра Великаго, было очень ограничено.

Между прочимъ, можно указать на изготовленіе знаменъ въ 1705 году,—что подтверждается дѣлами и документами о денежныхъ расходахъ по Оружейной Палатѣ за этотъ годъ,—двухъ малыхъ, бѣлыхъ знаменъ для гетмана Мазепы. На этихъ знаменахъ было по государственному гербу, росписанному иконописцемъ Михаиломъ Чоглоковымъ.

Затѣмъ большихъ знаменъ гетманамъ во все остальное время царствованія Петра Великаго не посылалось, такъ какъ оставалось по 1730 годъ на службѣ знамя изъ „камки бѣлаго лудану“, построенное въ 1688 году и перешедшее отъ Мазепы къ гетману Скоропадскому.

и ободать, пока ему надлежащее позволеніе отлучиться дано будетъ; буде же найдется, что оный со страху большимъ притворился и офицера тѣмъ обманулъ, что его отпустилъ: то въ такомъ случаѣ можетъ вышепомянутый казнить достоинъ быть; а не смѣлые и боязливые, по изобрѣтенію дѣла и состоянію особъ, по благоизобрѣтенію суда, пощажены бывають“.

Можно еще отмѣтить посылку знаменъ въ Сѣчу Запорожскую *). Въ 1708 году туда, напимѣрь, было отправлено знамя розовой камки, опушенное серебряною бахрамою съ изображеніемъ двуглаваго орла, подъ которымъ находилась подпись:

«Славному Войску Запорожскому лѣта 1708 года» **).

Почти въ то же время, 21 февраля 1706 года, за поощреніе, оказанную фельдмаршалу Шереметеву при усмирении вспыхнушаго въ Астрахани мятежа, и войско Донское было пожаловано Петромъ Великимъ, вмѣстѣ съ другими клейнодами, однимъ большимъ войсковымъ знаменемъ и шестью малыми, станичными. Относительно послѣднихъ въ грамотѣ было сказано: „Да къ войсковымъ клейнотамъ, указали мы, Великій Государь, послать къ прибавку, къ нимъ же Атаманамъ и козакомъ, шесть знаменъ камчатыхъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ, станичныхъ“. Въ той же грамотѣ, кромѣ того, упоминалось: „Знамя большое, писанное на камкѣ золотомъ, и на тѣхъ воинскихъ клейнотахъ подписано имянно, что пожалованы они, Донскіе Атаманы и козаки, симъ нашимъ Великаго Государя жалованьемъ за вышеписанныя ихъ службы въ вѣчную немертвельную память потомкамъ ихъ“. (2)

Войскомъ Донскимъ было получено еще знамя въ 1722 году. Пожалованіе это въ грамотѣ было объяснено такъ: „Вѣрнымъ подданнымъ войску донскому, за оказанную имъ во время войны со шведами службу и для учиненнаго съ короною шведскою вѣчнаго мира“.

Этимъ, можно считать, и исчерпываются всѣ случаи пожалованія казакамъ знаменъ.

*) Если гетманы „Дибра обѣихъ сторонъ“ принимали сначала знамена только отъ королей польскихъ, а затѣмъ, послѣ присоединенія, отъ Государей Московскихъ, то кошевые атаманы Сѣчи довольно часто къ числу своихъ регалій причисляли и знамена, полученные отъ турецкихъ султановъ или крымскихъ хановъ. Въ 1669 году, напимѣрь, было получено отъ султана съ другими клейнодами и шелковое знамя съ изображеніемъ полумѣсяца.

***) „Старина малор., запор.“, Сементовскій, стр. 34—38.

Г Л А В А XXII.

Офицерскій знакъ, какъ первый знакъ отличія.—Описаніе указанныхъ знаковъ.— Медали; случаи выдачи.—Особья пожалованія.—Литавры; ихъ значеніе.— Порядокъ чествованія Петромъ графа Апраксина и его войска за взятіе Выборга.

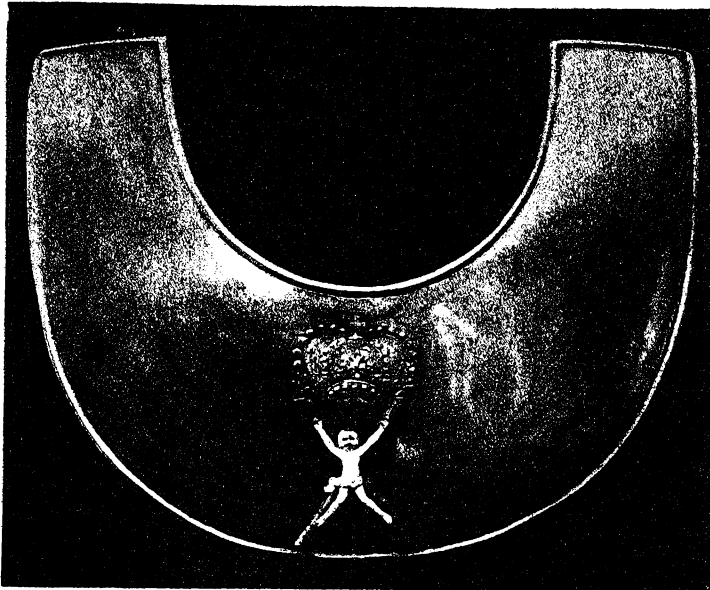
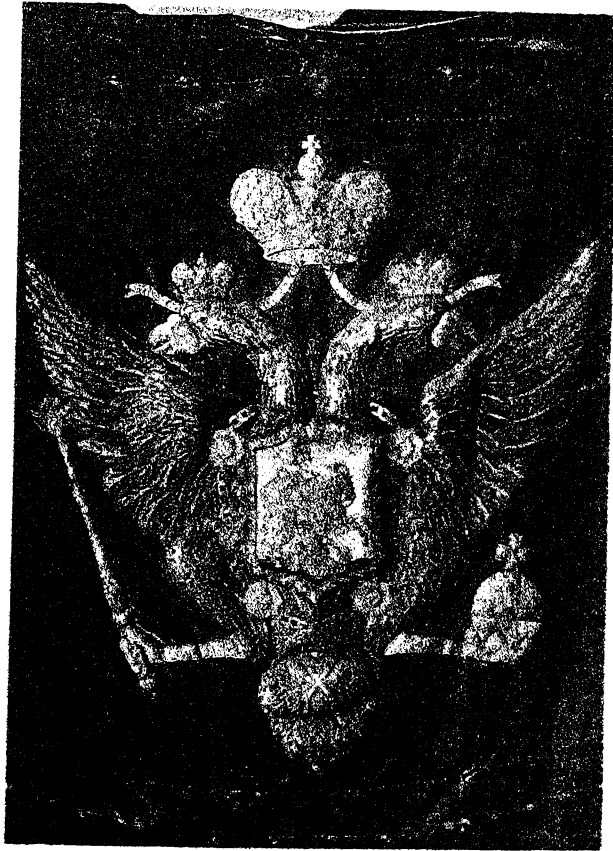

АЧАЛО пожалованія частямъ арміи знаковъ отличія, въ современномъ значеніи этого слова, относится къ 1700 году, когда оберъ-офицерамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, за выказанные ими подвиги храбрости въ бою подъ Нарвою 19 ноября, были даны Петромъ офицерскіе знаки съ надписью:

«1700 года 19 Но» *).

* В „Исторіи л.-гв. Семенов. полка“, составленной Диринымъ, указывается (стр. 52), что первоначально надпись была: „1700 года ноября 19-го за отличное мужество оберъ-офицеровъ сего полка въ сраженіи со шведскими войсками подъ крѣпостью Нарвою“. Карцевъ же въ своей „Исторіи“ того же полка объясняетъ, что офицерскіе знаки съ указанною надписью были присвоены однимъ оберъ-офицерамъ, такъ какъ въ Семеновскомъ полку подъ Нарвою находился лишь одинъ штабъ-офицеръ, полуполковникъ Павелъ Кунингамъ, убитый въ самомъ началѣ сраженія.

Не сохранилось указанія, получили ли знаки и офицеры бомбардирской роты („Л.-гв. Бомбардирская рота“, Гиппиусъ, стр. 167).

Государственный гербъ времени Петра Великаго и
Офицерскій знакъ, принадлежавшій Императору Петру I.

Собственно говоря, офицерскіе знаки *), весьма распространенные тогда въ войскахъ Запада, были полкамъ гвардіи присвоены, но какъ принадлежность формы одежды, раньше: можно думать, послѣ возвращенія Петра изъ перваго заграничнаго путешествія.

Эти знаки въ Преображенскомъ полку были съ изображеніемъ креста Андрея Первозваннаго изъ голубой эмали подъ разноцвѣтною короною. У оберъ-офицеровъ самые знаки были серебряные съ позолоченною вокругъ каемкою, а у штабъ-офицеровъ—сплошь золоченные **).

Послѣ 1700 года, съ присвоеніемъ указанной выше надписи, знаки ***) стали дѣлаться длиннѣе прежняго, съ золотымъ крестомъ, вмѣсто голубого, и съ двумя подъ нимъ золотыми лавровыми вѣтвями.

У штабъ-офицеровъ знаки остались по прежнему, безъ надписей, вызолоченными съ бѣлымъ финифтевымъ крестомъ.

Петръ же оставилъ свой знакъ въ первоначальномъ видѣ. Два экземпляра, принадлежавшіе Государю, сохранились, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ Петромъ въ знаменательный день Полтавской битвы ****).

Вторымъ установленнымъ затѣмъ отличіемъ, получившимъ нынѣ столь широкое примѣненіе, были медали.

Первоначально давались онѣ лишь отдѣльнымъ лицамъ. Напримѣръ, медаль получили въ 1702 году, за штурмъ

*) Наслѣдіе отъ прежнихъ панцирей. Въ своемъ первоначальномъ видѣ знаки (Hausse-col, Ringkragen) предназначались для защиты груди. Но затѣмъ постепенно уменьшались, перестали служить указанной цѣли, а стали одѣваться для обозначенія того, что офицеръ находится при исполненіи своихъ строевыхъ обязанностей.

Въ рассматриваемое время знаки имѣлись и въ польскихъ войскахъ, при чемъ на нихъ изображался ликъ Ченстоховской Божіей Матери („Царскосельск. музей“, Жиль, стр. 158).

**) „Истор. Преображ. пол.“, Азанчевскій, прилож., стр. 36—37.

***) Знаки носились на голубой лентѣ.

****) Одинъ изъ этихъ знаковъ, нѣсколько попорченный (отсутствуетъ корона), хранится въ Артиллерійскомъ Музеѣ, а другой въ магазинѣ образцовъ Главнаго Интендантскаго Управленія, замѣнившемъ собою упраздненный „Музеумъ“.

12 октября съ охотниками изъ гвардейскихъ полковъ крѣпости Нотебурга, князь М. М. Голицынъ *) и нѣкоторые другіе участники этого штурма.

Но первый случай собственно выбитія медали въ память одержанной побѣды относится къ предшествующему году. Сдѣлано это было послѣ первой побѣды надъ войсками Карла XII, одержанной при Эррестферфѣ.

Постепенно сфера пожалованія медалями, золотыми и серебряными, стала увеличиваться, а наступившіе успѣхи въ дѣлѣ борьбы со шведскими войсками давали тому многочисленные поводы. (1)

За Полтавскую побѣду уже всѣ офицеры гвардейскихъ полковъ, принимавшіе участіе въ сраженіи, получили по золотой медали**), а нижніе чины—по серебряной. Были награждены медалями и остальные участники славной „баталіи“. (2)

Однако, можно установить, что не всѣ жалуемые медали имѣли значеніе наружнаго знака отличія; нѣкоторыя изъ нихъ раздавались только для храненія въ память совершеннаго подвига. Но относительно упомянутыхъ выше медалей за Полтаву можно твердо установить, что онѣ были даны для ношенія въ кафтанныхъ петлицахъ ***).

Медали разсматриваемой категоріи обыкновенно имѣли на одной сторонѣ грудной портретъ Петра Великаго, а на другой—эмблему, относящуюся къ тому боевому успѣху, отмѣтить который хотѣлъ Петръ. Иногда подобныя изображенія помѣщались на обѣихъ сторонахъ. Напримѣръ, медаль, выбитая въ память взятія Ниеншанца, имѣла на одной сторонѣ изображеніе морскаго сраженія и руку съ

*) Сверхъ этого, ему за то же отличіе было пожаловано 3 тыс. руб. и 314 дворовъ крестьянъ („Истор. л.-гв. Семенов. п.“, Карцевъ, стр. 52—54.

**) Карцевъ въ своей „Истор. л.-гв. Семенов. пол.“ указываетъ (стр. 98), что офицеры этого полка получили еще портреты Государя, осыпанные брилліантами.

***) Жалованныя „деньги“ за боевыя отличія въ XVII столѣтіи такъ никогда не носились: онѣ нашивались на рукавъ или шапку.

коронной и пальмовою вѣтвью, выходящею изъ облака; кругомъ надпись:

«Небывалое бываетъ»;

на другой сторонѣ—планъ крѣпости и сидящій на батарее воинъ *).

О порядкѣ же изготовленія медалей можно судить по слѣдующему именному указу, данному 20 Юня 1719 года президенту Монетной канцеляріи: „По полученіи сего отпшите къ Москвѣ дабы въ монетномъ дворѣ сдѣлали немедленно монетъ (медалей) золотыхъ для раздачи морскимъ офицеромъ, которые взяли три Шведскіе воинскіе корабля Мая въ 24 день сего 1719 года, а именно числомъ всѣхъ 67 разныхъ сортовъ, и велите у всѣхъ сдѣлать на одной сторонѣ баталію морскую, а на другой сторонѣ обыкновенно Нашу Персону“ **).

Для высшихъ чиновъ самую выдающуюся наградою былъ орденъ Андрея Первозваннаго. (3)

Но это не исключало разнаго рода другія пожалованія.

Напримѣръ, бригадиру Балю за отличіе, выказанное при взятіи Эльбинга, былъ пожалованъ портретъ съ алмазами ***).

За побѣду при Гренгамѣ князь М. М. Голицынъ получилъ шпагу и трость, осыпанныя брилліантами, а майоръ Семеновскаго полка Шиповъ за сообщеніе о побѣдѣ былъ произведенъ, черезъ чинъ, въ полковники. Это, конечно, явилось особымъ исключеніемъ, хотя производство за отличіе непосредственно въ слѣдующій чинъ считалось уже къ концу царствованія Петра Великаго установившею наградою.

При Петрѣ значеніе современныхъ серебряныхъ трубъ приобрѣли литавры.

*) „Истор. 44 др. Нижегород. пол.“, Потто, т. I, стр. 12.

**) „Поли. Соб. Зак., т. V, ст. 3394.

***) „Журналъ Петра Вел.“, т. I, стр. 258.

Они жаловались, преимущественно изъ числа отбитыхъ у шведовъ, полкамъ, какъ награда за выказанное отличіе или какъ знакъ вниманія Царя къ полку.

Напримѣръ, литавры, отбитыя, какъ трофеи у шведскихъ войскъ послѣ Полтавскаго боя, были пожалованы Петромъ „генеральному шквдронѣ“ Меншикова. Когда же этотъ эскадронъ вошелъ въ составъ Лейбъ-Регимента, то литавры были переданы въ полкъ *). При Петрѣ серебряныя литавры получили еще въ 1722 году кавалергарды, принимавшіе участіе въ торжественномъ коронованіи Екатерины Алексѣевны.

Взглядъ на литавры, какъ на отличіе, присвоиваемое части, безъ сомнѣнія, былъ выработанъ подъ вліяніемъ шведской арміи, военначальники которой въ договорныхъ пунктахъ при капитуляціяхъ обыкновенно требовали свободнаго пропуска, кромѣ штандартовъ и распущенныхъ знаменъ, еще „литавры съ трубами и полною музыкою“ **)

Слѣдующее описаніе чествованія Петромъ графа Апраксина съ его войскомъ за взятіе въ 1710 году „на акордъ“ Выборгской крѣпости, наглядно рисуетъ тѣ заботы, которыя выказывалъ будущій Императоръ въ дѣлѣ поощренія своихъ сподвижниковъ за одержанныя побѣды.

Чествованіе ***) началось 15 іюня торжественнымъ въѣздомъ въ городъ. Впереди шла гренадерская рота Пре-

*) Эти литавры съ 1827 года находятся въ л.-гв. Конномъ полку. Они серебряныя со слѣдующею надписью на латинскомъ языкѣ: „за славную побѣду великаго короля Шведскаго Карла XII надъ поляками, саксонцами, татарами, валахами и другими чужеземными народами подъ Ключевымъ, въ Польшѣ, 1702 г.“ („Полтора вѣка Конной Гвардіи“, бар. Штакельбергъ, стр. 68—70).

Изъ приведенной надписи также видно, что и въ шведской арміи литавры не имѣли одного значенія музыкальнаго инструмента, а, напротивъ, причислялись къ тѣмъ пожалованіямъ, которыми ознаменовывались одержанныя побѣды.

***) Литавры были присвоены еще въ XVII столѣтіи коннымъ стрѣльцамъ и рейтарскимъ полкамъ. Съ образованіемъ регулярной арміи, они были оставлены въ драгунскихъ полкахъ, по одному на полкъ.

***) Подробности извлечены изъ документовъ, хранящихся въ Военно-Ученномъ Архивѣ Главнаго Штаба подъ №№ 11 и 12, отд. 2, шк. 1, пол. 4.

ображенскаго полка съ 12 трубачами и 4 парами литаврищиковъ. Затѣмъ въ шести закрытыхъ каретахъ сидѣлъ „генералитетъ“, а въ седьмой, открытой, ѣхалъ самъ Апраксинъ. За нимъ двигалась, посаженная на лошадей, гренадерская рота Семеновскаго полка.

Въ городскихъ воротахъ шествіе было встрѣчено комендантами, при чемъ на серебряномъ блюдѣ, при троекратномъ залпѣ изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій, были переданы ключи.

Послѣ этого шествіе продолжалось, и у городской гауптвахты Апраксина ожидала великая честь: самъ Петръ, въ мундирѣ Преображенскаго полка, стоялъ въ строю и отдалъ честь ружьемъ покорителю Выборга, поздравивъ его генераль-адмираломъ.

По достиженіи дворца, Апраксинъ, войдя въ него, занялъ въ тронной залѣ „королевскія кресла“ и еще разъ принялъ поздравленіе со взятіемъ крѣпости.

Въ это время былъ поднятъ царскій штандартъ на „ланкгерманъ“, а на всѣхъ воротахъ шведскіе львы были замѣнены русскими орлами.

Была поставлена походная церковь и отслуженъ благодарственный молебенъ, по окончаніи котораго Петръ еще разъ благодарилъ Апраксина и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Объденный столъ происходилъ въ шатрѣ генераль-адмирала, при чемъ всѣ штабъ-офицеры, участники одержанной побѣды, были также „пожалованы столомъ“. Послѣ перваго же тоста послѣдовало распоряженіе всѣмъ участникамъ, отъ генерала до рядового, выдать не въ зачетъ полугодовое жалованье. День закончился подсчитываніемъ взятыхъ трофеевъ *).

На другой день уже „Царское Величество изволилъ имѣть торжественный входъ въ Выборгскую крѣпость“, затѣмъ—водосвятіе съ окропленіемъ крѣпостныхъ стѣнъ и пожалованіе полковъ „питейнымъ погребомъ“.

*) Однихъ знаменъ и штандартовъ было взято 63.

18 іюня внонь было отслужено благодарственное мо-
лебствие за дарованную побѣду. Петръ еще разъ побла-
годарилъ войска, собственноручно надѣлъ на Апраксина
цѣль Андрея Первозваннаго, роздалъ генералитету деревни;
офицерамъ было указано сдѣлать золотыя медали, а ниж-
нимъ чинамъ—серебряныя.

19 числа торжества окончились принятіемъ „гвардіи
Преображенскаго полку“ баталіономъ взятыхъ знаменъ
для торжественнаго входа съ ними въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, взятіе Выборга было отпраздновано
съ большимъ торжествомъ, при чемъ Петръ, видимо, ста-
рался выдѣлать Апраксина и умалить свои дѣйствія,
какъ военначальника *).

*) Между тѣмъ, въ дѣйствительности, только благодаря Петру былъ одер-
жанъ успѣхъ надъ Выборгомъ. Такъ, самъ Царь провелъ среди льда флотъ къ
„Трагзунду“, при чемъ ночью Петръ шель впереди на простой шлюпкѣ, съ
которой посредствомъ фонаря, остальнымъ судамъ подавались соответствующіе
сигналы.

На „Трагзундѣ“ Петромъ были устроены, при его личномъ участіи, ба-
тарей для прегражденія шведскому флоту доступа къ Выборгу. Затѣмъ Петру
же принадлежитъ военная хитрость (выдача своихъ судовъ за шведскія), поз-
волившая провести флотъ подъ самыми крѣпостными стѣнами. Наконецъ, имъ
же даны были тѣ указанія къ веденію самой осады, которая черезъ 25 дней и
привели къ желанному успѣху.

Г Л А В А XXIII.

Характер пожалованій казачьихъ войскъ въ началѣ XVIII столѣтія. — Случаи выдачи серебряной посуды. — Выбитіе спеціальной медали. — Случаи выдачи грамотъ. — Клейноды. — Заключение.

ВЗГЛЯДЪ на казачьи войска и со сформированіемъ регулярной арміи почти не измѣнился, особенно въ началѣ XVIII столѣтія.

Петръ, занятый войною на сѣверѣ и устройствомъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ по берегамъ Балтійскаго моря, дорожилъ казачьими войсками, охранявшими южныя и восточныя границы государства отъ набѣговъ и разоренія со стороны крымцевъ, нагаевъ, башкировъ и другихъ „бусурманскихъ“ народовъ. Кромѣ того, Петръ видѣлъ въ казакахъ ту силу, при помощи которой онъ только могъ разсчитывать на выполненіе обширныхъ плановъ, имѣвшихъ конечною цѣлью приобрѣтеніе пути въ Индію и завоеваніе Кавказа. Поэтому Государь не только „по старинѣ“ щедро жаловалъ казачьи войска и ихъ начальниковъ, но и выказывалъ имъ иногда выдающееся вниманіе: вѣдь гетманъ Мазепа былъ первымъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго!

Характеръ пожалованій остался тотъ же самый, причѣмъ случаи выдачи серебряной посуды, преимущественно ковшей, даже увеличились. Такой посуды сохранилось очень много. Напримѣръ, въ собраніи русскаго стариннаго серебра Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича имѣется ковшъ *), со слѣдующею надписью:

«Пожаловалъ великій Государь Царь и великій князь Петръ Алексіевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ Зимовой станицы войскового атамана Лукіяна Максимова снмъ ковшомъ въ нынешнемъ 1700 году Мая въ 24 день».

Подобнымъ же ковшомъ, 10 ноября 1713 года, былъ пожалованъ Донской Легкой станицы атаманъ Оксенъ Волошанинъ „за службу ево“ **).

Вниманіе Петра къ казакамъ было настолько велико, что по окончаніи войны со шведами была выбита въ 1723 году для выдачи донцамъ особая медаль, имѣвшая на одной сторонѣ изображеніе Петра, а на другой—знакъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Конечно, особеннымъ вниманіемъ пользовалось Запорожское войско и ихъ гетманъ Мазепа. Послѣдній очень часто получалъ большіе подарки и жалованныя грамоты. Получало послѣднія и все войско; выдавались онѣ и отдѣльнымъ полкамъ: Напримѣръ, 28 февраля 1700 года особая грамота ***) была дана Бѣлгородскаго розряду „Харьковскому Черкасскому полку“, въ которой послѣ перечисленія правъ и обязанностей, между прочимъ, было сказано: „И о томъ имъ Стольнику ****) и Полковнику и Старшинѣ и козакомъ, дать нашу Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества сію милостивую грамоту, и будучи

*) Находился на выставкѣ древностей, бывшей въ 1897 году въ домѣ графа Строганова.

**) Послѣдняя надпись была обычная при пожалованіяхъ серебромъ атамановъ и другихъ начальныхъ людей казачьихъ войскъ.

***) „Полн. Собр. Зак.,“ т. IV, ст. 1771.

****) Этимъ званіемъ былъ пожалованъ полковникъ Ѳ. Г. Донецъ.

ему Стольнику и Полковнику въ томъ полку, и полку его всей старшинѣ и потомству, которые нынѣ и впредь въ томъ полку будутъ, видя къ себѣ Нашу Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества премногую и превысокую милость и жалованье, Намъ Великому Государю Нашему Царскому Величеству служили вѣрно“. (1)

Измѣна Мазепы и значительной части „старшины“ не измѣнила взгляда Царя на „вѣрное войско Запорожское“ и грамота, данная 1 ноября 1708 года на избраніе новаго гетмана, указывала на подтвержденіе прежнихъ правъ и привилегій войска *): „Нашимъ Царскаго Величества словомъ, всѣ вольности, права и привилегіи, которыя вы отъ времени принятія блаженные и достохвальныя памяти, Отца Нашего Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича подъ свою Великодержавную руку, Гетмана Богдана Хмѣльницкаго съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, и потомъ при Нашемъ Царскаго Величества Государствованіи, Гетманы и все войско имѣли свято ненарушимо и цѣло содержать, а васъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять и весь Малороссійскій народъ въ непримѣнной своей милости содержать“.

Это въ дѣйствительности и было исполнено особой грамотой **), переданной 5 января 1710 года въ Глуховѣ, въ присутствіи „министра“ князя Г. Ѳ. Долгорукова, новому гетману Скоропадскому.

Относительно клейнодъ въ грамотѣ было сказано: „Наше Царское Величество всемилостивѣйше соизволили и на томъ урядѣ утвердили и клейноды войсковые, булаву, знамя, бунчукъ и литавры, дать повелѣли“ и „Гетману войсковую армату или Артиллерію и клейноды, данныя при обираниіи имѣть такъ, какъ прежніе гетманы, въ вѣрности своей, къ Намъ бывшіе содержали“ (2). Также

*) „Полн. Собр. Зак.“, т. IV, ст. 2210.

**) *Idem*, ст. 2243.

сохранили свои булавы, перначи и шестоперы старшины Запорожскаго войска. Стали дѣлаться и эти малые клейноды довольно цѣнными: яблоки серебряныя, черены покрывались по бархату витымъ серебромъ и оканчивались серебряными поддонами.

Жаловалось и войско Донское, получившее въ 1704 году, за вѣрную службу, новую серебряную печать съ подписью

«печать Войска Донскаго»

и насѣку „вновь учиненную“.

Она была деревянная, оправленная съ обоихъ концовъ серебромъ, при чемъ на оправѣ была высѣчена подпись:

«насѣка Войска Донскаго 1704 года» (3).

Въ слѣдующемъ году донскіе атаманы и казаки получили, при просьбѣ „стоять вѣрно“ и не допускать на Донъ бѣглыхъ изъ Астрахани стрѣльцовъ, 20 тысячъ руб. денегъ и обѣщаніе „на знакъ потомству“ пожаловать „воинскими честными клейнотами“ *).

Переданы они были казакамъ въ 1706 году, при чемъ „войсковымъ Атаманомъ въ знакъ ихъ управленія Перначъ серебряной съ камнемъ золоченъ, Бунчукъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебряною золоченъ“. На клейнодахъ было подписано, что „пожалованы они, Донскіе Атаманы и Казаки симъ жалованіемъ за ихъ службу въ вѣчную неслетельную память потомкомъ ихъ“ **).

Это были первые клейноды, полученные донскими казаками, такъ какъ до этого времени они получали „съ Москвы“ лишь одни знамена.

*) „Матер. для истор. войска Донскаго“, Прянишниковъ, стр. 130.

***) Эти подлинныя перначъ и бунчукъ сгорѣли въ 1744 году и были возобновлены въ слѣдующемъ году.

Наконецъ, въ 1720 году войсковою атаманъ Василій Фроловъ, за поиски въ Азовъ и за походъ 1713 года въ Финляндію съ тысячею казаковъ, былъ особо пожалованъ: получилъ „Царскаго Величества портретъ съ алмазы“.

Сохранились клейноды и у Кошевого атамана.

Одна булава, изъ числа жалованныхъ начала XVIII столѣтія, хранится нынѣ въ Оружейной Палатѣ *).

Эта булава—мѣдная, позолоченная, яблоко большое, при чемъ вершина украшена большимъ хрусталемъ. Нижняя часть—витая, ложчатая, на шейкѣ—поясокъ, на которомъ въ двадцати одномъ гнѣздѣ вкраплены поддѣльные камни; на концѣ черена—гладкая шишка.

Заканчивая этимъ историческій очеркъ о регаліяхъ и знакахъ отличія русской арміи въ періоды великокняжеской и царской **), остается сказать, что изъ всего выше изложеннаго наглядно усматривается постепенное развитіе тѣхъ возрѣній, которыя затѣмъ установились на главныя регаліи—знамена.

Эти возрѣнія, значительно поколебленныя мѣропріятіями Великаго Преобразователя Россіи, въ періодъ реорганизациі древне-русской рати, опять въ значительной своей долѣ были возстановлены, какъ увидимъ вполнѣ въ послѣдствіи, съ восшествіемъ на престолъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, такъ какъ съ 1883 года за знаменами вновь вполнѣ признано значеніе «священной хоругви».

Съ другой стороны, видно, что изготовленіе знаменъ, передача ихъ въ войска, участіе на торжествахъ и т. п.,—точно опредѣлялись установленными обычаями и были сведены въ довольно строго установленную систему. Съ XVIII

*) Подъ № 5207.

**) Званіе „Императора“ было присвоено Петру въ концѣ его царствованія.

столѣтія эта древняя система была нарушена, а въ новой сразу не были установлены твердыя основанія. Явились же они лишь къ концу первой половины упомянутаго столѣтія.

Наконецъ, остается еще указать, что первый знакъ боевого отличія, въ современномъ значеніи этого слова, появился лишь въ 1700 году, т. е. со времени пожалованія надписи на офицерскіе знаки гвардейскихъ полковъ. То же значеніе, надо замѣтить, стали еще получать литавры. Впослѣдствіи они были отмѣнены, но прошедшая ихъ исторія показываетъ, что имъ вновь, по всей справедливости, можетъ быть присвоено значеніе такого же отличія, какое нынѣ установлено за серебряными трубами.

К О Н Е Ц Ъ.

ВЫНОСКИ

Г Л А В А I.

(1) „И видя Олегъ яко поиде стягъ Володимеръ, нача заходите въ тылъ его, и убоявся побѣже, и одолѣ Мстиславъ“.—„Приближающимся имъ къ Луцку и видящимъ стягъ отца своего, но и стягъ его видяху и не возволочень“ *).

(2) Regiae albae vexillae inscripta est Iosuae Hebraei imago illius, qui, ut sacrae referunt historiae, à Deo maximo longissimum diem, retardato solis cursu piis precibus imperatauit („Pavli Iovin Novocomensis episcopi etc Moschovia etc. Basilae 1571“, стр. 374).

Г Л А В А II.

(1) „Князь же великій, полцы урядивъ, поймъ брата своего князя Владимира и литовскіе князья и воеводы и вся мѣстные князи, вывѣха на высокое мѣсто, и видѣ образъ: святыи же Иисусъ воображенъ на хрестьянскихъ знаменіяхъ, аки солнце свѣтяшеса“. (стр. 42).

(2) „Древняго Лѣтописца“, часть II-ая, изд. 1775 года, стр. 304. Надо замѣтить, что часть первая издана Академіей Наукъ годомъ раньше и имѣетъ слѣдующую интересную дату: „По Высочайшему повелѣнію, преславнымъ сего 1774 года Іюля 10 дня заключеннымъ съ Турками миромъ возвеличившіяся Покровительницы и Залитницы Мусъ“.

(3) Книга № 143 года $\frac{7197}{1689}$ Московскаго Сенатскаго Разряднаго Архива заключаетъ въ себѣ слѣдующую записъ: „Ему жъ Ближнему Боярину и Обергетелю и Дворовому Воеводѣ Князю Василю Васильевичу (Голицыну) по ихъ Великихъ Государей милости, дано въ прошломъ 195 (1687) году изъ ихъ Великихъ Государей Самодержавныхъ рукъ ихъ Великихъ Государей Полковою знамя, на которомъ изображено лице Спасителя Нашего Господа Бога Иисуса Христа, съ которымъ знаменемъ предокъ ихъ, Государскій, блаженной памяти

*). „Ист. Вост.“, стр. 150 и 211.

Великій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи Самодержецъ побѣдиль многочисленные бусурманскіе народы, и покорилъ въ Россійскую Державу Казанское царство и нынѣ по ихъ Великихъ Государей указу у него ближняго Боярина и Оберетателя и Двороваго Воеводы Князя Василія Васильевича въ полку быть тому жъ Ихъ Великихъ Государей Полковому Знамени*.

Это же знамя участвовало въ Азовскомъ походѣ 1699 года, будучи выдано боярину Шенну. Затѣмъ въ 1701 году оно въ послѣдній разъ было выдано и находилось „въ свейскомъ походѣ съ Большимъ полкомъ Генераль-Фельдмаршала и военнаго кавалера Б. П. Шереметева“.

(4) „А воеводамъ въ полкахъ быти: большоу полку, да правая рука, да лѣвая рука, по мѣстамъ, а передовой полкъ да сторожевой полкъ меньше одного въ большомъ полку большего воеводы: а до правой руки и до лѣвой руки, и въ большомъ полку до другого воеводы дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣста* *).

Г Л А В А Ш.

(1) „А бывають Царскія знамена у самого въ полку и у бояръ большіе писаны и шиты золотомъ и серебромъ, на камкѣ Спасовъ образъ или какіе побѣдительныя чюдеса“.

(2) Напримѣръ, съ изображеніемъ Арх. Михаила на камкѣ знамени писалось: *„Небескаго Царя крѣпкій и сильный, стражный и грозный воевода, представитель престола величества вѣкъ Бога, и творитель воли Господни, и совершитель заповѣдей его, Архистратигъ Михаилъ всю вселенную прославляетъ, всюду готовъ храбрый на супостаты, не медля никогдаже, лукъ огнемъ посла, еже есть завѣтъ“*. При изображеніи Ангела Господня надписъ на камкѣ была уже слѣдующая: *„О Ангеле святой, прійди на помощь Благочестивому Царю нашему, и способствуй побѣдѣти враги видимые и невидимые“*. При изображеніи же св. Мучениковъ писалось: *„О страстотерпче Христовъ, прійди на помощь Благочестивому Царю нашему и способствуй побѣдѣти враги видимые и невидимые“*.

(3) Полное разнообразіе знаменъ въ иноземныхъ рѣчахъ подтверждаютъ слѣдующія выписки **):

Въ 1619 году Мая 24, ротмистру Ивану Барышевскому сдѣлано было знамя: середина въ дорогахъ котанскихъ черныхъ, крестъ въ дорогахъ кормазинныхъ, клинцы въ дорогахъ котанскихъ кормазинныхъ, и въ дорогахъ гиланскихъ желтыхъ: звѣзды такія же желтыя, опушка въ дорогахъ гиланскихъ бѣлыхъ.

1622 года Августа 23 дня, дано большимъ Нѣмцамъ въ роту, пятидесятнику Андрею Вуду съ товарищи, знамя—середина таѣта лазаревая; на ней навѣденъ поташью въ середина мѣсяць, подъ нимъ двѣ звѣзды репейчатые, кругомъ девять звѣздъ круглыхъ, патя таѣта бѣлая.

1632 года Генваря 31 дня, въ роту Лаврентья Кросовскаго по именному

*) 1-я допол. статья къ судебнику В. К. Іоанна Васильевича, напечатана подъ № 154 въ томъ 1-мъ „Акты историч. собр. и изд. Археогр. Комис.“.

**) Допол. къ III отд. „Древ. Рос. Гос.“, стр. 72 (выписки изъ столб. Арх. Оруж. Пал.).

приказу сдѣлано знамя: середина тафта кармазинъ, на немъ левъ съ мечемъ шиванъ тафты розныхъ цвѣтовъ, у него три яловицы—бѣлы, желты и зеленъ.

Эти трое знаменъ были построены для ротъ иноземцевъ стараго выѣзда. Слѣдующія же знамена были построены для тѣхъ ротмистровъ, которые приехали въ Москву съ цѣлыми отрядами охочихъ людей.

1626 года Юля въ 23 день, указалъ Государь сдѣлать на казенномъ дворѣ нововыѣзжимъ иноземцамъ, ротмистру Прокофью Кренскому, знамя въ тафтахъ розными цвѣты, а какъ дѣлать знамя Прокофій укажетъ самъ: да покромекъ велѣтъ выдать на чемоданъ.

1628 года Апрѣля въ 25 день, указалъ Государь выдать нововыѣзжимъ иноземцамъ, ротмистру Яну Воду знамя, середина тафта веницейка бѣла, на серединѣ крестъ, и опушка тафта веницейкакъ черна, чемоданъ изъ покромей червчатыхъ настрафильныхъ.

Бывали случаи и одной выдачи матеріи. Такъ, въ 1634 году Января въ 7 день, по указу Государя „отпущено въ иноземный приказъ 12 знаменъ тафты веницейки кармазину, а дана та тафта въ драгунскій Александровъ полкъ Гордона, на знамена“.

(4) Все изложенное подтверждается тѣмъ, что въ 1634 году войска, видимо иноземнаго строя, выставленныя для встрѣчи Турецкаго посольства при его торжественномъ въѣздѣ въ Москву, имѣли слѣдующія шесть знаменъ: главное, полковое—бѣлаго цвѣта съ двуглавымъ орломъ, подъ тремя коронами, въ лавровомъ вѣнкѣ; на трехъ голубыхъ—грифъ, улитка и рука съ мечемъ: на пятомъ, красномъ—была изображена голова Януса, а шестое, тоже красное, было совершенно безъ изображеній.

Очевидно, что тутъ московское правительство считало неудобнымъ встрѣчать „невѣрныхъ“ войсками русскаго строя, такъ какъ знамена послѣднихъ являлись вполне „христіанскимъ знаменіемъ“.

(5) Слѣдующая записка за 7123 годъ показываетъ количество лицъ, привлекавшихся въ началѣ царствованія Феодора Михайловича къ постройкѣ знаменъ: „иконописцамъ и знаменщикамъ 8-ми человекъ: Ивану Хворову, Ивану Пастину, Баженку Савину, Степану Михайлову, Григорію Ржевиту, Богдану Соболеву, травщику Насону Лазыреву да знаменщику Феодору Басову по 4 арш. сукна *).

(6) Это указано въ пунктѣ 13 описи 1638 года Оружейной казны Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руссїи. Въ же знамена тутъ описаны такъ:

1. Знамя а на немъ писано видѣніе Іванна Богослова по лазоревой тафтѣ.
2. Знамя а на немъ писано всепѣтая Мати Господня снебесными силами по лазоревой тафтѣ.
3. Знамя а на немъ писанъ нерукотворенный образъ Господень на червчатой тафтѣ.
4. Знамя а на немъ писано пречистые Богородицы Знаменіе по желтой тафтѣ.
5. Знамя а на немъ писана на одной сторонѣ Никола Чудотворецъ на другой сторонѣ Михаилъ Маленя по зеленой тафтѣ.

*) „Описан. книгъ и бумагъ старш. двор. прик.“, стр. 127.

6. Знамя а на немъ писано на одной сторонѣ мученикъ Георгій великіи да Дмитрій Седунскій на другой сторонѣ Борисъ и Глѣбъ на лазеревой таѣтъ.

7. Знамя а на немъ шито на одной сторонѣ три Святителіе Василій великїи, Григорей Богословъ Иванъ Златоустъ на другой сторонѣ три Святителіе Петръ, Алексѣй Иона Московскіе Чудотворцы по желтой таѣтъ.

8. Знамя а на немъ писано на одной сторонѣ Царь Константинъ на другой сторонѣ Царевичъ Дмитрей по зеленой таѣтъ.

9. Знамя а на немъ шито Нерукотворенный образъ Господи Нашего Исуса Христа схерувими золотомъ и серебромъ и шолки по лазеревой таѣтъ.

10. Знамя а на немъ шито Нерукотворенный образъ Господа Нашего Исуса Христа со ангелы по червчатой таѣтъ.

11. Знамя а немъ шито грозный воевода по червчатой таѣтъ.

12. Знамя а на немъ шито Михаилъ Архангелъ и противъ его Исусъ Навинъ золотомъ и серебромъ и шолки по алое таѣтъ.

13. Знамя Орель бѣлой камкъ словчикъ знамени мѣденой золочень.

14. Знамя шито по таусинной камкъ Спасовъ Образъ Еммануилъ дано изъ Государевы мастерские палаты принесе постельничей Лукіанъ Хрущовъ; 141 году Государю челомъ ударилъ тѣмъ знаменемъ Крутицкїй митрополитъ.

15. Знамя а на немъ шито по червчатой таѣтъ Благоверные Князи Благоверный Князь Владимиръ да Борисъ и Глѣбъ на конехъ при Государе Казеннаго двора далъ Гаврило Облезковъ во 141 году.

(7) „На Москвѣ по полкамъ назначены были за Москвою рѣкою воеводы: Князь Катыревъ-Ростовскїй, да князь Никита княжъ Петровъ сынъ Бяратинскїй; у Арбацкихъ воротъ стольники и воеводы князь Куракинъ, да князь Иванъ княжъ Петровъ сынъ Засѣкинъ“; у Стрѣтенскихъ воротъ стольникъ и воевода князь С. В. Прозоровскїй, да князь Семень княжъ Ивановъ сынъ Шаховской; да за Яузю И. В. Морозовъ да Борисъ Давыдовъ“. („Дворц. разр.“, т. I, стр. 353).

(8) „А въ Новгородѣ осталось съ Яковымъ, oprичъ Яковлева двора, королевскїй ротмистръ, а съ нимъ конныхъ сто пятьдесятъ человекъ да пять знаменъ пѣшихъ солдатъ, а подъ знаменемъ человекъ по сто и меньше“ („Акты Моск. Государ.“, т. I, № 78).

(9) „Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Фѣдоровича всеа русїи воеводѣ нашему Ильѣ Васильевичу Наумову.

„По нашему указу послано къ тебѣ съ яцкимъ атаманомъ, съ Анисимомъ Чертопрудомъ и съ казаки знамя дорогильное, да десять княжнскихъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а атаманъ Анисимъ Чертопрудъ съ товарищи тѣ знамена къ тебѣ привезетъ и ты бы тѣ знамена взялъ и роздалъ дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ, и казакомъ, которые съ тобою въ полку, по сотнямъ, да о томъ къ намъ отписать съ иными нашими дѣлами. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7142 года, генваря въ 21 д.“ („Акты Моск. Госуд.“, т. I, № 608).

(10) „Писали есте къ намъ, что росписали вы въ сотни дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ наше денежное жалованье дано, и сотенные головы и дворяне, и дѣти-боярскіе бьютъ намъ челомъ, что у нихъ въ сотняхъ знаменъ нѣтъ и о томъ бы велѣти вамъ указъ учинить. И по нашему указу послано къ вамъ съ перемышльскимъ казакомъ съ Андрюшкою Петровымъ семь знаменъ княжнскихъ розными цвѣты; и какъ пушкарь Андрюшка къ вамъ знамена привезетъ и вы бѣ у него знамена взяли и головамъ тѣ знамена раздали, да о томъ къ намъ отписали. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7142 генваря въ 16 д.“ („Акт. Моск. Госуд.“, т. I, № 606).

(11) Въ Государевой граматѣ отъ 29 Августа 1629 года, Переславль-Рязанскому воеводѣ князю А. И. Солнцеву между прочимъ, было написано:

„Да Захарій же и Василій и Григорій били намъ челомъ, а сказали, что напередъ де сего при прежнихъ воеводахъ и при тебѣ они и въ ихъ версту на вѣсти не посылаваны и знамени не важивали, а нынѣ де его Василья, написать ты знамя возить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Захарій Колеминъ съ братьею на нашу службу въ Переславль прїѣдутъ, и ты бѣ имъ велѣлъ быть на нашей службѣ съ собою по прежнему, а наказанья имъ никакого дѣлать не велѣлъ, потому что имъ наказанье учинено на Москвѣ; а на вѣсти Захара и Василья и Григорья не велѣлъ посылати и къ знамени писати: будетъ они въ версту напередъ сего на вѣсти не посылаваны и у знамени не бывали“.

Г Л А В А IV.

(1) Далѣе тамъ же записано:

„Вкаймѣ вначалѣ вверху надъ Рождествомъ подписано во дну сторону.

Написася иногда состарцомъ Юснѣомъ яко отсѣмени Давидова ввнелиеме мариямъ вочревен осяще безсеменно рождество настаж время рождения мѣста небѣ обители но яко красна палата вертепъ Царице показася Христос рождаетца падшнїи хотя воскресити образъ.

Внизу покаймѣж подрождествомъ Христовымъ подписано воднуж сторону.

Веселитесь праведнїи небеса радуйтесь възиграйте горы Христу родшуся дѣва седит херувимомъ подобящеся носяще налоне Бога слово воплощенна пастырни рожденному дивятца волствы владыце дары приносятъ ангели воспеваютъ глаголюще непостижме Господи слава тебѣ.

Вверху надоткосомъ во всю сторону подписано водну строку.

Божию милостію мы Великнїи Государь Царь и Великнїи Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великнїи и малыя и бѣлыя Россїи и многнхъ Государствъ Государь и обладатель сповѣтннїи нашего Царскаго Величества подписано сие знамя лѣта 7162 году мѣсяца Апрѣля въ 23 день вдевятое лѣто Государства нашего и впервое лѣто рождения сына нашего благовѣрнаго Царевича и Великого Князя Алексѣя Алексѣевича всеа Россїи“.

Остальныя надшнїи на этомъ знамени описаны подобнымъ же манеромъ.

Г Л А В А V.

(1) Остатки эти, подъ № ССХСІІІ (группа XVI), хранятся въ Спб. Артиллерійскомъ Музеѣ и заключаются въ слѣдующемъ:

а) Часть знамени изъ коричневой шелковой матерїи, съ большимъ государственнымъ гербомъ на обѣихъ сторонахъ, около котораго помѣщены солнце въ видѣ лица и звѣзды. На обѣихъ сторонахъ сохранились надшнїи: 1) „при бытности во псковскомъ государствѣ ближняго околннчєво і воеводы і намєстнннка цѣ-

жегородскаго Петра Лавфѣвича опралина стоварыцы“ и 2) „строить сіи знамена
стодянкъ и полковникъ Иванъ Михайловичъ Коконкинъ Псковскихъ стрѣльцовъ
Перваго полку“.

б) Часть знамени, на которой сохранилась нижняя половина овальнаго
щита съ ризой и ступнями отъ неизвѣстнаго изображенія, по бокамъ котораго
два колѣна преклоненныхъ святыхъ; при одномъ—остатокъ надписи: „ . . . бный“.
Ниже овала помѣщена еще надпись: ля въ день него
околичного і воеводы ст лавфѣвича опралиина написано
сие знамя по обещанію новгородскаго розряду первой московской роты ротмистра
князя Михайлы менцерскаго вѣсть ротныхъ людей“. На другой сторонѣ знамени
остатки тѣхъ же изображеній: надъ однимъ изъ колѣнопреклоненныхъ
святыхъ видны буквы: „ іра“; ниже идетъ раздѣленная звѣздочками
надпись: „тебе тѣся благодатная“ „всякая тварь“— „анельски“—
„соборъ“.

в) Часть голубого шелковаго знамени, съ обѣихъ сторонъ котораго ликъ
Спасителя въ большую величину; надъ главой видны буквы *ис. хс.*, и въ сѣяніи
ωοΝ *).

г) Часть голубого шелковаго знамени, съ большимъ на обѣихъ сторонахъ
изображеніемъ образа знамени Божіей Матери: надъ главой Богородицы
буквы *mp*.

д) Нѣсколько лоскутковъ отъ голубого шелковаго знамени, на обѣихъ сторо-
нахъ котораго образъ Богородицы съ распростертыми руками и предвѣчнымъ
младенцемъ; надъ главой Спасителя: *ωοΝ*. Около главы Богоматери на одной
сторонѣ знамени слѣды латинскихъ буквъ, изъ которыхъ видны *N. s. r. i. v.*;
на другой—слѣды надписи славянскими буквами: „святы“.

е) Нѣсколько лоскутовъ отъ желтаго шелковаго знамени. На одной сто-
ронѣ изображенъ англійскій король Артуръ, на бѣломъ конѣ, со шпитомъ, на
которомъ виденъ образъ Богоматери; кругомъ Артура конные рыцари и выше
помѣщены слова „Артуръ крол“. На отдѣльномъ лоскутѣ остатки
надписи золотомъ: „Артуръ кроль Англи носилъ предсобою
мар . . . на которой“. На другой сторонѣ знамени изображенъ
скачущій на бѣломъ конѣ всадникъ, сопутствуемый свитою. Надъ нимъ, нѣ-
сколько выше, виденъ образъ Богоматери, а впереди—бѣгущіе татары; на обо-
ротѣ отдѣльнаго лоскута другая надпись: „ иль орды татареви, и
втой помогу Престолу Бци и запо Осодора Мчика, славное
ид втязство одержалъ“ **).

ж) Нѣсколько лоскутовъ отъ знамени, съ надписями изъ священнаго писанія и
двумя изображеніями Ангеловъ въ зеленыхъ одеждахъ съ красными отложными
выпушками у шей.

з) Нѣсколько лоскутовъ голубой и желтой шелковой матеріи отъ знамени
съ остатками изображенія звѣзды.

и) Часть знамени съ изображеніемъ благословляющаго младенца Спасителя,
держачаго въ лѣвой рукѣ свитокъ; у главы Спасителя буквы *ωοΝ*. Обратная
сторона такая же.

*) Суцій.

**) Описанные остатки знамени очень интересны. Видно это знамя принадлежало „инозем-
ному полку“, полковникъ котораго, выходящъ изъ Англии, и заказалъ его сдѣлать московскому,
мастеру, который, рисуя, по приказанію, короля Артура, не преминулъ, по обычаю, написать и ликъ
Богоматери.

(2) Болѣе наглядно о характерѣ сотенныхъ знаменъ Государева полка можно судить по слѣдующему подробному описанію всѣхъ знаменъ, служившихъ въ сотняхъ упомянутаго полка съ 1654 г. по 1664 г. *).

У СТОЛЬНИКОВЪ.

Въ 1 сотнѣ—знамя тафтяное, середина червчатая, опушка бѣлая; на немъ написанъ Архангелъ Михаилъ.

Во 2 сотнѣ—знамя тафтяное, середина бѣлая, опушка алая; на немъ написанъ Архангелъ Гавріилъ.

Въ 3 сотнѣ—знамя тафтяное, середина алая, опушка зеленая; на немъ написанъ Ангелъ Господень.

Въ 4 сотнѣ—знамя тафтяное, середина зеленая, опушка алая; на немъ написанъ св. мученикъ Димитрій селунскій.

У ДВОРЯНЪ.

Въ 1 сотнѣ—знамя тафтяное, середина лазоревая, опушка бѣлая; на немъ написаны св. великомученики Георгій и Димитрій селунскій.

Во 2 сотнѣ—знамя тафтяное, середина струйчатая тафта, опушка желтая; на немъ написанъ Иисусъ Навинъ, и другое знамя тафтяное, середина алая, опушка зеленая; на немъ написанъ св. Іоаннъ воинственникъ.

Въ 3 сотнѣ—знамя тафтяное, середина тафта алая, опушка бѣлая; на немъ написанъ св. мученикъ Феодоръ стратилатъ.

Въ 4 сотнѣ—знамя тафтяное, середина рудожелтая, опушка лазоревая; на немъ написанъ св. благовѣрный Царевичъ Димитрій.

Въ 5 сотнѣ—знамя тафтяное, середина багровая, опушка зеленая; на немъ св. мученикъ Уаръ; и другое знамя тафтяное, середина зеленая, опушка алая; на немъ св. мученикъ Логгинъ сотникъ.

Въ 6 сотнѣ—знамя тафтяное, середина брусничная, опушка желтая; на немъ св. благовѣрный князь Всеволодъ псковскій.

Въ 7 сотнѣ—знамя тафтяное, середина лазоревая, опушка песочнаго цвѣта; на немъ св. благовѣрный князь Довмонъ Псковскій.

У ЖИЛЬЦОВЪ.

Въ 1 сотнѣ—знамя тафтяное, середина черная, опушка желтая и бѣлая; на немъ св. благовѣрный князь Георгій владимірскій.

Во 2 сотнѣ—знамя по желтой, да по зеленой, да по черной краскамъ: писанъ св. мученикъ Іорестъ; опушка тафта брусничная.

Въ 3 сотнѣ—знамя, середина зеленая, опушка двоеличная; на немъ св. благовѣрный князь Василей ярославскій.

Въ 4 сотнѣ—знамя тафтяное, середина брусничная, опушка зеленая; на немъ св. благовѣрный Константинъ ярославскій.

Въ 5 сотнѣ—знамя, середина тафта двоеличная, опушка зеленая; на немъ св. мученикъ Андрей стратилатъ.

Въ 6 сотнѣ—знамя тафтяное, середина бѣлая, опушка желтая; на немъ св. благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій.

*) Дополн. къ III отдѣл. „Древ. Рос. Госуд.“, стр. 48—50.

Въ 7 сотнѣ—знамя тафтяное, середина лазоревая, опушка двоеличная; на немъ св. мученикъ Христофоръ.

Въ 8 сотнѣ—знамя тафтяное, середина рудожелтая, опушка осиновая; на немъ св. благовѣрный князь Глѣбъ.

Въ 9 сотнѣ—знамя тафтяное, середина лазоревая, опушка желтая; на немъ св. великомученикъ Ѳеодоръ Черниговскій.

Въ 10 сотнѣ—знамя тафтяное, середина дороги двоеличная, опушка тафта черная; на немъ св. царь Давидъ.

Въ 11 сотнѣ—знамя тафтяное, середина рудожелтая, опушка двоеличная; на немъ св. благовѣрный князь Ѳеодоръ смоленскій.

Въ 12 сотнѣ—знамя, середина и опушка двоеличная; на немъ св. мученикъ Авксентій.

Въ 13 сотнѣ—знамя, середина рудожелтая, опушка таусинная; на немъ св. благовѣрный князь Константинъ.

Въ 14 сотнѣ—знамя, середина тафта двоеличная, опушка зеленая; на немъ св. мученикъ Христовъ Никита.

Въ сотнѣ Коширянъ у головы Алексѣя Дмитріева сына Охотина-Плещеева,—знамя, середина обьяринная стручатая, опушка тафта двоеличная; на немъ св. мученикъ Трофимъ.

Во 2 сотнѣ Смолянъ у головы Никифора Прокофьева сына Воейкова,—знамя, середина камка зеленая, крестъ и опушка.

Въ 3 сотнѣ Смолянъ у головы Льва Прокофьева сына Ляпунова—въ дорожкахъ полосатыхъ, опушка тафта алая; на немъ св. мученикъ Трофимъ.

Въ 4 сотнѣ Смолянъ у головы Александра Данилова сына Леонтьева,—знамя, середина тафта таусиннаго цвѣта, опушка двоеличная; на немъ св. благовѣрный Великій князь Владиміръ.

Въ сотнѣ Коломничъ у головы Петра Послова сына Кондырева,—знамя, середина бѣлая, опушка брусничнаго цвѣта; на немъ св. благовѣрный Великій князь Михаилъ Черниговскій.

Въ сотнѣ Атемарцева у головы Никифора Матвѣева сына Толочанова,—знамя, середина тафта огненная, опушка тафта лазоревая.

Въ сотнѣ Донскихъ казаковъ у головы Невѣжи Дмитріева сына Самарина,—знамя, середина двоеличная, опушка тафта осиновый цвѣтъ; на немъ св. мученикъ Меркурій смоленскій.

У патріаршихъ дворянъ, въ сотнѣ головы Мойсея Иванова сына Еропкина,—знамя, на немъ писано, по миткалямъ, видѣніе св. благовѣрнаго царя Константина, по другую сторону—Архангелъ Михаилъ, въ подножіи Іисусъ Навинъ, опушка тафта червчатая.

Въ сотнѣ Арзамазской мордвы у головы Михаила Дмитріева,—знамя, середина тафта черная, крестъ и опушка тафта алая.

У Астраханскихъ мурзъ и татаръ, въ сотнѣ головы Василья Нанина,—знамя, середина камка черная, опушка бѣлая.

У Свіяжскихъ мурзъ *), въ сотнѣ стряпчаго Кирилы Панкратьева сына Пущева,—знамя, середина бѣлая, въ ней вышить репей тафтяной розныхъ цвѣтовъ, опушка тафта красная, клинцами.

Въ сотнѣ у сокольниковъ и стремянныхъ конюховъ,—знамя черной тафты, въ серединѣ вышита птица гамаюнъ, опушка тафта бѣлая.

*) Подъ Рязюю.

(3) По этому поводу воеводам посылались особые грамоты, в которых, между прочим, говорилось: „И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а которые стольники и стряпчѣе и дворяне и жильцы, того города помѣщики, и вотчинники того полку нынѣ въ томъ городѣ, и ты бы сказали; а того уѣзда во всѣ станы и волости, и въ ближніе и дальніе мѣста, въ помѣстья ихъ и въ вотчины, послать разсыльщиковъ наскоро; а вѣсть бы всѣмъ сказать, чтобы они къ тому сроку (который „учиненъ имъ стать на Москвѣ“) ѣхали, и для смотру съ собою имѣли платье, и орпамаки и кони“. Грамота обыкновенно оканчивалась угрозою „Государя быть въ жестокомъ наказаньѣ и въ великой опатѣ“ всѣмъ тѣмъ, которые „дуростью и самовольствомъ Государя указъ поставятъ въ ошлошку, и къ Москвѣ не прїѣдутъ, и людей, которые въ полковой службѣ написаны, съ собою не возмутъ, и у смотра сами и люди ихъ объявятся въ нѣтехъ“ („Дворц. разр.“, ч. III, стр. 540 и 1044).

Иногда же Государь указывалъ быть на смотру только тѣмъ чинамъ своего полка, которые проживали въ Москвѣ. Такіе смотры обыкновенно производились передъ прїѣздомъ иноземныхъ пословъ.

(4) Это знамя было построено въ 1653 году, съ откосомъ, изъ тафты червчатого цвѣта; по древку—2 арш. 2 верш., по верхней каймѣ—3 арш. 10 верш. и по нижней—1 арш. 6 верш. На серединѣ золотомъ, серебромъ и шелками вышитъ Нерукотворенный Образъ Господа нашего Иисуса Христа: на золотомъ вѣнцѣ вышито серебромъ Н. О. Ц, а надъ нимъ—ІС. ХС., подъ образомъ—золотомъ—„образъ Господень“. По сторонамъ лика Спасителя вышиты четыре херувима. Въ откосѣ же шесть шестокрылыхъ херувимовъ, вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками; между херувимовъ писаны золотомъ звѣзды.

Знамя это по приказанію боярина В. И. Морозова строилось въ Оружейной Палатѣ и сопровождало Алексѣя Михайловича въ походахъ подъ Смоленскъ, Вильно и Ригу.

(5) Съ особымъ почетомъ былъ встрѣченъ 7 февраля 1664 года Чарльзъ Говардъ, посоль „англійскаго короля Карлуса“, при чемъ предварительно, 3 февраля, Алексѣй Михайловичъ лично на полѣ у Дѣвичьяго монастыря произвелъ смотръ сотнямъ своего полка. Сохранилась слѣдующая ихъ роспись, изъ которой видно, что на смотру и на посольской встрѣчѣ были *):

1. У 1 сотни стольниковъ голова князь Михайло князь Андреевъ сынъ Голицынъ.

Знамя—середина тафта червчатая, опушка тафта бѣлая, на сторонѣ крестъ, на другой Архангелъ Михаилъ **).

2. У 2 сотни стольниковъ голова Никита Ивановъ сынъ Терентевъ.

Знамя—середина тафта брусничная, опушка тафта желтая, на сторонѣ крестъ, на другой Ангелъ Господень.

3. У 3 сотни стольниковъ голова Иванъ Васильевъ сынъ Бутурлинъ.

Знамя—середина тафта желтая, опушка тафта брусничная, на сторонѣ крестъ, на другой святой мученикъ Христовъ Димитрій селунскій.

4. У 1 сотни стряпчихъ голова князь Алексѣй князь Алексѣевъ сынъ Лыковъ.

Знамя—середина тафта двоеличный цвѣтъ, опушка тафта зеленая; на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Григорій страстотерпецъ.

5. У 2 сотни стряпчихъ голова князь Петръ князь Ивановъ сынъ Хованскій.

*) Арх. Москов. Оруж. Пал. Столъ 172 года, февраль.

**) Относительно каждой сотни есть указаніе: кто былъ „у знамени“.

Знамя—середина тафта мурай, зелена, опушка тафта двоеличная, шелкъ бѣль да аль, на сторонѣ крестъ, на другой мученикъ Христовъ Логгнй сотникъ, иже при крестѣ Господни.

6. У 3 сотни стряпчихъ голова князь Никита князь Семеновъ сынъ Урусовъ.

Знамя—середина тафта огненный цвѣтъ, опушка тафта желтая, на сторонѣ крестъ, на другой святой мученикъ Христовъ Иванъ воинственникъ.

7. У 4 сотни стряпчихъ голова Петръ Ивановъ сынъ Годуновъ.

Знамя—середина тафта таусинная, опушка тафта двоеличная, на сторонѣ крестъ, на другой Благовѣрный Великій князь Владиміръ.

8. У 5 сотни стряпчихъ голова князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Мясальскій-Колцовъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, опушка тафта бѣлая, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Теодоръ стратилать.

9. У 1 сотни дворянъ голова князь Петръ князь Семеновъ меньшей сынъ Прозоровскій.

Знамя—середина тафта свѣтложелтая, опушка тафта червчатая, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Мина.

10. У 2 сотни дворянъ князь Матвѣй князь Венедиктовъ сынъ Оболенскій.

Знамя—середина тафта таусинная, опушка тафта осинова, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Уаръ.

11. У 3 сотни дворянъ голова князь Семень князь Ивановъ сынъ Львовъ Глазунъ.

Знамя—середина тафта сахарная, опушка тафта брусничная, на сторонѣ крестъ, на другой святой великій князь Михаилъ черниговскій.

12. У 4 сотни дворянъ голова Максимъ Григорьевъ сынъ Ртищевъ.

Знамя—середина тафта темно-брусничная, опушка тафта двоеличная, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный великій князь Всеволодъ псковскій.

13. У 5 сотни дворянъ голова Григорій Теодоръ сынъ Бояшевъ.

Знамя—середина тафта лазоревая, опушка тафта сахарной цвѣтъ, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Домантъ псковскій.

14. У 6 сотни дворянъ голова Леонтій Степановъ сынъ Корсаковъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, опушка тафта лазоревая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Давидъ ярославскій.

15. У 1 сотни жильцовъ голова Андрей Ивановъ сынъ Колычовъ.

Знамя—середина тафта черная, опушка тафта бѣлая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Григорій владимірскій.

16. У 2 сотни жильцовъ голова Иванъ Теодоровъ сынъ Нащокинъ.

Знамя—середина тафта облачная, опушка тафта черная, на сторонѣ крестъ, на другой святой царь Давыдъ.

17. У 3 сотни жильцовъ голова Василій Микитинъ сынъ Панинъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, шелкъ зеленъ да желтъ, опушка тафта брусничная, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный великій князь Василей ярославскій.

18. У 4 сотни жильцовъ голова Андрей Теодоровъ сынъ Щепотевъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, шелкъ бѣль да червчатъ, опушка тафта двоеличная, шелкъ зеленъ да желтъ, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Константинъ ярославскій молодой.

19. У 5 сотни жильцовъ голова Михайло Ивановъ сынъ Еропкинъ.

Знамя—середина тафта лазоревая, опушка тафта двоеличная смирная, на сторонѣ крестъ, на другой св. великомученикъ Христофоръ.

20. У 6 сотни жильцовъ голова Иванъ Петровъ сынъ Лихаревъ.

Знамя—середина тафта двоеличная смирная, опушка тафта лазоревая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный великій князь Константинъ ярославской старый.

21. У 7 сотни жильцовъ голова Андрей Ильинъ сынъ Безобразовъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, опушка тафта бѣлая, на сторонѣ крестъ, на другой святой мученикъ Христовъ Андрей стратилать.

22. У 8 сотни жильцовъ Иванъ Θεодоровъ сынъ Давыдовъ.

Знамя—середина тафта ценнинная, опушка тафта двоеличная, шелкъ рудожелтъ да красный, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Θεодоръ Тиронъ.

23. У 9 сотни жильцовъ Офанасей Ивановъ сынъ Костюринъ.

Знамя—середина тафта ценнинная, опушка тафта рудожелтая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Борисъ.

24. У 10 сотни жильцовъ голова Иванъ Васильевъ сынъ Беклемишевъ.

Знамя—середина тафта рудожелтая, опушка тафта бѣлая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Глебъ.

25. У 11 сотни жильцовъ голова Иванъ Савиновъ сынъ Крюковъ.

Знамя—середина тафта желтая, опушка тафта лазоревая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный царевичъ Дмитрій.

26. У 12 сотни жильцовъ голова Тимофей Устиновъ сынъ Хруцовъ.

Знамя—середина тафта ценнинная, опушка тафта желтая, на сторонѣ крестъ, на другой благовѣрный князь Θεодоръ черниговскій.

27. У 13 сотни жильцовъ голова Андрей Ивановъ сынъ Спасителевъ.

Знамя—середина тафта осиновая, опушка тафта желтая, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Никита.

28. У 14 сотни жильцовъ голова Иванъ Исаевъ сынъ Протасевъ.

Знамя—середина дороги атласная, опушка тафта зеленая, на сторонѣ крестъ, на другой сторонѣ мученикъ Христовъ Прокопій.

29. У 1 сотни Володимерцевъ голова Борисъ Θεодоровичъ сынъ Нащокинъ.

Знамя—середина тафта осиновая, опушка тафта двоеличная смирная, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Христовъ Артемій.

30. У 2 сотни Володимерцовъ голова Григорій Дмитриевъ сынъ Овцынъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, шелкъ лазоревъ да рудожелтъ, опушка тафта свѣтло-осиновая, на сторонѣ крестъ, на другой св. Меркурій смоленскій.

31. У 1 сотни дворовыхъ людей голова Василій Петровъ сынъ Кикинъ.

Знамя—середина дороги облачная, шелкъ зеленъ да желтъ, опушка тафта двоеличная, на сторонѣ крестъ, на другой св. Исусъ Навинъ.

32. У 2 сотни дворовыхъ людей голова Θεодоръ Яковлевъ сынъ Выше-славцовъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, шелкъ желтъ да красенъ, опушка тафта двоеличная брусничная, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Авксентій.

33. У 3 сотни дворовыхъ людей голова Евдокимъ Савинъ сынъ Языковъ.

Знамя—середина дороги полосатое, опушка тафта лазоревая, на сторонѣ крестъ, на другой св. Иаковъ пермскій.

34. У 1 сотни Патріаршихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ голова Иванъ Алексеевъ сынъ Игнатевъ.

Знамя—середина тафта двоеличная, шелкъ зеленъ да лазоревъ, опушка тафта двоеличнаяжъ, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Василискъ.

35. У 2 сотни Патріаршихъ дворянъ голова Артемій Юрьевъ сынъ Колѣбякинъ.

Знамя—середина тафта двоеличная смирная, опушка тафта двоеличнаяж шелкъ вишневыи да желтъ, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Евстафій Плакѣда.

36. У 3 сотни Патріаршихъ дворянъ голова Григорій Михайловъ сынъ Шокуровъ.

Знамя—середина тафта лазоревая, опушка тафта двоеличная смирная, на сторонѣ крестъ, на другой св. мученикъ Мардарей.

Г Л А В А VI.

(1) Изложенные факты были отмѣчены слѣдующимъ, интереснымъ по своимъ подробностямъ, докладомъ *):

„Въ прошломъ въ 163 году государь указалъ быть на своей государевъ службѣ въ литовскомъ походѣ боярину и дворецкому и воеводамъ Василью Васильевичу Бутурлину съ товарищи. И въ Бѣлой Церкви у боярина и воеводы, у Василья Борисовича Шереметева, бояринъ и дворецкій, и воевода Василій Васильевичъ Бутурлинъ принялъ государево знамя съ древкомъ, на древкѣ крестъ серебрянъ—позолоченъ, да у боярина-жъ и воеводы у Василья Борисовича принять государевъ розрядный шатеръ суконный розные цвѣта, подложенъ крашениною лазоревую; да по книгамъ боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметева, каковы книги дьякъ Никита Головиннъ подалъ въ Бѣлой Церкви боярину и дворецкому, и воеводѣ Василью Васильевичу Бутурлину, за своею рукою написано: 26 знаменъ тафтяныхъ и дорогильныхъ, розные цвѣты, у сотенныхъ головъ, которые были въ полку боярина и воеводы у Василья Борисовича Шереметева; 10 знаменъ тафтяныхъ и дорогильныхъ, розные цвѣты, у сотенныхъ головъ, которые были въ полку боярина и воеводы у Василья Борисовича Шереметева; 10 знаменъ тафтяныхъ и дорогильныхъ, розныежъ цвѣты, у сотенныхъ головъ, что были въ полку у окольного и воеводы у Федора Васильевича Бутурлина; да у сотника стрѣлцаго, у Ивана Костюрина, остаточныхъ 4 знамени тафтяныхъ, 15 знаменъ киндячныхъ, 4 знамени крашенинныхъ розными цвѣты, да къ знаменамъ 18 чемодановъ суконныхъ, красныхъ и зеленыхъ и въ нынѣшнемъ во 164 году, Декабря въ 10 д., какъ бояринъ и дворецкій, и воевода В. В. Бутурлинъ съ товарищи шли съ государевы службы изъ польскихъ городовъ въ Кіевъ, и у сотенныхъ головъ принято въ Кіевѣ, тѣхъ знаменъ тафтяныхъ и дорогильныхъ розными цвѣтами 22 знамени ветчаныя, 16 чемодановъ суконныхъ розными цвѣты, 4 тока, 4 копейца желѣзныхъ. Да по приказу боярина и дворецкаго, и воеводы Василья Васильевича Бутурлина сдѣлано въ Сѣвску 8 знаменъ новыхъ камчатыхъ червчатыхъ, опушены камкою желтою, да знамя тафтяное червчатое, опушка тафта зеленая, и изъ тѣхъ новыхъ камчатыхъ знаменъ принято у сотенныхъ головъ 6 знаменъ камчатыхъ, 7-е тафтяное, да знамя камчатое у сотеннаго головы, у стряпчаго, у Андрея Спасителя не взято, что онъ въ Кіевѣ на съѣзжій дворъ не принесть; да знамя-жъ камчатое у сотеннаго головы, у почепца, у Ивана Васильева: изодрали на съемномъ бою поляки, какъ государевы ратные люди побили коруннаго гетмана Станислава Потоцкаго“.

*) „Акты Московскаго Госуд.“, Поповъ, т. II, 1656 г., № 795.

ГЛАВА VII.

(1) Въ 1670 году, 4 марта, Государемъ было указано „головъ Московскихъ стрѣльцовъ въ Ивановъ приказъ Лопатина, да въ Матвѣевъ приказъ Матюшкина, для своей великаго Государя службы, что имъ въ нынѣшнемъ въ 178 году, велѣно быть на службѣ съ приказы: Ивану на Царицынъ, а Матвѣю съ стольникомъ Петромъ Годуновымъ; написать въ ихъ приказы два знамя, противъ прошлаго 177 году, каковы писаны для Астраханскія службы, въ Дмитріевъ приказъ Полуехтова, да въ Алексѣевъ приказъ Соловцова, на одномъ Образъ Спасовъ нерукотворенный, а на другомъ Архистратига Михаила“ (Арх. Моск. Окруж. Пал., столб. 178 года, № 83).

(2) Подробности постройки головинныхъ знаменъ можно видѣть изъ слѣдующей выписи: 181 го. Марта 12 день по имянному Великаго Государя Царя і великаго Князя Алексѣя Михайловца всеа великиа и малыа ибѣлыя Росіи Самодержца указу бояринъ и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово приказалъ отослать изоружейные полаты встречецкой приказъ знамя таеянное старинное которое прислано 171 году изъ розряда а вмѣсто того знамени приказалъ здѣлать противъ тогожъ, а мѣрою то знамя длиною по верхней каймѣ несторонними каймами восемь аршинъ безчети шириною шесть аршинъ девять вершковъ искаймамижъ, каймы шириною по адиннадцати вершковъ сыто, каймы таета черная середина таеянная розныхъ цвѣтовъ вбѣлой вшитъ крестъ длиною межъ каемъ шесть аршинъ счетью шириною межъ каемъ пять аршинъ тринадцать вершковъ сполувершкомъ сыто ширина кресту во всѣхъ рогахъ по адиннадцати вершковъ сполувершкомъ сыто межъ роговъ крестныхъ вшито таеянныя угольники дакайма цениннаго цвѣту со всѣхъ сторонъ шириною противъ крестажъ а промежъ тое ценинной таеты и каймы по всѣмъ угламъ вшита желтая таета длиною по всѣмъ угламъ по древку промежъ ценинной и каемъ по два аршина свершкомъ шириною по аршину по семи вершковъ а натоужъ знамени вверху подле каймы верхняа написано по желтой таетѣ правой стороны солнце золотомъ слѣвой луна серебромъ внизу противъ солнца и луны написано по такой же таетѣ по звѣздѣ серебряной случами по кресту вдлину написано пять звѣздъ болшихъ четыре среднихъ золотомъ случами покрестужъ вширину по знамени четыре звѣзды болшихъ тожъ число среднихъ написано золотомъ случамижъ по каймѣ кругомъ написано осмнадцать звѣздъ болшихъ и среднихъ случами серебромъ промежъ тѣми звѣздами осмнадцать же звѣздъ круглыхъ не болшихъ“.

При этомъ знамени древко было „писано“ (Прил. № 32 Допол. къ III отдѣл. „Древ. Рос. Госуд.“).

(3) Въ 1671 году въ Приказъ Большого двора изъ Оружейной Палаты, между прочимъ, въ солдатскіе полки было отпущено: „Знамя таеянное, червчатое; вверху отъ верхніе коймы всередине вшитъ таетами розными Апостолъ Вореоломей; наднимъ надписано полатыне Святыи Апостолъ Вореоломеюсъ; слова вшиты таеяные жолтые въ червчетую таету, посрединѣ знамени кругъ вшитъ таеты розные, внихъ подпись лѣта да годъ; койма таета желтая, да червчатая, вшивано волнами; длиною знамя четыре аршина пять вершковъ, шириною три аршина цолдесята вершка“.

Очевидно, что описанное знамя польскаго происхожденія.

Г Л А В А VIII.

(1) Въ день св. Пасхи 18 апрѣля 183 года, судя по „Росписи оружейнымъ и всякимъ подноснымъ дѣламъ“, стѣдующія знамени были „внесены наверхъ“: Знамена: знамя полковое писано по бѣлой камкѣ государскіе гербы, по каймамъ оружейная браня. Писать живописецъ Иванъ Безминовъ.

Сотенныя: четыре знамени писаны по разнымъ камкамъ, і втомъ числѣ:

На первомъ знамени царь Давидъ.

На второмъ знамени царевичъ Дмитрій.

На третьемъ знамени мученикъ Проконей.

На четвертомъ знамени Андрей стратилать, на другихъ сторонахъ писаны кресты о пяти степеняхъ, писать оны же Иванъ.

Пять знаменъ сотенныхъ же, писаны по разнымъ камкамъ, и втомъ числѣ:

На первомъ знамени написанъ Логинъ сотникъ иже при крестѣ Господне.

На второмъ знамени благовѣрный князь Домантъ псковскій.

На третьемъ знамени Архистратигъ Божій Михаилъ.

На четвертомъ знамени благовѣрный князь Георгій владимерскій.

На пятомъ знамени мученикъ Христовъ Савостіанъ.

На другихъ сторонахъ кресты о пяти степеняхъ, писать живописецъ Иванъ Богдановъ сынъ Салтановъ.

Два знамени сотенныя же писаны по разнымъ камкамъ, і втомъ числѣ:

На первомъ знамени написанъ мученикъ Христовъ Мардарей.

На другомъ знамени написанъ великій князь Василей ярославскій, на другихъ сторонахъ писаны кресты о пяти степеняхъ, писаль живописецъ Дорофей Ермолаевъ (прим. 225 къ допол. III отдѣл. „Древ. Рос. Госуд.“).

(2) „174 Октября въ 16 день Великій Государь Царь і Великіи князь Алексѣй Михаиловичъ веса великія і малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ здѣлавъ написать оруженной полате знамя противъ своего Великаго Государя знамени Спасова Образа Нерукотворенного которой бываетъ вшоходѣхъ переднимъ Великимъ Государемъ; а цвѣты середина тава бѣлая опушка тава алая соткосомъ длиною знамя верхней каймѣ пять аршинъ безтрехъ вершковъ по нижней каймѣ до откося аршинъ пять вершковъ шириною два аршина съчетью откося четыре аршина семь вершковъ Великаго Государя указъ приказалъ записать околиціи і оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; а что на знамени писать и тому подсимъ Великаго Государя указомъ росписъ“.

(3) Въ 181 Октября въ 27 день состоялся указъ великаго Государя о постройкѣ полковаго знамени изъ камки съ изображеніемъ „содной стороны посреди знамени живоначальную троицу вооблаче вмоленні по сторонамъ справую Иоанна предтечу Алексѣя челоуѣка божія Сергія Игумена Радонежскаго чудотворца, стѣвую сторону благовѣрныхъ Князеи Александра Невскаго, Бориса и Глѣба, подругой сторонѣ знамени написать Покровъ пресвятыя Богородицы со Апостолы; водкосе собѣихъ сторонъ Исуса Наввина; покаямамъ собѣ стороны тропари и кондаки“.

Въ исполненіе приведеннаго указа были допрошены „жалованные иконошцы“ Оружейной Палаты о количествѣ нужныхъ матеріаловъ.

Ими было указано, что, „надобно камокъ мѣрою бѣлой десять аршинъ рудожелтой десеть аршинъ безчети листоваго сусальнаго золота двѣ тысячі пятсотъ листовъ вгосудареву казенную мѣру багану виницѣйскаго полеунта белиль русскихихъ три ѳунта яри виницѣйской полеунта кинюварю ѳунтъ голубъ“.

цу доброго полеунта шишгилю тожь число шаэрану четь еунта вохры грецкой тожь число вохры немецкой три еунта зелени полеунта гульварбы два еунта сажн кувшинъ два еунта клею карлуку три гривенки меду патаки триста яиць свѣжихъ пятьдесятъ кистей мѣлкихъ тридцать кистей крупныхъ вращворку красокъ и чернилъ ведро вина вѣтошекъ на шесть алтынъ по четьре денги“ (прил. № 23 къ допол. III отд. „Древн. Россійск. Госуд.“).

(4) О разнообразіи же матерій и ихъ цѣнности въ разсматриваемое время можно судить по слѣдующей описи *):

Отласы турецкіе двойные: Отласъ по серебру круги большіе золотые, съ шолки: съ черленнымъ да съ зеленымъ, мѣрою 9 арш., цѣна 60 руб.

Объяри зол. и сер.: объярь по серебру травы золоты, съ шолки разныхъ цвѣтовъ, мѣрою 10 арш., цѣна 40 руб.

Камки кизыльбашскія, золотыя и безъ золота: камка по серебру травы золоты, разводъ шолкъ гвоздиченъ, мѣрою 7 арш., цѣна 25 руб., присланъ къ Государю въ дарѣхъ кизыльбашской шахъ Сеѣя во 147 году. Камка шолковая по рудожелтой землѣ травы шолкъ свѣтлодымчатъ.

Зуфи: желтыя, черленыя, темнозеленыя, багровыя, рудожелтыя, темнолимонныя черная (цѣна 6—30 алт. за арш.).

Байдереки: таусинный по 45 алт. за арш. и зеленый турецкій по 30 алт.

Тафта—венецкая: бѣлая, лазоревая. Тафты: шамская, турецкая, нѣмецкія узкія.

Дороги—толстыя—кармазинныя и свѣтлолазоревыя, катанскія, бѣлыя, алыя, турскія, гиланскія бѣлыя, двоеличныя и полосатыя меньшей руки, клѣтчатыя.

Кара—бѣлыя, цѣны три руб.

Сартату кизыльбашскаго, сырого шолку,—зелень съ полосками, съ черленымъ, по полтины арш.

Митхали—широкія и узкія.

Кисея и выбойка кисейная.

Фата байберекова.

(5) „167 года сентября въ 4 д. дано изъ Розряду стольнику и воеводѣ князю Александру Лобанову-Ростовскому для Тамбовской службы 8 знаменъ сотенныхъ, киндячныхъ разными цвѣты. А въ Розрядѣ въ Московскій столтъ знамена взяты въ Новгородскомъ у подъячаго у Федора Никитина. Государевъ указъ въ Розрядѣ сказалъ думный дякъ Семень Заборовскій; Митька Трофимовъ 8 знаменъ взялъ къ стольнику ко князю Александру Лобанову-Ростовскому и руку приложилъ“. (Москов. столтъ, стол. № 302—1, л. 24 **).

(6) О порядкѣ же самого роспуска войска можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ граматы, данной 23 сентября 1677 года ***) князю Голицыну „съ товарищи“, находившемуся сначала за Днѣпромъ „для провѣдыванія про Турецкія и Татарскія войска и для промыслу надъ ними“, а затѣмъ „съ полкомъ“ отошедшему къ Путнвлю:

„А какъ по подлиннымъ вѣстямъ и по твоему Боярина Нашего и Воеводы разсмотрѣнію, Нашимъ Великого Государя ратнымъ людямъ время отпуску приспѣтъ, и ты бѣ Бояринъ Нашъ и Воевода князь Василій Василавичъ полку своего, Нашихъ великого Государя ратныхъ людей Стольниковъ и

*) „Описан. зап. кн. и бум. стар. двор. прик.“, Викторовъ, стр. 23.

**) „Акты Москов. Гос.“, Поповъ, т. II, стр. 621.

***) „Полн. Собр. Зак.“, т. II, ст. 706.

стриячихъ и Дворянъ Московскихъ и жильцовъ, городовыхъ Дворянъ и дѣтей Боярскихъ и Новокрещеновъ и Бѣлозерцовъ, и иныхъ по разрядному списку, а рейтарскихъ полковъ и смоленской шляхты полковниковъ и Начальныхъ людей и ихъ полковъ шляхты, и рейтаровъ, и драгуновъ, и даточныхъ *), по спискамъ каковы посланы къ вамъ изъ иноземнаго и изъ Рейтарскаго приказовъ, изъ приказа жъ княжества Смоленскаго пересмотрѣли всѣхъ на лицо, и пересмотря объ отпускѣ ихъ съ Нашей Государевы службы учинили по сему Нашему Великому Государю указу, какъ о томъ писано выше сего, взявъ о непріятелискихъ силахъ самую прямую вѣдомость, и смотря по тамошнему и по своему разсмотрѣнію; а которые Наши государевы ратные люди по вашему смотру объявятся въ нѣтъхъ, и про тѣхъ нѣтчиковъ у смотря своего велѣли розыскать и обо всемъ объ нихъ учинить по показу и по Нашимъ Великому Государю указнымъ грамотамъ, каковы посланы къ вамъ изъ розряда напредъ сего. А это нмяны Московскихъ чиновъ городовые всякихъ чиновъ служилые люди по вашему смотру въ естехъ и въ нѣтъхъ объявятся, и что про нѣтчиковъ у смотру скажутъ: и вы бы то все велѣли смотру своего въ списку написать подлинною вѣдомостью и очищеніемъ, и который нарядъ былъ у васъ въ полку и въ стрѣлецкихъ приказѣхъ, и тотъ нарядъ весь и пушечные всякіе запасы велѣли бы еси ты Бояринъ Нашъ и воевода оставить въ Путивлѣ и отослать ихъ воеводѣ къ Стольнику Феодору Хрущову да къ дьяку Ивану Патрекеву съ памятью и отдать имъ то все съ роспискою; а отпустъ съ Нашей Государевы службы Нашихъ Государевыхъ ратныхъ людей, ты Бояринъ Нашъ и Воевода Князь Василій Васильевичъ съ товарищи своими ѣхали къ Намъ, Великому Государю, къ Москвѣ, про прїѣздъ свой велѣте сказать и смотру своего Нашихъ Государевыхъ ратныхъ людей списки и изъ нихъ перечневую выписку подать въ розрядъ Дьякомъ Нашимъ Думнымъ Василю Семеновичу да Петру Кавелину, да Феодору Шекловитому да Любиму Дашнину“.

(7) Изложенное подтверждается слѣдующими выписками изъ столбцовъ, нынѣ хранящихся въ архивѣ Оружейной Палаты:

„1658 года Юня—Государь указалъ казначею отпустить изъ казеннаго приказу въ Рейтарской приказъ къ знаменамъ на шнуры и на бахраму, четыре ансыря шолку краснаго да ансырь шолку бѣлаго добраго безденежно.

1660 Апрѣля 15 указалъ Государь взять изъ казеннаго приказа въ Рейтарской приказъ на три полка Стольника и Полковника въ Григорьевъ полкъ Тарбѣева стоварищи, рейтарскаго строю кзнаменамъ и кзавѣсамъ на бахрамы и на шнуры, шолку добраго розныхъ цвѣтовъ тринадцать еунтовъ безденежно.

Въ томъ же году, Мая въ 12 день, было указано взять изъ Казеннаго приказа въ Рейтарской приказъ „вновоприборные полки, къ рейтарскимъ къ пятидесяти къ четыремъ знаменамъ на звѣдки бѣлой камки три аршина безденежно“.

1664 года Марта 11 указалъ Государь дать изъ казеннаго приказа въ Феодоровъ приказъ Головленкова, къ знаменамъ вдобавку, дороги жолтыя, да двѣ дороги лазоревыя безденежно.

1665 года Марта въ 15 день Государь указалъ взять въ Стрѣлецкой приказъ въ Григорьевъ приказъ Остаѣева, да въ Ермолаевъ приказъ Боскакова, въ Борисовъ приказъ Бухвостова, въ Кузьминъ приказъ Хомутова, на тридцать

*) Уже это одно перечисленіе наглядно показываетъ все то разнообразіе въ вооруженныхъ силахъ, которое существовало во второй половинѣ XVII столѣтія.

на два знамени шестьдесят восьмеры дороги разных цвѣтовъ, червчатыхъ да лазоревыхъ, да рудожолтыхъ, да зеленыхъ изъ Казеннаго приказа безденежно“.

О выдачѣ же древокъ и гротниковъ въ тѣхъ же столбцахъ встрѣчаются слѣдующія записи:

„1664 года Декабря 13 по указу Государя отдано изъ Оружейной палаты врозрядъ шестьдесятъ древокъ писаны разными красками, да шестьдесятъ гротниковъ желѣзныхъ на копейное дѣло.

1671 года Сентября 17 по памяти изъ Стрѣleckаго приказа, отпушено изъ оружейнаго приказа въ Стрѣleckіи приказъ двадцать древокъ знаменныхъ безденежно“.

(8) Подробности знаменъ описаны такъ:

1. Знамя а на немъ писано видѣние Іванна Богослова по лазоревой таеѣ.

2. Знамя а на немъ писано всепѣтая Мати Господня съ небесными силами по лазоревой таеѣ.

3. Знамя а на немъ писанъ Нерукотворенный Образъ Господень по червчатой таеѣ.

4. Знамя а на немъ писано пречистые Богородицы Знамение по жолтой таеѣ.

5. Знамя а на немъ писано на одной сторонѣ Никола Чюдотворецъ на другой сторонѣ Михаилъ Маленнъ по зеленой таеѣ.

6. Знамя а на немъ писано на одной сторонѣ мученикъ Георгіи великнн да Дмитрей Солунскіи на другой сторонѣ Борисъ и Глѣбъ по лазоревой таеѣ.

7. Знамя а на немъ писано на одной сторонѣ три Святителие Василей великнн Григорей Богословъ Іванъ Златоустъ на другой сторонѣ три Святителие Петръ и Алексѣй Иона Московские Чюдотворцы по жолтой таеѣ.

8. Знамя а на немъ писано на одной сторонѣ Царь Константинъ на другой сторонѣ Царевичъ Дмитріи по зеленой таеѣ.

9. Знамя а на немъ шито Нерукотворенный Образъ Господа Нашего Иуса Христа схерувими золотомъ и серебромъ и шолки по лазоревой таеѣ.

10. Знамя а на немъ шито Нерукотвореннынъ Образъ Господа Нашего Иуса Христа со ангелы по червчатой таеѣ.

11. Знамя а на немъ писано грозный воевода по червчатой таеѣ.

12. Знамя а на немъ шито Михаилъ Архангелъ а противъ ево Иусъ Наввинъ золотомъ и серебромъ и шолки по алой таеѣ.

13. Знамя Орелъ по бѣлой камкѣ словчикъ знамени мѣденой золоченъ.

14. Знамя шито по таусинной камкѣ Спасовъ Образъ Еммануилъ дано изъ Государевы мастерские полаты принесъ постельничей Лукіанъ Хрущевъ: 141 году Государю челомъ ударилъ тѣмъ знаменемъ Крутицкой Митрополитъ.

15. Знамя а на немъ шито по червчатой таеѣ Благоверные Князи Благоверной князь Владимиръ да Борисъ и Глѣбъ на конехъ при Государе козенново двора дальъ Говрила Облезовъ во 141 году.

(9) Опись написана не въ столбцахъ, а книгою и имѣетъ слѣдующее интересное заглавіе: „Лѣта 7148 Генваря въ 22 день Государь Царь і великнн Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руснн, указаль Самоилу Івановичю Биркину да дьяку Тимоѣю Голосову переписать на Казенномъ дворѣ сваю Государеву і Государя Царевича Князя Олексѣя Михайловича казну, которую вѣдалъ дьякъ Говрило Облезовъ, а переписавъ и осмотра все на лицо, указаль Госу-

дарь отдать казначею Павлу Ивановичу Волынскому да дьякомъ Григорью Панкратову да Алмазу Иванову, і по Государеву Цареву і великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи указу, Самойло Ивановичъ Виркинъ да дьякъ Тимоѣѣй Голосовъ переписали на Казенномъ дворѣ в Государеве казнѣ Божіе милосердіе, образы и кресты і понагеи и мощи Святыхъ и церковное строенье и Государеву Цареву і великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи и Государя Царевича Князя Олексѣя Михайловича казну, которую вѣдалъ дьякъ Гаврило Облезовъ; а переписавъ и осмотра все на лицо отдали казначею Павлу Ивановичу Волынскому да дьякомъ Григорью Панкратову да Алмазу Иванову. А что Божія милосердія, образы и кресты и понагей и Мощей Святыхъ и церковнаго строения, і что Государевы Царевы і великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи і Государя Царевича Князя Олексѣя Михайловича козны по перепискѣ отдано, и что чему цѣна и что безцены, и то писано все вкнигѣ подлинно порознь по статьямъ“.

ГЛАВА ІХ.

(1) „Тыбъ (бояринъ и намѣстникъ астраханскій князь Одоевскій) къ нему Боярину Нашему и воеводѣ писать, чтобъ онъ образъ Спасовъ и полкъ, со всѣмъ по прежнему Нашему Великаго Государя указу, Боярину Нашему и Воеводѣ князю Юрью Алексѣевичу отдалъ подѣ Шкловомъ; а ему Боярину Нашему и воеводѣ Князю Юрью Алексѣевичу велѣно образъ Спасовъ и полкъ у него принять и за помощью Божіею надѣ Польскими и Литовскими людьми, промыслъ чинить, смотря по тамошнему, сколько милосердный Богъ, помощи подастъ *).

(2) Подробнаго описанія водосвятія и окропленія знаменъ въ день Богоявленія для періода царствованія Алексѣя Михайловича не сохранилось. Оно имѣется относительно поздняго времени, но, зная любовь упомянутаго царя къ пышности и торжественности, можно думать, что день Богоявленія и при Алексѣѣ Михайловичѣ праздновался подобнымъ же образомъ, какъ это описалъ Георгъ Корбъ въ своей книгѣ „*Diarium itineris in Mosioviam etc. descriptum a Joanne Gregorio Korb. p. t. Secretario oblegationis Caesareae, Anno MDCXCVII*“.

Корбъ, между прочимъ, на страницахъ 101—103 излагаетъ слѣдующее:

„Праздникъ Богоявленія Господня ознаменованъ былъ водосвятіемъ на рѣкѣ Неглинной. Это чрезвычайное, годовое, торжество Цесарское посольство смотрѣло изъ окна Посольскаго приказа, откуда ясно видно все теченіе рѣки. Назначенные въ строй полки вступили на рѣку, скованную зимнимъ холодомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: полкъ генерала Гордона открывалъ шествіе; полкъ Гордона былъ одѣтъ по новому въ богатое красное платье; передъ полкомъ Гордона слѣдовали царскіе тѣлохранители подѣ командою полковника Менезіуса; затѣмъ слѣдовалъ второй полкъ, называемый Преображенскимъ; цвѣтъ платья зеленый; въ этомъ полку Царь занималъ капитанское мѣсто; величественный ростъ Государя невольно привлекалъ вниманіе и вселялъ уваженіе. Далѣе слѣдовалъ третій полкъ, который зовется Семеновскимъ; маленькіе барабанщики шли передъ полкомъ, и разницею своего малаго роста съ громаднымъ ростомъ солдатъ придавали полку необычайный видъ; цвѣтъ платья былъ голубой. При полкахъ было по два хора музыкантовъ, человекъ по осемнадцати въ каждомъ. За Преображенскимъ полкомъ везли восемь, за прочими полками по шести пушекъ.

*) „Полн. Соб. Зак.“, т. I, ст. 361.

Начальные люди въ полкахъ были большею частію германцы по рожденію или по происхожденію. Мѣсто церемоніи устроено было на льду. Гордоновъ полкъ былъ поставленъ поперекъ рѣки выше, а Семеновскій полкъ поперекъ рѣки—ниже Иордани; Преображенскій полкъ занималъ мѣсто по теченію рѣки, прямо противъ Иордани; полкъ генерала Лефорта расположенъ былъ сзади Иордани; двѣ роты этого полка слѣдовали впереди шествія; двѣ другія, разставленныя по сторонамъ, сдерживали напоръ толпы. Шествіе открывали 12 земскихъ, пѣз Царскихъ дворовыхъ, разчищавшіе путь метлами; за ними шли 50 духовныхъ особъ, пономорей, иподіаконовъ, діаконовъ, священниковъ, епископовъ и архіепископовъ въ облаченіяхъ, присвоенныхъ званіямъ и богато украшенныхъ золотомъ, серебромъ и осыпанныхъ драгоценными каменьями,—приношеніями усердныхъ богомольцевъ; за ними несли крестъ, блестящій золотомъ, предъ крестомъ двѣнадцать причетниковъ несли фонари, въ которыхъ вставлено было по три восковыхъ, заженныхъ свѣчи. Невѣроятное множество народа, собравшагося со всѣхъ сторонъ, обставило всю площадь живою стѣною; вокругъ мѣста, назначеннаго для духовенства, передъ началомъ церемоніи, усердные поклонники ставили и зажигали множество восковыхъ свѣчей.

Въ виду мѣста, опредѣленнаго для совершенія обряда, воздвигнуть былъ каменный столбъ, на которомъ избранный Государемъ офицеръ держалъ царское знамя. Назначеніе держать знамя считается знакомъ особой милости царской, это доказывается тѣмъ, что удостоенному этой чести Государь жалуетъ, по обычаю, новое платье и нѣсколько золотыхъ. Царское знамя бѣлаго цвѣта на немъ вышитъ золотомъ орелъ. Знамя бываетъ свернуто до тѣхъ поръ, пока духовенство не вступитъ за рѣшетку, тогда его развертываютъ, и это служитъ знакомъ для начинанія обряда. Знакъ, поданный царскимъ знаменемъ, передаютъ войскамъ полковые знаменщики своими знаменами.

По окончаніи обряда освященія воды, всѣ знамена подходятъ къ проруби и становятся вокругъ рѣшетки, гдѣ Патріархъ кропитъ ихъ святою водою; окропивъ знамена, Патріархъ окропилъ духовенство и пѣвчихъ, потомъ Государя и войско. Въ заключеніе торжества Государь приказалъ войскамъ стрѣлять изъ орудій и изъ ружей⁴.

Къ этому описанію Корбомъ приложенъ и рисунокъ, на которомъ, между прочимъ, изображены войска, идущія церемоніальнымъ маршемъ, при нихъ знамя клиномъ и съ орломъ; позади слѣдуютъ пушки. Въ правомъ углу, сзади Иордани, имѣется шестисторонній столбъ, на верхней площадкѣ котораго стоитъ офицеръ со знаменемъ. Лѣвѣе столба—четыре пушки, снятыя съ передковъ; въ рѣкѣ купается народъ и два вершника, другіе два вершника скачутъ къ проруби.

(3) Такъ, въ челобитной владимірцевъ,—князя Семена Вяземскаго съ товарищами,—бывшихъ по выбору въ головахъ и у знаменъ, между прочимъ, упоминалось *):

„А по твоему государеву указу сказано намъ и въ Твоей Государевѣ грамотѣ написано, какъ намъ велѣно у того твоего государева дѣла въ головахъ и знаменщикахъ, что намъ передъ сотенными людьми къ твоей царской милости къ жалованью быть и въ укоризну и въ безчестье намъ того не ставить. И потому твоему государеву указу у того твоего государева дѣла мы были, и сотенные списки, и знамена приняли напередъ всѣхъ городовъ и своей братьи, которые были при нихъ городовъ въ головахъ, и знаменщикахъ, и на заставныхъ сторожахъ съ сотнями стояли по недѣли и больше по части“.

*) „Акты Москов. Госуд.“, т. II, 1649 г. № 403.

Челобитная, видимо, была уважена и при ней, по склейкамъ, имѣется помятка: „157 августа въ 30 д. Государь пожаловать за головодство и что были на тѣхъ службахъ въ знаменщикахъ, велѣтъ помѣстной придачи учинить по пятидесяти четьи, денегъ по 3 рубля“.

(4) Составитель самъ боялся, что указанный имъ фактъ можетъ повести къ уменьшенію лицъ, желающихъ идти въ прапорщики, а поэтому тутъ же оговаривается: „И сіе не для того пишу я, видимо, чтобы мнѣ тѣмъ кого хулите, и молодымъ приходящимъ прапорщикамъ не къ безчестію“. Въмѣстѣ съ тѣмъ упоминается, что „имъ столько хлопотъ и трудовъ не надобно, потому что новому прихожему прапорщику, которому ратное дѣло не самое за обычай, не только что тяжело всѣ статіи ратнаго обычая вѣдати, но и похвально, что его тогда мощно въ высокіе чины въ поручики или въ капитаны съ великою честью и почитаніемъ поставить“.

(5) Далѣе указывается, что та рота „гораздо устроена“,
Когда капитанъ печется о своихъ солдатахъ,
А поручикъ мудръ и разумень,
А прапорщикъ весель и мудръ.

(6) Затѣмъ приводится слѣдующее интересное поясненіе: „А въ угорской земли и во иныхъ мѣстѣхъ ведется, гдѣ знаменщика выше поручика почитаютъ, и то нестройство и мимо дѣла обычаи въ войнѣ отъ того пришло, что капитаны по начальникамъ или для своея прибыли, нѣкоторыхъ молодыхъ государычиковъ поставятъ, а иное и по неволѣ, и тѣхъ иное и капитаны, не токмо поручики милостивыми государи называютъ, и отъ того бываетъ, что инья капитаны свою достойную честь не теряютъ“.

Г л а в а X.

(1) Патрикъ Гордонъ передъ 1-мъ Крымскимъ походомъ со своимъ „полкомъ“ отдѣльно имѣлъ „торжественное шествіе“ въ Кремль, причѣмъ въ своемъ дневникѣ описываетъ его такъ: „Когда Гордонъ вошелъ въ Кремль, то по обычаю страны, въ присутствіи ихъ величествъ, снялъ головной уборъ, а поровнявшись съ окнами, гдѣ находились оба Государя, склонился на лѣвую сторону, вмѣстѣ съ несшими знамена, и отвѣвши три глубокихъ поклона. Всѣ же, которые были верхами, равно какъ и солдаты, проходили маршемъ, преклоняя распущенныя знамена. Государя передали благодарность черезъ государственнаго министра (Голицына). Полкъ прошелъ по Царскому Двору и вышелъ изъ Кремля въ тѣ же ворота, черезъ которые вошелъ. Отпустивши полкъ по своимъ квартирамъ, Гордонъ отправился во дворецъ, и здѣсь бояринъ выразилъ ему благодарность за хорошей порядокъ“ *).

(2) Относительно-же знамени въ Розрядѣ было записано **):

„Полковое знамя, на которомъ изображено лицо Спасителя нашего Господа Бога Иисуса Христа, съ которымъ знаменемъ блаженныя памяти Великій Госу-

*) „Истор. л.-гр. Эриванскаго пол.“, т. I, стр. 33.

**) „Дворц. разр.“, ч. IV, стр. 917—918.

даръ Царь и великій Князь Іоаннь Васильевичъ всеа Руссіи Самодержецъ побѣдилъ бусурманскіе народы и покорилъ въ русскую державу Казанское Царство, и по описанію то знамя камка луданная червчатая вшитъ образъ Спасовъ Емануилъ, бахрама золото пряденое, древко тощее, яблоко большое рѣзное, древко и яблоко позолочено сплошь; крестъ серебряный позолоченъ, втокъ, пряжка, и запряжникъ, и наконечникъ серебряной; на знамя чюшка алая англійскаго сукна“.

(3) Знамя въ этотъ разъ было описано слѣдующимъ образомъ: „Камчатное красное вшитъ по серединѣ образъ спасовъ Нерукотворенный шить золотомъ кругомъ знамени обшита бахрама золотая; къ тому знамени крестъ и втокъ серебряные крестъ золоченъ ко втоку тесма шолковая пряжка и наконечникъ серебряной, древко золочено сплошь чехоль сукна краснаго англійскаго“.

(4) Оно изъ красной камки, по древку—1 арш. 14 верш., по верхней каймѣ—4 арш., а по нижней—2 арш. 3 верш., по откосу—2 арш. 8 верш.

На серединѣ золотой двуглавый орелъ, парящій надъ моремъ, при чемъ у него на груди изображенъ Спаситель въ золотой ризѣ и въ Царскомъ вѣнцѣ, верхомъ на бѣломъ конѣ. Около главы Спасителя киноварью написано: „Слово Божіе“, на правомъ бедрѣ „Царь Царемъ и Господь Господемъ“; изъ устъ Спасителя исходитъ мечъ, остріе котораго мечеть молніи, на мечѣ надпись: „моостро мечь мой яко молнію“; по окружности же круга написано: „изъ устъ его изыде оружіе обоюднострое, еси побѣдити вся враги помазанника его видимья и невидимья“. Въ вѣхлы орла вложены хартіи съ надписями: „десница твоя, Господи прославися въ крѣпость“ и „и се вознесу главу мою на враги моя“. Орелъ въ своихъ лапахъ держитъ копыя, обвитыя хартіями съ надписями: „прими копіе святое, яко даръ отъ Бога“ и „да имже сокруши супостата своя“.

Выходящая изъ облака рука видѣется въ лѣвомъ углу знамени. На морѣ же справа изображены корабли подъ парусами, при чемъ на водѣ имѣется надпись „море“.

Апостолы Петръ и Павелъ изображены въ откосѣ на облакѣ; они держатъ камень вѣры, на которомъ написано „камень“. Вверху отверстие небо, и въ немъ св. Духъ въ видѣ голубя. Изъ устъ Апостоловъ исходятъ хартіи, на которыхъ надпись: „Господи спаси Царя и услыши ны“. Надъ камнемъ вѣры хартія съ надписью: „Се полагаю въ основаніе камень краеугольный да созиждится втрное мое Царство до окончанія вѣка“. Въ углу откоса три звѣзды, расположенныя по угламъ треугольника.

По каймѣ, въ самомъ углу у древка, имѣется четырехконечный крестъ въ кругу, отъ котораго надпись (уставомъ и вязью): „Пресвятѣйшаго великодержавнѣйшаго и богохранимаго монарха великаго“. По нижней каймѣ, у древка, имѣется такой же крестъ и надпись: „великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца“.

(5) Въ 1670 году въ Тамбовъ воеводоу былъ посланъ стольникъ Еремей Пашковъ и „для той службы дано ему знамя, середина камка червчатая, опушка камка желтая, на серединѣ крестъ камки зеленой“, къ знамени древко тощее, писано по золоту разными цвѣтными красками. Но и это было „взято изъ прежнихъ—ветхо“.

Надо замѣтить, что вмѣстѣ со знаменемъ упомянутый Пашковъ былъ еще пожалованъ слѣдующими тремя предметами: „Сабля полоса булатная, ножны покрыты чернымъ, крыжъ покрытъ ящеромъ бѣлымъ; оправа на ножнахъ мѣдная на Черкасское дѣло“.

„Копье турскаго дѣла по мѣстомъ позолочено; древко покрыто аспидомъ краснымъ“.

„Пищаль винтованная осмерикъ, стонокъ кленовой сроковиннами замокъ русова дѣла“ *).

(6) Это знамя было написано еще въ 1673 году живописцемъ Иваномъ Безминымъ.

Въ столбцахъ Архива Московской Оружейной Палаты **) оно было описано такъ:

„Знамя средина камка желтая на немъ написанъ животворящій крестъ Господень на пяти степеняхъ, крестъ копше і трость писаны золотомъ, подпись и степени и звѣзды писаны серебромъ: койма камка бѣлая; на верхней и на исподней коймѣ написано: се велне во бранехъ; писано противъ прежнихъ знаменъ; на другой стороне написанъ Святой Мученикъ Андрей Стратилата на конѣ, со крестомъ і с мечемъ, на вѣрхней и на нижней койме написано золотомъ: О страстотерпче Христовъ Андрей приди на помощь благочестивому Государю нашему Царю і великому Князю Алексѣю Михайловича всеа росні способствуй побѣдить враги его видимые и не видимые. По стороннымъ коймамъ на обѣихъ сторонахъ писаны травы и звѣзды золотомъ и серебромъ. Длина и шрина 2 арш. три вершка“.

(7) Дальнѣйшія подробности въ описаніи знамени слѣдующія: „Длинною знамя по верхней коймѣ четыре аршина съ вершкомъ, по нижней коймѣ до откосу аршинъ десять вершковъ, откосу длина три аршина съ четью, шириною два аршина три вершка скудно; къ томужъ знамени крестъ серебряной позолоченъ, а по вѣсу съ яблокомъ и съ трубкою тридцать два золотника; втокъ серебряный же, по вѣсу и съ оправою пятьдесятъ четыре золотника; тесма шелковая розныхъ цвѣтовъ; древко тощее, писано по золоту розными краски; сорочка сукна краснаго“.

Первая „служба“ этого знамени была въ Сѣвскѣ, „збояриномъ съ Петромъ Михайловичемъ Солтыковымъ“, который съ полкомъ былъ отправленъ въ указанный городъ „для береженія украинскихъ городовъ отъ приходу крымскихъ людей“ ***).

(8) Имѣется еще указаніе на изготовленіе особыхъ „змѣй“; а именно: „Для ратныхъ людей конюшеннаго чину, стремяныхъ и задворныхъ конюховъ, къ прежнимъ 64 змѣямъ и къ томужъ числу паръ крылей, здѣлано вновь 121 змѣя съ лопастями, и тожъ число паръ крылей нарядныхъ съ лопастями; да вновь здѣлано сто копей кумыцкихъ“.

Надо замѣтить, что къ концу XVII столѣтія выѣздъ сотенъ конюшеннаго чина былъ разный: задворные и стремянные конюха имѣли латные доспѣхи съ палашами; сотни сокольниковъ—кольчатые доспѣхи съ крыльями въ саадакахъ, щиты, сабли и копья „кумыцкія со змѣями“.

(9) Оружейной Палатой былъ составленъ слѣдующій подробный расчетъ, который въ то же время указываетъ расходъ сотенныхъ знаменъ въ послѣдніе годы ихъ существованія:

„А во 197 году въ отпуску было въ розрядѣ, для Крымскаго походу, 90 знаменъ сотенныхъ здревки и згротики, и счехлы и со втоки. И тѣхъ зна-

*) „Арх. Моск. Оруж. Пал.“, Стол. № 194.

**) 194 года Мая 5, № 175.

***) „Дворц. разр.“, ч. III, допол., стр. 245

мень прислано изъ розряду 77 знаменъ, и втомъ числѣ 9 знаменъ ветхихъ и впочинку не годятся, да 13 знаменъ послано на Самару; а древокъ къ нимъ не прислано. И изъ тѣхъ знаменъ взято въ походъ въ разныхъ числѣхъ 20 знаменъ, 47 гротиковъ, 32 втока, 30 чехловъ. А нынѣ тѣхъ знаменъ въ остаткѣ на лицо 48 знаменъ, 40 чехловъ, 45 втоковъ, 30 гротиковъ, да въ казнѣ 10 знаменъ писанныхъ“.

(10) На постройку этихъ 13 знаменъ изъ приказа Большой казны было выдано: „камокъ нѣмецкихъ розныхъ цвѣтовъ, бѣлой осиновою, цѣпниной, зеленой, рудожелтой 91 аршинъ, да сукна краснаго англискаго 10 аршинъ“.

На древки же было куплено „113 шестовъ еловыхъ сухихъ и розданы писать, по киноварю, сурикомъ съ розными цвѣтными краски“.

Гротики—желѣзные прорѣзные, остальные принадлежности—мѣдныя лужонья.

(11) Древки у этихъ знаменъ нѣсколько отличались. Объ изготовленіи же ихъ и принадлежностей къ нимъ сохранилась, между прочимъ, слѣдующая записъ, интересная, главнымъ образомъ, по тѣмъ цѣнамъ, которыя въ ней выставлены:

„Да повышеписанномужъ великаго Государя указу здѣлано кныешнимъ новымъ камчатымъ писанымъ і таянымъ неписанымъ всего къ тридцати пяти знаменамъ тридцать етоковъ мѣдныхъ спряжи иззапряжники і сноконечники луженыхъ насыромятныхъ ремняхъ датридцать же пять гротиковъ желѣзныхъ прорезныхъ скрестами лужонныхъже актому дѣлу куплено імастеромъ надѣльнаго дано кательнаго ряду торговому человекъу Борису Говрилову запятнатцать еунтовъ мѣди красной по три алтына за еунтъ ітого рубль одиннатцать алтынъ четыре денги да для лужения тѣхъ етоковъ кунганного дѣла мастеру Григорью Казаркину на олиу і нанашатырь і на смолу і на всякие припасы надельныхъ денегъ дано по ихъ скаске по четыре денги на етокъ і того дватцать три алтына две денги желѣзнаго прорезнаго дѣла мастеромъ Ивану Филипову стоварыщи на дѣло гротиковъ на полпуда желѣза сицкаго добраго дощатого каково имъ ктому дѣлу потребно по ихъ скаске по пяти денегъ на еунтъ ітого дватцать алтынъ да для пайки трубокъ і для лужения гротиковъ на мѣдъ і на олово і на смолу шесть алтынъ четыре денги сыромятнаго ряду торговому человекъу Григорью Васильеву за тридцать запяты ремней шивныхъ по осми денегъ заремь і того рубль тринадцать алтынъ две денги всего на дѣло етоковъ і гротиковъ куплено і мастеровымъ людемъ надельныхъ денегъ дано четыре рубли восемь алтынъ две денги“.

Самыя же древки были, какъ обыкновенно, осиновыя, но яблоки у нихъ—липовыя.

(12) Знамена Московскихъ стрѣлецкихъ полковъ къ 1680 году были довольно однообразны и отличались, главнымъ образомъ, лишь цвѣтомъ своихъ составныхъ частей. А именно:

Первый полкъ (платъе красное; петлицы малиновыя; шапка темносѣрая; сапоги желтые).—Егора Лутохина.

Знамя—кайма желтая; середина малиновая; крестъ бѣлый.

Второй полкъ (платъе свѣтлосѣрое; петлицы малиновыя; шапка малиновая; сапоги желтые).—Ивана Полтева.

Знамя—кайма желтая; середина свѣтлосѣрая; крестъ малиновый.

Третій полкъ (платъе свѣтлозеленое; петлицы малиновыя; шапка малиновая; сапоги желтые).—Василія Бухвостова.

Знамя—кайма бѣлая; середина свѣтлозеленая; крестъ малиновый.

Четвертый полкъ (платье клюквенное; петлицы черныя; шапка темносѣрая; сапоги желтые),—*Теодора Головлинскаго*.

Знамя—кайма бѣлая съ желтыми наугольниками; середина клюквенная; крестъ желтый.

Пятый полкъ (платье алое; петлицы темнокрасныя; шапка темносѣрая; сапоги желтые),—*Теодора Александрова*.

Знамя—кайма бѣлая со свѣтлосиними наугольниками; середина алая; крестъ желтый.

Шестой полкъ (платье желтое; петлицы темномалиновыя; шапка темносѣрая; сапоги красныя),—*Никифора Колобова*.

Знамя—кайма свѣтлозеленая съ бѣлыми наугольниками; середина желтая; крестъ темномалиновый.

Седьмой полкъ (платье свѣтлосинее; петлицы черныя; шапка малиновая; сапоги желтые),—*Степана Янова*.

Знамя—кайма черная съ желтыми наугольниками; середина свѣтлосиняя; крестъ желтый.

Восьмой полкъ (платье оранжевое; петлицы черныя; шапка вишневая; сапоги зеленые),—*Тимофея Полтева*.

Знамя—кайма зеленая; середина оранжевая; крестъ бѣлый.

Девятый полкъ (платье вишневое; петлицы черныя; шапка вишневая; сапоги желтые),—*Петра Лопухина*.

Знамя—кайма бѣло-желто-красная съ вишневыми наугольниками; середина вишневая; крестъ оранжевый.

Десятый полкъ (платье рудожелтое; петлицы малиновыя; шапка малиновая; сапоги зеленые),—*Теодора Лопухина*.

Знамя—кайма бѣлая съ зелеными наугольниками; середина рудожелтая съ двумя малиновыми и съ двумя бѣлыми звѣздами; крестъ черный.

Одиннадцатый полкъ (платье малиновое; петлицы черныя; шапка коричневая; сапоги желтые),—*Давыда Воронцова*.

Знамя—кайма бѣлая съ голубыми и желтыми наугольниками; середина малиновая; крестъ черный.

Двѣнадцатый полкъ (платье вишневое; петлицы черныя; шапка малиновая; сапоги желтые),—*Ивана Нараманскаго*.

Знамя—кайма вишневая съ желтыми наугольниками; середина черная; крестъ бѣлый.

Тринадцатый полкъ (платье брусничное; петлицы черныя; шапка зеленая; сапоги желтые),—*Лагобскина*.

Знамя—кайма бѣлая съ зелеными наугольниками; середина брусничная; крестъ лазоревый.

Четырнадцатый полкъ (платье свѣтлозеленое; петлицы черныя; шапка малиновая; сапоги желтые).

Знамя—кайма бѣлая; середина свѣтлозеленая; крестъ желтый.

(13) Въ томъ же Музеѣ заслуживаетъ еще вниманіе знамя *) изъ разряда стрѣльцкихъ „головникъ“, имѣющее самыя большіе размѣры изъ числа сохранившихся (длина—13 ар. 4 вер., ширина—12 ар.). Обѣ стороны почти сплошь покры-

*) № ССХС.

ты множеством изображений, для которых сюжетом, между прочимъ, служить страшный судъ, поясняемый соответствующими надписями. Последними совершено испещрено знамя, но многія надписи (между прочимъ, съ историческими данными *), а также нѣкоторыя изображенія изгладились еще въ началѣ текущаго столѣтія и возстановить ихъ не представляется возможности.

На лицевой сторонѣ, съ изображеніемъ страшнаго суда, по борту, окружающему середину, написаны по угламъ въ кругахъ, поддерживаемыхъ четырьмя ангелами, образа евангелистовъ съ обыкновенно помѣщаемыми при нихъ символическими изображеніями; по самому же борту—лица разныхъ угодниковъ. Въ серединѣ, начиная сверху, въ золотомъ пламенномъ кругѣ—изображеніе несоматаго тремя херувимами Бога Саваоа съ распростертыми благословляющими руками и главой покрытой тиарой, на подобіе папской; на персяхъ—Духъ Святыи въ видѣ голубя. Нѣсколько ниже въ золотомъ, разукрашенномъ орнаментами, кругу, поддерживаемомъ восемью трубящими ангелами и однимъ херувимомъ, изображенъ воссѣдающимъ на престолѣ Спаситель; въ лѣвой рукѣ пламенный мечъ, а правая благословляетъ. Въ этомъ же кругу правѣе—Божія Матерь, лѣвѣе—Іоаннъ. Ниже же круга—облако, на которомъ родъ жертвенника, несоматаго четырьмя ангелами съ раскрытымъ евангеліемъ и словами „*Вначалѣ бгъ слово и слово бгъ у Бога и Богъ бгъ слово*“. Надъ жертвенникомъ осьмиконечный золотой крестъ, по сторонамъ котораго копіе и трость; правѣе и лѣвѣе—по ангелу со свитками. Еще далѣе отъ креста съ правой стороны колѣнопреклоненный на облакѣ Адамъ, съ лѣвой—въ такомъ же положеніи Ева.

Лѣвая половина средней части занята нѣсколькими рядами изображеній. Въ первомъ ряду середину занимаетъ золотой кругъ, въ которомъ изображенъ образъ воссѣдающаго на престолѣ Бога Отца, благословляющаго Спасителя; выше Духъ Святой въ видѣ голубя. Правѣе образа—сонмъ ангеловъ на облакахъ, лѣвѣе—фасадъ райскаго зданія съ фронтонами и двумя куполами, въ окнахъ котораго видны группы святыхъ угодниковъ. Подъ указаннымъ фасадомъ—стѣна съ зубцами и тремя башнями, изъ которыхъ у каждой по фигурѣ ангела съ длиннымъ крестообразнымъ жезломъ въ рукахъ. Во второмъ ряду помѣщено семь ангеловъ во весь ростъ, тоже съ жезлами, при чемъ впереди нѣсколько увеличенная фигура Архистратига Гавріила. Третій рядъ—воссѣдающіе апостолы, каждый изъ нихъ держитъ евангеліе съ соответствующею надписью. (Напримѣръ, у Петра—*„осуди Богъ нечестивыя и вся нетворящія воли его“*). Ниже, въ двухъ рядахъ, изображено шесть человѣческихъ группъ, изображающихъ различные народы съ надписями: *жиды, турки, татары, нѣмцы, арапы, еретики* **). Подлѣ евреевъ, на облакѣ, фигура Моисея со скрижалями, указывающаго правою рукою, на помѣщенный нѣсколько выше, въ серединѣ знамени, образъ Спасителя. Въ самомъ же низу изображенъ адъ: въ углу видна часть головы чудовища, изъ раскрытой пасти котораго извергаются клубы пламени; три ангела повергаютъ длинными вилами въ огонь разныхъ грѣшниковъ, надъ которыми написано *„идутъ грѣшники вмукъ стѣнную“*; выше имѣется другая группа ангеловъ съ пламенными въ рукахъ мечами. Въ глубинѣ адскаго пламени въ пасти чудовища помѣщенъ сидящій сатана, на колѣняхъ котораго изображенъ Іуда предатель; надъ нѣкоторыми фигурами, повергаемыми въ геену огненную, имѣются поясняющія надписи: *жид, турчин, коллик, татарин, ара-*

* Въ записяхъ же Музея имѣется лишь одно указаніе, что это знамя поступило въ число его предметовъ въ 1778 году. Можно думать, что оно южно-русскаго (кіевскаго) происхожденія. („Ист. Катал. Музея“, Н. Е. Брандербургъ, ст. 302).

** Это слово выѣ стертъ.

нин, ильиц. Около нихъ, но вѣдъ адскаго пламени, изображена нагая фигура чело-
вѣка, привязаннаго къ дереву; возлѣ ангелъ, который указываетъ рукою на
праведниковъ, помѣщенныхъ на другой половинѣ знамени, надъ фигурой полу-
стертая надпись: *„Сей человекъ милостиво творилъ а блуд..... оста..... того ради
рая лишенъ муки избавленъ“*. Затѣмъ по всему нижнему краю середины, непо-
средственно надъ бортомъ, изображена геена, въ которой представлены различ-
ныя мученія грѣшниковъ: это поясняется многими надписями: *„мука богатыхъ
не милостивымъ на нищія“, „мука татаръ и разбойниковъ плачь и скрежетъ зубомъ“*
и т. п.

Правая половина средней части знамени также имѣетъ нѣсколько рядовъ
изображеній. Въ первомъ ряду на серединѣ въ золотомъ кругу образъ Спа-
сителя, шествующаго съ Богородицей; по сторонамъ то же, что на лѣвой поло-
винѣ. Во второмъ ряду также семь ангеловъ, но впереди ихъ Архистратигъ
Михаилъ, у котораго въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой—голубой шаръ. Въ
третьемъ ряду—апостолы, но на евангеліяхъ ихъ написаны другія изреченія.
Въ четвертомъ—три группы съ надписями: *„ликъ Преподобныхъ женъ“, „ликъ св. ве-
ликомученицъ“* и *„ликъ святыхъ пророкъ“*. Ниже еще помѣщены двѣ группы: *„ликъ
святыхъ великомучениковъ“* и *„ликъ святителей“*. Еще ниже—новыя группы, обра-
щенные лицомъ къ серединѣ знамени, при чемъ обозначено: *„ликъ царей Благо-
верныхъ“*. Далѣе изображенъ рай: перспективная панорама мѣста, окруженнаго
стѣной и насажденнаго райскими деревьями, покрытыми плодами; въ ближай-
шемъ фасѣ стѣны имѣются большія золотыя двери и такія же видны въ фасѣ
противоположномъ; около первыхъ—Петръ, открывающій врата рая, подлѣ него
группа праведниковъ съ надписью: *„идуть праведни въ жизнь вечную“*; у про-
тивоположнаго фаса стѣны—такая же группа. Внутри же рая три фигуры
обозначенныя: *„исаакъ, авраамъ і яковъ“*, и нѣсколько юношей, собирающихъ пло-
ды съ райскихъ деревьевъ; написаны еще въ раю ложи для отдохновенія.

Оборотная сторона менѣе интересна. Въ бортѣ, расписанномъ золочеными
травами, въ четырехъ углахъ, въ круглыхъ рамахъ, поддерживаемыхъ четырьмя
ангелами, помѣщены образа: Рождества Христова, Преображенія Господня,
Крещенія и Успенія. Затѣмъ по борту размѣщены лики разныхъ угод-
никовъ.

Середина знамени занята вызолоченнымъ двуглавымъ орломъ, на груди
котораго имѣется щитъ съ изображеніемъ воссѣдающихъ рядомъ на двухъ
тронахъ Царей Іоанна и Петра, при чемъ по краю щита надпись: *„коль добро
или коль красно еже царствовать братиіи вкупу“, „Побѣдѣду враги моя и
постигну я і не возвращуся дондеже скончуются отъ руки моея злочестивіи варва-
ры“* и *„Паде отъ десницы твоея тысяща и тма одесную тебе“*. Надъ орломъ три
короны, каждую изъ крайнихъ поддерживаетъ по ангелу, среднюю же—два ангела
съ пальмовыми въ рукахъ вѣтвями; около послѣдней короны имѣются надписи:
*„Господь вседержитель яко орелъ покрывая небо и землю и всю вселенную. Орелъ
Царская Птица обрете себѣ храмину и Горлицо гнѣздо себѣ“* и *„Яко орелъ покры
гнѣздо свое и на птенцы своя возделеть простеръ крыльи свои и приятъ ихъ и падятъ
ихъ на рани свое обновится яко орлу юность“*. На раскрытыхъ крыльяхъ также
имѣются, нынѣ полустертыя, надписи; въ когтяхъ правой ноги орла золотое
копые и черная лента съ надписью: *„на сіе копіе удолія распространяемыхъ на
вселенней державъ Царей православныхъ російскихъ размеряется“*. Въ когтяхъ же
лѣвой ноги мечъ съ золотою рукоятію и также черная лента съ надписью: *„сей
мечъ исъветъ отъ лица преславныхъ монарховъ благочестивыхъ Царей, нечестивыхъ
враги ихъ и ненавидящихъ ихъ побѣдитъ подноги ихъ“*.

Съ правой стороны государственнаго герба внизу написанъ Авраамъ, въ полулежащемъ положеніи съ золотымъ вѣнцомъ у головы; за фигурой Авраама—большая виноградная лоза, при чемъ надпись надъ ней начинается: „*Древо ест сіе возрастъ отъ авраама глаголюмо...*“; на вѣтвяхъ лозы имѣются въ разныхъ мѣстахъ изображенія пророковъ съ раскрытыми въ рукахъ свитками, надъ которыми соотвѣтствующія надписи.

Съ лѣвой стороны государственнаго герба внизу изображенъ, тоже въ полулежащемъ положеніи, царь Давидъ съ лирой, въ коронѣ и съ вѣнцомъ кругомъ головы. За его фигурой также поднимается виноградная лоза почти съ тою же надписью; на вѣтвяхъ остальные пророки со свитками.

Выше государственнаго герба помѣщены образа: распятія, Софій Премудрости Божіей и Знаменія. Каждый образъ сопровождается надписями и разнаго рода символическими изображеніями.

Такимъ образомъ, описанное знамя, главнымъ образомъ, по изобилію изображеній и иреченій, заслуживаетъ большаго вниманія и спеціальнаго церковно-археологическаго изученія, какъ рѣдкій памятникъ религиозно-нравственныхъ воззрѣній русскаго народа въ концѣ XVII столѣтія, т. е. за нѣсколько лѣтъ до великихъ преобразованій Петра, столь существенно измѣнившихъ и религиозный міръ московскаго государства.

Слѣдующее подробное описаніе знаменъ въ полку полковника Александра Левистона даетъ наглядное понятіе о знаменахъ конца XVII столѣтія (1681 года) въ частяхъ солдатскаго строя:

„Знамя полковниче, камчатное, писано золотомъ и серебромъ; посреди того знамя образъ Спаса Нерукотвореннаго, по праву сторону Московскіе Чудотворцы Петръ и Алексѣй, по лѣву сторону того знамени Образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы; у Знаменія Богородицы, по правую сторону, Образы Николы Чудотворцы, да Сергія Радонежской Чудотворецъ; по лѣвую Іоаннъ Новгородскій, да Алексѣй Человѣкъ Божій; кругъ того знамени бахрама розныхъ шолковъ.

Восемь знаменъ сотенныхъ, таеяныхъ розныхъ цвѣтовъ.

Первое знамя,—земля черчетая, кругомъ земли поля желтыя, на земли кругъ желтый, въ кругу левъ желтой, на главѣ у льва вѣнецъ Царской бѣлой, на кругу двѣ звѣзды, да четыре репья розныхъ цвѣтовъ, да на земли надъ кругомъ крестъ бѣлой, по угламъ около круга четыре травы розмѣтныя бѣлыя съ зеленымъ; на поляхъ, по угламъ, четыре звѣзды, да посреди четыре репья розныхъ же цвѣтовъ.

Второе знамя,—земля черчетая, кругомъ земли поля желтыя, на земли кругъ бѣлый, въ кругу левъ блажитной, на главѣ у льва вѣнецъ Царской черчатой, въ кохтяхъ палашь, да на кругу шесть репьевъ розныхъ цвѣтовъ, надъ кругомъ крестъ бѣлый, около круга по угламъ четыре травы розныхъ цвѣтовъ, да на поляхъ по угламъ четыре репья, да посреди поля четыре звѣзды розныхъ цвѣтовъ.

Третье знамя,—земля черчатая, кругомъ земли поля блажитныя, на земли кругъ желтой, въ кругу птица Грифъ бѣлая, у птицы крылы желтыя, на главѣ вѣнецъ Царской желтой, въ кохтяхъ палашь зеленой, на кругу двѣ звѣзды, да четыре репья розныхъ цвѣтовъ, на земли надъ кругомъ крестъ бѣлой, да на землицѣ около круга, по угламъ, четыре травы розмѣтныя розныхъ цвѣтовъ, а на поляхъ, по угламъ, четыре репья, да посреди четыре звѣзды розныхъ же цвѣтовъ.

Четвертое знамя,—земля желтая, кругомъ земли поля черчетая, на земли кругъ черчатой, въ кругу корона Польская черчетая, на кругу двѣ звѣзды, да

четыре репья разныхъ цвѣтовъ, на земли надъ кругомъ крестъ бѣлой, да на землижъ, по угламъ около круга, четыре травы разнѣтныя разныхъ цвѣтовъ; на поляхъ по угламъ четыре репья, да посреди полъ четыре репья разныхъ цвѣтовъ.

Пятое знамя,—земля черчетая, кругомъ земли поля жолтыя, на земли кругъ блакитной, въ кругу птица Грифъ жолтая, у птицы крылье бѣлыя, на главѣ вѣнецъ Царской зеленой, въ коготяхъ у птицы палашъ бѣлой, на кругу двѣ звѣзды, да четыре репья разныхъ цвѣтовъ, на землижъ надъ кругомъ крестъ бѣлой, да на землижъ, по угламъ, около круга четыре травы разнѣтныя зеленныя, а на поляхъ по угламъ четыре звѣзды, да посреди полъ четыре репья разныхъ же цвѣтовъ.

Шестое знамя,—земля жолтая, кругъ земли поля черчетая, на земли кругъ туканной, въ кругу корона Польская черчетая, на кругу двѣ звѣзды да четыре репья разныхъ цвѣтовъ, на земли надъ кругомъ крестъ бѣлой, да на землижъ по угламъ около круга четыре травы разнѣтныя разныхъ цвѣтовъ, а на поляхъ по угламъ четыре репья, да посреди полъ четыре звѣзды разныхъ цвѣтовъ.

Седьмое знамя,—земля жолтая, кругомъ земли поля черчетая, на земли кругъ блакитной, на кругу четыре репья, двѣ звѣзды разныхъ цвѣтовъ, на земли подъ кругомъ крестъ бѣлой, да на землижъ по угламъ около круга четыре травы туканныя со цвѣтами зелеными, а на поляхъ по угламъ четыре репья, да посреди полъ четыре звѣзды разныхъ цвѣтовъ.

Восьмое знамя,—земля жолтая, кругомъ земли поля туканныя, на земли кругъ черчетой, въ кругу инорикъ блакитной, на кругу двѣ звѣзды да четыре репья разныхъ цвѣтовъ, на земли, надъ кругомъ, крестъ бѣлой, на землижъ около круга по угламъ четыре травы разныхъ цвѣтовъ, на поляхъ по угламъ четыре звѣзды да посреди полъ четыре репья разныхъ цвѣтовъ“.

(14) О присвоенныхъ знаменамъ мѣстахъ въ строю можно отчасти судить изъ описанія похода (26 сентября 1694 года) кн. Рамадановскаго изъ Семеновскаго подъ Кожухово *):

„Впереди шла рота пѣвчихъ Якова Тургенева; за нею слѣдовали выборные пѣхотные полки: ген. Лефорта, имѣя передъ собою 12 всадниковъ въ панцыряхъ, 12 лошадей въ богатомъ уборѣ, корету съ 6-ю гайдуками въ красныхъ венгерскихъ кафтаннахъ, весь полкъ своего имени, состоящій изъ гренадерской и 6-ти солдатскихъ ротъ съ 17-ю офицерами; полкъ шелъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и игрою на флейтахъ и сипошахъ. Гренадеры были съ мушкетами, имѣя въ сумѣ на лѣвой сторонѣ ручныя гранаты. Прочія роты шли частью съ мушкетами частью съ копьями.

Затѣмъ шелъ Бутырскій солдатскій полкъ также съ распущенными знаменами и музыкой, играли сипоши, били барабаны. Передъ полкомъ вели 5 лошадей Гордона въ уборѣ съ пистолями. За ними слѣдовала гренадерская рота, сопровождаемая мортирою или верховою пушкою на телѣгѣ. Потомъ шелъ самъ Гордонъ въ уборѣ и богатой одеждѣ. За нимъ его полка Бутырскаго солдатъ 9 ротъ съ начальными людьми. Гренадеры и солдаты были вооружены также, какъ и въ полку Лефорта, и кромѣ того въ мушкеты двухъ ротъ были вставлены деревянныя точеные богинеты съ притупленнымъ концомъ.

Сзади Бутырскаго полка маршировали бомбардиры Петръ Алексѣевъ, князь Феодоръ Троекуровъ и Иванъ Гуммертъ, а за ними, подъ главнымъ начальствомъ Ивана Головина шли Семеновскій полкъ подъ командой полковника

*) „Ист. л.-гр. Эрив. п.“, т. I, стр. 72—73.

Чамберга и два Преображенских полка, подъ командой подполковника князи Репнина и полковника фонъ-Менгдена.

За пѣхотой шла часть конницы: 3 роты гусаръ въ шишакахъ и латахъ, рота палашниковъ, рота конныхъ гренадеръ, затѣмъ несли *большое знамя*, при которомъ былъ бояринъ А. С. Шенинъ, а за нимъ на пышно убранномъ конѣ ѣхалъ генералиссимусъ, имѣя за собою 40 завоеводчиковъ и 8 ротъ выборныхъ рейтаръ.

Потомъ слѣдовали: артиллерія съ 6 пушками и 6 мортирами, минеры и саперы съ лопатами, кирками, мотыгами, мѣшками, у нихъ было особое *знамя*. Шествіе замыкалось многочисленнымъ обозомъ*.

(15) Болѣе подробно это знамя описываетъ слѣдующая грамота, посланная 27 Января 1687 года Смоленскому воеводѣ Борису Бутурлину **).

„Отъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великіе Государыни благовѣрныя царевны и великіе княжны Софїи Алексѣевны, всеа Великіе и Малыя и Бѣлыя Россїи самодержцевъ, въ нашу отчину въ Смоленскъ, Воярину нашему и воеводамъ Борису Васильевичу Бутурлину съ товарищи.

Въ прошломъ въ 194 году, по нашему великихъ Государей указу, велѣно въ полкъ генераль-маеора Володимера Иванова сына Швѣйковскаго построить знамя бѣлое, и на томъ знамени написать золотомъ орель двоеглавый, подъ орломъ пушка, а на пушкѣ птица гамаюнъ, противъ того, какъ печать города Смоленска, въ Приказѣ Оружейныя палаты, а построивъ, прислать въ Приказъ Княжества Смоленскаго. И по тому нашему великихъ государей указу, то знамя построено: въ серединѣ написано по бѣлой камкѣ орель двоеглавый съ надписью, подъ орломъ пушка, на пушкѣ птица гамаюнъ противъ того, какъ печать города Смоленска, поля камки красной, надъ орломъ на полѣ написанъ крестъ въ звѣздахъ, да по полямъ около написаны травы золотомъ; къ тому жъ знамени, яблоко рѣзное, гротикъ желѣзанный рѣзанный, крестъ и орель золоченый, втокъ мѣдный луженый, тесьма шелковая разныхъ шелковъ, пряжки и запряжки мѣдныя, полуженые, и въ Приказъ княжества Смоленскаго прислано; да на томъ же знамени сорочка Аглинскаго алаго сукна. И по нашему государеву указу, то знамя съ древкомъ и съ гротиками и со втокомъ и съ тесьмой и на томъ знамени сорочка послано къ вамъ въ Смоленскъ съ стольникомъ съ Давидомъ Володимировымъ сыномъ Швѣйковскимъ. И какъ къ вамъ ся наша великихъ государей грамота придетъ, и вы бѣ бояринъ нашъ и воевода велѣли у него Давида то знамя принять; а принявъ, генераль-маеору Володимера Иванова сына Швѣйковскаго велѣли призвать въ приказную избу; а какъ онъ придетъ, и вы бѣ то знамя и съ древкомъ и съ гротикомъ и со втокомъ и съ тесьмой отдали ему Володимеру. Писанъ на Москвѣ генваря въ 27 день. Приписалъ дьякъ Прокофья Возницынъ **).

*) „Дополн. къ акт. Истор.“, т. XII, стр. 316.

**) На оборотѣ имѣется собственноручная росписка: „znamie z dewkom y z grotikom y z czechlom wzial Dawid Szwykowski“.

ГЛАВА XI.

(1) Въ описяхъ, сохранившихся въ архивъ Оружейной Палаты, между прочимъ, встрѣчаются такія записи:

„1659 года Октября 10 по указу Государя и по приказу Окольничаго и Оружейничаго, Богдана Матвѣевича Хитрова, взять въ Государеву казну въ Оружейный приказъ шатерныхъ дѣлъ у мастера Федора Янышова прапоръ шитый по рознымъ таетамъ. На прапорѣ шита птица грифъ съ палашемъ.

1667 года Марта въ 15 день дѣлали изъ оружейнаго приказу таяной прапоръ шатерные мастера Федоръ Янышовъ, а дѣлалъ тотъ прапоръ самъ другъ два дни, да шолку пошло на тотъ прапоръ на два алтына.

1668 года—живописецъ Станиславъ Лопудкій росписывалъ Государевъ прапоръ, и Февраля 17 куплено, по росписи за ево рукою, золота, серебра і красокъ и на холсты бѣлить три еунта, дано 15 алтынъ.—Тѣльнаго шишиглю $\frac{1}{2}$ еунта, дано 3 руб. 50 коп. Кругляку $\frac{1}{2}$ еунта дано 3 руб. Сурику 3 еунта дано 2 руб. Блягилю $\frac{1}{2}$ еунта дано 2 рубли, а всего денегъ 10 руб. 12 алтынъ 2 денги. Отпущено изъ казеннаго приказа 2 арш. 7 верш. таеты алой да бѣлой.

1669 года Апрѣля въ 11 день живописецъ Степанъ Рязанецъ поднесъ Государю прапоръ, на немъ писанъ на бѣлой таетѣ Архангелъ Михаилъ, к прапору гротикъ прорезной скрестомъ дѣлолъ Бориско Крыгоръ“.

(2) Сохранилась, между прочимъ, слѣдующая записъ: „Внынешнемъ во рѣѣ году Сентября въ 11 числѣ великаго Государя Царя и великаго Князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя росіи Самодержца исхоромъ Бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ выдать оружейную полату два прапорца камчатыхъ уоднаго средина камка бѣлая чешуйчатая коймы камка василковая травчатая откосы водномъ камка рудожолтая вдругомъ черная чешуйчатая воткосахъ коймы камка василковая, у другога прапора средина камка черная чешуйчатая воткосахъ водномъ камка двоеличная чешуйчатая желтой шолкъ скраснымъ вдругомъ бѣлая чешуйчатаяжъ, мешочки кумачные вдлину соткосами аршинъ помема вершка вширину полъаршина, писаны по обѣ стороны орлы позолоту по угламъ репы позолотужъ промежъ ими репыжъ и коймы серебряны на откосахъ на одномъ позолоту а надругомъ посеребру писаны змеи собе стороны, а сказаль указаль де великии Государь здѣлать оружейной полате истакихже камокъ и написать противъ тѣхъ образцовъ сто сорокъ четыре прапорца“.

(3) Указанное отношеніе (отъ 15 марта 1836 года № 31) заключаетъ въ себѣ слѣдующее (сохранена подлинная форма изложенія):

Знамя боярина Василя Семеновича Волынскаго.

Знамя это изъ гладкой шелковой темномалиноваго цвѣта матеріи; оно шириною 1 арш. 9 вершковъ, длиною по краямъ съ углами около трехъ аршинъ, а въ серединѣ два аршина безъ вершка. На пространствѣ его ширины и длины до угловъ написано красками и золотомъ изображеніе Царя Константина, молящагося предъ крестнымъ знаменіемъ.

Вверху изображенъ Спаситель, предъ которымъ по срединѣ знамени простирается написанная золотыми буквами слѣдующая рѣчь:

При изображеніи Царя „Царь Константинъ“. Внизу въ одну сторону польскими буквами „Snamie Basily Siemonewitz Wolynskiego“.

Такъ какъ оно обветшало, то другая его сторона подклеена краснымъ коленкоромъ, однако ясно видно, что и на этой заклеенной сторонѣ есть подобное же изображеніе и при немъ всѣ выше означенныя надписи.

Оно, вѣроятно, служило знакомъ достоинства боярина Волынскаго при переговорахъ его съ Польшею. Изъ біографіи его видимъ, что оны 1671 года іюля 2 дня былъ посланъ въ село Андрусово для переговоровъ; въ слѣдующемъ году отправленъ полномочнымъ посломъ въ село Маслоwichи для рѣшенія спора между запорожскими казаками и Литвою о межевыхъ пограничныхъ знакахъ, но потомъ, когда польскіе послы, не захотѣвъ вести тамъ переговоры, прибыли въ Москву, гдѣ дѣло не кончилось, Волынскій отправился въ Варшаву.

Что знамя это было употребляемо при сношеніяхъ съ Польшею, можно заключить изъ надписанія на немъ имени Волынскаго на польскомъ языкѣ.

(4) Еще слѣдующія знамена были занесены въ опись:

„1. Л. 638. № 1. Значекъ таета черная, всередке репей таеты зеленые, внемъ вшитъ крестъ и пять репьевъ таета алая.

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, а впрежнихъ книгахъ написанъ первымъ же.

2. Л. 639. № 3. Значекъ маковый цвѣтъ; внемъ вшиванъ репей, таета зеленая; вренъе крестъ таеты бѣлые, по сторонамъ вшиваны пять репьевъ, таета алая.

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, а впрежнихъ книгахъ написанъ четвертый.

3. Л. 639. № 5. Значекъ середина таета бѣлая, на немъ написанъ Архангелъ Михаилъ копіемъ колеть Глиава, издругой руки подаетъ мечъ Царю Давиду, царь же Давидъ спрапоромъ и скопемъ; промежъ ими звѣзды писаны золотомъ, на другой стороне писано тожь, что и на первой.

Койма таета алая, на ней: „*Пособивый Господи кроткому Давиду*, — все до конца.

На другой сторонѣ: *Небесныхъ воинствъ Архистратимже, молимся нынѣ мы недостойныи*, — весь до конца.

Около прапора бахрама золото сшолкомъ алымъ. Гротикъ желѣзный прозенной, на коротенькомъ древкѣ, крестъ да ороль двоеглавый, золочены.

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, позади Давида человекъ держетъ обѣими руками прапоръ да коня за поводъ, а впрежнихъ книгахъ написанъ осмой.

4. Л. 639. № 6. Значекъ средина таета алая, койма таета бѣлая, всередине солнце и звѣзды; на коймѣ травы писаны золотомъ и серебромъ и разными краски съ обѣ стороны.

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, а впрежнихъ книгахъ написанъ девятой.

5. Л. 639. № 7. Значекъ таета зеленая о трехъ хвостахъ, всерединѣ солнце таета бѣлая, около солнца четыре мишенцы таета красная; два хвоста таета желтая, всерединѣ третій хвостъ таета лазоревая внихъ вшиты таеты разныхъ травъ

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ книгъ сшолся, а впрежнихъ книгахъ написанъ первой подесять.

6. Л. 640. № 8. Значекъ соткосы таета бѣлая, на одной сторонѣ писанъ змѣй и звѣзды золотомъ.

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, а прежнихъ книгахъ написанъ второй надесять.

7. Л. 640. № 9. Значекъ таета зеленая, на немъ писанъ золотомъ левъ, ветхой.

А по нынешней переписи 195 году, и по осмотру тотъ значекъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, а впрежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ третій надесять.

8. Л. 640. № 10. Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ объявился въ Оружейной палатѣ значекъ таеты черныя, а вчерную таету вшитъ крестъ таеты алые, у него два хвоста черныя, третій алый; а отъ дrevка таета красная, по угламъ вшиваны таеты зеленые, всередкѣ кружокъ таеты зеленые.

ГЛАВА XII.

(1) Указанная грамота *) заключаетъ въ себя слѣдующее:

„Ото Князя Михайло Ондревична къ ватаманомъ къ монимъ: ктои поидеть на моемъ судиѣ на Вѣлоозеро, и они бѣ съ неводоувъ съ Кириловскихъ рыбъ не имали, ни на нихъ хрестьяныхъ, ни мои закащики; а коли пошлю свою грамоту кугумену, и они тогда дадутъ“.

(2) Въ той же грамотѣ далѣе приведено подробное указаніе совершеннаго казаками „промысла“:

„А въ походъ васъ было пѣшихъ шесть тысячъ человекъ, а съ Князь Семеновъ Пожарскимъ и съ Князь Муцаломъ Черкасскимъ конныхъ было тысячо сто человекъ и съ нашими ратными людьми до Черкаскаго городка Августа въ 7 день дошли здорово; да Августажъ въ 13 день посылали вы Донскихъ казаковъ на взморье для языковъ и подлинныхъ вѣстей, гдѣ стоятъ Царевичи Крымскіе, въ Крымъ пошли и языковъ на взморье взяли пяти человекъ, и что тѣ языки сказали про Крымскія и про Турскаго Царя вѣсти и вы тѣхъ языковъ ихъ распросныя рѣчи прислали къ намъ въ Москву“.

(3) Дѣлопроизводство по изготовленію этого знамени **):

„рпа Марта въ 11 день Великіи Государь Царь і Великіи Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ по имянному своему Великому Государю указу здѣлать оружейной полате знамя полковое врозныхъ таетахъ вбѣломъ валомъ вчерномъ Донскому Атаману и всему войску а на то знамя таеты взять искаженнаго приказу.

Сей Великого Государя указъ приказалъ записать окольникей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Лѣта рпа Марта въ 11 день по Государеву Цареву и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя росіи Самодержца указу Казначѣю Аеонасыю Самойловичю Нарбѣкову да дяку Фодору Максиму Великому Государю Царь и великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя росіи Самодержецъ указалъ по имянному своему великого Го-

*) „Акты собран. Археол. Экспедиц“, т. I, № 67.

**) Допол. къ III отд. „Древ. Рос. Госуд“, прил. № 40.

сударя указу взять искаженного приказу оружейную полату на знамя полковое Донскому Атаману и всему войску таеть розныхъ цвѣтовъ бѣлой десеть аршинъ алой четыре аршина черной два аршина и по Государеву Цареву и великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росіи Самодержца указу Казначѣю Аеоноасю Самойловичу Нарбѣкову да дяку Феодору Максимову учинить о томъ по указу великаго Государя.

По сей памяти искаженного приказу таеть не взято для того Казначѣи не отпустить а вмѣсто сего знамени послано вполсолскій приказъ знамя писано иззаднихъ полать.

рпа Марта въ 11 день по указу Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росіи Самодержца бояринъ и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да столникъ Иванъ Степановичъ Телепневъ приказали изоружейныя палаты отослать вполсолскій приказъ знамя Донскому Атаману і войску.

И тогожъ числа потому ево Великаго Государя указу изоружейныя полаты вполсолскій приказъ знамя послано середина таета червчатая кайма таета бѣлая длиною поверхней каймѣ четыре аршина бездву вершковъ шириною три аршина бездву вершковъ кайма шириною шесть вершковъ, насредине написано сверху подъ каймоу крестъ золотной подъ крестомъ вклеимъ левъ золотной смечемъ серебрянымъ клеймо обведено вѣтвью сплестемъ, около клейма десеть вѣточекъ, по каймѣ восемь репьевъ промежъ ими восемь вѣтокъ. Ато знамя вынито иззаднихъ оружейныхъ полать, а по скаске живописца Ивана Безминова то знамя письмо ево а писалъ онъ понаряду изстрелецкаго приказу таеты брать оттудужъ на краски і назолото и на серебро брать денги нкастромскія чети и такимъ образомъ написаль онъ Иванъ четыре знамя.

рпа Марта въ 11 день въ посолской приказъ оружейные полаты у подъячего у Феодора Волкова знамя вдонскую посылку ввойско козакомъ принялъ Степанъ Волковъ и руку приложилъ“.

(4) Албазинное знамя, постройку котораго можно отнести къ періоду 1649—1652 гг., четырехугольное; середина длины—2 арш. и ширины—1 арш. 14 вер. сдѣлано изъ толстой красной крашенины. На одной сторонѣ написанъ масляными красками въ облакѣ образъ Спаса Вседержителя съ ангелами; въ молении св. св. преподобные Антоній и Феодосій Печерскіе; св. Никита мученикъ и св. Іоаннъ Воинственникъ. На другой сторонѣ знамени, въ кругу, написано Знаменіе Пречистыя Богородицы и въ молении св. Сергій Радонежскій и ученикъ его Никонъ. Кругомъ знамени изъ китайской травной камки голубого цвѣта пришита кайма мѣстами украшенная шптыми китайскими цвѣтами. Къ первой каймѣ пришита другая кайма изъ блѣдножелтой китайской же камки, при чемъ въ эту кайму были вшиты наугольники изъ зеленой камки. Въ общемъ же знамя, благодаря указаннымъ каймамъ, было очень велико: въ ширину до 4 арш. 14 вер. и въ длину—5 арш. 8 вер.

Въ описи (№ 10), составленной Московскимъ арсеналомъ при передачѣ знамени въ 1863 году въ Оружейную Палату, было сказано:

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это знамя прислано изъ Москвы Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ вмѣстѣ съ грамотою письменному Головъ Ерофею Хабарову, для водруженія на земляхъ покоренныхъ имъ русской Державѣ; въ одномъ изъ свитковъ Архива видно, что оно принадлежало Албазинскому острогу, а потому въ Якутскѣ справедливо называютъ его симъ именемъ; наименование это особенно поясняютъ трехъ цвѣтовъ полосы, сдѣланныя казаками въ разное время изъ китайской матеріи и пришитыя къ краямъ“.

Начало прибытія русскихъ людей въ Восточную Сибирь относится къ XVII столѣтію и уже въ 1643 году казаки и промышленники были знакомы съ Приамурьемъ, давъ послѣднему названіе „Пегой орды“.

Въ 1649 году же опытовщикъ Ярко Хабаровъ, изъ города Соли-Вычегодскаго, у Якутскаго воеводы просилъ разрѣшенія, „набравъ промышленныхъ людей человѣкъ со сто, или сколько собрать можетъ, идти на Амуръ рѣку“, при чемъ въ челобитной было упомянуто, что онъ „тѣхъ промышленныхъ людей будетъ содержать самъ и будетъ давать имъ жалованье, и кормъ, и ружье всякое, и зелье, и свинець“.

Разрѣшеніе было получено и въ мартъ того же года Хабаровъ выступилъ изъ Илимска, имѣя, кромѣ небольшого числа казаковъ, до 70 „охочихъ людей“. Хабаровъ шель р. р. Олекмою и Тугиремъ, затѣмъ волокомъ до притока Амура рѣки Урка, выйдя изъ которой поплылъ внизъ по Амуру. Пройдя пять даурскихъ городовъ, Хабаровъ сталъ подниматься и, достигнувъ перваго видѣннаго города, оставилъ тутъ часть своего отряда, а самъ вернулся въ маѣ 1650 года въ Якутскъ съ донесеніемъ, что „Даурская земля будетъ прибыльнѣ Лены, да и противъ всей Сибири будетъ мѣсто украшено и изобильно“.

Въ Якутскѣ предприимчивый Хабаровъ пробылъ недолго и въ томъ же году выступилъ обратно на Амуръ, имѣя уже 170 „охочихъ людей“, 20 казаковъ и 3 пушки. Имъ съ бою было взять Албазинъ и построить Ачанскій острогъ, въ которомъ онъ отсидѣлся отъ манджуровъ. Въ 1653 году къ нему прѣхалъ думный дворянинъ Зиновьевъ съ Государевымъ жалованьемъ. Надо думать, тогда же были переданы грамота и описанное выше знамя.

Зиновьевъ, взявъ ясакъ и оставляя на Амурѣ приказнымъ человѣкомъ Ануфрія Степанова, поѣхалъ въ Москву, взявъ съ собою Хабарова, чтобы „черезъ него всё происходившія по Амуру дѣла, въ Москвѣ, тѣмъ обстоятельнѣе учинились извѣстны“. Государь Хабарову „за службу велѣлъ быть въ дѣтяхъ боярскихъ, и указалъ быть приказнымъ человѣкомъ надъ поселеніями по рѣкѣ Лень, отъ Усть-Кути до границы Якутской области“.

Болѣе Хабаровъ на Амуръ не ѣздилъ. Оставался тамъ Ануфрій Степановъ, которому пришлось выдерживать многочисленныя и сильныя нападенія китайцевъ. Продолжалъ отстаивать права господства преемникъ Степанова воевода Толбузинъ, хотя имѣлъ всего не болѣе 700 человѣкъ при трехъ старыхъ пушкахъ. Особенно сильное нападеніе китайцами было предпринято въ 1686 году, когда Толбузинъ на стѣнахъ Албазина былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Его замѣнилъ иноземець полковникъ Бейтонъ, заставившій китайцевъ снять осаду.

Для устраненія взаимныхъ недоразумѣній въ Китай былъ посланъ околичій Федоръ Головинъ, который и заключилъ Нерчинскій трактатъ (27 августа 1689 года), по которому границей былъ Яблоновый хребетъ. Албазинъ же былъ разоренъ, а жители переведены въ Нерчинскъ.

Головинъ, отправляясь въ Дауры, имѣлъ съ собою знамя, на правой сторонѣ котораго былъ написанъ образъ Покрова Пресвятыя Богородицы съ апостолами, а въ облакѣ ликъ Спаса. На лѣвой же—въ облакѣ образъ Живоначальная Троица, а по сторонамъ въ моленіи св. св. Іоаннъ Предтеча, Алексѣй человѣкъ Божій, Преподобный Сергій, князи Борисъ, Глѣбъ и Александръ Невскій. Въ откосѣ былъ написанъ Архангелъ Михаилъ и передъ нимъ колѣнопреклоненный Иисусъ Наввинъ, а также четырнадцать золотыхъ звѣздъ. На каймахъ было написано золотомъ: на верхней правой тропарь: „Днесь Благовѣрныя людіе“, на нижней—„Совершися сие знамя лѣта 3904 года Января въ 4“

день"; на другой сторонѣ, кругомъ по каймамъ былъ написанъ кондакъ: „Побивый Господи кроткому Давиду“.

Знамя это, построенное въ 1672 году, первоначально было выдано думному дворянину И. С. Большому Хитрову „для Донскія службы“, при чемъ къ знамени были отпущены „крестъ серебряной позолоченъ, втокъ серебряной, поясъ тесьма шолкъ красной подложена ремнемъ, на тесьмѣ оправа серебряная по счету восемь мѣстъ, пряжка съ наконечникомъ, съ тремя запряжки, да двѣ пегли съ яблокомъ, да древко писано по золоту разными цвѣтными краски; на знамя сорочка суконная красная“.

Въ 1678 году это знамя поступило обратно въ Оружейную Палату, при чемъ его „привезли къ Москвѣ з Дону стольникъ и воевода Иванъ Волинской съ товарищи“.

Въ 1680 году указано было знамя „выдать въ Смоленскій розрядъ, въ полкъ стольника и воеводы Ѳедора Петрова сына Солтыкова съ товарищи“. Въ 1685 году „великіе Государи Цари Іоаннъ Алексѣвичъ и Петръ Алексѣвичъ указали для своей великихъ Государей службы въ полкъ стольника и воеводы князя Михайло княжъ Ѳедорова сына Шейдякова стоварыщи“ было дано разсматриваемое знамя, при чемъ при осмотрѣ оказалось: „конецъ пообить ктому знамени древко тощее, безъ яблока, до половины писаны по золоту травы, поверхъ травъ въ перевивку; крестъ съ трупкою мѣдный посеребренъ; чюшка сукна анбурскаго“.

Относительно же выдачи знамени Головину записано, что великіе Государи указали „послать на свою великихъ Государей службу въ Сибирь въ Даруры, окольничего и воеводу Ѳедора Алексѣвича Головина со своими великихъ Государей ратными людьми, а для той Сибирской службы указали великіе Государи дать ему изъ Оружейныя палаты знамя полковое противъ его братья прежнихъ такихъ же полковыхъ воеводъ“.

(5) Три знамени, бывшія съ Ермакомъ Тимофѣвичемъ при покореніи Сибири (1581—1582 гг.), описаны слѣдующимъ образомъ:

Первое (№ 4173),—четыреугольное, холстинное, мѣрою по древку 3 арш. 6 вер., шириною 2 арш. 9 вер.; середина голубая со вшитымъ изображеніемъ Архангела Михаила, довольно искусно составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ холстины. Передъ Архангеломъ Іисусъ Навинъ, на колѣняхъ, иззываетъ сапогъ; вдали видѣется Іерихонъ. Кайма изъ коричневаго холста съ малиновыми репьями въ углахъ и по бокамъ; по нижней каймѣ нарисованы плоды и цвѣты, а на верхней имѣется надпись: „Грозный воевода Архистратигъ Михаилъ“**).

Второе (№ 4174),—по древку 2 арш. 8 вер., шириною 3 арш. 6 вер., середина—изъ синей холстины со вшитыми изъ бѣлой холстины львомъ и единорогомъ, готовыми къ бою. Вокругъ знамени, имѣется кайма также изъ бѣлой холстины, во многихъ мѣстахъ нынѣ оторванная, въ уцѣлѣвшихъ же мѣстахъ видны солнце (на верхней), репья (на боковыхъ) и крестъ изъ четырехъ гербовныхъ лилій (въ верхнемъ углу).

Третье (№ 4175),—по древку 3 арш., шириною 2 арш. 9 вер.; середина—изъ синей холстины, при чемъ кругомъ пришта кайма изъ бѣлой холстины въ видѣ городковъ. Въ середину вшиты, изъ бѣлой же холстины, левъ и единорогъ; эти изображенія разцвѣчены черною краскою, при чемъ языкъ у льва изъ красной холстины. По каймѣ написаны черною краскою разводы и травы, а въ углахъ—репья.

*) Вокругъ знамени была еще другая кайма голубого цвѣта, нынѣ уцѣлѣвшая лишь на верхней и нижней сторонахъ знамени.

Г Л А В А XIII.

(1) Первыми укрепленными слободами были Харьковъ (въ 1656 году были названъ городомъ), Ахтырка и Сумы, давшія наименованіе первымъ тремъ слободскимъ полкамъ. Впослѣдствіи Харьковскій полковникъ Донецъ построилъ городъ Изюмъ и тогда обширный Харьковскій полкъ былъ раздѣленъ на два полка: Изюмскій и Харьковскій.

Скоро къ названію „слободскіе полки“ стали прибавлять „украинскіе“.

Съ присоединеніемъ запорожья слободскіе казаки стали пользоваться одинаковыми правами съ украинскими и лишь послѣ гетмана Самойловича были отдѣлены, сдѣланы независимыми и каждый полкъ получилъ самостоятельное управление *).

(2) Стефанъ Баторій свою жалованую грамоту далъ 20 Августа 1576 года на имя гетмана „войскъ русскихъ“ (т. е. казачьихъ) Якова Богдана (князя Рожинскаго).

Знамя, данное имъ „войску лыцарскому“, было изъ шелковой матеріи розоваго цвѣта съ вышитымъ на немъ серебрянымъ одноглавымъ орломъ и получило названіе „Великой народной хоругви“.

Знамя-же, данное собственно гетману, было меньшаго размѣра и называлось „Малую хорогвою“.

Преемники Баторія каждый разъ при избраніи новаго гетмана присылали новое подобное же знамя. Богданъ Хмѣльницкій былъ послѣднимъ гетманомъ, получившимъ 19 февраля 1649 года такое знамя. Врученіе было весьма торжественное, указываетъ на это описаніе, сдѣланное польскимъ подкоморіемъ Львовскимъ бывшимъ въ числѣ комиссаровъ.

Мѣстомъ для торжества была выбрана широкая улица передъ дворцомъ гетмана, недалеко отъ квартиръ посланниковъ московскаго и венгерскаго.

Передъ комиссарами несъ булаву ловчій панъ Крентовскій, а знамя несъ скарбникъ кievскій панъ Кельчинскій; передъ ними гремѣли гетманскія трубы и литавры. Комиссаровъ уже ожидалъ одѣтый въ соболю шубу Хмѣльницкій, подъ снѣгу бунчука, окруженный полковниками и старшинами.

Первымъ къ гетману подошелъ воевода панъ Кисѣль и объявилъ ему и всему войску Запорожскому королевскія милости.

Эта рѣчь была неожиданно прервана неумѣстною выходкою полковника Дзялика, закричавшаго на оторопѣвшаго воеводу и комиссаровъ; „Король, какъ король, но вы кролевеняты творили глупости да и натворили. Ты, Кисѣль, кость отъ костей нашихъ, отсталъ отъ насъ и присталъ къ ляхамъ“.

Однако, это не помѣшало, пану воеводѣ“ вручить гетману булаву, осыпанную бирюзой, а хорунжему Новгородскому передать красное знамя съ бѣлымъ орломъ и надписью: „Iohannes Casimirus“.

Хмѣльницкій довольно равнодушно отнесся ко всему этому: не изъявилъ никакого удовольствія, а лишь поконился по казаки.

(3) Въ Оружейной Палатѣ это знамя было записано такъ:

„Цѣта 168 года Ноября въ 20 день, по памяти изъ Посольскаго приказа за приписью дьяка Дмитрія Шубина, прислано въ Оружейной приказъ измѣника Ивана Выговскаго знамя, на немъ писано Михаилъ Архангелъ, писаны слова польскіе, прислано изъ Клева отъ боярина Василья Борисовича Шереметева“.

*) „Старина малор., запор.“, Семептовскій, стр. 16—18.

(4) Въ росписи полковымъ и сотеннымъ знаменамъ 1675 года это знамя записано подъ № 11 слѣдующимъ образомъ:

„Знамя писано по бѣлой тафтѣ всерединѣ написанъ орель двоеглавыи скаруною у Орла въ серединѣ написанъ Царь на конѣ, на верхней каймѣ надорломъ написанъ Образъ Спасовъ вседержителя на другой стороѣ написано тожь і въ прошломъ въ 1603 Февраля въ 11 день то знамя по указу великаго Государя послано гетману Кдemyяну Игнатьеву“.

(5) Въ описи 1664 года эти знамена обозначены подъ однимъ номеромъ (№ 113) и описаны такъ:

„Два знамени камчатыхъ цвѣтныхъ і Марта въ 11 день по указу Великаго Государя і по памяти вприказъ большого дворца за приписью Дьяка Дениса Савлукова тѣ знамена полковнику Ивану Брюховецкому“.

Г Л А В А XIV.

(1) Сохранились, между прочимъ, слѣдующія записи денежныхъ расходовъ вызванныхъ постройкой знамени:

„Василій Нестеровъ за камки денги шеснатцать рублевъ три алтына две денги взялъ и росписался.

Василей Нестеровъ за камки четыре рубли четыре денги взялъ и росписался.

Максимъко Ивановъ денегъ шесть алтынъ четыре денги взялъ и вместо ево росписался целовальникъ Антошко Моисѣевъ.

По сей росписи шатерный мастеръ Данилко Васильевъ кормовыхъ денегъ десять алтынъ взялъ и росписался сътоварищемъ зГарасимомъ Григорьевымъ.

Торговый человекъ москотильнаго ряду Василей Ивановъ за полпуда клею денегъ взялъ тритцать алтынъ и росписался своею рукою“.

(2) Было сдѣлано также распоряженіе и объ ассигнованіи денежныхъ суммъ: „Изоружейные полаты вприказъ болшия казны ктебъ Боярину ко Князю Петру Ивановичу стоварыщи писано велено для писма полкового знамени которое велено оруженной полате написать вновь по китайскимъ камкамъ золотомъ и краски и послать воиска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра КГетману КИвану Степановичу Мазепе на поупку камокъ и красокъ и всякихъ припасовъ денегъ пятьдесятъ рублевъ давпередѣлъ влистовое сусалное золото дватцать золотыхъ взять оруженную полату изприказу болшия казны“.

(3) Къ разряду сибирскихъ знаменъ принадлежитъ такъ называемое Тобольское 1695 года, которое напоминаетъ собою прежнія воеводскія знамена. Оно сдѣлано изъ рудожелтой камки, четырехугольное, по древку—3 арш., ширина 2 арш. 12 вер. На срединѣ написанъ Ангелъ Хранитель съ крестомъ въ правой рукѣ, и съ мечемъ въ лѣвой. Кайма сдѣлана изъ камки зеленаго цвѣта, въ углахъ репши, а въ срединѣ каждой каймы репши, обведенныя завитками и травками. Въ каймахъ надписи: у древка, — „*лѣта 3СГ апрѣля въ 13*“; на верхній каймѣ, — „*по указу Великихъ Государей и Князей Сибирскихъ*“, на наружной, — „*и по приказу ближняго стольника и воеводы*“ и на нижней: „*Андрея Федоровича Нарышкина стоварыщи*“. На другой сторонѣ тѣ же надписи *).

* Въ Оружейную Палату поступило (№ 4177) въ 1834 году изъ Московскаго Арсенала („Арх. Моск. Арт. Арс.“, дѣла 1827 и 1833 гг. №№ 29 и 32), при чемъ въ послѣдній поступило изъ Тобольска.

(4) Это знамя, вмѣстѣ съ Албазинскимъ и еще тремя, было прислано въ Московскій Арсеналъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири ген.-лейт. Рупертомъ въ 1839 году, при чемъ въ отношеніи на имя начальника артиллерійскихъ гарнизоновъ московскаго округа ген.-маіора Филиппова сообщалось: „Имѣю честь препроводить пять древнихъ знаменъ, которыя найдены мною въ якутскомъ архивѣ, при обзорѣнн сего края; знамена эти принадлежали Якутскому казачьему полку; но полкъ на владѣніе ими не имѣетъ грамоты. Положительныхъ свѣдѣній о сихъ знаменахъ въ Якутскомъ Архивѣ не отыскаю, а описаніе онымъ составлено по нѣкоторымъ матеріаламъ, найденнымъ въ свиткахъ архива; прилагая сіе описаніе, имѣю честь присовокупить еще къ тому фактъ, что въ хранящейся при дѣлахъ Якутскаго областнаго правленія копіи съ 5 книги 3 отдѣленія сибирской исторіи, впрочемъ никѣмъ не засвидѣтельствованной, видно, что письменный голова Василій Поярковъ въ 1643 году, съ отрядомъ своимъ, слѣдуя по рѣкѣ Алдаку и другимъ рѣкамъ, на Амурь, сражался съ Даурами, неся передъ собою знамя, но кѣмъ оно пожаловано, или отколѣ взято и куда послѣ поступило, ничего не сказано“.

Г л а в а XV°.

(1) Въ лексиконѣ Татищева гривна опредѣлена такъ: „Гривна—золотая монета, весьма древнее обыкновеніе, какъ таковыя и въ библіи упоминаются *), даваемы были знатнымъ начальникамъ; особливо у насъ тысяцкіе, при полученіи чина, оныя и цѣпь черезъ плечо получали; оная гривна естьто, кажется, что нынѣ знаки офицерскіе“.

Савванитовъ же въ своемъ „Описаніи“ старинной русской утвари, одежды и т. п. о гривнѣ говоритъ слѣдующее: „Гривны—шейное украшеніе—были золотыя, серебряныя и мѣдныя, гладкія съ гранями и витыя жгутами или некусно сплетенныя изъ проволоки. Въ Тверскомъ музеѣ хранится,—шейная гривна въ видѣ кольца изъ сплава серебра съ цинкомъ, вѣсомъ 34 золотника, въ діаметрѣ 7½ англійскихъ дюймовъ, толщина въ 2 линніи, поверхность имѣетъ видѣ граней; она застегивается изъ того же куска металла, изъ котораго сдѣлано кольцо“.

(2) Начало же этой грамоты такое: „Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великія, и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, окольничему нашему и воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину. Писалъ къ намъ бояринъ нашъ и дворецкій, и воевода Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и прислалъ суенщниковъ, что милостию Божию, а нашимъ и сына нашего государева счастіемъ, а отца нашего и богомольца, великого государя святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, молитвами; оны, бояринъ и дворецкій, и воевода Василей Васильевъ и ты товарищъ его, окольничей нашъ и воевода Андрей Васильевъ съ нашими ратными людьми польскаго коруннаго и гетмана Потоцкаго крымскаго хана побили, и городъ польскій Люблинъ, а въ немъ часть животворящаго древа Господня, и иные города, и народъ и языки поймали и бунчукъ взяли, и людей въ Люб-

*) Въ книгѣ числѣ, гл. 21: „И принесомъ даръ Господу мужъ еще обрѣте, сосудъ златъ, и обручѣ, и гривну, и перстень ожерзая и чепъ златую“.

линѣ на наше царское имя къ вѣрѣ привели, и съ крымскимъ ханомъ бились.

(3) Сеунчъ означаетъ извѣстiе, сеунщикъ—вѣстникъ.

Доставленiе свѣдѣнiй о ратномъ дѣлѣ считалось большимъ отличiемъ и обыкновенно щедро награждалось.

Съ другой стороны грозилъ смерть за доставленiе свѣдѣнiй неприятелю, Такъ, въ Уложенiи 1649 года „о службѣ всякихъ ратныхъ людей“, между прочимъ, имѣется статья:

„А будетъ кто, будучи на Государевѣ службѣ въ полкѣхъ, учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжати въ неприятельскiе полки и въ неприятельскихъ полкѣхъ сказывати про вѣсти и про Государевыхъ ратныхъ людей, и въ томъ на него кто извѣститъ, и сыщется про то докряма; и такова переѣзжика казнити смертiю, повѣсити противъ неприятельскихъ полковъ, а помѣстья его и вотчины и животы взяти на Государя“.

О порядкѣ награжденiя сеунщиковъ состоялся даже въ 1659 году особый именной указъ *). Онъ устанавливалъ: „Которые Московскихъ чиновъ и городовые дворяне къ нему, Великому Государю, присланы будутъ изъ полковъ отъ Бояръ и Воеводъ съ Сеунчемъ, и тѣхъ Сеунщиковъ будетъ Великий Государь кого пожалуетъ изъ житя въ стряпчiе, и изъ Стряпчихъ въ Стольники, а изъ городовыхъ Дворянъ по Московскому списку“, то имъ „помѣстныя и денежныя придачи не придавать и въ приказъ соборей и денегъ не давать для того, что вмѣсто придачъ и соборей и денегъ пожалованы они въ иные чины“.

(4) Напримѣръ, въ томъ 1633 году возникло дѣло „по челобитью Федора Еропкина о пожалованiи его за службу, сеунъ, языки и убитыхъ мужиковъ помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ“. Въ челобитной было сказано:

„Ротмистра Вотвинку и польскихъ и литовскихъ людей побили на голову и его Вотвинка ранили и брата его и племянника убили и сбили литовскихъ людей до города до Кричева, и языки, и знамена, и литавры, и барабаны, и пицаль затинную, и литавричка и трубача взяли; и онъ тѣ языки, и знамена, и литавры, и барабаны послалъ къ Государю къ Москвѣ съ коломяниномъ, съ Федоромъ же Еропкинымъ, который былъ въ той посылкѣ въ промыслу“ **).

Въ большинствѣ случаевъ каждая подобная челобитная вызывала „разрядную выписъ“. Образцомъ можетъ служить слѣдующая: „Балимъ Федоровъ сынъ Болтинъ в прошломъ, въ 141 году, былъ на государевѣ службѣ въ Сѣверскомъ походѣ воевода для городского промысла надъ Новымъ городомъ Сѣверскимъ и будучи подъ Новымъ городомъ, государю служилъ и литовскихъ людей на вылазкѣхъ и на приступѣхъ побивалъ и языки ималъ и Новгородокъ взятемъ взяли і за ту службу Ванму Болтину дано государева жалованья у стола: шуба отласъ золотой на соболѣхъ, цѣна 108 рублевъ, кубокъ, вѣсу 2 гривенки 26 золотниковъ. Да ему жъ, Ванму, за ту жъ службу придачи къ старому его окладу къ 700 четямъ 100 четей, денегъ, къ 130 рублямъ 50 рублевъ, и придаточныя деньги для службы даны“.

Эта выписъ была приложена къ челобитной 1633 года Ивана Еропкина.

Окончательная помѣта на челобитной такая: „142 году декабря въ 19 день Государь пожаловалъ, велѣлъ ему дать за службу сорокъ рублевъ, да шубу соболью отласомъ въ 90 рублевъ; кубокъ въ 2 гривенки“.

По этому указу была дана „память“ дяку Гаврилѣ Облезову, которому

*) „Полн. Соб. Зак.“, т. I, ст. 248.

**) „Акт. Моск. Госуд.“, Поповъ, т. I, стр. 472.

приказывалось „шубу со всѣмъ нарядомъ въ девяносто рублей и кубокъ съ кровлею серебрянѣ въ двѣ гривенки изготовить“.

(5) Въ обиходѣ Московской Руси были два рода кафтановъ: собственно кафтаны и кафтаны турецкіе. Первые были исподнею, а послѣдніе верхнею одеждою. Поэтому только турецкіе кафтаны могли быть жалуемы въ награду.

Въ статейныхъ спискахъ разныхъ Московскихъ посольствъ къ чужестраннымъ дворамъ часто упоминается, что послы, при своихъ посылкахъ, подносили государямъ и частнымъ лицамъ матерію для кафтановъ турецкихъ. Это, напримѣръ, было сдѣлано въ 1667 году стольникомъ Потемкинымъ, который отъ себя поднесъ французскому королю Людовику XIV „исподъ кафтана турецкаго“.

(6) Имѣется также слѣдующая записъ (21 декабря 1656 года) о шубѣ Царя Алексѣя Михайловича, показывающая вообще роскошь царскаго одѣянія: „Скроена Государю шуба обьяръ золотная по червчатой землѣ струя и травы золоты да серебряны, исподъ лисей чернобурыхъ лисницъ, ожерелье бобровое, съ пухомъ, кружило кованое серебро широкое, мѣроу 3 аршина вѣсу 60 золотниковъ, нашивка серебряна съ кистями, ворворки обнизаны жемчугомъ съ камнемъ, 11 пуговицъ жемчугъ съ картулиномъ, въ закрѣпкахъ зерна кафимскіе“.

(7) Кройка фѣязи для Алексѣя Михайловича была слѣдующая: длина спереди 2 арш. 2 вер., позади 2 арш. 1½ вер., въ плечахъ ширина 15½ вер., рукавъ длины отъ стану 1½ арш., въ корени—7 вер., въ запястьѣ—3 вер.; въ подолѣ ширина 4 арш.

Фѣязи, являясь верхней комнатной одеждою, дѣлались теплыми и холодными; въ первомъ случаѣ подбивались собольями, крылись же преимущественно тафтой, камкой, золотнымъ бархатомъ, атласомъ, обьярью и свѣтлымъ сукномъ.

Въ казні царя Θεодора Алексѣевича, между прочимъ, описана слѣдующая фѣязь: „бархатъ жаркой цвѣтъ, двоёморхъ, по немъ травы и репыи золоты съ серебромъ лапелчаты, кружево нашито плетеное золото съ серебромъ, съ пеленелы, подкладка обьяръ по серебряной землѣ, по ней травы золоты съ разными шолки“.

(8) О постройкѣ этого кафтана сохранилась слѣдующая записъ *): „И Апрелья въ 8 числѣ по сему Великихъ Государей указу, въ Казенномъ Приказѣ, Боярину и Воеводѣ Князю Василію Васильевичу сдѣланъ кафтанъ аксаметь золотъ, по серебряной землѣ, по немъ травки, а въ тотъ кафтанъ аксамиту пошло, мѣроу 11 аршинъ съ четью, цѣною по семи рублевъ аршинъ, и того 78 рублевъ 25 алтынъ. А изъ Сибирскаго Приказа взято мѣхъ соболей пластинчатый, цѣною въ 209 рублевъ съ полтиною; рукава пучатые соболы, цѣною въ 20 рублевъ въ 30 алтынъ; на опушку того кафтана и на кондыри, соболей четыре пары по 12 рублевъ по двѣ пары по 11 рублевъ, двѣ по 7 рублевъ и того на 104 рублевъ на 30 алтынъ на 2 деньги. Всего тотъ кафтанъ по цѣнѣ 393 рублевъ 5 алтынъ“.

Г Л А В А XVI.

(1) Щедро были награждены и сотрудники Голицына. Въ указѣ было сказано: „Вамъ Бояромъ, Боярину и Намѣстнику Вятскому, Борису Петровичу Боярину и Намѣстнику Суздальскому, Ивану Васильевичу, по кубку серебряному золоченому, вѣсомъ по 5 фунт., по кафтану отласному золотному на со-

*) „Древ. Рус. Вивлиока“, т. XVII, стр. 349.

болѣхъ, цѣною по 250 руб., ко прежнимъ вашимъ окладомъ придачи по 150 руб., да на отчины по 4000 ефимковъ. Вамъ Окольниковъ: Окольникову и намѣстнику Шацкому, Петру Дмитриевичу и Окольникову жъ и Намѣстнику Муромскому Ивану Ивановичу, по кубку серебряному золоченому, вѣсомъ по 3 фунта, по кафтану отласному на соболѣхъ, цѣною по 150 руб. и ко прежнимъ вашимъ окладомъ придачи по 120 руб., да на отчину по 3000 ефимковъ. Тебѣ Думному Дьяку, Емельяну Игнатьевичу, кубокъ, серебрянъ золоченъ, вѣсомъ 3 фун., кафтанъ отласный золотный на соболѣхъ, цѣною во 120 руб., ко прежнему твоему окладу придачи 80 руб., да на отчину 2000 ефимковъ. Вамъ Дьякомъ, Василию Бабинну, Василию Постникову, Прокофью Возницину, Ивану Волкову, по кубку серебряному золоченому, вѣсомъ по 1 гривенки кубокъ, по кафтану отласному золотному на соболѣхъ, цѣна по 80 руб., ко прежнимъ вашимъ окладомъ придачи помѣстнаго по 120 чет., денегъ по 30 руб., да на отчины по 500 ефимковъ^{*}).

ГЛАВА XVII.

(1) О низложении жегетмана Кулаги было сообщено Путивльскими воеводами въ слѣдующей отпискѣ, основанной „на вѣстяхъ“ казачьяго сына Алексѣева и литвина Маркова:

„А вѣстей они сказали намъ,—какъ де была рада у запорожскихъ черкасъ въ прошломъ въ 140 году объ Оспожинѣ днѣ въ Чернеховской дубравѣ, и приѣзжали де въ раду къ черкасамъ Кіевскій митрополитъ и иные старцы и говорили де черкасомъ, чтобъ они стряли противъ поляковъ за христіанскую вѣру, а поляки де хотятъ христіанскую вѣру разорить; а будетъ де они, черкасы, за вѣру противъ поляковъ не имуть стоять, и они де, духовный ихъ чинъ, говорили имъ, что де повдуть на твое государево имя. И черкасы де для того гетмана Кулагу и полковниковъ отставили, а выбрали де иного гетмана, Андрея Дѣденка, и полковниковъ иныхъ же изъ черныхъ людей, которые де прежь сего билнсь съ поляки въ прошломъ, въ 139 году подъ Переяславлемъ, и знакъ де у него, Кулаги, королевское знамя отняли и отдали новому гетману, Андрею Дѣденко“.

ГЛАВА XVIII.

(1) Цѣликомъ третья „Статья Московская“, озаглавленная „О избраніи Гетманскомъ и о даніи на булаву Гетманскую“, гласила слѣдующее:

„Если, судомъ Божиємъ, нынѣ и впредь будущему Гетману смерть случится, чтобъ промежь войска запорожскаго казацкаго, а не изъ инаго какого народа и войска, истиннаго козака Гетмана по стародавнимъ правамъ войско-

^{*}) „Древн. Рус. Вивліое.“, т. XVII, стр. 375.

вымъ обирать на Гетманство, по указу Великаго Государя Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, при особѣ отъ престола его Государскаго присланной, вольно войску запорожскому было: а обрянный Гетманъ къ Москвѣ ъздить и Великаго Государя пресвѣтлыя очи видѣти долженъ будетъ такъ, какъ нынѣ Гетманъ нынѣшній по своему обѣщанію учинилъ. А по смерти Гетмановъ, булаву и знамя большое и булаву жъ и знамя меньшее и бунчукъ и пушки до Гетманскаго обирания и для шатости Малороссійскихъ жителей, долженъ взять обозный войсковой, и отвезти къ Боярину и Воеводамъ, которые въ то время будутъ въ Кіевѣ, или въ иномъ которомъ Малороссійскомъ городѣ.

И Великій Государь, сей статьи слушавъ, указалъ быть такъ, какъ написано; а Боярину и Воеводамъ изъ Кіева булаву и знамя и бунчукъ и пушки дано ему будетъ при обираніи; а булаву же и знаменамъ большимъ новобраннаго Гетмана пожалуетъ Великій Государь Его Царское Пресвѣтлое Величество, и на подтверженіе свою Государеву жалованную грамоту велитъ ему дать въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ.

Чтобы вся волость Гадичкая при булавѣ была такъ, какъ за покойнаго Богдана Хмѣльницкаго Гетмана Запорожскаго было; а въ волости Гадичкой Зинковского полка тѣ города обрѣтаются: Котелва, Опошня, Куземинъ, Грунь Черкасская, Зинковъ, Лютинка, Венрикъ, Рашевка Камышная, Ковалевка, Буракъ, чтобъ при Гадичѣ и тѣ всѣ городки помянутые съ мельницами, съ селами, съ полями и съ иными угодья, къ тѣмъ городамъ надлежащими, на булаву Гетманскую шли, да въ тѣхъ же городѣхъ мельницы даны будутъ Ясауламъ войсковымъ двумъ человекомъ“.

Какъ извѣстно, Брюховецкій вскорѣ, въ 1668 г., измѣнилъ и, по общему согласію полковниковъ и старшинъ, рѣшился на радѣ въ Гадичѣ отложиться отъ Руси и поддаться турецкому султану.

Но Слободскіе полки остались вѣрными принятой присягѣ. Въ виду этого имъ была дана слѣдующая жалованная грамота *):

„Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ за ихъ къ нему Великому Государю прежнія и нынѣшнія службы и за раззореніе, учиненное отъ измѣнниковъ запорожцевъ, отъ крымскихъ и нагайскихъ татаръ, и за осадное сидѣніе, повелѣлъ оброчныя деньги имъ отдать, и впредь пожаловалъ промыслами въ городахъ сихъ трехъ полковъ **) промыслять безоброчно и бездошлинно; о чемъ въ каждый полкъ указалъ выдать жалованная грамоты за государственной печатью“.

Граматы эти были выданы въ полки 23 апрѣля 1669 года. Но 5 мая того же года казаки Харьковскаго полка получили новую жалованную грамоту, которою предоставлялось имъ, вмѣсто годового жалованья, пользованіе разными пошлинами.

(2) Въ виду того, что это былъ послѣдній договорный актъ конца XVII столѣтія относительно „войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетмана“, безъинтересна и остальная часть той-же 6-й статьи:

„А безъ челобитья и безъ указа Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, имъ Старшинѣ и всему войску Запорожскому, Гетмана не обирать, также и съ Гетманства не отставлять, а клейноты: знамя и булаву и печать и литавры держать въ береженьи; а буде случится тому

*) „Изюмскій Слобод. полкъ“, Гербель, стр. 22—23.

**) Первые выходцы, селясь по рр. Донцу и Изюмцу, въ виду близости татарскихъ кочевій, стали укрѣплять свои слободы и построили въ 1651 году Изюмскій окопъ, а сами обратились въ войско. Стали появляться новые пришельцы, поселявшіеся на рр. Сулѣ, Ворсклѣ и др., и образовали съ прежде прибывшими три полка.

изстеря, и въ то мѣсто присланы будутъ отъ Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества новые войсковые клейноты.

И Гетманъ, и Старшина и все войско Запорожское на милости ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества били челомъ и приняли то съ радостью“.

(3) При этой богатой посылкѣ гетману не были забыты и остальные высше чины войска. Такъ, „обозному, 2 человекамъ, судьямъ, писарю, 2 человекамъ ясауламъ, хоружному, бунчужному всего 8 человекамъ, по объяри мѣроу по 5 арш., да по 2 пары соболей, по 20 рублевъ пара человекъ.

Полковникамъ городовымъ 10 человекамъ по отласу, мѣроу по 11 арш., да по 2 пары соболей, цѣною по 15 руб. пара человекъ.

Полковникамъ же охотныхъ полковъ 7 человекамъ по отласу, мѣроу таковы жъ, да по парѣ соболей, цѣною по 10 рублевъ пара человекъ“.

(4) Въ книгѣ „Приходной мягкой рухляди и серебряной посуды 138 года“ записано:

„Мая въ 23 день у Государя Царя і великаго Князя Михаила Феодоровича всеа русіи на дворе вграновитой палате былъ Турецкаго Муратъ Салтана посолъ Тома Кантакузинъ, и гречаня и Государю Царю і великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа русіи челомъ ударить и явить (перечисленіе „дарѣхъ“), да послѣ Тома Кантакузинъ челомъ ударить отъ себя, буздуганъ оправленъ золотомъ, рознымъ полосы косые одни золочены, а другіе счерню у буздугана перье хрустальное, вперье и у буздугана, верхнемъ і нижнемъ конце девяносто искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ и лалавыхъ вгнездахъ да двадцать искорокъ изумрудныхъ вгнездахъ же; подъ буздуганомъ въ яблоке да въ вдву каемочкахъ и пониже яблока втретьей кайме, сто двадцать искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ, да гнездо порозжее, искорки одной нѣтъ, да сто десять искорокъ алмазныхъ, верху буздугана — яхонтъ червчатъ грании, золота буздугане две гривенки; цѣна буздугану триста пятьдесятъ рублевъ; влагалище на буздугане деревянное оболочено кожею красною; мѣсты наведено золотомъ сусальнымъ“.

(5) Она была въ 1812 году отбита, при преслѣдованіи остатковъ французской арміи, командиромъ Рыльскаго пѣхотнаго полка Некрасовымъ 1-мъ. Затѣмъ въ 1816 году передана сенатору С. П. Хитрово, какъ старшему въ родѣ. По кончинѣ его, въ 1829 году булава перешла члену Государственнаго Совѣта Хитрово.

Нынѣ-же принадлежить егермейстеру А. З. Хитрово.

ГЛАВА XIX.

(1) Въ проектѣ, составленномъ въ началѣ 1720 года, говорится:

„Орудіемъ Своимъ Святымъ Апостоломъ Андреемъ, который первый былъ съ братомъ Петромъ, коихъ Христось отъ рыболовнаго дѣла къ Апостольству призвалъ, послѣ Вознесенія Христова, Нашему Россійскому Государству и народу явилъ въ томъ, что онъ въ Скифин, при Понтѣ Евкинскомъ, и въ Сормации, первый проповѣдуя Евангеліе Христово и на горѣ, близъ Днѣпра рѣки, благословляя всю Россійскую землю, сѣмя Святого Евангелія розсыялъ“.

„Хотя Намъ“, говорится далѣе, „какъ Самовластному Государю и Главѣ, самовластно и единственно принадлежить избраніе въ кавалеры и Мы не обязаны

давать отчеты въ Своихъ дѣлахъ и поступкахъ никому, кромѣ Всевышняго Бога, и твердо рѣшились, по Божіей Милости, никого иного къ сему достоинству не избирать, кромѣ имѣющаго къ оному потребныя качества и добродѣтели, о коего постоянной вѣрности Мы увѣрены и кого признаемъ тому достойнымъ“ *).

О поднесеніи въ 1703 году ордена самому Царю сохранилась слѣдующая записъ **):

„Капитану Бомбардирскому, за взятіе двухъ непріятельскихъ кораблей, данъ воинскій орденъ Святого Апостола Андрея, въ походной церкви, послѣ отданія благодаренія Богу, за тотъ надъ непріятелемъ одержанный авантажъ. Тотъ орденъ положилъ на Него Г. Капитана, Великій Адмиралъ и Канцлеръ Графъ Головинъ, яко первый того ордена Кавалеръ. За ту же службу таковымъ же образомъ и Генералъ-Губернаторъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ учиненъ Кавалеромъ реченнаго ордена“.

(2) Это образцовое знамя было описано слѣдующимъ образомъ:

„А по осмотру то знамя полотнище мѣроу трехъ аршинъ счетью, черного байбереку, клѣтчатаго итайскаго.

Внемъ шиты вѣтви жолтой камки между вѣтви в средине облако лазоревой камки всевидящее око ізока рука бѣлой камки палашь серебряной скрыжомъ золоченымъ по гулеарбѣ, на облакѣ вообдѣржаніи чепъ жолтой камки. Надъ облакомъ и чепью корона большая жолтой камки посторонь короны вверху хкраю конца знамени облако бѣлой камки вооблакѣ крестъ серебряной здругую сторону короны пять звѣздъ серебряныхъ внизу у чети крестъ подобенъ ковалерскому скороноу по гулеарбе золоченъ внизу вѣтвей росписано киноварью листы мешечекъ сукна малиноваго кармазину древко мѣроу пяти аршинъ подзнаменемъ крыто чернилами на глянсѣ гдѣ рукою держать, два пояска точеныхъ золоченыхъ между поясками крыто киноварью; дротикъ желѣзной обтертъ нагладко“.

ГЛАВА XX.

(1) Къ этому времени во многихъ солдатскихъ полкахъ находились еще знамена изъ цвѣтной шелковой или бумажной матеріи съ нашитымъ крестомъ изъ той же матеріи, но другого цвѣта. Это подтверждаютъ слѣдующія записи въ дневникѣ Гордона ***):

„1696 года февраля 8 Гордонъ купилъ 54 арш. красной и 6 локтей бѣлой тафты, по 20 алтынъ за аршинъ для 10 знаменъ Бутырскаго полка и 2 аршина на кресты, именное—бѣлые на красномъ полѣ и красные на бѣломъ, за 37 руб.

Февраля 10 купилъ 88 арш. бѣлаго миткаля по 4 алтына '4 деньги за аршинъ, 13½ кусковъ бѣлаго, желтаго и чернаго миткаля, 4 куска по 3½ арш. всякаго сорта, 30 штукъ Kirdiakes за 30 алтынъ, 8 штукъ кумача, 4 штуки краснаго и столько же пунцоваго за 55 алтынъ кусокъ. Все это для 40 знаменъ на 33 руб.

*) „Истор. очер., Рос. орден.“ Введеніе, стр. VI.

**) „Полн. Собр. Зак.“ т. IV, ст. 1931.

***) „Истор. л.-гв. Эряванскаго полка“, Бобровскій, т. I, прил., стр. 17.

Февраля 24 Гордонъ приказалъ купить для двухъ Низовыхъ полковъ: бѣлаго миткала 55 арш. по 4 алт. 4 деньги, 62 арш. кумача, половину краснаго, половину фіолетоваго, по 35 алт. за кусокъ на 20 знаменъ“.

(2) Главный участникъ въ составленіи „Историческаго описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“ (часть 1-я вышла изъ печати въ 1841 году) Висковатовъ утверждалъ, что эти знамена необходимо отнести къ числу жалованныхъ регулярнымъ пѣхотнымъ полкамъ, сформированнымъ въ 1700 году.

(3) Далѣе указывается, что къ постройкѣ этихъ знаменъ приступили „съ поспѣшеніемъ“ жалованные иконописцы, при чемъ „на покупку камокъ золота, кулфарбы и серебра и иныхъ припасовъ“ деньги были опущены изъ неокладныхъ доходовъ.

Часть нужныхъ матерій была куплена въ Суровскомъ ряду у Василія Нестерева въ слѣдующемъ количествѣ: „на полотнища зеленой камки большой руки два косяка четыре аршина поосми рублевъ сполтиною косякъ итого девятнадцать рублевъ наорловое бѣлой камки меньшей руки три аршина три чети по шестнадцать алтынъ по четыре денги аршинъ итого рубль двадцать девять алтынъ всего ему Василью завязтые камки доведетца дать денегъ дватцать рублевъ дватцать девять алтынъ“.

Остальное же количество нужныхъ матерій,—навѣтви и на кресты ина-свитки и наорель“,—въ количествѣ „камокъ жолтой одиннадцать аршинъ бѣлой тринадцать аршинъ три чети лимонной два аршина сполуаршиномъ“ было пополнено выкроенными кусками изъ прежнихъ знаменъ *) и лоскутами, „что ныне дѣланы салдацкихъ знаменъ“.

У сусальныхъ дѣлъ мастера Григорія Константинова было куплено „золота сусальнаго торговые мѣры пять золотыхъ по тридцати по пяти алтынъ золотой серебра сусальнаго шедезять листовъ по пяти денегъ десятокъ всего ему Григорью за золото и за серебро доведетца дать денегъ пять рублевъ тринадцать алтынъ двѣ денги“.

Въ Суконномъ ряду у торговаго человѣка Ивана Юрѣва приобрѣтено „сукна алого полукармазину десять аршинъ по дватцати по пяти алтынъ по четыре денги аршинъ итого девять рублевъ“.

Далѣе было взято „Завязочного ряду у торговаго человѣка у Петра Панутина бахрамы золотной мѣрою шедезять шесть аршинъ вѣсомъ сто пятьдесятъ пять золотниковъ сполузолотникомъ ценою по шти алтынъ золотникъ итого дватцать семь рублевъ тридцать три алтына двенатцать снуровъ зеленыхъ шелковыхъ ззолотомъ скистми шелковымижъ ззолотомъ мѣрою шнуры і скистми по полтора аршина цена четыре рубли дватцать восемь алтынъ двѣ денги всего ему Петру доведетца дать денегъ тридцать два рублевъ дватцать восемь алтынъ“.

Кромѣ того на 4 руб. 19 алтынъ и 2 деньги было взято разнаго рода мелочныхъ припасовъ, въ томъ числѣ: „гулеарба, олива, скипидаръ, масло лянное, клей карлукъ, ярь виноейская, чернила, гвозди, горшки, кисти, ветошекъ, нитей“.

Къ перечисленнымъ расходамъ надо присоединить еще: „портнымъ мастеромъ Григорью Тимоѣеву стоварыщи за шитье вышеписанныхъ знаменъ и за

*) Очевидно обычное явленіе. Этими, конечно, и объясняется малое, сравнительно, количество старинныхъ знаменъ, сохранившихся до настоящаго времени.

Кстати. Часть ихъ была затеряна и изорвана въ 1812 году, такъ какъ вывозимые изъ Оружейной Палаты серебряные и золотые сосуды обвертывались старинными, находившимися тогда въ упомянутой Палатѣ, знаменами.

обшивку бахрамою и за шитье мешечковъ и чехловъ, и на шолкъ и на нити доведетца дать по одиннадцати алтынъ по четыре денги отзнамя итого четыре рубливъ шесть алтынъ четыре денги“.

Такимъ образомъ вся стоимость выразилась въ 76 руб. 29 алтынъ и 4 денги, не считая расхода на „древки и гротики соевоки и сремни“.

(4) Всѣ же статьи этой интересной „Инструкціи“ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Смотры и ученья начальныхъ людей и солдатъ, отпуска деревенскіе за нѣты и за драки наказаніе чинить.

2) Въ полку вновь и въ прибавку строить знамены, ружья, барабаны и иные всякіе полковые припасы надлежитъ Генералу.

3) Начальнымъ людямъ и солдатамъ годовое и хлѣбное жалованье въ пріемъ и въ раздачу надлежитъ вѣдать Генералу.

4) Начальныхъ людей въ полку на уполые мѣста и вновь прибывшихъ надлежитъ Генералу же, а къ ротамъ приписываетъ съ доклада Генералиссимусу.

5) На уполые мѣста и вновь въ полку выбирались въ урядники и въ иные чины и къ полку приверстывать надлежитъ Генералу же и о томъ донести Генералиссимусу.

6) Солдатъ же кто станеть бить челомъ въ Преображенскомъ полку въ солдатскихъ слободахъ о выморочномъ или опальномъ дворѣ, и о томъ указъ чинить надлежитъ Генералу же.

7) А буде же по челобитью солдатовъ подъ дворы вновь мѣста отдавать, надлежитъ указъ чинить ему же Генералу съ доклада жъ Генералиссимусу.

8) Начальныхъ людей и урядниковъ и солдатъ въ безчестьи и въ дракахъ и въ долговыхъ деньгахъ по заемнымъ и по выданнымъ кабаламъ и во всякихъ дѣлахъ кромѣ тайныхъ дѣлъ надлежитъ вѣдать ему же Генералу.

ГЛАВА XXI.

(1) Государь, посылая Уставъ, далъ Сенату слѣдующій указъ о его напечатаніи:

„Господа Сенатъ! Посылаю Вамъ книгу Воинскій Уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число не малое, а именно: чтобы не меньше 1000 книгъ, изъ которыхъ сто три или болѣе на славянскомъ и нѣмецкомъ языкѣ для иноземцевъ въ нашей службѣ; и понеже оный хотя основаніямъ воинскихъ людей, однако же касается, и до всѣхъ Правителей земскихъ, какъ изъ онаго усмотрите: того для, когда напечатаете, то разошлите по пропорціи во всѣ корпуса войскъ нашихъ, такъ же по Губерніямъ и Канцеляріямъ, дабы невѣдніемъ никто не отговаривался, а оригиналь оставьте въ Сенатѣ“.

(2) Войсковымъ атаманомъ въ это время былъ Лукьянъ Максимовъ.

Г Л А В А XXII.

(1) За время Великой Сѣверной войны главнѣйшія медали были выбиты въ память:

- 1) первой побѣды надъ шведскими войсками при Эррестферѣ (1701 г.);
- 2) штурма Нотебурга (1702 г.);
- 3) взятія Нѣншанца (1703 г.);
- 4) абордажа гвардейскими полками двухъ шведскихъ фрегатовъ въ устьѣ Невы (1703 г.);
- 5) паденія Дерпта (1704 г.);
- 6) взятія Нарвы (1704 г.);
- 7) занятія Митавы (1705 г.);
- 8) побѣды при Калишѣ (1706 г.);
- 9) разбитія шведовъ подъ Лѣвнымъ (1709 г.);
- 10) побѣды подъ Полтавою (1709 г.);
- 11) капитуляціи шведовъ у Переволочны (1709 г.);
- 12) взятія Эльбинга (1710 г.);
- 13) занятія Выборга (1710 г.);
- 14) взятія Ревеля (1710 г.);
- 15) капитуляціи Риги (1710 г.);
- 16) занятія Динамюнде (1710 г.);
- 17) взятія Пернова (1710 г.);
- 18) занятія Кексгольма (1710 г.);
- 19) занятія Аренсбурга (1710 г.);
- 20) высадки въ Або (1713 г.);
- 21) побѣды при Пелкинѣ (1713 г.);
- 22) побѣды при Вазѣ (1714 г.);
- 23) взятія Нейшлота (1714 г.);
- 24) побѣды при Гангутѣ (1714 г.), и
- 25) успѣха при Гренгамѣ (1720 г.).

(2) „Всѣхъ штапныхъ и оберъ-офицеровъ жаловаль Государь золотыми портреты съ алмазы и медалями золотыми же по достоинству ихъ чиновъ, а солдатамъ медали серебряныя“ („Журналъ Петра Вел.“, ч. I, стр. 239).

(3) Порядокъ по времени пожалованія орденомъ Андрея Первозваннаго былъ слѣдующій:

1700 годъ—гетманъ Мааепа за тринадцатилѣтніе успѣхи надъ крымцами;

1702 годъ—фельдмаршалъ графъ Шереметевъ за первую побѣду надъ шведами при Эррестферѣ;

1703 годъ—самъ Царь за взятіе двухъ шведскихъ фрегатовъ въ устьѣ Невы.

Вмѣстѣ съ Петромъ были награждены орденомъ князь Меншиковъ и верховный канцлеръ графъ Головкинъ.

1703 годъ—генералы Чамберсъ и Ламбертъ за участіе при взятіи крѣпости Нѣншанца.

1708 годъ—генераль-фельдмаршалъ князь Голицынъ за разбитіе шведскихъ войскъ подъ Добрымъ;

1709 годъ—генераль-фельддехмейстеръ графъ Брюсъ, генераль Галлардъ и генераль-лейтенантъ Ренцель за участіе въ Полтавскомъ сраженіи;

1710 годъ—генераль-адмираль графъ Апраксинъ за взятіе Выборга;

1711 годъ—генераль Ренне за взятіе Браилова;

1714 годъ—генераль Вейде за участіе въ побѣдѣ при Гангутѣ.

(4) Напримѣръ, въ договорѣ отъ 14 іюля 1704 года между дерптскимъ комендантомъ Окитге и фельдмаршаломъ Шереметевымъ пунктъ 1-й требованій шведовъ былъ изложенъ слѣдующимъ образомъ *):

„Г. Капитанъ требуетъ свободнаго пропуска для себя и для находящагося въ семь городѣ подъ его начальствомъ Королевско-Шведскаго войска, какъ состоящаго по Артиллеріи и Фортификаціи, такъ и коннаго и пѣшаго, безъ всякаго различія націй съ литаврами съ трубами, полною музыкою, горящими фитилями и съ пулями во рту, съ порохомъ и свинцомъ на двадцать четыре заряда, штандартами и распущенными знаменами, шестью металлическими пушками и нужными къ тому снарядами, съ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, со всѣмъ имуществомъ, женами, дѣтьми и домашнею челядью, слугами и всякимъ багажемъ, безъ осмотра и обыска, при чемъ имѣетъ быть выдано оному войску мѣсячное содержаніе, по уставу Его Королевско-Шведскаго Величества и пропускъ сей учиненъ сквозь проломъ въ стѣнѣ или гдѣ удобнѣе признано будетъ“.

Въ этомъ, конечно, было отказано и только былъ допущенъ свободный выходъ всего личнаго состава; оружіе же сохранить было предоставлено только тремъ ротамъ.

Пунктъ 1-й въ капитуляціи, составленной 16 августа 1704 года Ивангородскимъ комендантомъ Отіерне Отралемъ, былъ изложенъ нѣсколько иначе**):

„Требую честнаго отпуска для себя и для всѣхъ находящихся офицеровъ, артиллерійскихъ служителей и солдатъ крѣпости, такимъ образомъ, чтобы можно было выйти съ распущенными знаменами, съ военною музыкою, съ 4 пушками съ верхнимъ и нижнимъ оружіемъ, какъ для здоровыхъ, такъ и для больныхъ, безъ всякой перемѣны, съ надлежащею аммуниціею, т. е. съ 12 зарядами и пулями во рту“.

На это фельдмаршалъ Огильви отвѣтилъ:

„Понеже Его Велико Царскаго Величества побѣдоносная войска уже не токмо весь городъ Нарву, но также и гонверкъ Ивангорода штурмомъ взяли, и посему излишно, чтобъ безъ защиты стоящую старую стѣну Ивана Города въ нѣсколько дней до подошвы разрушить, слабый гарнизонъ приводитъ въ несостояніе больше защищаться; то по воинскому правилу ничего болѣе не можно дозволить и ни на что болѣе соглашаться, какъ на 1-й Артикулъ, чтобы весь гарнизонъ вышелъ порядочно изъ Иванъ Города безъ знаменъ и безъ музыки, также и безъ обнаженныхъ шпагъ, но съ верхнимъ и нижнимъ оружіемъ; и чтобъ всѣ Артиллерійскіе служители и къ войску надлежащее отпущено было“.

(б) Акордъ (сдача) былъ принятъ при условіи выпуска шведскаго гарнизона „съ верхнимъ и нижнимъ оружіемъ, при распущеніи знаменъ и музыки, съ ихъ фамиліями и со всѣми богатствами“.

Но это не было соблюдено и выступившіе шведы были объявлены военно-плѣнными.

Такой поступокъ былъ объясненъ коменданту необходимымъ возмездіемъ, между прочимъ, за слѣдующія „неправды“

*) „Полн. Соб. Зак.“, т. IV, ст. 1985.

***) *Idem*, ст. 1989.

1) Военную „شناу“, прибывшую въ 1709 году въ Стокгольмъ, подъ бѣлымъ флагомъ, задержали, а „отъ капитана шведскаго сорваніемъ и бросаніемъ вымпела Его Царскому Величеству безчестіе причинили“.

2) Резидентъ Хилковъ держится въ заключеніи, хотя шведскій уже отпущенъ, и

3) Русскіе подданные, пріѣхавшіе еще въ мирное время, задержаны и имущество ихъ отобрано.

Г л а в а XXIII.

(1) Грамата заключала еще слѣдующее:

„И тѣмъ козакомъ полагать въ службѣ тѣмъ коннымъ выборнымъ козакомъ, а положить на нихъ подмогу, изверстая, и смотря по человѣку, по ихъ Черкасскому обыкновенію самимъ, чтобы тѣ выборные казаки того ихъ подмогой были конны и оружейны и въ походѣхъ запасами удовольствованы, а скудости бѣ имъ никакой не было; а денегъ на нихъ, что было положено въ семь году по рублю на человѣка, не имать“.

(2) Эта грамата заслуживаетъ вниманіе еще и потому, что въ ней упоминается Алексій Петровичъ, какъ наслѣдникъ престола:

„И дабы видя онъ, подданный нашъ, Гетманъ къ себѣ оную Нашу Царскаго Величества милость, Намъ Великому Государю, и Сыну Нашему Пресвѣтлѣйшему Царевичу Алексію Петровичу и Нашимъ Наслѣдникамъ служить вѣрно и постоянно, со всѣмъ подъ regimentомъ своимъ обрѣтающимся подданнымъ Нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ противъ всѣхъ Нашихъ непріятелей“.

(3) По поводу этого пожалованія была дана 21 сентября 1704 года слѣдующая грамата:

„Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца на Донъ и въ Нижнія и Верхнія юрты Атаманамъ и козакомъ, Войсковому Атаману Екиму Филиппеву и всему Войску Донскому, наше, Царскаго Величества милостивое слово: пожаловали мы, Великій Государь, по именному нашему Великому Государю указу, васъ Атамановъ и козаковъ и все войско Донское, за вѣрную вашу къ намъ, Великому Государю, показанную службу, указали новосдѣланную Войсковую серебрянную печать, которая по нашему Царскаго Величества указу, сдѣлана нынѣ вновь на Москвѣ, и подписано на ней сщцевыми словами: „печать Войска Донскаго“; также и насѣку вновь учиненную на Москвѣ деревянную, у которой насѣки, по обѣимъ концамъ, какъ сверху такъ и съ исподу, оправлено серебромъ и подписано на ней по сему: „насѣка войска Донскаго 1704 года“, и тое насѣку и печать послать къ вамъ Атаманамъ и козакомъ. И потому нашему Великому Государю именному указу, та печать и насѣка посланы къ вамъ съ сею нашею Великаго Государя грамотою: и какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота придетъ, и вы бѣ тое Войсковую новосдѣланную печать и насѣку приняли, и о всемъ учинили, какъ о томъ писать къ вамъ“.

будеть, по нашему Великаго Государя указу, съ Воронежа Адмиралтейцо нашъ
Феодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ: о принятіи той печати и насѣки и о всемъ
къ намъ Великому Государю писати къ Москвѣ, чрезъ Азовскую почту, или
Зимовую Станицу; а отписку велѣли подать, въ нашемъ Государственномъ
Посольскомъ приказѣ, Боярину нашему Феодору Алексѣевичу Головину съ
товарищи. Писано на Москвѣ лѣта 1704 Сентября въ 21 день“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Оружейная палата.

Большинство знаменъ и другихъ регалій, указанныхъ въ предлагаемомъ „*Историческомъ очеркѣ*“, хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Послѣдняя уже изстари является сокровищницею, въ которой сначала великіе князья, а затѣмъ цари хранили свои богатства и принадлежности ратнаго дѣла.

Началомъ образованія этихъ богатствъ можно указать 907 годъ, когда Олегъ, обремененный златомъ и наволоками, вернулся въ Кіевъ.

Затѣмъ Игорь былъ встрѣченъ на Дунаѣ императорскими послами съ просьбою: „не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ и придамъ еще къ той дани“.

Великая княгиня Ольга, при воспріятіи св. крещенія, была также одарена „златомъ и серебромъ, наволоками и сосуды розными“.

Сынъ ея Святославъ отъ Іоанна Цимискаго, какъ извѣстно, „въ дарѣхъ“ получилъ мечи и всякое другое оружіе.

Казна же Владиміра была уже настолько велика, что онъ могъ на десятую часть доходовъ построить и содержать церковь.

Богатства были приумножены Ярославомъ I, который для Софійскаго храма, имъ сооруженнаго, велѣлъ вылить надглавный крестъ изъ чистаго серебра.

Святославъ II въ 1075 году показывалъ груды золота и серебра посламъ римскаго императора Генриха IV.

Владиміромъ Мономахомъ были получены затѣмъ большіе дары отъ византійскаго императора Алексѣя Комнена.

Затѣмъ наступилъ періодъ междоусобицъ и собранныя сокровища впервые стали расхищаться.

Съ перенесеніемъ Андреемъ Боголюбскимъ великокняжескаго стола во Владиміръ богатства опять стали собираться и казна княжеская настолько увеличилась, что явилась возможность соорудить знаменитый Успенскій соборъ, обложить стѣны его снаружи мраморомъ, а внутри ярко вызолотить.

Но вотъ Владиміръ на Клязьмѣ былъ разрушенъ татарами, а Кіевъ завоеванъ Литвою.

Стала возвышаться Москва и уже въ 1328 году, при княженіи Іоанна Даниловича, этотъ городъ былъ утверждёнъ первопрестольнымъ, при чемъ въ основаніи была положена идея самодержавія.

Тутъ вновь богатства велико-княжеской казны стали быстро увеличиваться, даже бывшіе пожары и грабительства не могли окончательно уничтожить ихъ. Они лишь временно задерживали ихъ накопленіе.

Богатство Московскихъ царей особенно стало велико ко времени воцаренія Іоанна Грознаго, что и помогло ему въ первый періодъ своего царствованія совершить тѣ славныя ратныя дѣла, которыя стали достояніемъ исторіи и положили, съ покореніемъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, твердое основаніе дальнѣйшему развитію Государства.

Борисъ Годуновъ, мудро управляя и твердо увѣренный въ крѣпости царскаго престола за своимъ родомъ, увеличилъ „казну“ настолько, что могъ въ день прибытія въ Москву датскаго принца послать ему царскій столъ на ста золотыхъ блюдахъ, покрытыхъ такими же блюдами, при чемъ одновременно было послано соотвѣтствующ-

щее число кубковъ, чашъ и стопъ съ напитками. Во время же лагеря подъ Серпуховымъ Борисъ Годуновъ въ теченіе шести недѣль ежедневно кормилъ сотни людей въ своемъ великолѣпномъ шатрѣ на серебряной посудѣ.

Когда же наступило смутное время и Лжедимитрій короновался Шапкой Мономаха, началось расхищеніе всѣхъ сокровищъ, собранныхъ мудростью и экономіей московскихъ государей. Самозванецъ былъ обязанъ передъ польскимъ королемъ и вельможами, а поэтому сталъ одаривать ихъ, съ большою расточительностью, изъ „своей“ царской казны. Вспыхнувшій же, при убіеніи его, народный мятежь докончилъ расхищеніе.

И какъ быстро все перемѣнилось: Василій Шуйскій уже нуждался въ деньгахъ. Поэтому пришлось ему для уплаты наемнымъ шведскимъ войскамъ большинство изъ числа сохранившихся еще золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ перелить въ монету *).

Царь Василій сдѣлался плѣнникомъ Сигизмунда, а поляки — хозяевами Москвы. Они, прикрываясь именемъ Владислава, какъ новоизбраннаго московскаго царя, окончательно расхитили все то, что еще не было уничтожено въ предшествующій періодъ смутнаго времени.

Михаилу Феодоровичу досталась царская казна, какъ и царскія хоромы, совершенно пустая. Но тридцатидвухъ лѣтнее его царствованіе наполнило новыми сокровищами царскія хранилища. Царь же Алексѣй Михайловичъ еще болѣе ихъ приумножилъ **).

Судить же о московскомъ богатствѣ въ періодъ этого царствованія можно по слѣдующимъ словамъ секретаря

*) Это же самое еще позднѣе было сдѣлано во Франціи Людовикомъ XIV. Поэтому тамъ почти совершенно не сохранилось золотой и серебряной посуды времени, предшествовавшаго этому царствованію.

**) Онъ особенно любилъ оружіе. Поэтому драгоценные образцы пицалей и ружей, нынѣ хранимые Оружейной Палатой, были изготовлены на Москвѣ или поднесены иноземцами почти исключительно при Алексѣѣ Михайловичѣ.

при послѣ англійскаго короля Карла II: „Съ нами случилось тоже самое. что бываетъ съ тѣми, которые вдругъ выходятъ изъ мрака на свѣтъ и бываютъ внезапно поражены лучами яркаго солнца. Едва глаза наши были въ состояніи сносить блескъ Двора Царя Русскаго, покрытаго драгоценными каменьями, и самого Царя, казавшаго посреди его яснымъ солнцемъ!“

Теодоръ Алексѣевичъ не любилъ пышности ни въ своемъ обиходѣ, ни въ палатахъ, но любилъ верховую ѣзду и соколиную охоту. Поэтому „царская казна“ за его періодъ обогатилась драгоценными сѣдлами и дорожными принадлежностями для конскаго убора.

Съ воцареніемъ Петра, съ основаніемъ новой столицы и съ введеніемъ его государственныхъ преобразованій,—строй прежней царской жизни былъ измѣненъ. Но Москвѣ были оставлены Великимъ Преобразователемъ богатства „царской казны“, такъ какъ Петръ отлично сознавалъ, что новый городъ на берегахъ Невы нуждается на первыхъ порахъ не въ золотѣ и серебрѣ, а въ топорѣ и лопатѣ.

* *
* *

Самыми древними хранилищами „царской казны“ были палаты Мастерская и Оружейная, при чемъ первыя описи ихъ, до насъ дошедшія, относятся къ 1511 году.

Первая палата хранила корону, державу, скипетръ, жезлы, письменныя дворцовыя дѣла, государственные акты, а также одѣянія для разныхъ царскихъ выходовъ. Вторая же—булавы, шестоперы, знамена (главное), брони, шлемы и т. п.

Затѣмъ появился Казенный приказъ, въ вѣдѣніи котораго находились золотая, серебряная, янтарная и другая посуда, парчи, бархаты, сукна, шелковыя матеріи, покровы на царскія гробницы, кресты и т. п.

При Алексѣѣ Михайловичѣ число палатъ и приказовъ указанной выше категоріи значительно увеличилось, при

чемъ они получили общее названіе „Мастерской Оружейной Палаты“ *).

При преемникахъ его, до конца XVII столѣтія, сохранялся тотъ же порядокъ. Онъ былъ радикально нарушенъ къ концу царствованія Петра Великаго. Кремль опустѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опустѣли полузабытыя и обширныя постройки, отведенныя подъ всѣ учрежденія Оружейной Палаты.

Древнія сооруженія Московскаго Кремля въ виду этого довольно быстро пришли въ нѣкоторое запустѣніе, хотя все-таки поддерживались.

Лишь въ 1743 году, при перестройкѣ, по повелѣнію Елисаветы Петровны, Кремлевскаго дворца, всѣ драгоценности были сосредоточены въ одномъ зданіи—теремѣ, построенномъ въ 1636 году Михаиломъ Феодоровичемъ для житья царевича. Тутъ всѣ богатства прошлаго оставались въ теченіе 70 лѣтъ.

Императоръ Александръ I пожелалъ выстроить особое специальное зданіе, планъ котораго былъ разработанъ княземъ И. В. Циціановымъ. Это зданіе, подъ названіемъ Палаты, было закончено постройкой въ 1810 году, при чемъ имъ было занято мѣсто, на которомъ когда-то стоялъ домъ Бориса Годунова.

При Николаѣ Павловичѣ всѣ предметы были перенесены въ новое помѣщеніе, сооруженное къ западу отъ Большаго Дворца и соединенное съ нимъ зимнимъ садомъ на аркахъ.

* *
*

Нынѣ сокровища Оружейной Палаты размѣщены въ залахъ двухъ этажей, соединенныхъ роскошною лѣстницею.

Началомъ этой лѣстницы являются большія съ колоннами сѣни, стѣны которыхъ убраны доспѣхами XVII вѣка.

*) Первымъ начальникомъ былъ бояринъ князь П. И. Прозоровскій.

Внизу лѣстницы помѣщены: токарный станокъ Петра I; колоколь, перелитый въ 1714 году изъ стараго набатнаго, висѣвшаго на Спасскихъ воротахъ, и шесть чугунныхъ пушекъ, отбитыхъ въ 1774 году у Пугачева. На первой площадкѣ поставлена ваза работы Александровской мануфактуры; надъ нею же — живопись художника Сверчкова по стеклу, изображающая государственный гербъ съ гербами губерній и областей. На стѣнахъ — красивыя арматуры изъ доспѣховъ XVIII столѣтія, преимущественно нѣмецкой работы.

На верхней площадкѣ, по сторонамъ входной двери, поставлены два дѣтскіе манекена въ брони; послѣдняя является замѣчательнымъ образцомъ работы русскихъ мастеровъ XVIII столѣтія.

Первая зала называется „Бронной“. Она вмѣщаетъ преимущественно русское оружіе XVIII столѣтія. Тутъ имѣется нѣсколько манекеновъ въ доспѣхахъ: воевода на конѣ, конный рыцарь, два пѣшихъ ратника и сотенный голова. На особыхъ же тумбахъ размѣщены: шлемъ и кольчуга, найденные въ 1808 году близъ Юрьева-Подольскаго; желѣзная шапка-іерихонка князя Ѳ. И. Мстиславскаго; нѣсколько шлемовъ и лать, добытыхъ при покореніи Сибири; лейбъ-кампанская шапка Елисаветы Петровны; шлемъ Михаила Ѳеодоровича, работы Никиты Давыдова.

Вдоль стѣнъ и по стѣнамъ размѣщено также много предметовъ стараго вооруженія, начиная съ XIII вѣка. Такъ, можно указать: шлемы, шапки-мисюрки, зеркала русской и иноземной работы, кольчуги и т. п. Тутъ же хранится шоломъ, приписываемый великому князю Юрію Всеволодовичу, и кольчуга, на каждомъ кольцѣ которой имѣется надпись „съ нами Богъ“.

Въ другихъ залахъ перваго этажа, изъ собранной здѣсь массы военно-историческихъ памятниковъ, можно прежде всего указать на шапки и сабли князя Пожарскаго и Козьмы Минина; на знамя того же князя, подѣ

которымъ русскіе люди бились съ поляками, завладѣвшими Москвою. Также особаго вниманія заслуживаетъ и оружіе Троице-Сергіева монастыря, при помощи котораго его иноки успѣли отстоять святую обитель отъ уничтоженія ея польскими войсками. Древнѣйшимъ же памятникомъ былой боевой славы древней Руси является знамя Димитрія Донскаго и „великій стягъ“ Грознаго. Много имѣется знаменъ разныхъ категорій и всѣхъ послѣдующихъ эпохъ.

Среди императорскихъ регалій первое мѣсто по древности надлежитъ отвести шапкѣ Владиміра Мономаха, за нею слѣдуетъ Казанская корона XVI вѣка царя Симеона и шапки: Михаила Θεодоровича, Іоанна Алексѣевича, царя Петра Алексѣевича, построенная по образцу Мономаховой. Хранится еще нѣсколько коронъ: Императорская, Грузинская и Мальтійская Павла I. Въ этихъ же залахъ находятся держава, скипетръ, золотая цѣпь и бармы, присланные вмѣстѣ съ короною греческимъ императоромъ Владиміру Мономаху, а также скипетръ царя Грузіи Георгія, поражающій художественностью работы. Много скипетровъ и другихъ предметовъ, изъ числа императорскихъ регалій, находится въ большой витринѣ, надъ которой склонено государственное знамя.

Нѣсколько троновъ. Два изъ нихъ съ балдахинами служили при коронованіи Императоровъ Александра I и Николая I польскими королями. Сохранился двойной серебряный тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; кресло царя Михаила Θεодоровича; кресло алмазное со многими драгоценными камнями царя Бориса Годунова, присланное ему въ 1605 году „въ дарѣхъ“ персидскимъ шахомъ и рѣзное изъ кости—великаго князя Іоанна III, полученное имъ изъ Греціи по случаю бракосочетанія его съ царевною Софіею Палеологъ.

Вдоль стѣнъ залъ расположены шкафы съ древними царскими одеждами, платьями императрицъ, кафтанами и мундирами императоровъ. Въ особомъ шкафу, среди

дорогихъ и художественно-исполненныхъ царскихъ посоховъ и тростей, обращаетъ на себя вниманіе простая палка — та историческая дубинка, которая такъ часто служила въ рукахъ перваго Императора средствомъ для наказанія виновнаго или строптиваго.

Серебряный залъ отведенъ для древней посуды. Тутъ много витринъ. Въ нихъ размѣщены эмалированныя, серебряныя, деревянныя, кокосовыя и стеклянныя вещи русской работы XVII столѣтія; предметы, присланные королями датскими, шведскими, польскими, англійскими и французскими; имѣется много и другихъ предметовъ. Въ небольшой витринѣ помѣщены художественно-исполненныя рѣзные работы изъ слоновой кости—подарокъ Наполеона I Императору Александру Благословенному.

Имѣется множество другихъ предметовъ, какъ памятниковъ военно-историческихъ, такъ и образцовъ древняго русскаго, а также иноземнаго искусства.

Залы нижняго этажа заняты болѣе крупными предметами, входящими въ составъ сокровищъ Московской Оружейной Палаты.

Въ первой залѣ, кромѣ чепраковъ, полостей и ковровъ XVII вѣка, поставлены двѣ модели. Одна—грандіозное зданіе, по проекту архитектора Бажанова, должно было существовать, какъ желала Екатерина Великая, раскинуться по всему Кремлю, не пощадивъ даже его историческихъ стѣнъ. Другая—Коломенскій дворецъ. Тутъ же поставленъ тронъ хивинскаго хана, взятый во время войны 1870 года.

Въ слѣдующей залѣ размѣщены въ особыхъ витринахъ конскія принадлежности и украшенія XVI и XVII столѣтій.

Въ третьей залѣ — старинные экипажи. Между ними обращаетъ вниманіе золотая карета, украшенная живописью Буше, подарокъ графа Разумовскаго Елисаветѣ Петровнѣ; возокъ той же Императрицы и карета, присланная англійскою королевою Елизаветою царю Борису Годунову. Тутъ же находятся двѣ походныя кровати Напо-

леона I, отбитыя во время отступленія „Великой арміи“ къ р. Березинѣ.

Въ четвертой залѣ имѣется также много разныхъ предметовъ, въ томъ числѣ походный дарецъ Петра Великаго и блюда, поднесенныя Государю по разнымъ случаямъ.

Заканчивая этимъ краткій обзоръ всѣхъ сокровищъ той „царско-императорской“ казны, которая хранится нынѣ въ Оружейной Палатѣ, остается сказать, что эти сокровища, съ уничтоженіемъ должности директора *) и сокращеніемъ штатовъ, больше уже не изучаются. не выясняются мѣста сомнѣній изъ царскаго быта древней Руси и не пополняются памятники этого быта пріобрѣтеніемъ новыхъ предметовъ, исторически связанныхъ съ допетровской эпохой Московской Руси.

Положенные же по штату два хранителя могутъ исполнять лишь обязанности по сохраненію ввѣренныхъ ихъ попеченію сокровищъ.

Не пополняется и библіотека не только заграничными, но даже и русскими сочиненіями по вопросамъ, непосредственно соприкасающимся съ задачами и цѣлями Оружейной Палаты.

Въ заключеніе остается еще сказать, что для туриста даже простой обзоръ Оружейной Палаты затрудненъ, такъ какъ имѣющійся путеводитель, изданный въ 1883 году **) съ простымъ перечисленіемъ предметовъ, уже въ значительной степени не согласуется съ современнымъ ихъ размѣщеніемъ.

*) Эту должность, между прочимъ, занимали такія лица, какъ Загоскинъ и Забѣлинъ.

**) На французскомъ языкѣ изданъ въ 1882 году.

Артиллерійскій Музей.

Артиллерійскій Музей богатъ не одними памятниками древняго пушкарскаго дѣла. Въ немъ хранится довольно много и другихъ предметовъ, соприкасающихся съ военнымъ дѣломъ конца XVII и начала XVIII столѣтій. Среди этихъ предметовъ довольно видное мѣсто занимаютъ знамена, хотя въ шестидесятихъ годахъ значительная часть ихъ и была передана въ Московскую Оружейную Палату.

Началомъ основанія Музея надо считать послѣдовавшій по представленію тогдашняго генераль-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова высочайшій указъ отъ 14 ноября 1756 года, которымъ предлагалось „о разобраніи имѣющихся по монастырямъ старинныхъ военныхъ орудій и протчаго и о взятьѣ годныхъ изъ нихъ оттуда какимъ образомъ, изъ учрежденной при дворѣ нашемъ конференціи экстрактомъ и съ протокола отъ сегождъ числа въ нашъ синодъ писано“.

Исполненіе этого, довольно темно-изложеннаго, указа ввѣрено было лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручику Кропотову, который долженъ былъ находящіяся въ разныхъ мѣстахъ латы, кольчуги, ружья и другія подобныя исторически-важныя вещи отправить въ Москву для храненія тамъ при мѣстномъ артиллерійскомъ вѣдомствѣ въ особо отведенномъ помѣщеніи.

Главнымъ хранилищемъ были, конечно, монастыри. Отъ послѣднихъ и были потребованы вѣдомости хранящимся у нихъ предметамъ указанныхъ выше категорій.

Вѣдомости и донесенія сохранились. Изъ нихъ видно, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ почти ничего не оказалось, другіе отвѣтили, что хранившіеся предметы были уже ими представлены въ 1744 году по указу изъ Коллегіи Экономіи, но за то во многихъ монастыряхъ оказалось весьма много предметовъ, которые и были, на основаніи указа 1756 года, свезены въ Москву, при чемъ владѣльцамъ было уплачено, по особой оцѣнкѣ, за взятые предметы.

Одновременно велѣно было разобрать и сдѣлать описи „достопамятнымъ и куріознымъ предметамъ“, а также „инвертарскимъ“, состоявшимъ не только въ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ учрежденіяхъ столичныхъ, но и въ прочихъ пунктахъ Россіи. Тутъ также были вытребованы особыя донесенія, а затѣмъ предписано всѣ предметы этихъ категорій хранить въ особыхъ помѣщеніяхъ.

Весьма естественно, что болѣе обширныя помѣщенія потребовались въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ какъ сюда, главнымъ образомъ, стали отправляться „куріозныя и достопамятныя вещи“.

Начало для Петербурга было положено подпоручикомъ Миллеромъ, который донесъ, что имъ разныя „инвертарскія и достопамятныя вещи“ изъ С.-Петербургскаго осаднаго магазина и другихъ казенныхъ мѣстъ собраны и уже размѣщены на новомъ пушечномъ дворѣ въ порожномъ магазинѣ, который „къ тому удобенъ, токмо въ немъ очень темно“, почему и просилъ, чтобы „для способнаго виду и дабы съ улицы входъ въ оный магазинъ былъ, сдѣлать съ улицы ворота“ *).

*) Однако самъ подпоручикъ Миллеръ не считалъ сдѣланное имъ собраніе этихъ предметовъ постояннымъ, такъ какъ въ 1761 году испрашивалъ распоряженія, чтобы состоящую въ его вѣдѣніи коллекцію „какъ нынѣ въ оныхъ нужды не состоитъ, того ради оныя кому надлежитъ приказать принять“.

Это и было *первое помѣщеніе* современнаго Артиллерійскаго Музея.

Въ 1761 году указанная выше коллекція была присоединена къ имуществу арсенала. Число предметовъ стало постепенно увеличиваться и, наконецъ, установился взглядъ, что тутъ при арсеналѣ должно организоваться центральное хранилище памятниковъ артиллерійскаго искусства.

Особенно много предметовъ стало поступать въ половинѣ текущаго столѣтія, при чемъ пріобрѣтались они какъ путемъ систематическихъ специальныхъ изысканій, такъ и путемъ покупокъ.

Особенно большую пользу принесло повтореніе поисковъ памятниковъ древняго вооруженія въ монастыряхъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства. Найденные при этомъ предметы, между которыми оказались единственные въ своемъ родѣ памятники, сдѣлались такимъ образомъ достояніемъ Музея и значительно пополнили пробѣлы въ коллекціяхъ послѣдняго.

Можно положительно сказать, что въ настоящее время Артиллерійскій Музей, обнимая собою исторію артиллерійскаго искусства въ Россіи съ XV по XIX столѣтіе, едва-ли въ отношеніи богатства своего содержанія уступаетъ какому-либо подобному учрежденію Западной Европы.

Въ заключеніе остается сказать, что рассматриваемый Музей, хотя не обладаетъ даже штатнымъ личнымъ составомъ и получаетъ очень скудный денежный отпускъ, въ настоящее время приведенъ въ образцовый порядокъ. Хранимые предметы расположены въ должномъ порядкѣ, позволяющемъ легко прослѣдить, въ возможныхъ предѣлахъ, развитіе каждой отрасли артиллерійскаго искусства. Большинство предметовъ снабжено не только номерами, но и особыми ярлыками, наглядно характеризующими „куріозныя и достопамятныя вещи“. Большимъ облегче-

ніемъ служить научно обработанный „Историческій каталогъ“ *).

Коллекціи музея ежегодно пополняются, при чемъ каждый вновь поступающій предметъ научно описывается.

Остается лишь пожелать, чтобы въ возможно скорѣйшемъ времени былъ также разработанъ и описанъ богатый архивъ, дѣла котораго могутъ дать драгоцѣнный матеріаль въ дѣлѣ изученія матеріальной и технической стороны военного искусства всего XVIII столѣтія.

i

*) Послужилъ главнымъ матеріаломъ для изложенія исторіи Музея. Составленъ завѣдывающимъ музеемъ г.-л. Брандербургомъ, положившимъ много труда и знаній на устройство ввѣреннаго ему учрежденія.

Насколько же были правильны въ прежнее время, взгляды въ дѣлѣ организаціи музея можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ тотъ фактъ, что однажды было отдано распоряженіе, для однообразія, всѣ хранимыя орудія выкрасить въ желтую краску.

Монетная система въ древней Руси.

Первоначально на Руси значеніе монеть имѣли мѣха *). Происходило это отъ того, что послѣдніе обладали довольно устойчивою цѣнностью, а драгоцѣнные металлы имѣлись въ недостаточномъ количествѣ. Золото и серебро получались лишь путемъ торговли, являясь въ положеніи рѣдкаго товара.

Конечно, сразу же выяснилось, что примѣненіе цѣлыхъ мѣховъ при незначительныхъ торговыхъ операціяхъ затруднительно, а поэтому мѣха стали дѣлать на части. Эти отдѣльные куски, въ значеніи меньшей монетной цѣнности, получали разное названіе, а затѣмъ, съ большимъ развитіемъ государственной жизни, стали *клеимиться*.

Съ накопленіемъ же въ странѣ драгоцѣнныхъ металловъ, послѣдніе стали получать значеніе „мѣновой единицы“, при чемъ первой появилась *гривна*, а нѣсколько позже *гривенка*.

Руководствуясь памятниками старины, можно признать, что гривна, въ смыслѣ вѣса, была двоякая: на сѣверѣ, въ Новгородѣ,—тяжелѣе и на Югѣ, въ Кіевѣ,—легче. Повліяли на это тѣ торговые раіоны, съ которы-

*) Это уже вторая степень сношеній. „Купля и продажа, какъ сказалъ Аристотель, начались съ мѣна. Прежде не было монеть и не называлось одно товаромъ, а другое цѣною, но каждый, смотря по надобности въ данное время и смотря по положенію дѣлъ, мѣнялъ на нужное ему то, что было ему не нужно“.

ми приходилось преимущественно вступать въ сношенія. Новгородъ торговалъ съ городами Ганзейскаго союза и свою гривну приравнялъ къ древней германской маркѣ, т. е. къ фунту. Кіевъ же велъ сношенія съ Византіей, а поэтому весьма естественно приравнялъ свою гривну къ греческой „литръ“.

Гривенка первоначально появилась въ Новгородѣ, и также подъ вліяніемъ „нѣмецкой земли“. Тутъ въ XI столѣтіи, кромѣ прежней марки въ 16 унцій, стали появляться новыя марки въ половину указаннаго вѣса. Вотъ этой то маркѣ „Новгородскіе гости“ и вообще торговые люди присвоили названіе гривенки, — что по вѣсу равнялось полуфунту *).

Фунтъ же остается во все послѣдующее время безъ измѣненія.

Равенство Кіевской гривны съ греческою „литръ“ **) особенно подтвердили изысканія Круга.

Кіевъ не распространилъ на сѣверѣ свою гривну, но передалъ Новгороду названіе части ея „золотника“, который, по вѣсу и по имени, является для древней Руси тѣмъ же, чѣмъ для грековъ ихъ золотая монета „solidus“.

Такимъ образомъ, дѣлая повтореніе, можно установить, что наши предки, до появленія настоящихъ монетъ ***), употребляли слитки драгоцѣннаго металла (исключительно серебро)—гривенки, вѣсившія на сѣверѣ — полфунта, а на югѣ — 36 золотниковъ.

*) Такое опредѣленіе было установлено еще Магницкимъ въ его ариметикѣ 1703 года. Имъ указано, что „литръ“ въ 72 золотника вѣситъ $1\frac{1}{2}$ гривенки. По этому опредѣленію, слѣдовательно, гривенка должна составлять 48 золотниковъ.

**) Послѣднее слово иногда и теперь употребляется для опредѣленія 72 золотниковъ пряденнаго золота или серебра, употребляемаго для вышиванія. Шелкъ въ 1678 году въ Москвѣ цѣнился по 12 рублей за литръ. („Дополн. къ Акт. Истор.“, т. VII, стр. 107).

***) Отъ слова „moneta“, замѣнишаго болѣе древнее „numus“, перенятое римлянами отъ сицилійцевъ.

При большой цѣнности такихъ слитковъ немедленно явилась необходимость ихъ дѣлать,—рубить на части. За этими отдѣльными частями поэтому установилось названіе „*рублей*“. За послѣдними затѣмъ признано было значеніе единицы нашей монетной системы.

За рублемъ установилось понятіе, какъ за половиной гривенки, что подтверждается найденными слитками рубля, вѣсившими $21\frac{1}{2}$ —24 золотника *).

Явилась потребность дальнѣйшаго дѣленія рубля. Но такъ какъ куски серебра, носившіе это названіе, имѣли обыкновенно не одинаковой толщины концы, то для болѣе правильнаго дѣленія рубли рубились вдоль, что и дало новое названіе: *полтина*.

Начало же появленія на Руси чеканки монетъ, соотвѣтствующихъ нынѣ установившемуся понятію, можно отнести даже къ XI вѣку, такъ какъ существуютъ золотыя и серебряныя монеты Владиміра Святого, Святополка и Ярослава, но болѣе широкое распространеніе явилось лишь въ XV столѣтіи **). На это указываетъ свидѣтельство Герберштейна, который вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что въ его время (XVI столѣтіе) уже не встрѣчались прежніе рубли ***) , продолговатые куски, вылитые изъ ввезеннаго серебра.

Первыя достовѣрныя монеты, получившія названіе деньги, относятся къ княженію Димитрія Донскаго.

Въ первое время, при своемъ появленіи, деньги очень колебались въ своемъ вѣсѣ, что происходило отъ отсутствія надлежащаго надзора и отъ первобытности техники при выдѣлкѣ монетъ.

*) Меньшій вѣсъ объясняется потерей металла.

**) Насколько это поздно, доказываетъ, напр., уже одно то указаніе, что отдѣльные города греческихъ колоній уже въ IV вѣкѣ до Р. X. заключали договоры о совместной чеканкѣ монеты. Начало же чеканки ученые относятъ ко времени Лидійскаго царя Гигеса (687 г. до Р. X.).

***) Въ понятіи же народа они тогда приобрѣли значеніе мѣры для счета суммъ, вещественнымъ выраженіемъ которыхъ сдѣлалась серебряная монета, — *деньга*.

Надо замѣтить, что первое извѣстіе о количествѣ денегъ (а слѣдовательно и о законномъ ихъ вѣсѣ) относится къ Василию Іоанновичу, отцу Грознаго.

И такъ, съ появленіемъ монетъ до начала XVII столѣтія рубль и полтина постепенно обратились въ счетную монету. Въ этой же счетной монетѣ удержалась гривна и появился алтынъ. Дѣйствительными же монетами стали *деньги* (серебряныя) и *пуло* (мѣдныя), при чемъ средній вѣсъ первой монеты можно признать 18 долей.

Однако, указныи вѣсъ, а также и доброкачественность самой монеты постепенно понижаются. Дѣлалось это отчасти изъ-за финансовыхъ соображеній, а отчасти и по причинѣ отсутствія при великихъ князьяхъ монетныхъ дворовъ: монеты изготовлялись серебряныхъ дѣлъ мастерами, — „денежниками“.

Разнообразіе изображеній на деньгахъ стало окончательно исчезать лишь при Іоаннѣ III, когда былъ установленъ особый для монетъ штемпель. О немъ лѣтопись подъ 1536 годомъ говоритъ: „А при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ бысть знамя на деньгахъ: князь Великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ; а Князь Великій Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: князь Великій на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ; и оттолѣ прозвася деньги копѣйныя“ *).

Вотъ, слѣдовательно, какое было начало современной *копѣйки*.

Конечно, первоначально названіе „деньги копѣйныя“ было установлено народомъ въ отличіе отъ денегъ съ прежними клеймами.

При Алексѣѣ Михайловичѣ значеніе „копѣйки“ было точно опредѣлено и монетная система выразилась такъ: ко-

*) Только съ этого времени, слѣдовательно, въ Московскомъ Государствѣ монеты стали удовлетворять требованію: *In nomismate tria quaeruntur—metallum, figura et pondus. Si ex iis aliquid defuerit, nomisma non erit* („Isidor Hispal Etymol“ XVI, 11—12).

пѣйка равнялась двумъ деньгамъ, а деньга—двумъ полденегамъ.

Но Маржереть, современникъ Лжедмитрія, слѣдовательно еще значительно раньше, называетъ, при исчисленіи ходячей монеты на Руси, серебряныя *полушки*, опредѣляетъ ихъ достоинство въ 4 динарія и утверждаетъ, что онѣ представляли собою половину *Московокъ* и четвертую часть копѣекъ *).

Вообще счетъ былъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій на Москвѣ довольно запутанъ и въ сохранившихся записяхъ можно встрѣтить такія выраженія: „два алтына полтретьи деньги“ (двѣ съ половиною), „алтынъ полпяты деньги“ (четыре съ половиною), „полторы деньги“, „семь алтынъ съ полденежкой“ и т. п.

Мѣдныхъ монетъ, называвшихся, какъ было указано, пулами, видимо изготовлялось очень небольшое количество. Лишь въ Тверскомъ великомъ княжествѣ ихъ чеканили въ XV вѣкѣ очень много. Причина чеканки малаго количества мѣдныхъ денегъ, надо полагать, заключается въ томъ, что при большой дробности серебряной монеты не чувствовалось особой необходимости въ мѣдной. Это подтверждаетъ и Гваньини, который говоритъ: „Въ Московіи есть также мѣдная монета, которая дѣлается только для бѣдныхъ и называется пуломъ“.

Большая часть серебряныхъ денегъ XV вѣка, дошедшихъ до насъ, снабжена вмѣстѣ съ русскою надписью и татарскою. Это доказываетъ, что русскія серебряныя мо-

*) Интереснымъ дополненіемъ къ изложенному является отписка въ 1622 году Можайскаго воеводы Ивана Блогово о выкопанныхъ деньгахъ въ пустошѣ Монакова, въ которой, между прочимъ, написано было слѣдующее „Гришки Бурена въ распросѣ“ показаніе: „А нашли де мы, четверо насъ, со мною съ Гришкою, Иванъ Чеснокъ да Иванъ да братъ его Ермолка въ Можайскомъ же уѣздѣ Государя своего въ Богдановскомъ помѣстьѣ Григорова на пустошѣ на стулковѣ Рогоулинскихъ денегъ двѣнадцать рублей, копѣйки и Московки, а больше де того денегъ не нашли, и тѣ деньги мы, двое насъ съ Иваномъ съ Чеснокомъ, раздѣлили пополамъ по шти рублей“ („Акты Моск. Госуд.“, Попова, т. I, стр. 183).

неты имѣли значеніе въ Ордѣ, получались онѣ тамъ при уплатѣ дани.

Обращаясь теперъ къ опредѣленію размѣра рубля, необходимо напомнить, что первоначально литой рубль равнялся половинѣ гривенки (полуфунту), т. е. 24 золотникамъ.

Когда же была введена монета въ собственномъ смыслѣ этого слова, то въ гривенкѣ можно принять было 225 денегъ.

При Василиѣ Димитріевичѣ размѣръ денегъ уменьшился: изъ той же гривенки стало выдѣлываться уже 254 деньги. Затѣмъ законный размѣръ при Василиѣ Темномъ и его преемникахъ установился въ гривенкѣ—260 денегъ или $2\frac{1}{2}$ рубля. Это продолжалось до малолѣтства Грознаго, когда московское правительство изъ той же гривенки стало дѣлать 300 денегъ или 3 рубля *).

Изъ этого видно, что съ уменьшеніемъ денегъ уменьшался и размѣръ рубля, при чемъ цифра „сто“ была принята въ основаніе размѣра денежнаго рубля при правительницѣ Еленѣ, которой былъ изданъ указъ, что сто денегъ составляютъ рубль **).

Значительныя перемѣны въ монетной системѣ произошли при Алексѣѣ Михайловичѣ. При немъ появилась серебряная монета подъ названіемъ рубля или рублеваго ефимка. Установлены были еще серебряные ефимки цѣною въ 21 алтынъ и 2 деньги и серебряные полполтины, т. е. четвертаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ оставлены въ обращеніи и прежнія серебряныя монеты,—копѣйки и деньги.

Мѣдныя же монеты Алексѣемъ Михайловичемъ были установлены слѣдующія: полтинникъ, алтынникъ, грошевикъ, копѣйка и денга.

*) Тутъ происходило тоже явленіе, которое имѣло мѣсто въ древнемъ Римѣ съ его „асомъ“. Сначала онъ вѣсилъ фунтъ и соответствовалъ обыкновенному фунту, но потомъ постепенно уменьшался и въ послѣднее время Имперіи сохранилъ только $\frac{1}{36}$ часть своего первоначальнаго вѣса.

***) Новгородскій рубль имѣлъ 200 денегъ, но послѣднія были вдвое меньше московскихъ.

Эта система продолжалась, безъ особыхъ радикальныхъ измѣненій, до 1701 года, когда появились первыя гривны, полтины и полуполтинники, а затѣмъ—рубли.

Въ заключеніе остается продолжить указаніе о постепенномъ уменьшеніи цѣнности монетъ. Такъ, при царѣ Василиѣ Шуйскомъ стали выдѣлывать изъ фунта серебра—6 р. 30 $\frac{1}{2}$ к. копѣйныхъ денегъ, при Михаилѣ Теодоровичѣ—8 руб. 77 копѣйныхъ денегъ; при Алексѣѣ Михайловичѣ и до 1697 года—10 рублей 24 копѣйки; съ этого года—10 рублей 84 $\frac{1}{4}$ копѣйки; въ 1698 году—13 руб. 16 $\frac{1}{2}$ копѣйки; съ 1699 года—14 руб. 18 коп., а съ 1704 года—15 руб. 36 коп. Такимъ образомъ изъ сравненія первой и послѣдней приведенныхъ цифръ видно, что размѣръ копѣйной деньги или копѣйки особенно сталъ быстро уменьшаться въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, когда огромныхъ расходовъ потребовали мѣропріятія Петра.

Знамена, какъ памятники древне-русской иконописи.—Иконники Оружейнаго приказа.

Непосредственно съ принятіемъ христіанства установилось на Руси почитаніе иконъ.

Послѣднія первоначально были, конечно, „греческаго письма“, но затѣмъ стали писаться и въ Кіевѣ. Первыми русскими иконописцами, по свидѣтельству лѣтописи (1088 годъ), являются инокъ печерскій Алипій и его сопостникъ Григорій. Оба они учились у греческихъ мастеровъ, прибывшихъ изъ Константинополя для расписыванія храмовъ Печерской обители и другихъ церквей Кіева *).

Конечно не только въ это время, но и значительно позже русскіе иконописцы были все-таки исключеніемъ и лѣтописецъ (1158 годъ), говоря о сооруженіи Владимірской церкви во имя Пресв. Богородицы, замѣчаетъ „подписана чудными живописцами, а мастера быша отъ всѣхъ земель“.

Можно сказать, что русскіе иконописцы, писавшіе лишь по греческимъ и, отчасти, по лично выработаннымъ под-

*) Самыми древними иконами „русскаго письма“ нынѣ признаются „Коппонійскія“, находящіяся въ Ватиканской бібліотекѣ. Иконы эти представляютъ календарь изображеній святыхъ, писанныхъ на пяти доскахъ, образующихъ греческій крестъ. На доскахъ древними славянскими письменами выписаны имена живописцевъ: „Андрей, Ильинъ сынъ“, „Никита, Ивановъ сынъ“ и „Сергій, Васильевъ сынъ“.

Петръ Великій подарилъ эти иконы своему духовнику, греческому священнику Герасиму Фокусу, который увезъ ихъ въ Грецію, гдѣ завѣщаль своему брату. Послѣдній продалъ ихъ маркизу Коппони, а онъ завѣщаль папѣ.

линникамъ, въ значительномъ числѣ появились лишь въ XIV вѣкѣ. Такъ, при указаніи мастеровъ, расписавшихъ церковь Спаса на Бору, встрѣчаются въ большинствѣ русскія имена: Захарій, Денисъ, Іосифъ, Николай и нѣкоторые другіе. Лѣтописецъ вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ: „Начальницы быша рустіи родомъ, а греческіи ученицы“.

Въ началѣ XV вѣка въ Ростовѣ Великомъ упоминаются иконописцы Діонисій и попъ Тимофей, въ Москвѣ—діаконъ Даниилъ, знаменитый монахъ Андрей Рублевъ, старецъ Паисій и многіе другіе „митрополичіи писцы иконъ“.

Въ разсматриваемой отрасли искусства важнымъ фактомъ было прибытіе „на Москву“ изъ Рима царевны Софіи Палеологъ. Вмѣстѣ съ нею прибыло много иноземныхъ людей и въ томъ числѣ значительное число художниковъ. Вліяніе послѣднихъ на существовавшее въ то время иконописание было настолько велико, что появились особыя работы, извѣстныя подъ названіемъ „фряжскихъ“. Стиль этихъ работъ значительно отличался: болѣе мягокъ въ тушеваніи ликовъ и значительно правильнѣе въ разрисовкѣ одежды.

Надо замѣтить, что XVI вѣкъ уже очень богатъ извѣстными мастерами. Они имѣлись въ Псковѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ и особенно въ Москвѣ, гдѣ цѣлый рядъ митрополитовъ,—Симонъ (1510 годъ), Варлаамъ (1521 годъ), Макарій (1564 годъ),—любили иконопись и поощряли ее.

Смутное время на Руси повліяло и на упадокъ иконописи. Лишь съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича она опять начала подниматься на ту художественную высоту, которой достигла въ предшествовавшемъ XVI столѣтіи *).

Почти одновременно съ принятіемъ христіанства и распространеніемъ почитанія иконъ, священныя изображенія стали появляться и на княжескихъ стягахъ: перво-

*) Смутное время уничтожило и всѣ заботы Бориса Годунова, любившаго пышность и роскошь, о распространеніи на Руси вообще искусствъ.

начально лишь въ видѣ одного знаменія креста Господня, а затѣмъ стали помѣщаться еще тѣ священные лики, которые являлись болѣе распространенными на иконахъ. Уже въ Куликовской битвѣ (1380 годъ) „чермный стягъ“ великаго князя Димитрія Іоанновича имѣлъ образъ Владыки Христа.

На знамени Государева полка времени царствованія Василя Іоанновича былъ изображенъ Иисусъ Навинъ. Знамя Іоанна Грознаго подъ Казанью (1552 годъ) было съ ликомъ Всемилоствиваго Спаса. На великомъ же стягѣ (1560 годъ) того же царя имѣлось уже много изображеній *): Спаситель на бѣломъ конѣ, Іоаннъ Богословъ, херувимы и серафимы.

Съ воцареніемъ же дома Романовыхъ какъ число самихъ знаменъ, такъ и количество священныхъ изображеній на нихъ значительно возрасло. Это особенно справедливо относительно царскихъ знаменъ Алексѣя Михайловича.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ, помимо „митрополичихъ писцовъ“, явился въ мастерскихъ палатахъ царскаго дворца цѣлый штатъ особыхъ живописцевъ, менѣе стѣсненныхъ въ своихъ работахъ церковными требованіями. Подчиненные свѣтскимъ лицамъ и тѣсно соприкасаясь съ иноземными „преспективныхъ дѣлъ мастерами“ **), иконописцы Дворцоваго и Оружейнаго приказовъ имѣли возможность значительно шире примѣнять свои личныя способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ безбоязненно

*) См. стр. 20—22 текста.

**) Съ 1643 года по 1655 годъ при Оружейномъ приказѣ имѣлся живописецъ—иноземецъ Иванъ Детерсъ специально для обученія русскихъ. Здѣсь видны зачатки первой на Руси школы иконописанія.

Детерса замѣнилъ иконнаго дѣла мастеръ „Смоленскаго города шляхтичъ Станиславъ Лопуцкій“, пробывшій до 1667 года. Лучшими учениками его были „Ивашка Безминъ и Дорошка Ермолинъ“, умѣвшіе, какъ свидѣтельствуютъ современники, „всякія живописныя дѣла по образцу дѣлать“.

Преемникомъ Лопуцкаго былъ „иноземецъ Данило Бухтерсъ“, подъ вліяніемъ котораго усовершенствовался Симонъ Ушаковъ, одинъ изъ лучшихъ „мастеровъ“ тогдашняго времени.

отступать отъ освященныхъ временемъ древнихъ русско-греческихъ подлинниковъ.

Изложеннымъ и объясняется тотъ фактъ, что на нѣкоторыхъ знаменахъ иконописная работа, по своей художественности и по болѣе усовершенствованной Technikѣ, значительно превосходитъ работу тѣхъ иконописцевъ, которые находились въ вѣдѣніи Митрополичьяго приказа, архіерейскихъ дворовъ и вообще духовенства *), справедливо желавшаго удержатъ иконопись отъ новшествъ, такъ какъ, по условіямъ тогдашняго времени, „отъ невѣрныхъ и иностранныхъ римлянъ и германовъ иконнаго воображенія православнымъ христіаномъ пріимати не подобаетъ; аще ли же по нѣкоему прилучію отъ древнихъ лѣтъ, гдѣ обрящется въ нашихъ странахъ, вѣрныхъ рекше, въ греческихъ или русскихъ и вообразуема будетъ не по расколу церковнаго еже грекомъ съ римляны, и тогда аще зѣло иконное изображение есть по подобію и хитро, поклоненія же имъ не творити, понеже отъ рукъ невѣр-

*) На Стоглавомъ соборѣ (1551 годѣ), между прочимъ, было постановлено (гл. 43): „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ, по церковному совѣту, митрополитомъ и архіепископомъ бречи о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ, паче же о святыхъ иконахъ и живописцѣхъ“. Это требованіе далѣе было пояснено такъ: „Съ превеликимъ тщаніемъ писати и воображати на иконѣхъ и доскахъ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Богоматерь и св. пророковъ и апостолъ, и священномученикъ, и св. мученицъ, и преподобныхъ женъ, и всѣхъ святыхъ по образу и по подобію и по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ и знаменити съ добрыхъ образцовъ“.

Столѣтіемъ позже (въ 1669 году) изложенное было подтверждено особой окружной грамотой, въ которой указывалось писать иконы „по преданію святыхъ и богоносныхъ отецъ по необходимому обычаю святыхъ восточныхъ Церкви, по приличности дѣлъ и лицъ писаны будутъ; всякое же нелѣпіе и неприличіе къ тому да не вообразится“.

Въ 1674 году же патріархъ Іоакимъ приказалъ черезъ бичрича объявить, „чтобъ на бумажныхъ листахъ иконъ святыхъ не печатали и нѣмецкихъ еретическихъ не покупали, и въ рядахъ и цо крестцамъ не продавали; а если сему кто учинится преслушанъ и начнетъ ради корысти своей такими листами впрѣдъ торговать и развращенно неправо печатать, тому быти отъ великихъ государей въ жестокомъ наказаніи, и тѣ продажныя листы вземше безцѣнно истребятъ, а сверхъ того на томъ доправятъ большую пеню“.

ныхъ воображеніи суть; аще по подобію суть, но совѣсть ихъ нечистотѣ подлежить“ *).

Главные отличія въ писаніи изображеній заключаются въ томъ, что живописцы и „иконники“ Оружейнаго приказа, особенно въ періодъ управленія имъ окольничимъ и оружейничимъ Хитрово, значительно меньше употребляли позолоты въ одеждѣ, почти совершенно она отсутствуетъ въ сіяніяхъ, а фигурамъ дается болѣе естественное положеніе и наносятся онѣ менѣе длинными и съ болѣе округленными начертаніями.

Иконописцы работавшіе въ Оружейномъ приказѣ носили разное названіе: московскихъ, городскихъ, жалованныхъ и кормовыхъ. Послѣдніе подраздѣлялись на кормовыхъ большой статьи и малой **).

Число иконописцевъ, работавшихъ надъ однимъ знаменемъ, особенно „на спѣхъ“, было значительно. Такъ, въ 1669 году „въ золотой полатѣ у Государева знамени“ съ 1 по 10 сентября работало иконописцевъ: жалованныхъ—2, кормовыхъ большой статьи—3 и малой статьи —8.

Изъ отдѣльныхъ живописцевъ и иконописцевъ, носившихъ названіе „иконниковъ“, второй половины XVII столѣтія можно указать на слѣдующихъ.

Степанъ Рязанецъ, впервые упоминается въ 1649 году, когда знаменилъ подъ шитье. Изъ болѣе крупныхъ его работъ можно указать: въ 1661 году ***) писалъ три полковыхъ знамени съ изображеніями Св. Николая Чудотворца и Архангела Михаила, въ 1661 году, на-

*) Изъ рукописнаго сборника діакона Алексѣя (1643 годъ) „Изложеніе вкратце, рекше перечень правиламъ апостольскимъ и отеческимъ толкованіе“ (хранится въ Московской Синодальной библиотекѣ).

**) Но въ общемъ всѣ эти категоріи получали содержаніе отъ казны, даже по тогдашнему времени, небольшое. Такъ, за 1657 годъ въ статьяхъ расхода Оружейнаго приказа имѣется записъ: „Степану Рязанцу, Федору Козлову съ товарищи и кормовымъ иконописцомъ Ивану Филатову съ товарищи четверемъ человѣкомъ и Федору Тимоѣеву съ товарищи одиннадцати человѣкомъ всего государева жалованья 12 рублевъ“.

***) За 1657 годъ же въ книгахъ Оружейнаго приказа имѣется такая записъ; „Иконникамъ Степану Рязанцу съ товарищи, для починки знаменъ на мелкую покупку 2 руб.“

ходясь при исполненіи большого наряда знаменъ, росписаль десять сотенныхъ знаменъ и въ 1670 году вмѣстѣ съ Симономъ Ушаковымъ написалъ верховыя иконы. Работы Рязанца цѣнились и Алексѣй Михайловичъ довольно часто его жаловалъ. Между прочимъ, въ 1672 году имъ были получены „фѣрязь камки куфтеру зеленаго и кафтанъ камки куфтеру жаркаго цвѣту“.

Федоръ Козловъ работалъ вмѣстѣ съ упомянутымъ выше Степаномъ; былъ же онъ принятъ въ кормовые по всему челобитью, въ 1652 году, на мѣсто умершаго Прокофія Чирина. Козлову принадлежитъ, довольно художественной работы, иконопись Архангела Гавріила на знамени изъ бѣлой камки (1664 годъ) и Архистратига Михаила на знамени изъ красной камки (1672 годъ).

Станиславъ Лопуцкій находился при Оружейной Палатѣ съ 1653 года, при чемъ сразу обратилъ на себя вниманіе и съ 1656 года, по смерти Детерса, сдѣлался главнымъ руководителемъ иконописнаго дѣла *) и нашелъ для себя сильнаго покровителя въ лицѣ Богдана Матвѣевича Хитрово. Подъ главнымъ надзоромъ Лопуцкаго въ 1659 году были росписаны въ Теремахъ лучшими кормовыми иконописцами десять новыхъ большихъ знаменъ, а въ 1661 году онъ со своими учениками приступилъ къ написанію рейтарскихъ знаменъ. Почти самостоятельно Лопуцкій написалъ въ 1664 году новое Оружейное знамя и въ 1666 году — знамя Гербовое. Онъ былъ жалуемъ очень часто, пользовался разными льготами и даже, не въ примѣръ прочимъ, получалъ иногда право писать Государевы знамена у себя на дому.

*) По государеву указу ему было положено „для его бѣдности“ государева жалованья 20 руб. („Опис. кн. и бум. стар. двор. прик.“, Витторовъ, вып. II, стр. 424). Но въ 1657 году онъ сталъ уже въ мѣсяць получать 10 рублей: „По государеву указу и по приказу боярина князя Григорья Семеновича Куракина съ товарищи, выдано живописцу Станиславу Лопуцкому кормовыя деньги на апрѣль, на май и на іюнь мѣсяцы, по 10 рублевъ на мѣсяць и того 30 рублевъ“.

Иванъ Теофилактовъ сначала былъ московскимъ городовымъ иконописцемъ, при чемъ „съ товарищи“ въ 1653 году написалъ тридцать знаменъ. Въ 1664 году поступилъ въ „кормовые“, но въ мастерскихъ Оружейной Палаты не могъ выдѣлиться и, назначенный состоять при постройкѣ пушечныхъ станковъ, мало-по-малу свелъ свою дѣятельность на окраску древокъ для солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ.

Симонъ Ушаковъ принадлежалъ къ числу выдающихся иконописцевъ XVII столѣтїя. Его работы знатоками древне-русскаго письма цѣнятся до сихъ поръ очень высоко. Онъ принималъ участіе въ росписаніи знаменъ 1660 года; въ слѣдующемъ году написалъ серебромъ кресты на пяти сотенныхъ знаменахъ *). Но главнымъ памятникомъ его иконописной работы является написанное въ 1673 году знамя „въ полкъ думному дворянину и воеводѣ Ивану Савостіановичу большому Хитрово“. Приглашался онъ и для другихъ работъ: „знаменилъ на мушкеты печати, орлы въ клеймахъ и рисовалъ по серебру на ложахъ звѣрей, птицъ и травы“ **).

Иванъ Безминъ впервые обратилъ на себя вниманіе въ 1671 году, когда имъ въ подносъ къ недѣлѣ Св. Пасхи было написано, по образцу существовавшаго шитаго, полковое знамя съ образомъ Спаса; знамя это было затѣмъ пожаловано гетману Самойловичу. Затѣмъ Безминъ работалъ нѣкоторое время въ Иноземномъ приказѣ, а затѣмъ опять въ Оружейномъ, гдѣ его работѣ принадлежали шесть полковыхъ и столько же сотенныхъ знаменъ. Въ 1691 году же имъ художественно было росписано нѣсколько прапоровъ.

*) Имѣется въ расходныхъ книгахъ Оружейнаго приказа, начавшагося съ 1660 года окончательно называться Палатой, слѣдующая записъ: „Иконнику Симону Ушакову 50 листовъ: серебрилъ на пять знаменъ кресты“.

**) Симонъ Ушаковъ часто былъ жалуемъ. Одно его жалованье къ 1676 году достигло 67 руб., суммы очень значительной по тогдашнему времени.

Дорофѣй Ермолаевъ *)), будучи вмѣстѣ съ Иваномъ Безминъ **) ученикомъ Лопуцкаго, сразу выказалъ свои недюжинныя способности и въ 1671 году самостоятельно написалъ полковое знамя съ изображеніемъ Архангела Михаила, затѣмъ имъ было написано восемь сотенныхъ знаменъ, а въ 1679 году— „къ въѣзду Пословъ писалъ по гульфабрѣ, на трехъ хвостахъ, у прапора штаго золотомъ“. Искусство его шло и на росписку древокъ: въ 1671 году „написалъ къ прапору древко тощее, да 80 подъемцовъ деревянныхъ стрѣльныхъ“, а въ 1683 году золотилъ „яблоко рѣзное на гульфабру“ и серебрилъ „древко знаменное“ ***).

Можно предположить, что надъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ работало нѣсколько иконниковъ, при чемъ иноземцамъ давали писать преимущественно свѣтскія изображенія. Выказанное подтверждается слѣдующею записью отъ 12 февраля 1666 года ****): „Велѣно Симону Ушакову писать Спасовъ образъ Еммануиль. Живописецъ иноземецъ Данило Оуктереть писалъ (надо думать на этомъ знамени) живописнымъ письмомъ градъ Ерихонъ“ *****).

Таково было въ древней Руси иконописное искусство ко времени начала преобразованій Петра.

*) Еще иногда присоединялось—Золотаревъ.

**) Въ 1679 году Иванъ Безминъ, между прочимъ, писалъ „на холстахъ къ великаго государя въ хоромы лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ и звѣзды“.

***) Въ большинствѣ случаевъ древки писались травщиками. Поэтому въ расходныхъ книгахъ часто встрѣчаются записи, подобныя слѣдующей: „Травщику Ивану Соловью на олифу 13 алтынъ 2 деньги. Велѣно ему писать въ запасъ знаменныя древки“.

Обособими мастерами левкасились древки. Напримѣръ, въ „Книгѣ расходные Оружейнаго приказа, при сидѣннѣ окольного Богдана Матвѣевича Хитрово, да дьяка Ивана Степанова“ встрѣчается записъ: „Левкащику Ивану на левкасъ, на яйца на 50, на клей мезринной 8 алт. 4 деньги. Велѣно излевкасить два древка знаменныхъ“.

****) „Описан. кн. и бум. стар. дворц. прик.“, Викторовъ, вып. II, стр. 440.

*****) Таковую совмѣстную работу легко замѣтить на многихъ знаменахъ, нынѣ находящихся въ Оружейной Палатѣ. Между прочимъ, отъ 28 февраля 1679 года имѣется записъ: „Живописецъ Петръ Энглесъ писалъ преспективныя письмомъ изъ царственныя книгъ притчу пророка Іезекія съ пророчества“. Тутъ желаніе „преспективнаго письма“ и заставило обратиться къ иконнику изъ иноземцевъ.

Надо, однако, замѣтить, что еще въ началѣ XVIII столѣтія, до переноса Великимъ Преобразователемъ своей столицы въ основанный имъ Петербургъ, — Оружейная Палата продолжала служить для тѣхъ же цѣлей, хотя „при сидѣньѣ“, вмѣсто прежнихъ оружейничихъ, былъ уже „генеральный президентъ и Московскій комендантъ и Сибирскихъ провинцій судія князь Гагаринъ съ товарищи“.

Росписываться же стали въ Оружейной Палатѣ, вмѣсто знаменъ Государева полка, знамена строевыхъ частей. Въ дѣлахъ по денежному расходу за 1706 годъ встрѣчается, на примѣръ, непривычная для прежняго времени запись: выдача жалованья живописцу Григорію Одольскому за то, что онъ „работалъ непрестанно у золоченья и у прописки драгунскихъ и солдатскихъ знаменъ“. Послѣднія же стали не писаться, а раскрашиваться *).

Оно и понятно, такъ какъ на знаменахъ уже не изображались лики святыхъ.

Затѣмъ, послѣ 1711 года стала быстро сокращаться вся вообще дѣятельность Оружейной Палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаться и весь ея личный составъ. Иконники же „съ товарищи и ученики“, сдѣлавшись излишними, постепенно, добровольно или вынужденно, покинули хоромы.

Въ заключеніе остается сказать, что работы такихъ лицъ, какъ Рязанца, Ушакова, Безмина, Ермолаева и нѣкоторыхъ другихъ, ждуть еще изученія, а сохранившіяся знамена ихъ письма являются для этого богатымъ матеріаломъ **).

*) Въ расходныхъ дѣлахъ за 1707 годъ на листѣ 244 запись: „О выдачѣ жалованья за раскраску знаменъ Василию Познанскому“.

**) Важность его обуславливается въ значительной степени еще тѣмъ, что тутъ не могла практиковаться поддѣлка, столь широко развитая для иконъ „стариннаго письма“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Знамена. — Почитаніе ихъ славянами въ языческой періодъ. — Стяги, ихъ происхожденіе и постепенное развитіе. — Появленіе на стягахъ знаменія креста. — Значеніе стяговъ и ихъ числительность. — Великокняжескіе стяги. — Стягъ Дмитрія Донскаго. — На стягахъ священныя изображенія и гербы	9
ГЛАВА II. Замѣна слова „стягъ“ словомъ „знамя“. — Знамена Іоанна Грознаго 1552 и 1560 годовъ; ихъ описаніе. — Порядокъ изготовленія знаменъ. — Знамена періода царствованія Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. — Знамя князя Пожарскаго	17
ГЛАВА III. Знамена при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ. — Постройка новыхъ царскихъ знаменъ; ихъ подробное описаніе. — Воеводскія и сотенныя знамена. — Знамена у иноземцевъ и въ полкахъ иноземнаго строя. — Случай выдачи знаменъ. — Отсутствіе руководящихъ началъ при постройкѣ знаменъ разныхъ категорій. — Появленіе знаменъ съ однимъ крестами. — Матеріалъ для знаменъ и принадлежностей къ нимъ. — Высылка знаменъ въ сотни дворянъ, дѣтей боярскихъ и въ другія категоріи ратныхъ людей. — Установившійся взглядъ на званіе знаменщика	27
ГЛАВА IV. Знамена въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича. — Оружейная Палата и ея мастера. — Болѣе точное подраздѣленіе знаменъ на категоріи. — Большія полковыя знамена 1654 года; ихъ подробное описаніе	39
ГЛАВА V. Западное вліяніе при Алексѣѣ Михайловичѣ при изготовленіи знаменъ. — Причины этому. — Бояринъ и оружейничій Хитрово. — Приливъ иноземцевъ и значеніе ихъ въ мастерскихъ Оружейнаго и Серебрянаго приказовъ. — Принадлежности къ Государевымъ знаменамъ. — Воеводскія знамена; случаи ихъ выдачи. — Сотенныя знамена Государева полка; случаи ихъ выдачи	54
ГЛАВА VI. Изготовленіе 50 знаменъ для сотни Государева полка. — Особенное сотенное знамя. — Сотенныя знамена въ полкахъ бояръ и воеводъ; посылка ихъ въ полки. — Передача знаменъ и возвращеніе	62

ГЛАВА	VII. Описаніе стрѣлецкихъ знаменъ; сохранившіеся образцы.— Знамена у иноземцевъ.—Знамена въ полкахъ солдатскаго строя; описаніе и способы постройки.—Характерныя признаки солдатскихъ знаменъ.—Драгунскія знамена; сохранившіеся образцы	69
ГЛАВА	VIII. Дѣятельность Оружейной Палаты.—Порядокъ постройки новыхъ знаменъ.—Нужныя матеріалы; болѣе привычныя для знаменъ матеріи.—Ассигнованіе денежныхъ средствъ.— Попытка изготовленія шелковыхъ тканей въ Астрахани.— Характеръ порядка постройки знаменъ; изготовленіе къ нимъ принадлежностей.—Храненіе и выдача знаменъ.— Описи; ихъ значеніе	76
ГЛАВА	IX. Значеніе знаменъ; участіе ихъ въ церковныхъ торжествахъ.—Взглядъ на знаменщика современниковъ	88
ГЛАВА	X. Оружейная Палата при Феодорѣ Алексѣевичѣ; личный составъ; приобретеніе матерій.—Порядокъ выдачи знаменъ Государева полка для Крымскихъ походовъ; отпускъ воеводъ.—Выдача знаменъ для Азовскихъ походовъ.—Знамя Морского Регимента.—Описаніе большихъ пѣхотныхъ знаменъ.—Случай выдачи воеводскихъ знаменъ въ концѣ XVII столѣтія.—Постройка сотенныхъ знаменъ; случаи ихъ выдачи.—Полковыя знамена.—Знамена стрѣлецкихъ, солдатскихъ и другихъ полковъ иноземнаго строя	95
ГЛАВА	XI. Знамена особаго рода.—Знамя ясачное; его описаніе.—Прапоры; сфера ихъ присвоенія.—Подраздѣленіе прапоровъ; ихъ описаніе.—Потѣшны прапоръ Кожуховскаго похода.—Прапоры боярина Волынскаго и другихъ воеводъ.—Значки. Знамя Оружейной Палаты	124
ГЛАВА	XII. Разныя категоріи казаковъ.—Знамена городовыхъ казаковъ при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ.—Случай постройки этихъ знаменъ въ Оружейной Палатѣ.— Роль донскихъ казаковъ въ составѣ вооруженныхъ силъ.— Выдача имъ знаменъ при Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ.—Знамя, выданное послѣ бунта Стеньки Разина.—Выдача знаменъ отдѣльнымъ группамъ казаковъ.—Сотенныя знамена у донскихъ казаковъ.—Знамена у лицкихъ и другихъ казачьихъ войскъ.— Особыя знамена для новокрещенъ и татарскихъ мурзъ	134
ГЛАВА	XIII. Образованіе Слободскихъ полковъ.—Ихъ служба и присвоенныя имъ знамена.—Присоединеніе Малороссіи.— Пожалованіе знамени Хмѣльницкому; его описаніе.— Два знамени гетману Брюховецкому.—Пожалованіе гетману Многогрѣшному союзнаго знамени; его описаніе.—Значки казачьихъ войскъ; описаніе двухъ изъ нихъ	144
ГЛАВА	XIV. Знамена городовыхъ и донскихъ казаковъ въ концѣ XVII столѣтія.—Случай выдачи знаменъ; ихъ описаніе; отклоненіе ходатайствъ.—Сотенныя знамена донскихъ и другихъ казаковъ.—Выдачи знаменъ запорожскимъ гетма-	

	намъ.—Описаніе знамени Самойловича; передача его Мазепѣ; отказъ послѣднему въ присылкѣ новаго знамени.—Оставленіе того же знамени и преемникамъ Мазепы.—Сибирскія знамена конца XVII столѣтія	152
ГЛАВА XV.	Гривна—первый по времени знакъ отличія въ древней Руси; свидѣтельства лѣтописи; позднѣйшіе случаи пожалованія.—Пожалованія золотыми и золочеными деньгами; случаи и размѣръ такого пожалованія.—Пожалованія: милостивое слово, наименованіе слугою царскою, похвальная грамота и похвальное слово.—Случаи пожалованія шубами и ферязями, а также кафтанами.—Пожалованіе ратныхъ людей одной матеріей	162
ГЛАВА XVI.	Жалованіе золотою и серебряною посудою.—Разное наименованіе жалованной посуды; описаніе ея.—Бѣдность государевой казны въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича.—Случаи пожалованія при Алексѣѣ Михайловичѣ.—Пожалованіе оружіемъ.—Общій характеръ пожалованій XVII столѣтія разными категоріямъ русской рати	177
ГЛАВА XVII.	Регалии казачьихъ войскъ.—Клейноды Стефана Баторія; ихъ описаніе.—Значеніе клейнодъ при избраніи гетмановъ.—Бобылевъ хвостъ у донскихъ казаковъ.—Пожалованіе Хмѣльницкаго	185
ГЛАВА XVIII.	Статьи московскія съ гетманомъ Брюховецкимъ.—Договорныя статьи съ Мазепой; новый порядокъ пожалованія клейнодъ. — Похвальныя грамоты. — Размѣръ и случаи отправленія казакамъ „жалованія“.—Пожалованія, полученныя Мазепой. — Пожалованія донскимъ атаманамъ и казакамъ.—Булавы вѣн казачьихъ войскъ	191
ГЛАВА XIX.	Начало регулярной арміи.—Знамена полковъ Преображенскаго и Семеновскаго 1700 и 1701 гг.; ихъ описаніе.—Знамена тѣхъ же полковъ 1706 г.; ихъ описаніе.—Разница между прежними и новыми знаменами	202
ГЛАВА XX.	Знамена солдатскихъ полковъ начала XVIII-го столѣтія.—Общій типъ; допущенныя отступленія.—Знамена драгунскихъ полковъ.—Знамена 1707 г. полковъ гвардіи при конномъ ихъ строѣ.—Первая „Инструкція“ о причисленіи знаменъ къ „полковымъ припасамъ“	211
ГЛАВА XXI.	Постановленія „Устава“ о знаменахъ. — Обязанности и права прапорщиковъ.—Случаи выдачи казакамъ знаменъ въ XVIII столѣтіи при Петрѣ Великомъ	223
ГЛАВА XXII.	Офицерскій знакъ, какъ первый знакъ отличія.—Описаніе указанныхъ знаковъ.—Медали; случаи выдачи.—Особыя пожалованія.—Литавры, ихъ значеніе.—Порядокъ чествованія Петромъ графа Апраксина и его войско за взятіе Выборга	228

ГЛАВА XXIII. Характеръ пожалованій казачьихъ войскъ въ началѣ XVIII столѣтія.—Случай выдачи серебряной посуды.—Выбитіе специальной медали.—Случай выдачи грамотъ.—Клейноды.—Заключеніе 235

В Ы Н О С К И.

ГЛАВА		Стр.
I	3
"	II	—
"	III	4
"	IV	7
"	V	—
"	VI	14
"	VII	15
"	VIII	16
"	IX	20
"	X	22
"	XI	32
"	XII	34
"	XIII	38
"	XIV	39
"	XV	40
"	XVI	42
"	XVII	43
"	XVIII	—
"	XIX	45
"	XX	46
"	XXI	48
"	XXII	49
"	XXIII	51

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

	Стр.
№ I. Оружейная Палата	3
№ II. Артиллерійскій Музей	12
№ III. Монетная система въ древней Руси	16
№ IV. Знамена, какъ памятники древне-русской иконописи.—Иконники Оружейнаго приказа	23

